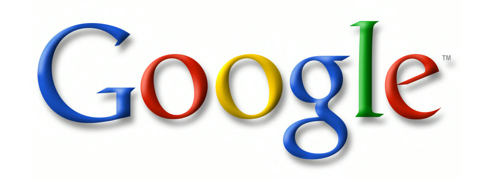

B 833,439
Digitized by Google

А. КЕРЕНСКІЙ

ИЗДАЛЁКА

СБОРНИКЪ СТАТЕЙ

(1920—1921 г.)

РУССКОЕ КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО
Я. ПОВОЛОЦКАГО И Ко.
ПАРИЖЪ

А. КЕРЕНСКІЙ

ИЗДАЛЁКА

СБОРНИКЪ СТАТЕЙ

(1920—1921 г.)

РУССКОЕ КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО
Я. ПОВОЛОЦКАГО И Ко.
ПАРИЖЪ

РУССКАЯ ТИПОГРАФІЯ Е. А. ГУТНОВА
BERLIN S 14, DRESDNERSTRASSE 82-83

ВМѢСТО ПРЕДИСЛОВІЯ.

Три съ половиной года приходилось мнѣ издалека, прислушиваясь къ Россіи, отстаивать на страницахъ иностранной и зарубежной русской печати жизненнѣйшіе интересы Родины, утверждая вмѣстѣ съ тѣмъ великую, непреходящую цѣнность достиженій Февральской революціи и вскрывая передъ общественнымъ мнѣніемъ глубоко-реакціонную сущность не только генеральскаго, но и большевистскаго самовластія.

Писать приходилось урывками, въ водоворотѣ стремительно мчавшихся событій послѣ-военной эпохи, не имѣя возможности остановиться, какъ слѣдуетъ, ни на одномъ изъ выдвигавшихся жизнью вопросовъ.

А, съ другой стороны, общественное сознаніе, отравленное насиліями и кровью жестокой войны, съ какой-то болѣзненной легкостью внимая до грубости упрощеннымъ человѣконенавистническимъ лозунгамъ двуликой, но по существу единой реакціи, казалось не могло или не хотѣло прислушаться къ третьему голосу, вдуматься въ доводы третьяго мнѣнія.

Теперь, мнѣ кажется, эти настроенія проходятъ. Люди все внимательнѣе начинаютъ всматриваться во всю сложность окружающей дѣйствительности и все напряженнѣе искать выхода.

Вообще, по-моему, въ ходѣ россійскихъ послѣ-революціонныхъ событій завершился еще одинъ этапъ большевистской реакціи.

Готовясь вступить въ періодъ новаго соціальнаго и политическаго строительства, нужно съ возможно большей опредѣленностью и точностью представлять себѣ вчерашній день.

Для сужденія объ этомъ «вчера» и мои писанія, можетъ быть, послужатъ кое-какимъ матеріаломъ. Тѣмъ болѣе, что голосъ насъ, людей выброшенныхъ на чужбину, только теперь началъ съ большей или меньшей ясностью доноситься до Россіи.

А. К.

5 - 3 - 1922 г.

P. S. За исключеніемъ одной статьи 1918-го г. и одной 1919-го, въ этотъ сборникъ вошли статьи только изъ написаннаго за послѣдніе два года (1920 — 21 гг.).

I.

Голодъ

Прекратите пытку голодомъ!

Снова, въ обѣихъ столицахъ, какъ въ памятные февральскіе дни 1917 г. выгнанныя толпы голодныхъ женщинъ, дѣтей, рабочихъ и солдатъ, разстрѣливаются опытной рукой полицейскихъ и жандармовъ, именуемыхъ нынѣ чекистами и коммунистами. Снова обезумѣвшая власть пытается натравить уличную толпу на своихъ политическихъ враговъ, твердя на страницахъ своей безстыдной казенной печати: «агитаторы припрятали запасы».

Все, какъ будто, повторяется, но это только такъ кажется издали. Между Россіей 1917 г. и современной Совдепіей — лежитъ цѣлая пропасть трехълѣтней организованной государственной анархіи и безпощаднаго хозяйственнаго разрушенія.

Теперь, никому, никакой власти собственными силами, внутренними средствами страны, не справиться съ послѣдствіями полнаго разложенія всего государственно-хозяйственнаго организма Россіи.

И, увѣренная въ совершенной безвыходности положенія, большевистская печать, какъ бы издѣваясь надъ агоніей вымирающаго населенія, цинично говоритъ — «теперь уже поздно. Ни Учредительное Собраніе, ни свободная торговля, ни даже Богъ не спасутъ!» Нѣтъ, спасетъ самъ себя народъ, если только хватитъ еще у него силъ уничтожить единственный нынѣ источникъ голода, холода и всяческой нищеты — изувѣрскую власть Ленинской опричнины!

«Хлѣбъ и миръ» — обѣщали большевики народу, натравливая его на Учред. Собр., уничтожая всѣ гражданскія свободы и всѣ соціальныя завоеванія февральской революціи.

Такъ гдѣ же этотъ хлѣбъ и гдѣ же этотъ миръ?!

На гражданскую войну и блокаду ссылаются Московскіе самодержцы.

Но вѣдь гражданская война — это и есть «единственный путь для побѣды соціальной революціи!». «Необходимо войну народовъ

превратить въ гражданскую войну классовъ» — провозгласилъ еще въ 1915 г. Ленинъ въ своихъ знаменитыхъ швейцарскихъ «военныхъ тезисахъ».

И съ этимъ лозунгомъ — гражданской войны — явился онъ къ рабочимъ и солдатамъ Петрограда 4 апрѣля 1917 года!

А блокада? Сейчасъ не время и не мѣсто останавливаться, вообще, на всей исторіи блокады Россіи съ самаго начала Великой войны.

Но, сейчасъ весьма умѣстно напомнить и подчеркнуть одно обстоятельство, которое можетъ даже показаться невѣроятнымъ. — Большевики никогда серьезно не стремились добиться дѣйствительнаго снятія блокады, дѣйствительнаго возстановленія торговыхъ и хозяйственныхъ сношеній съ внѣшнимъ міромъ. Уже годъ тому назадъ, торговыя сношенія съ Россіей могли быть возстановлены, если бы только Москва не препятствовала этому, стремясь использовать блокаду и переговоры о ея снятіи для достиженія своихъ агитаціонныхъ цѣлей, ничего общаго съ интересами Россіи и нуждами голодающаго населенія не имѣющихъ.

Больше того, московскіе комиссары трижды воспрепятствовали попыткамъ внѣшняго міра притти на помощь вымирающимъ столицамъ и городамъ сѣверной Россіи. Они помѣшали находящимся заграницей русскимъ кооперативамъ отправить значительныя продовольственныя заготовки въ Петроградъ, въ навигаціонный періодъ 1920 года.

Они отказались воспользоваться могущественной помощью продовольственныхъ организацій Hoover'a, хотя эта помощь предлагалась внѣ всякихъ политическихъ условій, но только съ гарантіей, что пища и одежда дойдутъ дѣйствительно до голодающаго населенія. Также они поступили и съ предложеніями, шедшими отъ международнаго Краснаго Креста.

Отклоняя всякую помощь населенію со стороны, сами большевики, за полтора года своихъ переговоровъ въ Европѣ, якобы, о снятіи блокады ни разу, не возбуждали вопроса о необходимости экстренной помощи голодающему населенію. Напротивъ, они, до послѣдней минуты разсказывали басни о томъ неизсякаемомъ источникѣ всяческихъ даровъ земныхъ, который хлынетъ изъ Россіи и переполнитъ европейскіе рынки лишь только будетъ снята блокада!

Въ то же время они не только тщательно скрывали, что мы вели въ Европѣ рѣшительную кампанію противъ блокады, но упорно изображали насъ въ Россіи защитниками и вдохновителями этой нелѣпой мѣры.

Во имя своихъ личныхъ интересовъ, во имя сохраненія своей власти, большевики сознательно обрекли на всѣ мученія голода и холода, на весь ужасъ медленнаго вымиранія отъ истощенія милліоны русскихъ гражданъ.

Этому долженъ быть положенъ конецъ!

Тамъ, въ Россіи, народныя массы, сознавшія великую цѣнность свободы человѣческой, борются, напрягая послѣднія свои силы съ тиранами, обагренными съ головы до пятъ человѣческой кровью! Борются не только за хлѣбъ, но и за волю. Но этого мало, этого сейчасъ недостаточно, ибо на исходѣ силы народныя! Культурное человѣчество не можетъ оставаться безучастнымъ зрителемъ нечеловѣческихъ страданій. Общественное мнѣніе и правительства Европы и Америки должны прорвать блокаду, которой подвергнуто населеніе русскихъ городовъ по волѣ комиссарской власти. Необходимо сейчасъ же добиться отъ совѣта нар. комиссаровъ немедленнаго пропуска всѣхъ продовольственныхъ грузовъ, питательныхъ отрядовъ, транспортовъ платья, топлива и т. п. въ Петроградъ, Москву и проч. погибающіе города.

Прекратить пытку голодомъ, которой подвергнуты дѣти, подростки и женщины! — это нравственный долгъ культурнаго человѣчества!

1. 3. 1921 г.

Большевистская блокада Россіи.

«Большевики подвергли населеніе русскихъ городовъ голодной блокадѣ» — писалъ я недавно. Нынѣ г. Красинъ весьма опредѣленно подтвердилъ это положеніе. Въ сообщеніи, данномъ имъ 22 февраля 1921 г. рижской большевистской газетѣ «Новый Путь», сказано слѣдующее. «Вопреки постановленію пріобрѣтать (заграницей) лишь необходимыя орудія и средства производства ... приходилось пріобрѣтать многіе товары для пополненія снабженія арміи и выписывать изъ заграницы (для арміи же) такіе товары, какъ ткани, сукно, обувь и др. предметы широкаго потребленія, ввозъ которыхъ въ распублику изъ заграницы не считается допустимымъ, такъ какъ накормить, одѣть и обуть Россію можетъ только она сама» ... Итакъ, голодающему населенію Россіи три года упорно вдалбливается одна мысль: Европа блокируетъ васъ, не допускаетъ въ Россію нужные вамъ, потребителямъ, товары. А въ это же время совѣтъ народныхъ комиссаровъ постановляетъ — никакихъ товаровъ, нужныхъ немедленно обывателю, чтобы одѣться, обуться и хоть немного подкормиться въ Россію не допускать. Какое дѣло творцамъ коммунистическаго строя, что пока они будутъ «выполнять единый импортный планъ» и ввозить машины и оружіе отъ голода вымрутъ милліоны? Вѣдь, если муки голода выгонятъ обезумѣвшихъ рабочихъ, женщинъ и дѣтей на улицу, у совѣтской власти хватитъ ввезеннаго изъ за границы свинца на пули латышскимъ стрѣлкамъ.

«Россія сама себя должна накормить, одѣть и обуть!». — Но когда же это будетъ? — Сейчасъ ничего нѣтъ, ровно ничего! Значитъ нужно въ самой России произвести и накопить необходимые запасы предметовъ широкаго потребленія. Но для того, чтобы произвести ткани, обувь и проч. необходимо сырье, а оно тоже исчезло съ внутренняго рынка. Это сырье нужно тоже сначала накопить. А вѣдь для этого потребуются долгіе мѣсяцы напряженнаго труда и борьбы съ населеніемъ, нежелающимъ свое сырье отдавать въ руки ненавистной власти.

По словамъ г. Красина, главной задачей соотвѣтствующихъ органовъ совѣтской власти и является накопленіе сырья. Но для чего? Внимательнѣй вслушайтесь въ отвѣтъ на этотъ вопросъ г. Красина. Накопленіе нужно для «подготовки такъ называемаго экспортнаго фонда, т. е. такого запаса дерева, льна, пеньки, шерсти, щетины, смолы, нефтяныхъ продуктовъ, табаку, вина и др. товаровъ (не хлѣба-ли?!), которые могутъ найти спросъ заграницей. Этой работой «заняты въ настоящее время органы комиссаріата внѣшней торговли въ контактѣ съ комиссаріатомъ продовольствія»! Нужно-ли еще объяснять жестокій до цинизма смыслъ этого сообщенія представителя совнаркома!..

Свободная торговля воспрещается. Ввозъ изъ заграницы нужныхъ городскому обывателю предметовъ не допускается. А сырье, которое должно было бы одѣть, обуть и накормить гражданъ совдепіи, экспропріируется вооруженными продотрядами у крестьянъ для обмѣна заграницей на военные снаряженію и снабженіе арміи и войскъ внутренней охраны (вохры) для безконечнаго продленія гражданской войны и всякихъ военныхъ авантюръ, вродѣ безстыднаго нападенія на Грузію!..

Военныя обстоятельства, которыми г. г. московскіе комиссары объясняютъ все стремительнѣй развивающійся хозяйственный развалъ Россіи, ими же создаются, ибо правительство гражданской войны, безъ войны жить не можетъ.

Въ кровавомъ ураганѣ закрутили большевики всю Россію и близится часъ, когда захлебнутся они въ братской крови, ими проливаемой.

Не можетъ существовать государственная власть, опирающаяся не на хозяйственно-организующую систему, хотя бы самую первобытную, а на хозяйственную нелѣпость. Блокада голодомъ Россіи неизбѣжное слѣдствіе большевистскаго бунта противъ логики хозяйственнаго развитія. И въ этой нелѣпости неизбѣжность гибели совѣтской власти!

4. 3. 1921 г.

Жатва смерти.

Еще въ началѣ зимы 1920 года «Воля Россіи» писала: «передъ нами продолженіе или обостреніе голоданія нѣсколькихъ милліоновъ населенія въ большевистскихъ городахъ, а острый голодъ, обезсиленныхъ большевизмомъ, десятковъ милліоновъ анти-большевистскаго крестьянства . . . передъ нами перспектива такого же голода и на слѣдующій годъ» *).

Дѣйствительность далеко превзошла это предсказаніе. Не наступила еще осень, а вмѣсто «такого же», какъ въ прошлую зиму голода, огромнѣйшія, плодороднѣйшія площади русской земли охвачены настоящей стихіей голода. Воскресъ во всемъ его ужасѣ черный годъ смутнаго времени. Снова, какъ триста лѣтъ тому назадъ, бросаютъ свои насиженныя пепелища тысячи и тысячи крестьянскихъ семей и бѣгутъ въ смертельной тоскѣ въ разныя стороны, куда глаза глядятъ, питаясь на пути кореньями, листвой и падалью! Гибнутъ безъ счета дѣти и грудные младенцы, судорожно цѣпляясь за высохшія груди матерей своихъ . . . А въ это время безстыжіе, наемные Ленинскіе писаки оповѣщаютъ Европу о томъ, что «деревня живетъ свѣтло и хорошо. Одѣта и обута. Повальное увлеченіе кролиководствомъ, свиноводствомъ, козоводствомъ, и т. д. Кроличье мясо стало любимымъ блюдомъ». И эти воистину, кощунственныя надъ мукой народной строки пишутся въ то время, когда быть можетъ снова, по слову лѣтописцевъ лихолѣтія, станутъ обезумѣвшіе отъ звѣринаго голода люди «поядати», брошенныя по обочинамъ дорогъ «тѣла непогребенныя» **).

Впрочемъ, въ самой Россіи большевики не могутъ и не смѣютъ больше лгать. Они признаютъ, что «разразилось великое несчастье», и требуютъ «самыхъ рѣшительныхъ мѣръ» противъ «громадной волны нищеты, которая неизбѣжно разольется по странѣ». Но какія же мѣры можетъ принять Ленинское правительство противъ неизбѣжныхъ слѣдствій своихъ собственныхъ преступленій и безумій?

Какимъ чудомъ безпредѣльную пустыню давно заброшенныхъ крестьянами полей превратятъ они вновь въ цвѣтущія нивы, если

---

*) „В. Р." № 66. Ст. К. Качоровскаго.

**) В іюлѣ 1921 г. эти слова показались нѣкоторым читателям „слишком преувеличенными", но вот что пишет большев. газета в началѣ 1922 г.

„Крестьяне с'ѣли все, что только можно было с'есть. С'ели последнюю траву, последние коренья. Едят новые. Люди от голода сходят с'ума. Матери убивают своих детей, чтобы не видеть их медленной голодной смерти, кладут в котлы. Умершего ребенка разрубают на куски и . . . Родственники умерших от голода вынуждены ставить на первое время караулы у могил.

Человеческие трупы уже пошли в пищу". („Гудок" № 490).

именно мѣропріятія «рабоче-крестьянской власти» отогнали тамбовскаго, пензенскаго и прочихъ губерній мужика далеко прочь отъ кормилицы земли? Какой «электрофикаціей» наполнятъ они живительной влагой рѣки, озера и балки лѣсныя, если именно свистоплясской Ленинской «коммунизаціи» уничтожены лѣса и перелѣски, разрушены всѣ оросительныя сооруженія?

На какихъ «коврахъ-самолетахъ» доставять большевики голодающему населенію втунѣ пропадающій въ ссыпныхъ пунктахъ Сибири и Кубани хлѣбъ, если именно «ударной» дѣятельностью различныхъ транспортныхъ диктаторовъ всякій транспортъ — желѣзно-дорожный, рѣчной, гужевой — уничтоженъ безъ остатка на всемъ пространствѣ Совдепіи?

Ничего, ровно ничего не подѣлаетъ Москва со стихіей голода. Это ей не дано.

Вмѣсто этого судьба дала совѣтскому правительству право — воплощать въ жизни образы щедринскихъ градоправителей. Вѣдь, только одному Угрюмъ-Бурчееву могла бы придти въ голову геніальная мысль бороться полицейскими мѣрами «со стихійнымъ переселеніемъ» (т. е. бѣгствомъ) крестьянъ изъ неурожайныхъ мѣстностей.

Вѣрноподданные Ленина должны, радостно воспѣвая III Интернаціоналъ, погибать каждый на своемъ мѣстѣ отъ голода, лишь бы «не убить на значительное время возможности планомѣрнаго веденія хозяйства». А чѣмъ не геніаленъ другой, но уже благожелательный къ населенію проектъ плодъ помпадурской мысли?!.. Хлѣбъ на Кубани продать заграничнымъ «акуламъ капитализма». Пусть покушаютъ англо-французскіе «имперіалисты» пшеничнаго русскаго хлѣба! На вырученную валюту купить побольше селедокъ, а эти селедки кружнымъ путемъ привезти петроградскимъ рабочимъ. То-то будетъ радость въ саратовскихъ и самарскихъ деревняхъ!

Конечно, сидящіе въ Москвѣ щедринскіе герои сами лучше всѣхъ понимаютъ безвыходность своего положенія. «Свѣтлое царство соціализма», превратившееся на самомъ дѣлѣ въ буйную, роскошную жатву смерти, вызываетъ въ умахъ московскихъ правителей грозный призракъ грядущей расплаты. Еще недавно со спокойнымъ презрѣніемъ говорилъ Ленинъ о томъ, что для нихъ — вождей соціальной революціи — безразлична гибель милліоновъ людей лишь бы оставшіеся въ живыхъ дожили до соціальнаго переворота.

Но теперь, когда эти милліоны въ судорогахъ своего предсмертнаго отчаянія влекуетъ къ небытію и кремлевскихъ правителей, эти послѣдніе сдѣлались кротки и незлобивы, какъ агнцы. Къ дѣлу помощи голодающимъ они призвали вдругъ представителей русской независимой интеллигенціи, представителей демократической общественности.

Мы знаемъ настоящую цѣну этого жеста. Мы знаемъ, что не въ полумѣрахъ гуманности спасеніе Родины нашей отъ гибели. Но мы знаемъ такъ-же всю нечеловѣческую муку отъ голода гибнущихъ, и поэтому не колеблясь говоримъ: гражданскій долгъ каждаго изъ насъ помочь погибающимъ, какъ онъ можетъ, и позвать съ собой всѣхъ, кто услышитъ!

17. 7. 21 г.

Голодъ.

Прекратите пытку голодомъ!

Такъ писали мы еще четыре мѣсяца тому назадъ, призывая Европу и Америку притти на помощь уже тогда голодавшему русскому населенію. Мы звали общественное мнѣніе и правительства Европы и Америки«прорвать блокаду, которой подвергнуто населеніе по волѣ комиссарской власти», ибо, писали мы, большевики «трижды воспрепятствовали попыткамъ внѣшняго міра притти на помощь вымирающимъ столицамъ и городамъ сѣверной Россіи»..

Теперь голодъ превратился во всенародное стихійное бѣдствіе, безпримѣрное въ исторіи новой Россіи. Какъ ни привыкло человѣчество къ слезамъ, страданіямъ и смерти за долгіе годы войны — оно не можетъ остаться безучастнымъ, холоднымъ зрителемъ самой страшной пытки, которой подвергнуты въ Россіи въ буквальномъ смыслѣ милліоны живыхъ человѣческихъ существъ, милліоны женщинъ и дѣтей — пытки голода.

Не можетъ совсѣмъ угаснуть человѣческая совѣсть — не могутъ остаться безъ отвѣта призывы о помощи, идущіе изъ самыхъ глубинъ большевистскаго ада къ свободному и сытому культурному человѣчеству!

Ужасъ настоящаго заставилъ даже большевиковъ заговорить о морали, о «моральномъ долгѣ» каждаго отдать всѣ свои силы на помощь гибнущему населенію .

Впервые вмѣстѣ съ призывами Максима Горькаго долетѣлъ до Европы чужой большевикамъ голосъ патріарха Тихона, взывающій къ христіанской совѣсти человѣчества!

Мы присоединяемъ нашъ слабый голосъ къ этимъ крикамъ погибающихъ. Мы обращаемся къ людямъ, просто къ людямъ, въ которыхъ не угасло еще чувство любви.

Мы понимаемъ, конечно, что отдѣльнымъ людямъ не справиться съ разразившимся надъ Россіей бѣдствіемъ. Мы понимаемъ, что не справиться съ этимъ насчастіемъ и отдѣльнымъ благотворительнымъ общественнымъ организаціямъ. Помощь должна быть поставлена въ международномъ государственномъ масштабѣ. Обществен-

ное мнѣніе и правительства Европы и Америки должны объединить свои силы и добиться, во что бы то ни стало, отъ совѣта народныхъ комиссаровъ немедленнаго пропуска въ Россію продовольственныхъ грузовъ, питательныхъ и врачебныхъ отрядовъ, транспортовъ платья и т. д. Необходимо добиться полной самодѣятельности для кооперативовъ и общественныхъ организацій въ ихъ борьбѣ съ голодомъ.

Въ этомъ случаѣ особое значеніе могло бы имѣть давленіе рабочей, соціалистической и радикальной Европы.

Русская независимая общественность умѣла почти изъ ничего въ кратчайшій срокъ создавать замѣчательныя организаціи для борьбы съ народными бѣдствіями. Такъ было въ памятный «голодный» 1891 годъ, такъ было въ годы послѣдней войны.

Нужно ей помочь, нужно съ ней связаться и вмѣстѣ съ ней создать единый фронтъ дѣйственной любви и человѣчности!

Прекратите же эту пытку голодомъ.

19. 7. 1921 г.

Причины катастрофы.

Сами большевики вынуждены признать, что не только въ засухѣ источникъ небывалаго за триста лѣтъ бѣдствія, постигшаго нынѣ русскій народъ. Вѣдь бывали и раньше засухи по два, по три года подрядъ. Бывали и раньше слѣдовавшіе другъ за другомъ голодные годы. Бывало и раньше, что неурожай поражалъ сразу огромныя площади европейской Россіи.

Все это бывало, но за весь новый періодъ исторіи не переживала Россія ни разу катастрофы, напоминающей нынѣшнюю.

Почему? Не потому ли, что въ Россіи четвертый годъ свирѣпствуетъ нелѣпый, выдуманный Ленинымъ и его сподручными, коммунистическій строй? — Нѣтъ, отвѣчаютъ большевики, ничего подобнаго. «Имперіалистическая война, блокада и гражданская междоусобица — вотъ причины, превратившія обыкновенную голодовку въ государственное непоправимое бѣдствіе» — такъ говорятъ большевики. Посмотримъ, насколько эти объясненія правильны.

Война «имперіалистическая» началась осенью 1914 года. Она кончилась повсюду перемиріемъ 11 ноября 1918 года. Но только Россія продолжаетъ вести до сего дня внѣшнія войны. Только Россія неустанно мобилизуется, милитаризуется, обороняетъ «красное» отечество. Кто же несетъ за это отвѣтственность? Развѣ въ Россіи у власти не тѣ же самые большевики, которые во имя немедленнаго мира подняли знамя бунта противъ всенародной революціи и начали гражданскую войну?

Да, война была величайшимъ народнымъ бѣдствіемъ, но почему же площадь запашекъ сократилась въ Россіи за все время вой-

ны на 6½%, а за одинъ 1918 годъ — на 30%? Вѣдь блокада существовала въ 1914—17 годахъ въ той же степени, какъ и въ 1918 г.

Очевидно, была какая-то, кромѣ войны и блокады, дополнительная причина, сразу разрушившая сельское хозяйство и дѣйствующая до сихъ поръ. Ибо засѣвная площадь нынѣшняго года едва достигаетъ 20% довоенной нормы!

— Эта причина, говорятъ большевики, — «навязанная» имъ гражданская война. Да, Стекловъ такъ и пишетъ въ «Извѣстіяхъ» отъ 16 іюня: — «навязанная намъ гражданская война». Эту же мысль постоянно повторяютъ теперь всѣ «вожди соціальной революціи» во главѣ съ Ленинымъ, стараясь свалить на чужую голову всю отвѣтственность за постигшія Россію бѣдствія.

Навязанная гражданская война! Но кто же навязалъ ее г. г. большевикамъ? Развѣ не Ленинъ, еще сидя въ Швейцаріи, писалъ.

«Нужно имперіалистическую войну народовъ превратить въ гражданскую войну классовъ».

Развѣ не Ленинъ, пріѣхавъ въ Россію провозгласилъ лозунгъ.

— «Миръ — на фронтѣ, война — въ тылу»?

Развѣ не большевики, пользуясь всѣми правами свободныхъ гражданъ въ демократическомъ государствѣ, подготовили и начали ту самую междоусобицу, отъ которой теперь открещиваются?

Насиліе меньшинства надъ большинствомъ, уничтоженіе всякой самодѣятельности населенія и всякихъ свободъ, какъ буржуазныхъ предразсудковъ, безпощадный терроръ — вотъ начало и конецъ всей государственной мудрости губящихъ Россію фанатиковъ и изувѣровъ. Система насилія проводилась московскими диктаторами не только въ политической, но и въ экономической области, неуклонно и неустанно.

«Мы не имѣли конкурентовъ, мы не терпѣли конкурентовъ, мы ихъ всегда убивали, умерщвляли, путемъ реквизицій, конфискацій и т. д., даже въ томъ случаѣ, если конкуренты были болѣе талантливы и толковы» — такъ характеризовалъ Рыковъ экономическую мудрость коммунистическаго государства, открывая недавно съѣздъ совнархозовъ.

А теперь, когда въ судорогахъ голода гибнетъ Россія, центральный комитетъ коммунистической партіи обращается съ мольбой о помощи не только къ интеллигенціи, но и къ «благомыслящей» буржуазіи. ВЦИК создаетъ чрезвычайную комиссію для переговоровъ съ общественными дѣятелями и писателями о совмѣстной работѣ. И во главѣ этой комиссіи ставится уже не Троцкій или Дзержинскій, а «пріемлемый» Каменевъ. Точь въ точь, какъ при царѣ, когда для того, чтобы смягчить думскую оппозицію, выталкивали впередъ Кривошеина.

Въ Москвѣ создается для борьбы съ голодомъ комитетъ независимыхъ общественныхъ дѣятелей, а въ Европу, въ капиталистическую Европу шлютъ чрезвычайнаго посла Максима Горькаго.

Всѣ, кто можетъ, должны итти и отдать свои силы на борьбу съ голодомъ, на спасеніе погибающихъ. Но это не разрѣшаетъ основного вопроса. Должна быть уничтожена основная причина катастрофы. Долженъ быть уничтоженъ самый источникъ гибели, разрушенія и смерти.

Этотъ источникъ — самовластіе московскихъ насильниковъ.

Этотъ источникъ — безправіе, рабство народа.

23. 7. 21 г.

Размѣры бѣдствія.

Недавно въ «В. Р.» (№ 260) была напечатана карта распредѣленія ожидаемаго въ Россіи урожая. Карта эта сама по себѣ даетъ подавляющую картину разразившейся катастрофы.

Всѣ вывозящія хлѣбъ губерніи уже сейчасъ не имѣютъ хлѣба даже для себя. Бѣженцы съ Поволжья, просящіе хлѣба въ Москвѣ или Владимірѣ, продовольственные поѣзда, охраняемые легкой артиллеріей и пулеметами, — факты, достаточно сами по себѣ говорящіе.

Сейчасъ стоитъ передъ всѣми нами единственный вопросъ: можно ли спасти милліоны жизней отъ неизбѣжной смерти силами и средствами только одной Россіи, можно ли сейчасъ спасти Россію отъ окончательнаго разрушенія безъ планомѣрно, въ государственномъ масштабѣ, организованной международной помощи? Отвѣчаю прямо: — нѣтъ невозможно.

На 4-й годъ большевистскаго царствованія Россія въ вопросахъ хозяйственнаго обмѣна приближается въ гораздо большей степени къ Московской Руси 1613 года, чѣмъ къ императорской Россіи даже начала XIX вѣка. Лишенная своихъ европейскихъ портовъ и здоровыхъ экономическихъ связей съ вновь образовавшимися на западныхъ окраинахъ государствами, Европейская Россія благодаря разрушенному гражданской войной транспорту фактически оторвана въ хозяйственномъ отношеніи отъ своихъ кавказскихъ, сибирскихъ и среднеазіатскихъ провинцій.

Впрочемъ, въ житницѣ Кавказа — Кубани — полный неурожай, Туркестанъ даже въ свои лучшіе годы собиралъ всего 33—34 мил. пудовъ зерна и жилъ привознымъ хлѣбомъ. Остаются — Западная Сибирь и степныя области. Отсюда можно вывезти нѣкоторое количество хлѣба для голодающихъ. Но для этого нужно, во-

первыхъ, возстановить и наладить транспортъ, что невозможно домашними «коммунистическими» средствами, а, во-вторыхъ, необходимо получить этотъ хлѣбъ у сибирскихъ крестьянъ, для чего нужны нѣкоторыя политическія предпосылки, сейчасъ въ обиходѣ совѣтскаго государства не обнаруживаемыя.

Однимъ словомъ, Европейская Россія, если не будетъ скорой внѣшней помощи, должна будетъ справиться съ голодомъ своими собственными средствами. Что же можетъ дать въ дѣйствительности грядущій «урожай»? Средній въ послѣднее до войны пятилѣтіе урожай зерна по всей Европейской Россіи исчислялся въ 3 милліарда пудовъ.

Насколько помню, въ 1916—17 году площадь запашки упала на 6—7%, а урожай былъ немного менѣе 2½ милліардовъ пудовъ.

Съ тѣхъ поръ площадь запашки при большевикахъ все время стремительно падали. Но будемъ оптимистами и признаемъ, что площадь запашекъ 1921 г. сократилась не больше, чѣмъ на 50%. Допустимъ также, вопреки очевидности, что производительность земли не уменьшилась, и съ десятины снимается теперь то же количество ржи, пшеницы, или овса, что и до большевиковъ. При этомъ завѣдомо преувеличенныхъ въ благопріятную сторону условіяхъ, средній урожай 1921 года могъ бы дать въ центральной Россіи и Украинѣ около 1½ милліарда пудовъ. Обыкновенно, 44—46% урожая давали 11 губерній Юга Россіи (Новороссія, Донъ и Украина). Отъ 35 до 40% урожая падало на черноземную полосу центральной Россіи и Поволжья. Въ общемъ, въ перечисленныхъ производящихъ хлѣбъ областяхъ Россіи собиралось до 80—85% урожая. Какъ разъ всѣ эти области (за исключеніемъ четырехъ) поражены полнымъ неурожаемъ. Губерніи же кіевская, новая гомельская, черниговская и волынская, гдѣ ожидается средній урожай, не были вывозящими хлѣбъ губерніями на югѣ.

Если еще принять во вниманіе, что во всѣхъ потребляющихъ центральныхъ губерніяхъ, урожай ниже средняго, то при самыхъ оптимистическихъ расчетахъ урожай нынѣшняго года въ Европейской Россіи не дастъ болѣе 500—600 милліоновъ пудовъ вмѣсто нормальнаго сбора въ 2—3 милліарда!

Но при охватившей населеніе паникѣ все, что можно будетъ скрыть изъ прежняго запаса и новаго урожая, закопать въ ямы, будетъ скрыто и закопано. Уже сейчасъ, въ районахъ, гдѣ еще есть хлѣбъ очень не гостепріимно, а иногда и враждебно встрѣчаютъ бѣженцевъ изъ голодающихъ областей. Тѣмъ болѣе населеніе не отдастъ добровольно своего хлѣба въ распоряженіе ненавистной ему большевистской власти.

Никакое несчастіе, никакое бѣдствіе, никакая самая кровопролитная война не можетъ сравняться съ этимъ ужасомъ совершен-

наго исчезновенія хлѣба въ странѣ съ 100-милліоннымъ населеніемъ. Милліонамъ грозитъ въ прямомъ смыслѣ этого слова — смерть!

Вопросъ о существованіи или нѣтъ въ Россіи большевистскаго самовластія цѣликомъ поглощенъ другимъ вопросомъ и въ немъ растворился безъ остатка.

Быть или не быть Россіи?!

Быть! А для этого нужно всѣмъ ее спасать.

Ни любви къ родинѣ, ни чувства состраданія къ гибнущимъ, ни совѣсти нѣтъ у тѣхъ, кто судорожно хватается въ Кремлѣ за свою власть. Но есть животный страхъ передъ грядущей расплатой, и этотъ страхъ неизбѣжно заставитъ ихъ вернуть народу русскому ту свободу самодѣятельности, безъ которой также не возможно спасеніе, какъ и безъ немедленной иностранной помощи!

Объ этой помощи уже говоритъ само совѣтское правительство въ своемъ обращеніи къ правительству С.Ш. «Умоляя» спасти русскій народъ отъ голодной смерти, Ленинъ обѣщаетъ: «распредѣленіе продовольствія, контроль надъ распредѣленіемъ и всѣ организаціи, которыя понадобятся для дѣла спасенія, будутъ переданы совѣтскимъ правительствомъ американскимъ органамъ. Эти органы во время работы спасенія будутъ пользоваться полной неприкосновенностью въ Россіи и всевозможной свободой».

Да, свобода, это единственный путь спасенія и возрожденія государства. Свобода для русскаго народа, для русскихъ гражданъ, а не только для американцевъ-благотворителей. Эта свобода придетъ въ очищающемъ огнѣ великихъ страданій и великой любви къ погибающимъ!

Сегодня же вопросъ не о способахъ борьбы за свободу, а о средствахъ скорѣйшаго спасенія нашихъ братьевъ отъ голодной смерти, вопросъ о сохраненіи самаго бытія Россіи.

Америка и Западная Европа должны итти въ Россію для борьбы съ голодомъ, ставя только такія условія, какія необходимы для успѣшнаго выполненія этой и только этой задачи.

26 VII 21 г.

Неправильные расчеты.

Свѣдѣнія о голодѣ и полномъ развалѣ экономической жизни Россіи рисуютъ страшную картину смерти, вѣрнѣе, убійства цѣлой страны.

Совершенно ясно, что своими собственными силами Россія бороться съ голодомъ не можетъ. Только международная помощь,

организованная въ самомъ широкомъ масштабѣ, явится дѣйствительнымъ средствомъ борьбы.

Ясно это всѣмъ. Ясно и самому совѣтскому правительству. Настолько ясно, что тѣ самые его представители и учрежденія, которые вчера еще вели за счетъ русскаго народа войну противъ «буржуазіи всего міра», сегодня растерянно и униженно взываютъ къ состраданію «капиталистическихъ» правительствъ и умоляютъ о хлѣбной «интервенціи».

Поскольку мы убѣждены въ томъ, что только международная продовольственная помощь можетъ облегчить бѣдствія текущаго года коренным образомъ, улучшить положеніе къ будущему урожаю, мы должны способствовать всѣми нашими силами, чтобы помощь эта Россіи была оказана.

Но не надо при этомъ убаюкивать себя иллюзіями. Правительственный аппаратъ Россіи расшатанъ до послѣдней крайности. Коммунистическая партія потратила четыре года на полное удушеніе самодѣятельности русскаго народа и превратила совѣтскую власть во власть исключительно полицейскую.

Этотъ полицейскій характеръ совѣтской власти и является однимъ изъ главныхъ, если не единственнымъ, достоинствомъ ея въ глазахъ заграничныхъ правительствъ и буржуазіи.

Господствовавшій раньше взглядъ, что въ Россіи есть только двѣ силы, которыя могутъ держать ее въ ежовыхъ рукавицахъ и водворить какой бы то ни было порядокъ — большевизмъ и реакція — потерпѣлъ нѣкоторое видоизмѣненіе.

Реакція бита. Ея безобразія, приведшія къ крушенію всѣхъ ея плановъ, были продемонстрированы съ достаточной яркостью. Изъ столкновенія двухъ силъ побѣдителемъ вышелъ большевизмъ.

И въ заграничномъ представленіи коммунистическій строй постепенно принялъ форму, хотя и отвратительнаго, насильственнаго, но все-таки... «порядка.»

И теперь, въ дни тяжелыхъ испытаній Россіи, очень и очень многіе возлагаютъ на полицейско-большевистскій правительственный аппаратъ черезчуръ большія надежды.

За него готовы цѣпляться, какъ за послѣдній оплотъ противъ стихійной анархіи.

Существуетъ убѣжденіе, что съ окончательнымъ крахомъ созданнаго большевиками полицейскаго аппарата, рухнутъ послѣдніе остатки организованности, и русскій народъ превратится въ распыляющуюся, буйствующую, предоставленную самой себѣ анархическую массу.

Не говоря уже о сугубой предвзятости подобнаго мнѣнія о русскомъ народѣ, нельзя не указать, что даже совѣтская власть признала свое безсиліе въ борьбѣ съ голодомъ и эпидеміями и зоветъ на помощь уничтожавшуюся ею... общественность!

«Главная слабость работы, сказалъ ещё 30-го мая предсѣдатель ВЦИК'а — Калининъ, заключается въ томъ, что она по большей части исходитъ отъ правительственныхъ органовъ, между тѣмъ какъ здѣсь должна была бы развернуться широкая общественная работа.» («Извѣстія» 31 мая).

Большевики употребили немало усилій, чтобы создать видимость общественности.

Эти попытки большевиковъ говорятъ яснѣе всякихъ словъ о признаніи большевиками своей несостоятельности.

И, дѣйствительно, радіо изъ Москвы сообщаетъ, что топливный кризисъ и связанный съ нимъ параличъ желѣзныхъ дорогъ, можетъ повлечь за собой полное крушеніе хозяйственной жизни.

Радіо говоритъ и о причинахъ этого паралича и кризиса: — «безграничная анархія и коррупція.»

Статьи «Извѣстій» эпически повѣствуютъ о «саботажѣ милліона совѣтскихъ чиновниковъ», не желающихъ примѣниться ни къ новымъ условіямъ жизни, ни къ новому законодательству.

Анархія, безудержная анархія, уже царитъ въ странѣ. Послѣдніе остатки промышленности и техники уже разрушены.

Гражданская война, ни на минуту не прекращается. Именно большевики съ ихъ полицейскимъ аппаратомъ являются одной изъ главныхъ, первоначальныхъ причинъ всего развала русской жизни.

И какъ бы ни было велико желаніе утѣшать себя надеждой, (какъ это замѣчается въ нѣкоторыхъ иностранныхъ кругахъ), что отвратительный большевистскій строй — эта организованная анархія — все же лучше, чѣмъ то, что ,по мнѣнію этихъ круговъ, явится ему на смѣну, нельзя не видѣть, что большевизмъ идетъ къ неизбѣжному крушенію.

Это должна понять та Европа, которая послѣ провала поддерживавшейся ею въ Россіи реакціи поставила свою ставку на большевизмъ, какъ на полицейскую силу.

Эта ставка тоже бита.

Помогая сейчасъ же, немедленно при совѣтской власти голодающей Россіи, Европа должна вмѣстѣ съ тѣмъ ясно видѣть уже начавшееся крушеніе большевизма и принять всѣ мѣры къ тому, чтобы его исчезновеніе не было осложнено новыми авантюрами темныхъ силъ.

27. 7. 21 г.

По существу.

Нужно поставить всѣ токи надъ і. Нужно объяснить по существу наше отношеніе къ способамъ и средствамъ борьбы съ голодомъ въ Россіи при существованіи тамъ большевистскаго самовластія, непримиримыми врагами котораго мы были, есмь и всегда будемъ.

Господа справа уже ехидно подчеркивають наше «примиренчество», «соглашательнтво». Они видятъ въ голодѣ лишь предлогъ, лишь поводъ съ нашей стороны подъ флагомъ человѣколюбія провести политическую кнотрабанду «сговора съ большевиками».

Съ другой стороны, сами большевики даже въ нашемъ требованіи — дѣйствительныхъ гарантій справедливаго распредѣленія помощи между всѣмъ пострадавшимъ населеніемъ — видятъ сугубую политику. «Маленькое словечко» — контроль — казенные московскіе публицисты называютъ «ядомъ», «мышьякомъ», которымъ мы заранѣе хотимъ отравить все дѣло международной въ государственномъ масштабѣ организаціи борьбы съ голодомъ.

Обвиненія въ стремленіи согласиться съ большевиками, содѣйствовать имъ, вести на этой почвѣ «двойную игру» — всѣ эти обвиненія выдвигались противъ насъ, съ одинаковымъ успѣхомъ, и по поводу нашей борьбы съ бѣлыми генералами, и во время нашей кампаніи противъ блокады, и т. д.

Дѣйствительно, какъ тогда, такъ и теперь мы остаемся рѣшительными противниками вмѣшательства иностранцевъ въ нашу гражданскую войну, во внутреннюю политическую борьбу русскаго народа.

Сверхъ того, въ данномъ случаѣ, въ разразившемся въ результатѣ большевистской диктатуры стихійномъ бѣдствіи мы видимъ такую еще небывалую угрозу самому національному бытію Россіи, что считаемъ недопустимымъ какое бы то ни было промедленіе въ организаціи борьбы со страшнымъ несчастіемъ.

Мы никогда не подчиняли коренныхъ интересовъ націи какимъ бы то ни было, хотя бы и весьма существеннымъ и съ нашей точки зрѣнія справедливымъ, интересамъ политической борьбы.

Въ этомъ вопросѣ мы никогда не слѣдовали и не послѣдуемъ примѣру монархистовъ и ихъ наслѣдниковъ — большевиковъ.

Сейчасъ во время голода мы по отношенію къ большевикамъ занимаемъ ту же позицію, какую во время войнѣ мы занимали по отношенію къ правительству Распутина...

Но на какомъ основаніи могли бы возмущаться и негодовать большевики, если-бы даже мы рѣшили, вульгарно выражаясь «использовать» всенародное бѣдствіе, для нанесенія съ помощью иностранцевъ предательскаго удара по Россіи во имя побѣды надъ господами народными комиссарами?!

Вѣдь въ подобномъ случаѣ мы повторили бы лишь съ буквальной точностью всю ленинскую тактику 1917 года.

Нѣтъ, мы не повторимъ «отвратительной спекуляціи на народныя бѣдствія», свидѣтельствующей о полномъ «нравственномъ разложеніи» тѣхъ, кто прибѣгаетъ къ подобнымъ способамъ

борьбы. Именно, такъ характеризуетъ большевистскій публицистъ бурцевскую попытку «спекуьнуть» на голодѣ также, какъ Ленинъ «спекульнулъ» въ свое время на войнѣ.

Но отказъ отъ большевистскихъ отвратительныхъ способовъ завоевывать власть, «углубляя» и расширяя пропасть, раскрывшуюся передъ цѣлымъ народомъ, вовсе не означаетъ безразличія ко всему тому, что происходитъ въ Россіи — ни къ борьбѣ съ насиліемъ, ни къ борьбѣ съ голодомъ.

Голодъ и большевистское кровавое безуміе связаны между собой, какъ Сіамскіе близнецы. Ибо съ послѣдствіями засухи и неурожаемъ Россія справилась бы, если бы... «въ связи съ продразверсткой не произошло бы страшнаго сокращенія площади засѣва почти на 25 милліоновъ десятинъ». Такъ оффиціально заявилъ Каменевъ («Правда», 20 іюня), Но этотъ же Каменевъ сказалъ нѣчто, гораздо болѣе серьезное.

Большевистскій оффиціозъ для Европы «Новый Мир» (№ 147) возмущается тѣмъ, что «клевеща» и «инсисуируя» на совѣтскую власть, русскіе эмигранты («контръ-революціонеры» — эс-эры, учредиловцы и милюковцы) «изволите видѣть, по обыкновенію очень боятся, что комиссары не все отдадутъ голоднымъ».

Нѣтъ, это «клевещемъ» не мы: самъ г. Каменевъ вскрываетъ неосторожно домашніе секреты.

Онъ утверждаетъ, что накормить всѣхъ невозможно, но важно накормить своихъ.

«Когда эти 20 тысячъ пролетаріевъ на крупныхъ фабрикахъ Москвы будутъ знать, что они обезпечены, что они могутъ быть спокойны за свои семьи, тогда у насъ будетъ та партія, съ которой мы побѣдимъ».

Вотъ во всей обнаженности дѣйствительное единственное отношеніе правящихъ большевиковъ ко всенародному бѣдствію.

Они будутъ подкармливать населеніе, кормить же будутъ своихъ: партійцевъ, комиссаровъ, чекистовъ, курсантовъ, «вохру» и т. д. Прикрываясь разсужденіями о «моральномъ долгѣ», о «патріотическомъ порывѣ», о «безпартійности совѣтской власти» гг. Ленины и Каменевы будутъ попрежнему всѣми интересами гибнущихъ массъ, всѣмъ будущимъ народа жертвовать во имя своихъ партійныхъ интересовъ, своего властолюбія. Вотъ почему нужны гарантіи и контроль.

Кромѣ того, «безграничная анархія, развращенность и неисполненіе приказовъ правительства», какъ характеризуютъ состояніе своей администраціи Каленинъ и Ленинъ; совершенное недовѣріе населенія къ изолгавшейся власти; ненависть крестьянства къ «коммунѣ», какъ сказалъ тотъ же Калининъ; саботажъ совѣтской власти десятками ея же чиновниковъ — вся эта кошмарная дѣйствительность Совдепіи дѣлаетъ требованіе особыхъ гарантій, осо-

баго контроля того, что продовольственная международная помощь дѣйствительно дойдетъ до голодающаго населенія, — неотложнымъ и обязательнымъ.

Именно, во имя всенародности и внѣпартійности борьбы съ голодомъ, нужно спасти населеніе отъ всѣхъ послѣдствій ленинской политической спекуляціи на голодѣ, на жизни и смерти многихъ милліоновъ живыхъ, страдающихъ, ни въ чемъ неповинныхъ человѣческихъ существъ.

28. 7. 21 г.

Помощь Америки.

Вчера «В. Р.» опубликованъ отвѣтъ Хувера Максиму Горькому, содержащій условія, на которыхъ «Американская Администрація Помощи», «А. А. П.»,—та самая, которая во время войны кормила Бельгію и теперь еще кормитъ милліоны въ Европѣ, — готова помочь голодающему главнымъ образомъ дѣтскому населенію Россіи.

Условія Хувера — полная свобода передвиженія по всей Россіи представителей «А. А. П.», право организовать необходимые мѣстные комитеты и мѣстную помощь безъ всякаго правительственнаго вмѣшательства, свобода перевозки транспортовъ и организаціи складовъ, гарантіи для лицъ, опекаемыхъ А. А. П.; полученія обычныхъ пайковъ, гарантія невмѣшательства со стороны совѣтскихъ властей въ свободу дѣйствій членовъ А. А. П. — всѣ эти условія и гарантіи цѣликомъ совпадаютъ съ тѣми, которыя мы выдвигаемъ и выдвигали, какъ обязательныя для самой возможности организовать помощь Россіи международными силами.

Мы требуемъ, во имя спасенія милліоновъ жизней, немедленнаго принятія Москвой этихъ условій Хувера, содержаніе которыхъ, однако, не торопятся огласить ленинскіе оффиціозы и агентства.

Нельзя допустить, чтобы повторилась вновь прошлогодняя исторія, когда А. А. П. «выразила готовность оказать эту услугу въ силу простой гуманности, абсолютно внѣ какихъ бы то ни было политическихъ, соціальныхъ и религіозныхъ мотивовъ», и когда эту услугу отклонила по политическимъ основаніямъ совѣтская власть.

Объ этомъ своемъ прошлогоднемъ предложеніи Хуверъ напоминаетъ сейчасъ въ своемъ отвѣтѣ Горькому, умалчивая, конечно, по понятнымъ причинамъ, о несчастномъ для голодающей Россіи исходѣ своей инициативы.

Объ этомъ гнусномъ поступкѣ большевиковъ мы своевременно писали. Мы писали этой зимой, что необходимо, вопреки

злой волѣ гг. Лениныхъ, прорвать голодную блокаду, которой они окружили русскую трудящуюсю массу. Трижды, писали мы тогда, отказались большевики по политическимъ соображеніямъ отъ нейтрально организованной помощи — отъ предложенія Хувера отъ попытокъ проникнуть въ Россію Международнаго Краснаго Креста и отъ осуществленія плана снабженія Россіи продовольствіемъ русской кооперацiей, находившейся заграницей.

Тогда безстыдные большевистскіе писаки цинично заявили, что мы «клевещемъ» на совѣтскую власть, и что такихъ случаевъ никогда не было. Пустька теперь опровергнутъ они Хувера, въ рукахъ котораго жизнь и смерть сотенъ тысячъ русскихъ дѣтей!

До послѣдняго времени большевики пытались скрыть отъ Европы страшную правду о голодѣ. Они отлично сознавали, что эта правда будетъ послѣднимъ, роковымъ ударомъ по ихъ авторитету среди пролетарскихъ и радикальныхъ круговъ Запада. И вотъ 22 іюля оффиціальное совѣтское телеграфное агентство — «Роста» — циркулярно по всей Европѣ разсылаетъ статью, въ которой говорится слѣдующее: «Если отдѣльныя мѣстности и застигнуты неурожаемъ, то республика во всемъ ея составѣ не будетъ страдать болѣе, чѣмъ въ прежніе годы...» И какъ бы въ подтвержденіе этого вымышленнаго казеннаго благополучія нѣкій господинъ Мостовенко, представитель совѣтской власти въ Чехословакіи, помѣщаетъ въ оффиціозной пражской газетѣ сообщеніе, гдѣ между прочимъ, отвергая «тенденціозные» розсказни эмиграціи, утверждаетъ, что урожай этого года будетъ лучше прошлогодняго и достигнетъ 2.200 милліон. пуд. (!!)

Спрашивается, зачѣмъ нужны всѣ эти сказки и какъ совмѣстить ихъ съ трагическими призывами Горькаго?! Они несовмѣстимы. Но какое дѣло московскимъ политическимъ спекулянтамъ до народнаго горя! Необходимо спасать въ глазахъ внѣшняго міра ореолъ «коммунистической власти». Увы, этого ореола уже нѣтъ.

«Мы — противники русскаго большевизма. Мы излѣчились отъ безумія, толкавшаго насъ къ слѣдованію боевымъ методамъ большевизма. — такъ пишутъ въ своемъ воззваніи о помощи голодающей Россіи комитеты соціалъ-демократической партіи и профоюзовъ Австріи. Такъ же говоритъ органъ нѣмецкихъ независимыхъ с.-д. Freiheit. Такъ думаетъ теперь весь европейскій пролетаріатъ, почти безъ исключній.

И напрасно «Новый Миръ» утверждаетъ, что «ставка пражскихъ эс-эровъ бита», т. е. «что европейскіе соціалисты и радикалы ихъ не слушаютъ и дѣлаютъ какъ разъ наоборотъ»... Нѣтъ, они дѣлаютъ какъ разъ то, чего добивались мы, не только отъ европейскихъ «соціалистовъ и радикаловъ», но, вообще, отъ всего культурнаго міра. Они научились рѣзко противополагать интересы русскаго народа интересамъ ленинской камарильи. Они на-

учились понимать, что между современнымъ Кремлемъ и настоящей Россіей такъ же нѣтъ ничего общаго, какъ ничего общаго не было между русскимъ народомъ и обитателями царскосельскаго дворца. Они поняли, наконецъ, что «русскому народу необходимо оказывать нынѣ же помощь въ самомъ широкомъ размѣрѣ,» — несмотря на большевиковъ.

Особенно существенно, что это поняли не только «соціалисты и радикалы», но и правящіе круги Европы и Соединенныхъ Штатовъ.

Большевистскій оффиціозъ крайне встревоженъ, какъ бы мы не приписали себѣ «историческую заслугу передъ умирающимъ крестьянствомъ»; какъ бы мы не получили права, обращаясь къ Россіи, сказать — мы добились для васъ хлѣба у Америки и Европы. Боязнь этой возможности у большевиковъ велика и они всѣми силами стараются изобразить насъ въ видѣ «саботажниковъ» продовольственной помощи голодающему крестьянству.

Вопреки очевидности, совѣтская печать утверждаетъ, что мы стремимся «использовать голодъ въ Поволжьѣ для сверженія совѣтовъ.»

Вчера мы, со всей возможной ясностью объяснили наше отношеніе къ способамъ и средствамъ организаціи борьбы съ голодомъ въ Россіи при большевикахъ. Демагогическая ложь ленинскихъ борзописцевъ насъ не смутитъ. Мы, по прежнему, къ своимъ цѣлямъ пойдемъ своими собственными путями, предоставляя полную свободу клеветать и инсинуировать всѣмъ, кому другіе методы общественной работы и непонятны, и недоступны.

Развѣ могутъ, непримѣръ, понять большевики, что можно, «пламенно», со всей энергіей бороться за интересы трудящихся массъ, вовсе не думая о власти, вовсе не стремясь, во что бы то ни стало, добиваться «господства надъ умами крестьянъ и рабочихъ»?

Политическая или общественная работа внѣ личныхъ или узко-партійныхъ интересовъ — это или просто глупость или самое изощренное лицемѣріе, за которымъ таится какая-нибудь особенно сложная интрига! Такъ думаютъ современные властители Россіи. И, мѣря всѣхъ на свой аршинъ, они во всякомъ человѣческомъ порывѣ видятъ лишь «авантюристическій подходъ къ борьбѣ за власть».

Пусть такъ! Мнѣніе г.г. большевиковъ насъ мало интересуетъ. Сейчасъ насъ интересуетъ одно: немедленный положительный отвѣтъ Москвы на предложеніе Хувера. И мы не совѣтуемъ медлить съ этимъ отвѣтомъ. За каждый день промедленія придется уплатить весьма серьезную неустойку. Пусть въ Москвѣ покрѣпче зарубятъ это себѣ на носу. Довольно играть жизнями людей!

29. 7. 21 г.

Кредитъ голодающей Россіи.

Нечеловѣческія страданія русскаго народа больно ударили по сердцамъ людей разбудили вездѣ въ широкихъ массахъ ослабѣвшее за время войны чувство любви, сострраданія и обще-человѣческой солидарности! Едва ли мчащійся на Москву голодный смерчъ позволитъ гг. народнымъ комиссарамъ терять теперь время на какую-нибудь хитроумную дипломатическую игру съ Америкой и, по всѣмъ вѣроятіямъ, въ самый кратчайшій срокъ — условія Хувера будутъ приняты.*) Большевиткая голодная блокада будетъ прорвана, и за американскими продовольственными транспортами въ Россію хлынетъ цѣлая волна «доброхотныхъ даяній».

Эта международная помощь Родинѣ нашей будетъ имѣть огромное, исключительное значеніе, но, къ великому сожалѣнію, значеніе, главнымъ образомъ, моральное.

Еще этой зимой, когда мы пытались привлечь общественное вниманіе Запада къ развернувшейся нынѣ катастрофѣ въ ея зачаточномъ состояніи, когда голодала сравнительно еще небольшая часть Россіи, мы писали, что частной благотворительной помощи — недостаточно. Нужна была уже тогда международная помощь въ государственномъ масштабѣ, ибо уже и тогда никакая частная иниціатива не могла бы справиться со всѣмъ тѣмъ сложнымъ клубкомъ всяческаго разложенія и развала, только признакомъ котораго являлось все усиливающееся голоданіе населенія въ хлѣбныхъ раіонахъ Россіи.

При теперешнихъ, не поддающихся описанію и учету размѣрахъ бѣдствія — эта неизбѣжность государственныхъ формъ борьбы с ъголодомъ сдѣлалась очевидной и не оспаривается никѣмъ.

«Только помощь, широко организованная международнымъ соглашеніемъ государствъ, соотвѣтственно громаднымъ размѣрамъ нужды, можетъ сохранить жизнь милліонамъ русскихъ людей», читаемъ мы въ воззваніи Врем. Комиссіи Совѣщ. чл. Учредительнаго Собранія. «При желаніи серьезно поставить частичный русскій вопросъ, комитетъ членовъ Учредительнаго Собранія, поставилъ его такъ же, какъ ставимъ его мы», пишетъ европейскій официозъ Ленина «Новый Миръ» въ номерѣ отъ 26 іюля и добавляетъ: «Отъ иллюзій слѣдуетъ отказаться, ибо помощью благотворительной нельзя разрѣшить вопросы жизни или смерти края... Какъ нельзя было бы путемъ благотворительности разрѣшить вопросъ о возстановленіи разрушенной Белгіи или умирающей Австріи».

Все это совершенно вѣрно. Но какъ же на практикѣ разрѣшается, вообще, и можетъ быть разрѣшена въ данномъ случаѣ чрезвычайности сложная задача:—международнымъ соглашеніемъ государствъ помочь пострадавшей странѣ въ ея внутренней зада-

*) Такъ и случилось.

чѣ борьбы съ финансовой, экономической транспортной, промышленной и вѣнчающей все это продовольственной разрухой. Вѣдь поэтому и недостаточно сегодня для Россіи, какъ вчера для Бельгіи, только благотворительной, гуманитарной помощи, что вопросъ идетъ не о преодолѣніи какого-либо частичнаго кризиса, а о борьбѣ за возсозданіе всего хозяйственнаго аппарата страны, безъ возстановленія котораго какая бы то ни было благотворительная помощь едва ли даже отстрочитъ на одинъ день окончательный крахъ.

Голодомъ передъ всѣмъ міромъ «русскій вопросъ» поставленъ именно весь, цѣликомъ, во весь свой грандіозный ростъ, а вовсе не «частично», какъ стараются успокоить себя кремлевскіе правители.

«Правительствамъ въ международномъ масштабѣ ставится серьезнѣйшій изъ вопросовъ», заявляютъ большевики и добавляютъ: — «Отвѣтъ на него будетъ зависѣть отъ силы, съ которой выявится воля всѣхъ тѣхъ честныхъ людей, къ помощи которыхъ обращенъ нашъ призывъ». Какъ видите, когда плохо пришлось, то и «добрую волю», и «честность» вспомнили большевики! Они даже надѣются найти большой запасъ этой доброй воли и честности въ правящей средѣ «капиталистической», «имперіалистической» Европы.

Однако, однихъ этихъ весьма почтенныхъ добродѣтелей недостаточно, совершенно недостаточно для разрѣшенія «правительствами» стоящей передъ ними задачи: — помочь Россіи, какъ государству. А если къ этому еще добавить—«коммунистическому» государству, — то предстоящая задача сдѣлается, пожалуй, и вовсе неразрѣшимой.

Примѣръ. Иностранныя государства не могутъ возстанавливать финансы, промышленность, транспортъ, сельское хозяйство непосредственнымъ вмѣшательствомъ во всѣ стороны экономической жизни чужой страны. Очевидно, они, съ одной стороны, могутъ оказать содѣйствіе отправкой нужныхъ для этого возстановленія матеріаловъ и спеціалистовъ, а съ другой стороны, и это главное, могутъ предоставить самому государству матеріальныя возможности широко поставить всю многообразную дѣятельность по возстановленію хозяйственнаго организма страны, т. е. открыть Россіи щедрые и долгосрочные кредиты.

«Дѣйствительная помощь голоднымъ — немедленный кредитъ Россіи» — вотъ настойчивое требованіе, можно сказать, боевой лозунгъ дня совѣтской власти. Всѣ ея, такъ называемые, торговые представители заграницей усиленно добиваются сейчасъ съ Европѣ этихъ кредитовъ, то рисуя страшныя картины голода, то пугая соотвѣтствующія правительства «грядущей анархіей».

Да, безъ финансовой международной помощи, безъ международнаго кредита, всѣ остальныя мѣропріятія по борьбѣ съ голо-

домъ не дадутъ результатовъ. Но, чтобы получить этотъ кредитъ, недостаточно еще разсуждать о «доброй волѣ» отдѣльныхъ людей или пугать Европу призраками грядущей анархіи.

Капиталъ живетъ по своимъ желѣзнымъ законамъ и весьма мало зависитъ отъ доброй или злой воли, отъ честности или безчестности отдѣльныхъ людей или правителей. И, вопреки, распространенному мнѣнію, капиталъ идетъ не столько туда, гдѣ онъ можетъ заработать, сколько туда, гдѣ онъ можетъ почувствовать подъ собой твердую, неколеблющуюся почву.

Увѣренность въ завтрашнемъ днѣ, непрерывность въ работѣ, а затѣмъ уже степень доходности этой работы — такова, если можно такъ выразиться, психологія капитала.

Большевики требуютъ кредита. А въ прошломъ у нихъ «революціонный» разрывъ всѣхъ финансовыхъ связей и кредитныхъ обязательствъ между Россіей и проч. необращенными въ коммунизмъ государствами.

Но даже, если забыть объ этомъ прошломъ, какія гарантіи можетъ дать Москва въ томъ, что принятыя совѣтской властью долговыя обязательства не будутъ поколеблены ею же самой при первомъ удобномъ случаѣ или сохранятъ свою силу послѣ исчезновенія большевизма въ Россіи?

Такихъ гарантій совѣтская власть дать не можетъ, какъ бы ни клялась она сегодня въ святости своего слова передъ буржуазными правительствами.,

Еслибы у кремлевскихъ правителей сохранилась хотя капля любви къ родинѣ, они бы давно поняли, что лишь власть, опирающаяся на всенародно и свободно выбранныя учрежденія, что лишь власть, подчиняющаяся волѣ народа, можетъ вернуть Россіи довѣріе міра и спасти гибнущій народъ на краю пропасти.

30 VII 21 г.

Что же дальше?

Неизбѣжное совершилось ! Въ странѣ, гдѣ граждане рабы, не можетъ быть никакой общественности, никакой общественной дѣятельности. Безраздично, какимъ поводомъ воспользовались московскіе сатрапы для разгона Всероссійскаго Комитета помощи голодающимъ. Безразлично, какими мотивами и расчетами они руководствовались. Суть не во всемъ этомъ внѣшнемъ, непреходящей причинѣ всѣхъ причинъ. Свобода, самодѣятельность и самое физическое существованіе народа несовмѣстимо съ сохраненіемъ самовластія большевистскаго!

Съ чѣмъ пришли въ Комитетъ общественные дѣятели, его образовавшіе?

— Съ мыслями и настроеяніми «элемантарно очевидными», какъ говорятъ руководители Комитета въ передовой статьѣ перваго № своей газеты «Помощь». «Прежде чѣмъ спорить о формахъ общественнаго и государственнаго устройства, нужно чтобы Россія существовала, нужно сохранить ея живыя силы, носителей ея народнаго труда, созидателей ея благосостоянія, ея народной мощи». Вотъ, дѣйствительно, мысль до конца ясная, простая и человѣческая, которая во имя попытки спасти жизни милліоновъ отъ голодной смерти толкнула на сотрудничество съ большевиками многихъ изъ тѣхъ русскихъ гражданъ, для которыхъ слова: «родина и родной народъ не звукъ пустой, а программа жизни, сущность всѣхъ духовныхъ устремленій».

Увы, съ этимъ краткимъ и такимъ понятнымъ символомъ вѣры гуманности и благороднаго патріотизма россійская общественность явилась къ людямъ, для которыхъ не только слово «Родина», но и вообще всякое человѣческое слово — пустой и смѣшной звукъ!

Да и сами иниціаторы Комитета мало надѣялись найти хоть какой-нибудь откликъ своимъ намѣреніямъ въ переполненныхъ злобой, ненавистью и подлымъ страхомъ за свою власть сердцахъ и умахъ кремлевскихъ затворниковъ. — «Мы знаемъ на нашемъ пути будутъ трудности неизбѣжныя, подчасъ почти непреодолимыя, будутъ и трудности ненужныя», читаемъ мы въ той же статьѣ. А Е. Д. Кускова съ женской чуткостью къ этимъ тревожнымъ строкамъ пророчески добавляетъ: «быть можетъ, будутъ свалены этимъ вихремъ (революціонныхъ страстей) тѣ, кто осмѣлится поднять краснокрестный знакъ надъ своей работой по спасенію голодныхъ людей. Не надо смущаться...»

Да, не нужно смущаться! Большевики поступили такъ, какъ только и могли поступить. Не стоитъ негодовать на новое проявленіе ихъ извращенной природы.

Не нужно падать духомъ, терять голову и опускать руки, воображая себѣ всѣ леденящія кровь послѣдствія ихъ новой, безстыдной провокаціи.

Во-истину, такъ было — такъ будетъ! И тѣ, кто на тяжкую работу организаціи помощи голодающимъ шли переполненные розовыми маниловскими мечтаніями о превращеніи большевистскихъ Савловъ въ народолюбивыхъ Павловъ, лучше бы сдѣлали, еслибы совсѣмъ къ этой работѣ не подходили.

Немало будетъ теперь маловѣрныхъ, которые, соблазнившись якобы новымъ большевистскимъ «предательствомъ», отойдутъ въ сторону,, а то и примкнутъ къ дружному хору большевиковъ наизнанку. А этотъ хоръ съ удвоенной энергіей будетъ теперь всячески мѣшать помощи изъ заграницы нашимъ братьямъ, предсмертные крики которыхъ еще глуше будутъ доноситься до насъ!

Нѣтъ, чѣмъ крѣпче пытаются закототить крышку гроба надъ головой еще живого народа, тѣмъ съ большей настойчивостью, съ большой непреклонностью нужно всѣмъ бороться за его жизнь. Бороться за возрожденіе нашей родины, за существованіе трижды распятаго—войной, большевиками и голодомъ — народа нашего, за жизнь каждаго отдѣльнаго умирающаго на берегахъ Волги человѣка — этой! «единственной и величайшей цѣнности исторіи», какъ говоритъ та же Кускова..

Слабый еле загоравшійся огонекъ независимой общественности потухъ въ Москвѣ. Еще беззащитнѣе, еще обреченнѣе, еще болѣе покинутыми почувствуютъ себя русскіе люди среди безпросвѣтной тьмы, вновь окутавшей ихъ!

И нашъ долгъ отсюда, из-за рубежа, громко крикнуть имъ:

«Мы здѣсь, мы живые, призываемъ живыхъ, сохранившихъ сердце и совѣсть людей, — гражданъ свободныхъ государствъ, къ вамъ на помощь»!

Да, на недоумѣнные вопросы иностранцевъ — что же дальше? какъ намъ быть? — всѣ мы, русскіе, не колеблясь должны отвѣтить: продолжайте начатую вами работу, удвойте вашу энергію, утройте ваши силы и средства: торопитесь въ Россію на помощь къ подвергнутому пыткѣ голодомъ народу, ибо слишкомъ одинокъ онъ сейчасъ со своей неизбывной мукой!

1. 9. 21 г.

Передышка кончилась.

До послѣдней минуты неисправимые оптимисты надѣялись, что извѣстіе о разгонѣ Общественнаго Комитета окажется вымышленнымъ. Нѣкоторые даже раздражались на тѣхъ, кто, по ихъ мнѣнію, «слишкомъ спѣшилъ» распространять «непровѣренные слухи» о новомъ большевистскомъ злодѣяніи. И такими упорными оптимистами были не только тѣ «переметныя — сумы», которыя, по неисправимому свойству своей природы, стараются быть пріятными всякой власти. Нѣтъ, не хотѣли вѣрить жестокому извѣстію и тѣ у кого слишкомъ наболѣло горемъ народнымъ сердце, кто въ жертвенномъ порывѣ готовъ былъ за малѣйшее проявленіе человѣчности многое забыть. Лишь бы пожалѣли, лишь бы дрогнули передъ святой безпомощностью милліоновъ умирающихъ дѣтей и дали бы возможность каждому, какъ кто можетъ, пойти на помощь страдающимъ!

Вѣдь, дѣйствительно, только «напряженнѣйшими усиліями и самодѣятельностью всѣхъ силъ и классовъ Россіи, только величайшимъ порывомъ всенароднымъ» можно было бы, если не по-

бѣдить вовсе, то во всякомъ случаѣ, смягчить всѣ ужасы чернаго года.

Такъ разсуждали люди. Большевики думали по другому. Они думали не о голодѣ - а о томъ только какъ использовать его для укрѣпленія своей власти, для новой азартной игры въ Европѣ.

И какъ только они увидѣли, что въ Европѣ достаточно «трезвыхъ» капиталистовъ, готовыхъ подъ соусомъ голода урвать изъ живого тѣла Россіи, предлагаемые имъ такъ настойчиво Чичеринымъ и Красинымъ «жирные куски», такъ передышка кончилась. Игра началась: Общественный Комитетъ разогнанъ, а благотворитель Фритіофъ Нансенъ вернулся изъ Москвы политикомъ, уполномоченнымъ Ленинымъ на кредитную операцію съ союзниками.

Вопія на всѣхъ перекресткахъ о благотворительной, внѣпартійной помощи голодающимъ, красные іезуиты торопились ковать новыя звенья въ длинный цѣпи своихъ политическихъ интригъ.

Не даромъ въ своей слезницѣ къ «акуламъ французскаго имперіализма» Чичеринъ напомнилъ недавно о Брестъ-Литовскѣ. какъ тогда, большевики стремятся избѣжать «капитуляціи» пе-
Теперь какъ тогда, большевики стремятся избѣжать «капитуляціи» передъ внутреннимъ врагомъ — русскимъ народамъ — позорной реакціонныхъ группъ международнаго капитализма!

Ужасъ передъ народной свободой, самодѣятельностью такъ великъ у большевиковъ, что они не задумываются встать на колѣни передъ властителями лондонскаго Сити съ всеподданнѣйшимъ прошеніемъ въ рукахъ о разрѣшеніи имъ кредитовъ на турецкихъ, абдулъ-гамидовскихъ условіяхъ.

Иначе никакъ нельзя назвать основное, самое соблазнительное для иностранцевъ, условіе ленинскаго предложенія о займѣ, привезеннаго Нансеномъ — «Въ обезпеченіе выданныхъ кредитовъ, совѣтское правительство готово предоставить кредиторамъ преимущественное право при распредѣленіи всѣхъ государственныхъ доходовъ». Другими словами, за союзъ противъ русскаго народа съ совѣтской властью иностранные капиталисты могутъ, если захотятъ, получить право контроля надъ всѣмъ финансовымъ хозяйствомъ совдепіи и вмѣшательства во всѣ отрасли ея хозяйственной жизни.

Нансенъ привезъ отъ Ленина циничное предложеніе западнымъ государствамъ организовать экономическую интервенцію для пирнаго захвата Россіи и раздѣла ее на сферы вліянія, но только съ условіемъ сохраненія за кремлевскими самодержцами видимости государственной власти.

И какъ это типично для г.г. Лениныхъ: снюхиваясь съ иностранными биржевиками, обвинять ни въ чемъ неповинный Моск. Общ. Ком. въ шашняхъ «съ французскими имперіалистами».

Вообще, при существованіи, хотя бы «дѣловой», независимой общественной организаціи вся подготовительная кампанія «втиранія очковъ» иностранцамъ для скорѣйшей реализаціи займа безнадежно бы провалилась. Какъ разъ на одномъ изъ послѣднихъ засѣданій Комитета ему пришлось сразу же установить, что оффиціальный докладъ Наркомпрода страдаетъ «преуменьшеніемъ цифръ потребленія и преувеличеніемъ цифръ урожайности».

Такое отношеніе къ казенному докладу было явнымъ противодѣйствіемъ «видамъ и предначертаніямъ правительственнымъ», т. е. очевидной «контръ-революціей!..».

Никто такъ не раздражаетъ, какъ тотъ простецъ, который совсѣмъ не кстати разкрываетъ секретъ королевской наготы, которую итакъ всѣ видятъ, но замѣчать не желаютъ.

Большевики и ихъ иностранные партнеры-биржевики играютъ интересами Россіи, какъ азартные игроки. А вы тутъ съ какимъ-то голодомъ, съ какими-то страданіями и ужасами! Да еще захотѣли какого-то всенароднаго дѣйствія, какой-то передышки въ гражданской войнѣ. Хотите передышки? — Ладно! Такъ и наслаждайтесь ею сколько угодно... въ тюрьмѣ.

3 IX 21 г.

II.

Большевизмъ и соціализмъ.

Большевизмъ — первобытный капитализмъ*)

Въ настоящій моментъ призрачнаго тріумфа московскихъ народныхъ комиссаровъ, непримиримые противники большевистскаго самовластія должны съ особой настойчивостью вскрывать передъ общественнымъ мнѣніемъ Запада, (въ особенности передъ соціалистическими, демократическими кругами его) дѣйствительное содержаніе того режима, который обыкновенно называется московскимъ «коммунистическимъ строемъ».

Мы русскіе демократы и соціалисты, слишкомъ хорошо знаемъ этотъ режимъ. Намъ не нужно для того чтобы съ полной опредѣленностью высказать свое мнѣніе о положеніи вещей въ Россіи выжидать результатовъ какой-бы то ни было анкетной международной комиссіи. Впрочемъ, большевистскій строй настолько красоченъ и характеренъ, что не только вожди, но и всѣ рядовые соціалисты Запада могли бы безъ всякихъ колебаній оцѣнить все происходящее въ Россіи. Однако, до сихъ поръ еще не существуетъ на Западѣ болѣе или менѣе установленнаго представленія, которое хотя бы въ нѣкоторой степени соотвѣтствовало россійской дѣйствительности. Больше того, многіе представители соціалистическаго движенія на Западѣ, отвѣтственные руководители рабочихъ массъ, открыто, съ нѣкоторымъ даже хвастливымъ вызовомъ, подчеркивая полное свое невѣдѣніе «русскихъ дѣлъ», упорно внушаютъ народнымъ массамъ злосчастную мысль о какомъ-то «соціалистическомъ эльдорадо», существующемъ якобы на Востокѣ Европы.

Опасно разсуждать о явленіяхъ невѣдомыхъ и непонятныхъ, но еще рискованнѣе, особенно въ области политической, подмѣнять дѣйствительность измышленіями. Этотъ путь слишкомъ часто приводитъ къ непоправимымъ ошибкамъ и пораженіямъ.

---

*) Этотъ очеркъ былъ первоначально мной прочтенъ, какъ докладъ, въ собраніи французскихъ соціалистовъ въ Парижѣ въ мартѣ 1920 г.

Невѣдѣніе или непониманіе дѣйствительнаго содержанія соціальныхъ явленій лишаетъ насъ всякой возможности предвидѣть будущее и правильно намѣтить впередъ линію своего поведенія.

Вотъ почему прежде чѣмъ судить и рядить о русскихъ событіяхъ, не лучше ли сначала постараться опредѣлить дѣйствительное содержаніе существующаго нынѣ въ Россіи политическаго и соціальнаго режима.

* * *

Какъ извѣстно, московское правительство оффиціально именуетъ себя: «Рабоче - крестьянскимъ».

Но это рабоче - крестьянское правительство осуществляетъ свою, такъ называемую, диктатуру пролетаріата способами антидемократическими, противонародными. Сами большевики открыто и опредѣленно съ самаго начала объ этомъ заявляютъ. На слѣдующій же день послѣ разгона (5-го янв. 1918 г.) Учредительнаго Собранія, Ленинъ сказалъ: «демократическій строй — одна изъ формъ буржуазной государственности, которую отстаиваютъ всѣ предатели истиннаго соціализма». Развѣ могъ смутить Ленина такой пустякъ, что своимъ заявленіемъ онъ зачислилъ въ «измѣнники» самаго Маркса, который, какъ хорошо всѣмъ извѣстно, постоянно твердилъ о неразрывной *органической* связи между соціализмомъ и демократіей, который глубоко вѣрилъ, что часъ провозглашенія пролетарской диктатуры одновременно явится величайшимъ тріумфомъ права и справедливости?!

«Мы растоптали демократическіе принципы во имя болѣе высокихъ идеаловъ, идеаловъ соціальной революціи» — говорилъ еще ранѣе Троцкій сейчасъ же послѣ октябрьскаго переворота.

Большевистскій съѣздъ, бывшій въ началѣ 1918 г., какъ бы подтвердилъ новую истину, открытую Ленинымъ и Троцкимъ, провозгласивъ, что переходъ къ соціалистическому строю вовсе не предполагаетъ свободу для всѣхъ, а только свободу угнетенныхъ трудящихся массъ во имя освобожденія ихъ отъ эксплуатаціи. Но можетъ быть г.г. большевики вынуждены были изнасиловать всѣ основныя положенія Демократіи, потому что Великая Февральская Революція не дала рабочимъ и крестьянамъ въ руки всѣ средства и способы политической борьбы, не дала имъ возможности пользоваться всѣми свободами, завоеванными Революціей?

Нѣтъ, 4-го апрѣля 1917 года Ленинъ, первый разъ выступая передъ СПБ. Совѣтомъ с. и р. депутатовъ со своими знаменитыми тезисами о задачахъ пролетаріата въ революціи, публично призналъ, что политически русская Революція характеризуется съ одной стороны совершеннымъ осуществленіемъ гражданскихъ свободъ — *«Россія — самая свободная страна въ мірѣ»* — а, съ другой, отсутствіемъ какого либо давленія на массы.

Это заявленіе Ленинъ повторилъ почти слово въ слово въ октябрѣ 1917 г., въ своихъ статьяхъ, подготовлявшихъ и оправдывавшихъ имъ замышленное возстаніе.

Еще болѣе характерно слѣдующее мѣсто въ резолюціи, принятой 21 апрѣля (4 мая) 1917 года Центральнымъ Комитетомъ большевистской партіи: «партійные пропагандисты и ораторы обязаны опровергать распространяемую газетами капиталистовъ и ихъ прихвостней *гнусную клевету* о томъ, что будто бы мы угрожаемъ странѣ гражданской войной. Это безчестная ложь, ибо пока капиталисты и ихъ правительство не смѣютъ прибѣгнуть къ насиліямъ въ отношеніи массъ, пока солдаты и рабочіе свободно выражаютъ свою волю, свободно избираютъ и низлагаютъ всѣ власти, было бы наивно, безсмысленно и безумно думать о гражданской войнѣ. Надо подчиниться волѣ большинства населенія. Пусть недовольное меньшинство свободно критикуетъ эту волю». Ни политическое положеніе, ни соотношеніе борющихся соціальныхъ силъ, — ничто не измѣнилось къ октябрю этого же года, однако, произошло то, что называютъ почему то «соціальной революціей». Однако «безчестная клевета» стала дѣйствительностью и «наивная, безсмысленная и безумная» идея гражданской войны превратилась въ страшное бытовое явленіе русской жизни.

Однимъ изъ лозунговъ октябрьскаго переворота было Учредительное Собраніе иначе говоря, немедленное претвореніе въ жизнь одного изъ основныхъ принциповъ Демократіи. Но лишь только партія переворота со всѣми ея спутниками оказалась въ Учредительномъ Собраніи и въ явномъ меньшинствѣ, Учредительное Собраніе было объявлено «буржуазнымъ предразсудкомъ» и безславно разогнано. Съ Демократей было все кончено.

Вся власть въ странѣ перешла къ Совѣтамъ с., кр. и р. деп. Совѣты были объявлены единственными обладателями Верховной Государственной Власти; единственными выразителями «дѣйствительной» воли рабочихъ и крестьянъ. И до сихъ поръ еще на Западѣ есть наивные поклонники г.г. московскихъ коммунистовъ, которые считаютъ власть Совѣтовъ вполнѣ реальной властью въ Россіи. Эти поклонники не устаютъ восхвалять эту «новую» совѣтскую форму государственнаго управленія. На самомъ же дѣлѣ самовластіе народныхъ комиссаровъ не только анти-демократичное оно въ то же время — *анти-совѣтское*.

«Большевики ведутъ на дѣлѣ наиболѣе деспотическую политику. Они разгоняютъ одинъ за другимъ мѣстные совѣты, подозрѣваемые во враждебности правительству. Члены Совѣтовъ — это не парламентаріи, не свободные представители народа, а простые чиновники. Каждый изъ нихъ приписанъ къ какой нибудь административной комиссіи, гдѣ исполняя ту или ину ювполнѣ опредѣленную роль, онъ подчиняется директивамъ Центральнаго Исполни-

тельнаго Комитета, представленнаго соотвѣтствующими комиссарами, облеченными всей полнотой власти.

Разумѣется, упреки оппозиціи вполнѣ основательны. Но спрашивается, почему союзники-то могутъ быть недовольны этими диктаторскими тенденціями, если они преслѣдуютъ лишь одну цѣль — централизовать власть, создать правительство, которое управляло бы по программѣ, все болѣе приближающейся къ программѣ осуществлявшейся во время войны, заправилами буржуазныхъ республикъ».

Эта характеристика отношенія Москвы къ Совѣтамъ и опредѣленія Ленинскаго способа управленія государствомъ принадлежить никому иному, какъ пресловутому кап. Садулю, книга котораго только по недоразумѣнію или полному невѣжеству издателей спубликована во Франціи въ качествѣ документа, реабилитирующаго большевиковъ.

Садуль написалъ приведенныя строки весной 1918 года (15 апрѣля 1918 г.). Сейчасъ — весной 1920-го года положеніе стало еще яснѣе, еще проще, еще назидательнѣе. «Совѣтская» Россія менѣе всего похожа на совѣтскую федеративную республику. Это не республика, а *централизованная диктатура комиссаровъ, членовъ одной партіи*. Эти большевистскіе комиссары обладаютъ ничѣмъ не ограниченной властью и рѣшаютъ самоуправно всѣ основные политическіе и экономическіе вопросы. Совѣтамъ и прочимъ всякаго рода «коллективамъ» предоставляется право одобрять начальство, а также заниматься дѣлами мѣстнаго и второстепеннаго характера.

Централизація все усиливается. Единоличное распоряженіе чиновника, отвѣтственнаго лишь передъ своимъ начальствомъ, замѣняетъ все болѣе и болѣе всѣ методы «коммунальнаго» управленія. Процессъ этотъ какъ разъ сейчасъ распространяется и изъ области чисто административнаго политическаго управленія (армія, мѣстное управленіе, дипломатія и пр.) переходитъ также *въ область экономической организаціи страны.*

«Именно въ интересахъ соціализма революція требуетъ безпрекословнаго подчиненія массъ единой волѣ тѣхъ, кто руководитъ работой» — пишетъ Ленинъ въ брошюрѣ: «Первѣйшія задачи совѣтской власти» (стр. 182).

«Коллективное, фактически безотвѣтственное управленіе, замѣнено принципомъ единоличнаго управленія съ повышенной личной отвѣтственностью» — гласитъ одинъ изъ послѣднихъ декретовъ «промышленнаго диктатора» Красина. Такъ московскіе комиссары установили диктатуру надъ крестьянами и рабочими. Во имя чего? — Во имя соціализма! — утверждаетъ Ленинъ: *Во имя новаго, неслыханнаго тріумфа капитала* — говорю я.

Посмотримъ кто правъ въ этомъ спорѣ.

Прежде всего что дала «диктатура бѣднѣйшихъ крестьянъ» самимъ крестьянамъ?

4-го апрѣля 1917 г. въ 6-мъ изъ своихъ тезисовъ Ленинъ изложилъ слѣдующую аграрную «программу»: центръ тяжести всей аграрной политики долженъ быть сосредоточенъ на совѣтахъ «батратскихъ депутатовъ», (кстати требованіе невыполнимое за отсутствіемъ «батраковъ», какъ класса, почти во всей Росии и въ Сибири); необходимо конфисковать все крупное землевладѣніе; національизировать всю землю, которая поступаетъ въ распоряженіе мѣстныхъ совѣтовъ «крестьянскихъ и батрацкихъ депутатовъ» и т. д.

Конечно, основное начало, самая суть этой программы — національизація. Вспомнимъ, на всякій случай, что Вр. Правительство Февральской Революціи не только преслѣдовало въ земельномъ вопросѣ ту ж ецѣль, но и подготовило все для того, чтобы Учредительное Собраніе могло реализовать эту колоссальную задачу.

Какихъ же результатовъ добились г.г. комиссары. Всѣ ихъ попытки сблизиться съ деревней, «защищать» интересы то «бѣднѣйшихъ», то «средняковъ», провести въ жизнь національизацію, — всѣ эти попытки окончились полнымъ крахомъ. На VIII съѣздѣ р. к. п. одинъ изъ мѣстныхъ представителей партіи заявилъ: «въ области земледѣлія . . . мы уничтожили крестьянское хозяйство. Если бы я доставилъ сюда всѣ телеграммы, гдѣ сообщается, какъ отнимаютъ у крестьянина его послѣднюю лошадь, его послѣднюю скотину... если бы я нарисовалъ вамъ эту картину настоящаго грабежа, вы поняли бы, какъ трудно крестьянину сохранить къ намъ доброе чувство». А другой ораторъ прямо призналъ: «въ нѣкоторыхъ губерніяхъ слово «коммунистъ» вызываетъ глубокую ненависть не только среди «кулаковъ», но и среди бѣдняковъ и средняковъ, которыхъ мы тоже раззоряемъ».

Наконецъ, въ «экономической жизни» (№ 229) мы находимъ, если не оффиціальный, то во всякомъ случаѣ оффиціозный итогъ земельной политики Совнаркома.

«Несмотря на истеченіе двухъ лѣтъ со времени декрета о національизаціи земли, національизація эта не осуществилась. Отношеніе крестьянина къ землѣ и психологически, и экономически все проникнуто мелко-буржуазными навыками. Такъ же, какъ и раньше. онъ считаетъ землю своей собственностью и защищается всѣми способами противъ «продовольственныхъ отрядовъ». Для того чтобы хоть сколько нибудь приблизиться къ соціализаціи совѣтская власть должна не только издавать декреты, но и фактически взять землю въ свои руки. Однако она можетъ сдѣлать это только руками промышленнаго пролетаріата, диктатуру котораго она представляетъ».

Я не хочу здѣсь ни оспаривать, ни подтверждать мнѣніе большевиковъ о собственническихъ мелко-буржуазныхъ инстинктахъ

русскихъ крестьянъ, о которыхъ между прочимъ на VIII Съѣздѣ р. к. п. много распространялся Ленинъ.

Сейчасъ мнѣ важно только установить полный провалъ всѣхъ сдѣланныхъ большевиками попытокъ ввести соціализмъ въ деревню по своему собственному методу. *Но въ странѣ, гдѣ 80% населенія — хлѣбопашцы, совершенно невозможно продѣлать соціальную революцію, не имѣя за собой деревни.*

* * *

Я уже упомянулъ, что съѣздъ р. к. п. въ началѣ 1918 г. заявилъ о томъ, что при переходѣ отъ капиталистическаго строя къ соціалистическому имѣютъ право на всѣ «свободы» только трудовыя эксплоатируемыя массы, борющіяся за свое освобожденіе отъ всякой эксплоатаціи.

Казалось бы, промышленный городской пролетаріатъ несомнѣнно попадаетъ въ число эксплоатируемыхъ, имѣющихъ право на свободу даже въ періодъ самой горячей соціальной перестройки?

Нѣтъ! Никакой политической свободы (свободы слова, печати, собраній, неприкосновенности личности) для пролетаріата никогда не существовало и не существуетъ въ коммунистической Россіи. Нѣкоторая относительная политическая свобода является здѣсь привиллегіей вновь созданной правящей касты, т. е. членовъ коммунистической партіи. Больше того, терроръ «пролетарской» власти обрушился на подлинный пролетаріатъ не менѣе жестоко, чѣмъ на интеллигенцію и буржуазію.

Можетъ быть!.. Но за то, утверждаютъ большевики и ихъ поклонники, рабочіе стали «хозяевами» національизированной индустріи; они пріобрѣли право не только контролировать, но и непосредственно участвовать въ управленіи промышленными предпріятіями. «Вся власть фабричнымъ и заводскимъ комитетамъ» — таковъ вѣдь былъ въ теченіе всей февральской революціи основной кличъ большевиковъ на заводахъ и фабрикахъ. Напрасно боролось съ этой демагогіей Вр. Правительство, напрасно протестовали соціалисты-революціонеры, меньшевики и профессіональные союзы. Опираясь на деклассированную случайную, анархически настроенную толпу «рабочихъ военнаго времени», большевики во имя скорѣйшаго захвата власти, дерзко нарушили въ своей рабочей политикѣ всѣ самыя основныя положенія соціализма и синдикализма.

* * *

Въ деревнѣ большевики призывали народъ къ немедленному анархическому раздѣлу земли. На заводахъ они толкали невѣжественныя толпы къ непосредственному захвату отдѣльныхъ

предпріятій. «Грабь награбленное». Послѣдствія такого рода прямого дѣйствія (action direct) не трудно было предвидѣть: разгромъ заводовъ, грабежъ городского имущества; расхищеніе денежной наличности и, наконецъ, деморализація и полное разложеніе рабочаго класса.

Само собой понятно, что играя на разрушительныхъ инстинктахъ лумпенъ-пролетаріата, большевики объявляли «контръ-революціей» всякій призывъ къ подъему производительности труда, къ дисциплинѣ, къ организованности и сознательной солидарности рабочаго движенія. Но вотъ большевики захватываютъ власть. И картина мѣняется...

Во имя возстановленія экономической жизни они непрестанно требуютъ отъ рабочихъ увеличенія производительности труда, не считаясь съ количествомъ рабочихъ часовъ. Они обращаются съ все болѣе и болѣе почтительными и заманчивыми приглашеніями къ инженерамъ, къ директорамъ заводовъ, даже къ самимъ фабрикантамъ, обѣщая имъ необходимый «авторитетъ», бѣшеные оклады, гарантируя доходы и «свободу промышленной дѣятельности». Всѣ эти неизбѣжныя уступки «хищникамъ-капиталситамъ» прикрываются трескучей демагогіей о «всемогуществѣ пролетарской власти» съ единственной цѣлью: какъ нибудь отвести глаза, успокоить своихъ одураченныхъ наивныхъ послѣдователей, удивленныхъ и раздраженныхъ этимъ рѣзкимъ поворотомъ на 180 градусовъ «направо».

Однимъ словомъ: «больше нѣтъ рѣчи о поддержкѣ большевизма» — пишетъ Альбертъ Тома кап. Садуль. — Большевизма больше нѣтъ. Сами большевики изо дня въ день хоронятъ его».

И въ первую очередь они хоронятъ свое любимое дѣтище — заводскіе комитеты. Съ ними начинается борьба не на жизнь, а на смерть.

Всемогущество заводскихъ комитетовъ и ихъ господство надъ техническимъ персоналомъ изъ «завоеванія революціоннаго пролетаріата» превращается въ одну изъ наиболѣе опасныхъ формъ «саботажа». — (№ 225 экн. жизнь) — Уничтожить двойственность управленія, освободить мѣстную администрацію отъ давленія заводскихъ и рудниковыхъ комитетовъ — не значитъ еще разрѣшить вопросъ в ъего цѣломъ... Техническій персоналъ предпріятій долженъ быть освобожденъ отъ всякихъ собраній, споровъ, разговоровъ. Строгое подчиненіе соотвѣствующимъ административнымъ инстанціямъ, полная личная отвѣтственность за ходъ работъ въ довѣренной отрасли предпріятія, — вотъ, что должно быть особенно подчеркнуто въ инструкціяхъ. Борьба противъ возможнаго со стороны спеціалистовъ, руководящихъ работой саботажа, какъ разъ и «требуетъ», чтобы имъ была предоставлена извѣстная доля независимости и иниціативы»...

На третьемъ Съѣздѣ Совѣтовъ народнаго хозяйства Ленинъ заявилъ: «Въ арміи мы перешли отъ коллективнаго къ индивидуальному командованію. То же самое мы должны сдѣлать и въ промышленности. Событія доказали необходимость этого... единоличная власть коммунистическихъ вождей и коммунистовъ, руководящихъ промышленными предпріятіями — вотъ залогъ нашего успѣха».

Въ соотвѣтствіи съ этими новыми директивами всякіе совѣты, заводскіе комитеты и прочіе разнообразные коллективы, въ которыхъ сами рабочіе пытались принимать участіе и руководить всей «націонализированной промышленностью» нынѣ — пишетъ все тотъ же Садуль — уступаютъ мѣсто іерархіи коммунистическихъ чиновниковъ, столь же всемогущихъ по отношенію рабочихъ, какъ и прежняя заводская администрація, но свободныхъ отъ всякаго контроля со стороны пролетаріата. Система премій, — увольненіе въ административномъ порядкѣ за неявку на работу, заключеніе въ концентраціонные лагеря за тяжкіе профессіональные проступки; насильственное возстановленіе десяти и двѣнадцатичасового дня, уничтоженіе права забастовокъ; превращеніе синдикатовъ въ правительственныя конторы по найму рабочихъ и, наконецъ, милитаризація промышленности, таковы результаты коммунистическихъ опытовъ въ области рабочаго законодательства...

* * *

Можно восхищаться смѣлостью этихъ опытовъ! —

Можно преклоняться передъ попыткой возстановить въ самый разгаръ двадцатаго столѣтія, крѣпостное право на фабрикахъ и заводахъ! Но надо быть или совершеннымъ невѣждой или завѣдомо недобросовѣстнымъ человѣкомъ, чтобы смѣшивать эти опыты, новое рабство — съ соціализмомъ.

Невѣжественные защитники московскихъ диктаторовъ надъ пролетаріатомъ стараются оправдать эту «антисоціалистическую и антипролетарскую» политику. Они повторяютъ вслѣдъ за московскими мистификаторами: — «да, дѣйствительно, большевики уничтожили всѣ независимыя рабочія организаціи, весь тотъ классовый аппаратъ самозащиты, который въ буржуазномъ государствѣ сдерживаетъ капиталъ отъ черезчуръ безнаказанной и слишкомъ безграничной эксплоатаціи трудовой энергіи рабочихъ. Но въ соціалистическомъ и коммунистическомъ государствѣ нѣтъ больше капитала, который бы эксплоатировалъ трудъ. А, слѣдовательно, нѣтъ никакой необходимости въ сохраненіи формъ, ограничивающихъ эту эксплоатацію.

Всѣ эти разсужденія чистый вздоръ. Въ дѣйствительности *большевики не уничтожили и никогда не уничтожали капитализма въ Россіи*. По справедливому замѣчанію Каутскаго больше-

вики разрушили высшую индустріальную форму капитализма, форму, которая содѣйствуетъ продуктивности труда и улучшаетъ его профессіональныя условія для того только, чтобы замѣстить ее затѣмъ низшими и паразитарными формами капитализма примитивнаго, которымъ они предоставили всѣ возможности процвѣсти и развиваться совершенно свободно. (Каутскій: «Терроризмъ и Коммунизмъ» стр. 193). Мнѣніе Каутскаго совершенно соотвѣтствуетъ дѣйствительному экономическому состоянію Россіи въ наши дни. Знаменитый марксистскій теоретикъ, давъ блестящій и глубокій анализъ существа московскаго «коммунистическаго» строя, тѣмъ самымъ краснорѣчиво доказалъ, что не отправляясь въ Россію и не ожидая результатовъ никакихъ анкетъ и комиссій, человѣкъ независимый, добросовѣтный и искушенный въ вопросахъ политической экономіи и соціализма можетъ, если захочетъ, составить себѣ справедливое сужденіе оо «русскихъ дѣлахъ»...

Впрочемъ, большевики сами признали, что они не только не смогли уничтожить капитализма въ Россіи, но что напротивъ, ихъ «коммунизмъ» предшествуетъ новому расцвѣту и укрѣпленію капиталистическаго строя. «Изгоняя русскихъ, а также захватившихъ передъ революціей значительную часть нашей промышленности иностранныхъ капиталистовъ, — читаемъ мы въ передовой статьѣ «Извѣстій» отъ 9-го октября 1919 года (№ 225) — «мы имъ открываемъ новыя двери въ видѣ концессій и снова разрѣшаемъ имъ работать капиталистическимъ способомъ... Дѣятельность иностраннаго капитала и проникновеніе его въ самую глубь совѣтской Россіи подстегнетъ нашихъ собственныхъ капиталистовъ домогаться полнаго возстановленія ихъ старыхъ связей и старыхъ правъ... *Капитализмъ не будетъ уничтоженъ въ Совѣтской Россіи, напротивъ, онъ пуститъ тамъ глубокія корни и укрѣпится.*»

Да, большевики ясно отдаютъ себѣ отчетъ въ томъ, что они дѣлаютъ, когда прося мира у капиталистическаго интернаціонала они готовы признать международные долги Россіи, они готовы предоставить хищному иностранному колоніальному капиталу всѣ возможныя привиллегіи для эксплоатаціи природныхъ богатствъ Россіи и трудовой энергіи ея рабочихъ и крестьянъ. Они предлагаютъ капиталистамъ государствъ-побѣдителей все то, что по Брестъ-Литовскому договору они уступали гарманскому капиталу. И даже гораздо больше! Не сегодня завтра интернаціональный капиталъ сговорится, наконецъ, съ московскими «коммунистами» и со всѣхъ сторонъ нахлынутъ въ Россію новые варяги!..

«Россія испытаетъ со-существованіе двухъ противоположныхъ финансовыхъ и экономическихъ системъ — «коммунизма» и капитализма — такъ многіе думаютъ и гадаютъ, что же изъ этого сожительства выйдетъ; какая изъ двухъ системъ побѣдить?! Для меня подобныхъ вопросовъ не существуетъ, ибо въ Россіи нѣтъ никакого «коммунизма»; нѣтъ ничего другого, кромѣ грубо

изуродованнаго, искалѣченнаго, первобытнаго и, однако, глубоко буржуазнаго и капиталистическаго строя.

Снятіе блокады, возстановленіе торговыхъ сношеній дѣлаетъ даже для слѣпыхъ очевидной эту истину и на нашихъ глазахъ разсѣиваетъ миражъ — «соціалистическаго эльдорадо» въ совдепіи, миражъ деморализующій весь пролетаріатъ; разрушающій единство соціалистическаго и рабочаго движенія и тѣмъ самымъ укрѣпляющій международную реакцію...

Чтобы вполнѣ понять сущность большевистскаго государственнаго и соціальнаго строя нужно вспомнить, что онъ появился на четвертый годъ войны въ странѣ, которая передъ этимъ въ теченіе трехъ лѣтъ испытывала страшныя послѣдствія *блокады*. Европа хорошо знаетъ о блокадѣ Германіи, но она или совершенно не знаетъ или не хочетъ знать о томъ, что во время всей войны Россія *еще болѣе, чѣмъ Германія* была блокирована и изолирована отъ всего міра. Большевизмъ эта первобытная форма государственной и хозяйственной жизни была слѣдствіемъ экономическаго разложенія страны, вызваннаго блокадой. — Очевидно, для того чтобы бороться со слѣдствіемъ какого-либо явленія надо сначала устранить его причину. «Большевизмъ — это, если хотите, *соціализмъ нищеты и голода,* т. е. *отрицаніе* соціализма. Поэтому-то большевизмъ, этотъ наружный признакъ тяжкой внутренней болѣзни, истощенія всего народнаго организма — развился въ странахъ наименѣе промышленныхъ (Россія, Венгрія) и наиболѣе истощенныхъ войной. Напротивъ, въ странахъ болѣе развитого индустріальнаго капитализма менѣе истощенныхъ войной съ болѣе организованнымъ, какъ классъ пролетаріатомъ, (напримѣръ Англія) нѣтъ и слѣда мало - мальски серьезнаго пристрастія къ большевизму и Третьему Интернаціоналу . . .

Надо самымъ рѣшительнымъ образомъ и какъ можно скорѣе распахнуть всѣ окна и всѣ двери Россіи: пусть ворвется туда по больше свѣжаго воздуха! Надо дать русскому народу возможность снова дышать однимъ воздухомъ со всей Европой. Тогда возстановятся временно разрушенныя внутреннія и внѣшнія экономическія и соціальныя связи, русская демократія, освободившись отъ большевистской тираніи, снова отдастся дѣлу здороваго переустройства и ркрѣпленія новаго государственнаго и соціальнаго строя, фундаментъ котораго былъ заложенъ въ Великую Революцію 1917 г.

Ибо я убѣжденъ, что русскій народъ, сильный своимъ страшнымъ опытомъ, пойметъ наконецъ, что *нѣтъ соціализма внѣ Демократіи* и, что соціальное освобожденіе невозможно въ государствѣ, гдѣ не уважается Личность человѣка и ея Права!

Что-же касается большевистскаго самовластія, то его жребій очевиденъ.

...«Если революціонное и соціалистическое правительство, пишетъ Каутскій, стремится раздавить демократію, поражая всѣ права ея, то строй такого рода осужденъ на гибель и вовсе не въ качествѣ жертвы насилія, подъ ударами котораго онъ падаетъ и не въ сіяніи славы мученика, который возноситъ свои убѣжденія превыше всего. Нѣтъ! Онъ гибнетъ, напутствуемый проклятіемъ, какъ и подобаетъ тому, кто предалъ свои убѣжденія во имя власти. кто своей ложью увеличилъ всеобщее несчастье, нищету, кто уничтожилъ всѣ демократическія завоеванія народа».

Что можно прибавить къ этимъ словамъ?! Большевикамъ не избѣжать своей судьбы! —

На переломѣ.

Два слишкомъ года пролетарскія массы и ихъ вожди въ Западной Европѣ грезили красной Москвой.

Эта запечатанная за семью печатями всякихъ блокадъ и интервенцій Совѣтская Россія представлялась утомленному и разочарованному войной европейцу, интеллигенту и рабочему, какимъ-то осуществленіемъ «Царствія Божія на землѣ». Всѣ попытки русскихъ революціонеровъ, знавшихъ по собственному опыту страшную правду о большевистской тираніи, разрушить опасную легенду о ней — были безплодны.

А мы сами объявлялись «контръ-революціонерами», «прислужниками буржуазіи» и т. п. Самыя чистыя имена русскаго революціоннаго движенія, имена людей, десятки лѣтъ боровшихся съ самодержавіемъ во имя освобожденія русскихъ трудящихся массъ и торжества соціалистическихъ идеаловъ; имена людей, выдержавшихъ безсчетное количество лѣтъ каторги, тюремъ и изгнанія, легкомысленно отдавались на поруганіе одураченной толпѣ!

Мы ясно видѣли причину этого трагическаго недоразумѣнія!

Правительства Антанты, окруживъ совѣтскую Россію китайской стѣной блокады, рѣшительно противодѣйствовали всѣмъ попыткамъ представителей рабочаго и соціалистическаго движенія на Западѣ проникнуть въ Совѣтскую Россію и собственными глазами посмотрѣть на то, что тамъ дѣлается.

Это нелѣпое поведеніе правительствъ, естественно, толковалось демократическимъ европейскимъ общественнымъ мнѣніемъ, какъ доказательство лживости всѣхъ свѣдѣній, неблагопріятныхъ большевикамъ.

Правящіе классы знаютъ, — молъ, правду о Совѣтской Россіи и скрываютъ ее, ибо эта правда — правда о царствѣ свободно организованнаго труда — положила бы конецъ буржуазному гос-

подству въ Европѣ, если бы стала до конца извѣстной народнымъ массамъ!

Маняшая таинственность, которою искусственно окутывалась Совѣтская Россія, *была самымъ сильнымъ оружіемъ большевистской пропаганды въ Европѣ.*

Нужно было эту тайну уничтожить! Нужно было показать міру Ленинскую Россію во всей отвратительной *наготѣ* ея! Нужно было заставить Ѳому навѣрнаго вложить персты въ кровоточащія раны Россіи.

А для этого нужно было добиться пропуска въ Россію представителей вождей трудящихся массъ Европы.

Два года мы добивались этого и, наконецъ, добились!

Когда мы боролись за снятіе блокады и за пропускъ западныхъ соціалистовъ въ Россію, русская и европейская «большая» пресса называла насъ «большевистскими агентами».

Но мы не боялись кличекъ, ибо вѣрили твердо, что только правдой можно побѣдить ложь!

Теперь правда начинаетъ побѣждать!

Представители европейскаго рабочаго класса, соціалистич. партій и кооперативовъ побывали въ «соціалистическомъ Эльдорадо» и...заманчивый миражъ исчезъ.

Никакія потемкинскія деревни, никакіе парады, увеселительныя поѣздки, банкеты, рѣчи и, наконецъ, угрозы — не помогли. Въ дружный льстивый хоръ субсидированныхъ Lansbury и невѣжественныхъ Cachin'овъ рѣзкимъ, суровымъ диссонансомъ ворвался голосъ правды.

Это заговорили делегаты англійской рабочей партіи, ея лѣваго крыла во главѣ съ Макдональдомъ и Филиппомъ Сноуденомъ, заговорили лѣвые независимые соціалисты-нѣмцы, заговорили нѣмецкіе рабочіе, побывавшіе на «соціалистическихъ» ленинскихъ фабрикахъ въ Россіи и проч.

Завѣса таинственности сорвана! И чѣмъ упоительнѣе была греза, тѣмъ омерзительнѣе оказалась дѣйствительность.

Правда, еще нескоро пройдетъ дурманъ большевистской пропаганды. Еще долго, можетъ быть, будетъ съ раздражительной подозрительностью и недовѣріемъ относиться зачарованная толпа къ трезвымъ словамъ о «большевистскомъ раѣ».

Но переломъ совершился, и Никакая пропаганда, никакіе потоки золота не вернутъ больше большевикамъ ихъ вчерашняго еще престижа въ рабочей и соціалистической Европѣ.

Англійскіе, французскіе и нѣмецкіе рабочіе уже выходятъ на свою собственную дорогу здороваго соціальнаго и революціоннаго творчества.

Завтра къ нимъ примкнутъ итальянцы. И только въ самыхъ отсталыхъ окраинахъ Европы, быть можетъ, сохранится еще нѣкоторое время сила большевистскаго гипноза.

Отъ большевистскихъ реакціонныхъ утопій къ реальному соціальному строительству, прерванному кошмаромъ войны, — вотъ путь, на который должна рѣшительно вступить европейская демократія.

15 IX 1920.

Очередная задача.*)

Обращаясь къ рабочимъ и демократическимъ кругамъ Западной Европы, мнѣ приходилось не разъ опредѣлять сущность большевизма и его значеніе въ развитіи соціалистическаго движенія. И всегда я опредѣлялъ московскій коммунизмъ, какъ *реакцію* политическую и, что гораздо существеннѣе, реакцію *соціальную*.

Тотъ, кто пережилъ всю войну въ Россіи не могъ сомнѣваться въ томъ, что только совершенное и всестороннее, явившееся слѣдствіемъ трехлѣтней блокады и слабости индустріальнаго развитія, экономическое переистощеніе страны — вызвало тотъ процессъ глубокаго соціальнаго развала и хозяйственнаго распада, внѣшнимъ выявленіемъ, симптомомъ котораго и явился большевизмъ

Всѣ попытки воспользоваться явленіями этого разложенія для созданія какой то новой формы общественнаго, хотя бы и коммунистическаго, строя должны были à priori дать во всѣхъ областяхъ хозяйственной и соціальной жизни самыя гибельныя, разрушительныя, реакціонныя послѣдствія.

Еще два года тому назадъ такого рода утвержденія почитались очень значительнымъ большинствомъ европейской рабочей демократіи — утвержденіями контръ-революціонными; даже людямъ наиболѣе трезвымъ и настороженнымъ по отношенію къ большевикамъ они казались слишкомъ односторонними, пожалуй парадоксальными. Помню, съ какой яростью въ одномъ соціалистическомъ собраніи въ Парижѣ оспаривались весной 1920-го года мои слова: «большевизмъ влечетъ за собой исчезнованіе пролетаріата, особенно квалифицированнаго; понижаетъ трудоспособность рабочихъ; отнимаетъ у нихъ всѣ права». Я помню съ какимъ возбужденіемъ тогда выслушивались заявленія о томъ, что «національизованная соціалистическая индустрія сдѣлается рабой иностраннаго капитализма», что «капитализмъ не только не уничтоженъ въ совѣтской Россіи, но напротивъ, пуститъ тамъ новые глубокіе корни и укрѣпится»; что «капитализмъ этотъ будетъ наименѣе произво-

---

*) Рѣчь произнесенная 2-го октября 1921 г. въ Брюсселѣ въ засѣданіи Совѣта Бельгійской соціалистической партіи.

дительнымъ и въ то же время наиболѣе жестокимъ эксплуататоромъ рабочаго класса».

Теперь подобныя утвержденія сдѣлались общимъ мѣстомъ. И, я думаю во всемъ мірѣ нѣтъ уже ни одного независимо мыслящаго человѣка, который не понималъ бы что большевизмъ не имѣетъ ничего общаго съ соціализмомъ и является злѣйшимъ врагомъ не только крестьянства, не только интеллигенціи, но и того самого городского индустріальнаго пролетаріата, именемъ котораго, правятъ московскіе узурпаторы.

Я думаю, въ настоящее время, уже безъ всякаго опасенія вызвать серьезныя возраженія или недоумѣнія, можно, не доказывая, просто утверждать, что большевистскій опытъ законченъ, что не только въ Россіи, но, и въ Европѣ рабочія массы, если не излѣчились вовсе отъ большевистскаго гипноза, то, во всякомъ случаѣ, находятся на пути къ полному излѣченію отъ этой крайне опасной для нихъ болѣзни.

Наблюдая въ разныхъ транахъ процессы зараженія большевизмомъ и выздоровленія отъ этой болѣзни народныхъ массъ, мы не можемъ не замѣтить въ развитіи обоихъ этихъ процессовъ нѣкоторыхъ весьма характерныхъ закономѣрностей.

Первая: *Степень развитія большевизма въ данной странѣ прямо пропорціональна степени ея военнаго истощенія и обратно пропорціональна уровню и силѣ ея индустріальнаго развитія и организованности ея пролетаріата.*

Вторая—въ странѣ, затронутой большевизмомъ число его сторонниковъ среди рабочихъ уменьшается вмѣстѣ съ возстановленіемъ промышленной жизни и съ усиленіемъ классовой организованности рабочихъ массъ.

Доказывать примѣрами эти наблюдаемыя во всѣхъ европейскихъ странахъ закономѣрности не стоитъ. Каждый изъ насъ, вспомнивъ исторію любой страны за послѣдніе три года, легко найдетъ достаточно этому примѣромъ.

Впрочемъ, сами идейные вдохновители 3-го Интернаціонала не разъ пытались серьезно доказывать, что, именно, эпоха «послѣвоеннаго всеобщаго истощенія» особенно благопріятна для того процесса соціальнаго распада, который они почему то именуютъ «соціальной революціей».

Менѣе, чѣмъ кто либо я склоненъ отрицать положеніе, что война дала страшный толчекъ во всемъ мірѣ къ глубокимъ измѣненіямъ во всей толщѣ хозяйственной жизни, вызвала коренныя перемѣны въ соотношеніи соціальныхъ, а слѣдовательно, и политическихъ силъ. Этотъ процессъ можно и должно навать *революціоннымъ,* конечно, въ объективномъ, научномъ смыслѣ этого слова. Но что же онъ имѣетъ общаго съ тѣмъ террористическимъ разгромомъ индустріи и рабочаго класса, который продѣлывается

повсюду, гдѣ только возможно, послѣдователями новаго анти-Маркса Ленина.»

Достаточно сравнить двѣ страны — Англію и совѣтскую Россію, — чтобы понять, что между здоровымъ *объективно революціоннымъ* процессомъ послѣ-военной перегруппировки соціальныхъ и политическихъ силъ (Англія) и разложеніемъ всей политической и экономической жизни (Россія) — нѣтъ ничего общаго. Это — два *полюса,* между которыми въ разныхъ соотношеніяхъ и распредѣляются сейчасъ всѣ формы и виды соціально-политическихъ процессовъ. Впрочемъ, вы знаете лучше меня небывалую еще въ исторіи организованность и силу рабочаго движенія въ Англіи. Вы хорошо знаете, что можетъ быть, ни въ одной странѣ такъ не «созрѣло» четвертое сословіе—трудовая демократія—къ власти, какъ тамъ. Но вы такъ же знаете, что изъ всѣхъ воевавшихъ европейскихъ странъ, именно, Англія экономически наименѣе пострадала во время самой войны и что, именно, тамъ все рабочее движеніе построено на основаніяхъ, въ наибольшей степени исключающихъ всѣ большевистскіе методы и всю большевистскую идеологію.

Да и во всей Европѣ, развѣ не наблюдаемъ мы сейчасъ неслыханнаго до войны наростанія силы организованности трудовыхъ массъ; не видимъ небывалаго ранѣе развитія профессіональныхъ и кооперативныхъ союзовъ, политическихъ пролетарскихъ организацій?!

Однимъ словомъ, вопреки всѣмъ большевистскимъ увѣреніямъ, въ Европѣ вмѣстѣ съ возрожденіемъ хозяйственной жизни быстро растетъ политическое вліяніе народныхъ массъ и зарождаются новыя формы соціальнаго быта. Изобрѣтатели московскаго коммунизма не хуже насъ видятъ это знаменательное явленіе, но пытаются отсрочить день своего окончательнаго идеологическаго разгрома тѣмъ, что упорно замалчиваютъ и скрываютъ отъ своихъ послѣдователей все то, что я сейчасъ говорилъ; упорно стараются все это грандіозное соціально-политическое движеніе подмѣнить легендой о какихъ-то «продававшихся капитализму» вождяхъ, «измѣняющихъ проолетаріату соціалъ-патріотахъ».

На самомъ дѣлѣ, какъ въ самихъ рабочихъ массахъ, такъ и въ нѣдрахъ соціалистическаго движенія, происходитъ сейчасъ упорная борьба двухъ началъ. Какъ въ жизни развивается столкновеніе послѣдствіи послѣвоеннаго истощенія, обнищанія и распада съ явленіями возрожденія, накопленія и роста соціально творческихъ силъ. Такъ и въ сознаніи рабочихъ и ихъ идеологовъ происходитъ борьба идей большевизма—этого «соціализма нищеты» — съ здоровыми началами марксистскаго и немарксистскаго, но революціоннаго и демократическаго соціализма. Если, какъ мы видимъ на примѣрѣ Россіи, большевизмъ при извѣстной степени экономиче-

скаго переистощенія страны и моральнаго ея переутомленія можетъ сдѣлаться господствующей силой, но силой разрушающей всѣ соціальные и хозяйственные устои общежитія и даже уничтожающей физически пролетаріатъ; если, какъ то показываетъ опытъ Европы, большевистское движеніе ослабѣваетъ вмѣстѣ съ исчезновеніемъ явленій послѣ военнаго истощенія, — если оба эти наблюденія правильный, (а сомнѣваться въ этомъ нѣтъ никакихъ основаній), то съ совершенной очевидностью явствуетъ одно: большевизмъ, какъ догма, какъ ученіе, какъ идеологическое построеніе уже разбито. Это мы можемъ утверждать рѣшительно.

Большевизмъ въ его послѣднемъ московскомъ изданіIи будетъ сданъ въ архивъ вмѣстѣ со всѣми остальными болѣзненными явленіями войны и военной психологіи. Есть книга Ленина — «Дѣтскія болѣзни коммунизма». А я думаю, что самъ то ленинскій коммунизмъ — настоящая дѣтская болѣзнь, очень опасная, но не смертельная, болѣзнь роста всего международнаго рабочаго движенія быстро послѣ войны зрѣющаго и мужающаго. Обреченность большевизма, мнѣ кажется безспорной, несомнѣнной. А если это такъ. то не слѣдуетъ ли вождямъ и теоретикамъ освободительнаго движенія народныхъ массъ—, движенія, которое своей конечной цѣлью ставитъ всестороннее выявленіе человѣческой личности т. е. осуществленіе величайшихъ завѣтовъ культуры и гуманности—не слѣдуетъ ли этимъ вождямъ сосредоточить сейчасъ все свое вниманіе на очищеніи этого великаго движенія отъ всѣхъ засорившихъ его теоретическихъ и тактическихъ предразсуздковъ и заблужденій внушенныхъ «коммунистической» Москвой. Эти заблужденія затуманивали сознаніе вождей и ослабили волю всего международнаго соціалистическаго и, вообще, демократическаго движенія.

Прежде и раньше всего нужно покончить съ этой злосчастной психологіей, отрицающей абсолютную цѣнность человѣческой Личности, какъ таковой, внѣ какихъ либо классовыхъ и сословныхъ мундировъ. Прежде и раньше всего нужно покончить съ этой психологіей пролетарской изолированности, которая на практикѣ выливается лишь въ самыя грубыя формы насилія меньшинства надъ большинствомъ.

«Постоянной пѣсней о диктатурѣ пролетаріатъ закрылъ себѣ доступъ въ сердца тѣхъ народныхъ слоевъ, на которые онъ безусловно могъ разсчитывать. Поступая такимъ образомъ, онъ самъ себѣ закрылъ путь къ «соціализму».

Такъ, въ только что вышедшей книгѣ «Соціализація. ея пути и предпосылки», совершенно справедливо пишетъ Генрихъ Штребель. Онъ смѣло утверждаетъ великій примать ***всенародности***, какъ психологическую предпосылку всякаго успѣшнаго ре-

волюціоннаго и, вообще, всякаго политическаго дѣйствія. «По моему, говоритъ онъ, единственное право призывать людей на работу даетъ лишь вѣра въ то, что своей работой они, дѣйствительно, будутъ служить всему обществу». Здѣсь не мѣсто приводить историческіе примѣры, которыми иллюстрируетъ Штребель свои не совсѣмъ обычные для современности разсужденія. Я хочу только напомнить, что въ своихъ выводахъ этотъ одинъ изъ виднѣйшихъ теоретиковъ марксизма протягиваетъ руку Жоресу и vice versa повторяетъ его знаменитую формулу:

„La démocratie sociale n'est que le developpement logique de la démocratie politique..."

Намъ русскимъ народникамъ, воспитаннымъ въ строѣ гуманитарныхъ и соціалистическихъ, но не марксистскихъ идей, намъ, болѣе, чѣмъ понятны тѣ выводы, къ которымъ придутъ неизбѣжно европейскіе идеологи, а за ними и практики, рабочаго движенія, разъ только они Личность Человѣческую признаютъ самостоятельной цѣнностью, а его волю самостоятельнымъ факторомъ исторіи. Освобожденіе сознанія отъ механически - фаталистическаго пониманія историческаго процесса — въ частности, процесса развитія революціонно - освободительнаго движенія — было бы само по себѣ уже величайшимъ завоеваніемъ, которое приблизило бы процессъ рожденія новаго соціально - политическаго строя и новаго въ немъ Человѣка!

Я глубоко убѣжденъ, что дѣло Освобожденія трудящихся массъ будетъ подвигомъ величайшей человѣчности или его совсѣмъ не будетъ.

Не только трудъ, но и самъ Человѣкъ — цѣнности непреходящія и неприкосновенныя.

Изъ этого убѣжденія вытекали всѣ практическія дѣйствія Февральской Революціи, конечно, насколько среди всѣхъ испытаній войны и затрудненій экономическаго преистощенія мы могли отдаваться творчеству новыхъ формъ государственной и соціальной жизни.

Вихрь военной непогоды, какъ будто, безъ остатка смелъ съ лица земли нашу попытку въ революціонномъ творчествѣ сочетать реальныя потребности сегодняшняго дня съ извѣчными завѣтами Человѣчности и Культуры. Но не отчаялись мы въ сердцахъ нашихъ! И въ томъ, что мы наблюдаемъ сейчасъ въ Европѣ, мы находимъ источникъ новой бодрости и вѣры.

Разрѣшите мнѣ не намѣчать здѣсь всѣхъ выводовъ, которые должны сдѣлать практическіе политики изъ тѣхъ явленій въ раз-

*) Демократія соціальная является лишь логическимъ развитіемъ политической демократіи.

витіи соціалистическаго и рабочаго движенія, которые я пытался выше намѣтить.

Мнѣ хотѣлось только сказать тѣмъ, кому понятенъ строй моихъ мыслей и кто привѣтствуетъ направленіе развивающихся событій — дерзайте! Экономическія, политическія и психологическія предпосылки на лицо.

Жатва созрѣла! Ее нужно во время снять. Нужно смѣло итти новыми путями соціальнаго и политическаго творчества, памятуя, что не въ эгоистической изолированности, а во всенародномъ служеніи найдутъ трудящіяся массы свое признаніе и свою побѣду.

3. 10. 1920 г.

III.

ВЪ СОВѢТСКОЙ РОССІИ.

Третья сила.

Вся иностранная пресса переполнена свѣдѣніями о происходящихъ въ совѣтской Россіи крестьянскихъ и рабочихъ возстаніяхъ.

Операціи арміи Врангеля отходятъ на второй планъ.

Можно переоцѣнить силу и значеніе крестьянскихъ возстаній, происходящихъ въ настоящее время, но нельзя уже нынѣ ошибаться въ одномъ: —

Большевистская психологія до конца изжита трудящимися массами Россіи. —

Съ Волги и изъ Сибири, изъ Петербурга, Украины, Сѣвера и Сѣверо-запада Россіи — отовсюду идутъ одни и тѣ же свѣдѣнія: жгучая ненависть къ московскимъ насильникамъ переполняетъ душу русскаго крестьянина и рабочаго.

Послѣдній бой народа съ «коммунистической» Москвой неизбѣженъ.

Кровавая, страшная смута кончится его рѣшительнымъ вмѣшательствомъ.

Придетъ третья сила и положитъ предѣлъ хозяйничанью всѣхъ одинаково ненавистныхъ народу красныхъ и бѣлыхъ тирановъ, Придетъ та самая третья сила, которую давно сбросили со счетовъ русскіе большевики и реакціонеры, которую игнорировали и надъ которой издѣвались въ Европѣ.

Съ какимъ единодушіемъ и «бѣлые», и «красные», и просто обыватели измывались надъ тѣми, кто, несмотря на всѣ невыносимыя испытанія, оставался съ народомъ, вѣрилъ въ его трезвый разумъ и здоровую совѣсть и не переставалъ твердить:

«Ни въ Ленинѣ, ни въ бѣлыхъ генералахъ нѣтъ спасенія, ибо ни съ Ленинымъ, ни съ очереднымъ Врангелемъ народа русскаго нѣтъ».

Напрасно реакція готовится для своихъ цѣлей воспользоваться все крѣпнущимъ анти-большевистскимъ народнымъ движеніемъ. Ея «ставка на мужика» снова будетъ бита, какъ она была бита въ свое время у Столыпина, а теперь у Ленина.

Народъ не хочетъ и не пуститъ къ себѣ реакцію, въ какія бы овечьи шкуры она ни рядилась. Въ прекрасные, но страшные мартовскіе дни, — въ дни Великой русской революціи, — исчезъ разъ навсегда старый режимъ. Въ порывѣ революціоннаго творчества заложилъ тогда русскій народъ твердый фундаментъ своей новой государственности.

Не только совершенное народовластіе, но и соціальная справедливость; не только воля, но и земля; не только свободный человѣкъ, но и его трудъ, какъ незыблемая основа всего соціальнаго строя — вотъ подлинное новое слово русской революціи.

Это слово было растоптано каблуками красно и бѣло-армейскихъ вахмистровъ. Но въ сознаніи и въ совѣсти народа оно не умерло! И чѣмъ соблазнительнѣе были большевистскіе лозунги, тѣмъ сильнѣе отрезвленіе. Чѣмъ упорнѣе и безпощаднѣе преслѣдовалась истина, чѣмъ глубже загонялось въ подполье всякое слово правды, тѣмъ съ большимъ напряженіемъ народъ въ совѣсти своей искалъ этой правды, пересматривая и переоцѣнивая въ своемъ сознаніи все пережитое за эти страшные годы.

Нынѣ этотъ духовный, психологическій процессъ въ душѣ народной законченъ. Новое сознаніе родило волю къ дѣйствію.

Не во имя реакціи противъ Ленина и не во имя Ленина противъ реакціи выступитъ рѣшающая третья сила.

Она придетъ какъ сила самостоятельная для осуществленія своихъ собственныхъ цѣлей.

Кто любитъ Родину, долженъ вернуться къ народу и отдать ему весь свой разумъ и всю свою волю.

Позабывъ о томъ, что вытерпѣлъ русскій народъ въ эпоху царизма, — многіе, очень многіе, въ мучительныхъ судорогахъ освобождающагося изъ цѣпей рабства человѣка увидѣли только отвратительную гримасу пьянаго хама...

Но Человѣкъ побѣждаетъ въ себѣ Хама. Нужно скорѣе побѣдить въ себѣ ненависть и съ любовью идти на помощь народу воскресающему.

17. X. 20 г.

Совѣтская дѣйствительность.

У параднаго подъѣзда созданнаго Ленинымъ коммунистическаго Эльдорадо толпятся, съѣзжаясь со всѣхъ концовъ міра, знатные иностранцы.

Всѣхъ этихъ Lansbury, Cachin'овъ и т. д. водятъ любезные хозяева по параднымъ покоямъ, забавляютъ эффектными зрѣлищами и парадами, только издали показывая имъ безмолствующій, но, конечно, благоденствующій россійскій пролетаріатъ. Одураченные, а иногда и ослѣпленные золотомъ, знатные гости изъ Европы возвращаются туда, неся всѣмъ истомленнымъ и озлобленнымъ въ похмельѣ войны благую вѣсть объ осуществленномъ, наконецъ, на землѣ царствіи Божіемъ — царствѣ свободнаго труда!

Но, какъ въ хорошихъ старыхъ русскихъ барскихъ усадьбахъ, ленинская вотчина, кромѣ парадныхъ покоевъ, не обитаемыхъ и открывающихся только для званныхъ гостей, имѣетъ еще «жилую половину», гдѣ въ разныхъ затрапезныхъ клѣтушкахъ и чуланчикахъ ютится весь взятый на барщину народъ, задыхаясь въ смрадѣ господскаго произвола.

Объ этой подлинной русской дѣйствительности, азіатской изнанкѣ большевизма, еще недавно ничего не знала и не хотѣла знать европейская демократія.

Теперь она уже объ этомъ знаетъ, но, зачарованная сладкими пѣснями о коммунистическомъ раѣ, еще не можетъ сдѣлать изъ этой правды неизбѣжныхъ выводовъ.

Часть рабочей демократіи, наивно, какъ страусъ, пряча голову подъ крыло, утѣшаетъ себя тѣмъ, что въ Европѣ можно осуществить соціальную революцію по ленинскому рецепту, избѣжавъ всѣхъ ея московскихъ недостатковъ, вызванныхъ «некультурностью неграмотныхъ русскихъ народныхъ массъ».

Европейскіе слѣпые поклонники большевиковъ не хотятъ понять, что не въ невѣжествѣ народа, а въ нелѣпости и изувѣрствѣ самой доктрины — источникъ всѣхъ ужасовъ ленинской тираніи.

Замѣна самыхъ элементарныхъ основъ человѣческаго общежитія однимъ голымъ террористическимъ насиліемъ ничтожнаго меньшинства населенія надъ его большинствомъ, замѣна всѣхъ демократическихъ принциповъ государственнаго строительства «желѣзной дисциплиной» на прусскій образецъ — все это развращаетъ и разлагаетъ самихъ носителей новой коммунистической государственности.

Смерть духа — вотъ та страшная неотвратимая кара, которая постигаетъ тѣхъ, кто во имя власти дерзаетъ вывернуть на-изнанку всѣ идеи соціализма и демократіи.

Перечтите жуткія слова Мартова (на съѣздѣ въ Галле) о внутреннемъ разложеніи, омертвѣніи и окончательномъ озвѣрѣніи правящей совѣтской бюрократіи, т. е. виднѣйшихъ членовъ коммунистической партіи.

Гомерическое взяточничество, неслыханное кумовство, безстыдная роскошь на глазахъ умирающаго съ голода пролетаріата,

— вотъ весь идейный багажъ «активнаго меньшинства», авангарда соціальной революціи!

Большевистская пресса сама иногда вынуждена помѣщать отчаянные вопли наивныхъ коммунистовъ, которые требуютъ рѣшительнаго очищенія партіи и правительственнаго аппарата отъ «всей этой сволочи».

Увы! Эти іеремiады раздаются чуть ли не съ осени 1917 года, а жизнь идетъ своимъ чередомъ.

Все стремительнѣе развивается процессъ духовной смерти въ рядахъ служителей системы аракчеевскаго казарменнаго соціализма.

Всѣ велерѣчивыя разсужденія оффиціальныхъ ораторовъ-коммунистовъ, въ то же время совѣтскихъ чиновниковъ, о святости новаго пролетарскаго евангелія остаются кимваломъ бряцающимъ, не доходятъ больше до слуха закрѣпощенныхъ рабочихъ, которые на своей спинѣ чувствуютъ всю мерзость житейскихъ дѣлъ новыхъ апостоловъ-бюрократовъ.

Самовластіе само несетъ себѣ смерть. Чѣмъ циничнѣе издѣвательство надъ Свободой духа человѣческаго, тѣмъ скорѣе наступаетъ часъ расплаты!

21. X. 20 г.

Правдолюбцы.

На X-мъ съѣздѣ Р. К. П. Ленинъ усердно защищалъ противъ «нападокъ крестьянъ и рабочихъ» необходимость широкихъ концессій иностранцамъ. Защита была болѣе чѣмъ откровенная! «Постановка оборудованія и организаціи производства, — говорилъ вождь «міровой соціальной революціи» — невозможна безъ помощи извнѣ, безъ привлеченія иностранныхъ капиталистовъ, а они это дѣлаютъ только ради необъятныхъ барышей ... Современный капитализмъ беретъ сотни процентовъ прибыли ... Если мы дадимъ руду или лѣсъ концессіонеру, онъ возьметъ громадную долю этого продукта и намъ дастъ небольшое долевое отчисленіе. Но намъ важно увеличить количество продуктовъ вообще, поэтому и небольшое отчисленіе все же есть плюсъ для насъ».

Итакъ, вполнѣ сознавая, что иностранный капиталъ идетъ въ «коммунистическую» Россію, какъ побѣдитель, для хищнической ея эксплоатаціи, господа большевики все-таки любезно распахиваютъ передъ нимъ двери, расчитывая на подачкахъ знатныхъ иностранцевъ, на ихъ экономической интервенціи, если не укрѣпить, то во всякомъ случаѣ продлить свое господство! А господа иностранные капиталисты тѣмъ временемъ будутъ безданно и без-

пошлинно расхищать естественныя богатства Россіи, бепощадно эксплоатируя трудовую силу русскихъ рабочихъ и крестьянъ!

Оголенная до цинизма сущность московскаго коммунизма, такъ ярко вскрывшаяся въ только-что приведенныхъ словахъ предсѣдателя Совнаркома, вызвала гнѣвную отповѣдь одной русской честной и правдивой газеты. «Они, — восклицаетъ она, — выносятъ Россію на базаръ; торгуютъ Россіей. Они продаютъ ее иностраннымъ представителямъ; продаютъ въ розницу, — по мелкимъ кусочкамъ».

Смѣлыя слова! Какая свобода печати существуетъ въ совѣтской Россіи! А еще всякіе тамъ «контръ-революціонеры» — эсъэры и меньшевики, — пытаются облыжно доказать западному пролетаріату, что въ Совдепіи нѣтъ никакой свободы слова. Какъ видите, свобода тамъ существуетъ. Но только... коммунистическая свобода печати совсѣмъ не похожа на обыкновенную «буржуазную» свободу.

Она преодолѣла всѣ ея «предразсудки» и идетъ совершенно новыми путями; путями, поражающими своей оригинальностью и доходящей до дерзости смѣлостью.

Ленинъ произнесъ циничныя слова о распродажѣ Россіи. Изобличить его, напасть на него прямо было бы слишкомъ «буржуазно» для образцовой коммунистической газеты! И «Правда», (откуда взяты только что приведенныя обличительныя фразы), смѣло нападаетъ не на Ленина, не на совѣтъ народныхъ комиссаровъ, пригласившихъ гг. концессіонеровъ въ Россію, а на... соціалистовъ - революціонеровъ!

Да, такъ и написано. — «Эсъ-эры выносятъ Россію на базаръ, они торгуютъ Россіей» и т. д. А дальше идутъ примѣры — «продаютъ въ розницу — кусочекъ Англіи за внѣшній заемъ, кусочекъ Польшѣ за оффиціальное признаніе». Всѣмъ извѣстно, что по Рижскому мирному договору, за свое оффиціальное признаніе именно, большевики продали Польшѣ 130—140 тысячъ квадратныхъ верстъ русскихъ исконныхъ земель, со всѣми лѣсами, полями и угодьями! Да въ придачу еще подарили польскимъ панамъ около 8 милл. русскихъ, бѣлорусскихъ и украинскихъ крестьянъ! Вѣдь всѣмъ извѣстно, что въ результатѣ англо - русскаго торговаго договора, — правда, не за «внѣшній заемъ», а за право вывозить въ Англію русское золото, — отдаются почти задаромъ естественныя богатства Россіи англійскимъ сверхъ - милліонерамъ. Всѣмъ это извѣстно, а потому... «Правда» изобличаетъ въ этомъ «предателей» рабочаго класса — эсъ - эровъ.

Эта безсовѣстная клевета ленинской казенной газеты, конечно, расчитана только на то, что русскіе рабочіе и крестьяне не знаютъ и никогда не узнаютъ правды. Вѣдь свобода печати —

«буржуазный предразсудокъ!». Этого предразсудка не существуетъ, слава Богу, въ «соціалистическомъ» государствѣ!

Только по какой-то странной случайности отсутствіе этого «буржуазнаго предразсудка» оказалось на практикѣ очень выгоднымъ, именно, для буржуазіи и гибельнымъ для пролетаріата. Ну, развѣ осмѣлилась бы когда-нибудь какая-нибудь власть такъ безстыдно превращать Россію въ новое Конго, а русскихъ рабочихъ въ эксплоатируемыхъ европейскими хищниками туземцевъ, если бы сейчасъ въ Россіи существовала свобода печати, хотя бы такая, какой она была въ эпоху Побѣдоносцевыхъ и Плеве?!

Да, если бы эта свобода существовала, то русскія трудящіяся массы давно бы уже поняли, что большевики готовы не только продать Россію и русскій пролетаріатъ иностранному капиталу, но и предоставить этому послѣднему полную свободу дѣйствій въ коммунистической республикѣ...

Но свободы нѣтъ! А большевики лгутъ и клевещутъ.

Пусть! Развитіе событій съ желѣзной необходимостью приближаетъ роковую для большевиковъ развязку. И тогда всѣ клеветническія хитросплетенія «правдолюбцевъ» изъ всякихъ казенныхъ «Правдъ» разлетятся, какъ карточные домики. Россія узнаетъ истину и пойметъ, кто былъ ея другомъ, и кто, дѣйствительно, предалъ ее.

22. X. 21 г.

Сила правды.

Осень 1905 года. Разгромъ русскихъ императорскихъ армій въ Манчжуріи.

Все наростающая волна революціоннаго движенія внутри Россіи.

Крестьянскія возстанія, рабочія революціонныя забастовки, протесты интеллигенціи.

А въ отвѣтъ — разгромъ печати, карательныя экспедиціи, избіенія, бѣлый терроръ.

Все ярче разгорается смертельный бой между губящимъ страну самодержавіемъ и рвущимся къ свободѣ народомъ. Презираемый, покинутый всѣми, слабѣющій въ борьбѣ съ народной стихіей царизмъ хватается, наконецъ, за послѣднее средство: онъ направляетъ противъ вождей революціи отравленное оружіе злостной клеветы. Клевреты Плеве публикуютъ въ заграничной прессѣ сенсаціонное «достовѣрное» сообщеніе о томъ, что все революціонное движеніе организовано на «японскія деньги!».

Гнусная попытка замутить народное сознаніе, особенно настороженное во время войны, не удалась. Народъ, изнывавшій подъ

игомъ самодержавія и испытывавшій на своей шкурѣ всѣ послѣдствія несчастной японской авантюры, слишкомъ хорошо если не видѣлъ, то чувствовалъ, гдѣ его подлинный и единственный «внутренній врагъ».

... Царь и его министры должны были, въ концѣ концовъ, капитулировать манифестомъ 17 октября.

Осень 1920 года. Снова крестьянскія возстанія, снова свистъ полицейскихъ нагаекъ надъ толпами голодающихъ рабочихъ, снова съ нелѣпой злобой преслѣдуется интеллигенція, задушена пресса, снова терроръ, но на этотъ разъ терроръ красный, превзошедшій въ своихъ ужасахъ всякую мѣру человѣческаго терпѣнія.

А надъ всѣмъ этимъ развивается кровавый стягъ войны.

Невинной, дѣтской шуткой кажется Цусима передъ этимъ всероссійскимъ разгромомъ и погромомъ большевистскихъ внутреннихъ и внѣшнихъ войнъ.

Ненавидимое, презираемое всѣми, связанное съ народными массами только штыкомъ и кнутомъ московское ленинское самодержавіе изнемогаетъ въ неравной борьбѣ съ народомъ . .

Сознавая, что на одномъ штыкѣ долго не усидишь, «народные» комиссары все чаще и беззастѣнчивѣе прибѣгаютъ ко лжи и злостной клеветѣ, какъ къ послѣдней попыткѣ подорвать моральную силу своихъ враговъ, ихъ растущее вліяніе въ народныхъ массахъ.

И вотъ снова, какъ при Плеве, появляются на сцену «японскія деньги».

На-дняхъ ленинскіе заграничные агенты объявили, что все революціонное движеніе въ Россіи сводится къ «интригамъ Антанты», что «эсэры дѣйствуютъ въ полномъ согласіи съ русской реакціей и на средства Антанты».

Новые японскіе агенты и — больше ничего!

Москва отлично знаетъ дѣйствительное отношеніе Антанты къ русской демократіи.

Она отлично помнитъ, кто подталкивалъ генерала Корнилова на Временное Правительство; гдѣ подготовлялся заговоръ Колчака противъ директоріи; Москва документально освѣдомлена о томъ, что первые въ Европѣ противъ интервенцій, противъ блокады, противъ генеральскихъ авантюръ, субсидируемыхъ иностранцами, выступили представители русской демократіи и, въ частности, эсэры.

Москва знаетъ и о томъ, что ненависть русской реакціи къ февральской революціи и ея вождямъ не только не гаснетъ, а все разгорается.

Разгорается тѣмъ сильнѣе, чѣмъ ближе крахъ большевизма, и чѣмъ напряженнѣе становится тяга народныхъ массъ къ идеямъ и идеаламъ февральской революціи.

Ленинъ и его клевреты все это знаютъ и клевещутъ сознательно. Ложью — обѣщаніемъ мира, хлѣба и свободы — они захватили власть. Нищету и голодъ, кровавую усобицу, произволъ чрезвычаекъ — дали они повѣрившимъ имъ крестьянамъ и рабочимъ.

Неужели-же эти обманутые могутъ повѣрить новой и сугубой лжи?!

Неужели въ защитникахъ завоеваній февральской революціи изнывающій въ рабствѣ народъ снова увидитъ своихъ «враговъ»!?

Нѣтъ, никогда!

Ложь и клевета безсильны передъ правдой жизни, которая, какъ радостное весеннее солнце, все ярче разгорается въ народномъ сознаніи.

Путь къ свободѣ тернистъ, но онъ только одинъ.

На этомъ пути, какъ свѣточи, горятъ и никогда не гаснутъ великіе завѣты Человѣчности, соціальной справедливости и Права.

На этотъ путь мы зовемъ и знаемъ, что никакая ложь, ненависть и клевета не заглушатъ нашего голоса, который будетъ, наконецъ, услышанъ русскимъ народомъ, ибо онъ живъ и къ новой жизни стремится.

6. XI. 20 г.

Геростраты нашихъ дней.

Когда въ дни октябрьскаго возстанія большевики изъ тяжелыхъ орудій обстрѣливали московскій Кремль, Луначарскій — этотъ Лаврентій Великолѣпный эпохи большевистскаго Возрожденія — демонстративно подалъ въ отставку.

Комиссаръ по дѣламъ народнаго просвѣщенія протестовалъ противъ варварства потерявшихъ мѣру возможнаго и невозможнаго зачинщиковъ братоубійственной войны. Подражая примѣрамъ классической древности, г. Луначарскій безстрастно взиралъ, какъ безсмысленно, безцѣльно, съ первобытной жестокостью уничтожались сотнями и тысячами человѣческія жизни — это драгоцѣннѣйшіе, но слишкомъ хрупкіе сосуды, хранилища Духа и Разума. Какое дѣло мудрецу до всѣхъ этихъ гибнущихъ Ивановъ и Петровъ, до всей этой человѣческой пыли! Только волей героевъ и разумомъ геніевъ творитъ судьба исторію и создаетъ вѣчные памятники Красоты и Мудрости!

Вотъ почему г. Луначарскій и иже съ нимъ спокойно «пріяли» кровь человѣческую — алый цементъ для скрѣпы воздвигаемаго ими храма коммунизма.

Вотъ почему они захотѣли отойти отъ этого строительства, какъ только разрушеніе коснулось прекрасныхъ, но мертвыхъ памятниковъ далекой старины.

Какой классическій жестъ! „Noli tangere circulos meos“ — залей во имя соціализма всю землю русскую кровью, но на культуру, на сокровища генія человѣческаго не посягай!

Такъ и рѣшили: царство краснаго террора должно сдѣлаться «республикой наукъ и искусствъ».

Трудно сказать, было-ли это стремленіе создать среди хаоса смерти и разрушенія своеобразный культурный оазисъ въ видѣ комиссаріата народнаго проосвѣщенія, — было ли это только сознательнымъ ханжествомъ и лицемѣріемъ большевистскихъ іудушекъ. Можетъ быть г. г. народнымъ комиссарамъ, дѣйствительно, хотѣлось хоть гдѣ нибудь сохранить уголокъ чистой человѣческой жизни; хотѣлось хоть гдѣ нибудь отдохнуть, какъ въ тихой пристани, отъ крови, насилія и лжи!

Но это не удалось. Много было сдѣлано усилій, чтобы и себя и въ особенности Европу убѣдить въ томъ, что именно въ совѣтской Россіи пышно, какъ нигдѣ и никогда, распустился нѣжный, но такой чувствительный къ непогодамъ цвѣтокъ просвѣщенія, цвѣтокъ духовной культуры. Какъ изъ рога изобилія сыпались реформы, «благожелательныя мѣропріятія» министерства народнаго просвѣщенія. Всеобщее обязательное безплатное обученіе, новыя совершенныя учебныя программы, демократизація высшихъ учебныхъ заведеній, развитіе сѣти учрежденій для самообразованія, націонализація всѣхъ музеевъ и книгохранилищъ, уравненіе «пайка» ученыхъ, литераторовъ и художниковъ съ пайками «самихъ» комиссаровъ и даже членовъ Ч.К., кормленіе дѣтей въ школахъ горячими завтраками и пр. и пр.

Все это вводилось съ лихорадочной поспѣшностью, рекламировалось по всѣму міру.

Самые упорные на Западѣ скептики колебались и готовы были повѣрить, что тамъ въ коммунистической Россіи расцвѣтаютъ новыя Аѳины.

Ex oriente lux!

Увы, эти новыя пролетарскія Аѳины оказались такой же фантазіей, такимъ же «плѣнной мысли раздраженіемъ», какъ и всѣ остальныя чудеса совдепіи.

Въ дѣйствительности не въ современныя Аѳины съ Периклами и Сократами превратилась Россія. Она вся сдѣлалась щедринскимъ городомъ Глуповымъ, гдѣ сотни Угрюмъ-Бурчеевыхъ упраздняютъ науки и разрушаютъ школы.

Вмѣсто просвѣщенія — разрушеніе послѣднихъ остатковъ культуры, не страшная, но вѣрная отъ голода и холода смерть самихъ творцовъ духовныхъ цѣнностей — ученыхъ, литераторовъ, художниковъ! Читайте и перечитывайте простыя, безстрастныя слова Уелльса объ его петербургскихъ впечатлѣніяхъ, объ его бесѣ-

дахъ съ академиками и профессорами, объ его свиданіи съ Глазуновымъ!

Мрутъ люди, а тѣмъ временемъ сокровища искусства гибнутъ въ почти нетопленныхъ музеяхъ; историческія зданія разрушаются; книги исчезаютъ изъ употребленія; школы остаются безъ учебныхъ пособій, безъ бумаги, карандашей и чернилъ. Да и зачѣмъ все это! Развѣ могутъ учить и учиться въ полуразрушенныхъ школахъ голодные, дрожащіе отъ холода, неодѣтые, необутые призраки, которые когда то были людьми!..

Страшно, безумно страшно, господа!

Подвиги всѣхъ Магницкихъ, Фотіевъ, Катковыхъ, Побѣдоносцевыхъ блѣднѣютъ, вовсе исчезаютъ передъ этимъ уничтоженіемъ всей русской культуры въ ея прошломъ, въ ея настоящемъ, въ ея будущемъ!

Ревъ тяжелыхъ орудій, разстрѣливавшихъ Кремль, былъ лишь пророческимъ знаменіемъ того, какъ будетъ гибнуть наша родина подъ безпощадными ударами большевистской татарщины!

Россія никогда не забудетъ дѣянія новыхъ Геростратовъ, на медленномъ огнѣ сжигающихъ храмъ русской культуры.

16. XI. 20 г.

За кулисами III Интернаціонала.

Не такъ давно засѣдалъ въ Москвѣ второй съѣздъ III Интернаціонала. Апостолы новаго пролетарскаго евангелія, окруженные своими учениками всѣхъ племенъ и народовъ, провозглашали на «двунадесяти языкахъ» свои заповѣди — знаменитые «21 пунктъ» условій, выполнивъ которые раскаявшіеся грѣшники II Интернаціонала могутъ надѣяться на присоединеніе къ коммунистической церкви.

Съ неистовой яростью предавались анафемѣ отъ имени «истиннаго соціализма» всѣ «контръ-революціонеры» вожди соціалистическаго и рабочаго движенія, не павшіе ницъ передъ престоломъ новаго пророка Ленина.

Величайшимъ преступленіемъ всѣхъ этихъ Сноуденовъ, Мергеймовъ и прочихъ нечестивцевъ было объявлено ихъ, якобы, соглашательство съ «имперіалистами и капиталистами, собственными и иностранными». Благоговѣйно внимали члены III Интернаціонала обличительнымъ рѣчамъ своихъ учителей и разгоралась въ сердцахъ ихъ великая ревность пострадать за истинную вѣру, т. е. поскорѣе, вернувшись домой, извергнуть изъ своей среды какого нибудь «изобличеннаго» соглашателя.

Увы! Эти рядовые участники съѣзда и не подозрѣвали въ простотѣ своей души, что «соглашатели», «измѣнники», «контръ-революціонеры, продающіе интересы пролетаріата международнымъ хищникамъ капитализма», гораздо ближе къ нимъ, что они тутъ же въ залѣ! Эти простецы никогда не повѣрили бы, что сами-то пророки-изобличители, прямо изъ зала засѣданій съѣзда уходятъ въ уютные кабинеты и тамъ въ интимной обстановкѣ ведутъ дѣловые разговоры съ представителями американскихъ милліардеровъ.

А между тѣмъ это было именно такъ.

Время засѣданій второго съѣзда ленинскаго Интернаціонала какъ разъ совпало съ заключательной стадіей переговоровъ совѣтской власти съ представителемъ американскаго банковскаго синдиката г. Вандерлипомъ. Этотъ финансовый дѣлецъ пріѣхалъ въ Европу изъ Москвы почти слѣдомъ за делегатами съѣзда, съ подписями лидеровъ большевизма подъ договоромъ, по которому 400.000 кв. миль сѣверо-восточной Сибири вмѣстѣ съ Камчаткой отдаются на 60 лѣтъ въ аренду синдикату. Синдикатъ получаетъ исключительное право на эксплоатацію природныхъ богатствъ края, контроль надъ торговлей на побережьѣ Тихаго океана и т.д.!

Итакъ, подъ шумокъ непримиримыхъ революціонныхъ рѣчей состоялось соглашеніе «вождей всемірной соціальной революціи» съ представителями «міровового капитализма».

Но этого мало, вмѣстѣ съ г. Вандерлипомъ пребывалъ въ Москвѣ на правахъ почетнаго коммуниста Энверъ-паша, вождь турецкаго непримиримаго шовинизма, любимецъ императора Вильгельма и искусный организаторъ армянскихъ погромовъ.

Подъ сѣнью красныхъ знаменъ III Интернаціонала состоялось тайное военное соглашеніе между большевиками и турками. И не успѣли еще отдохнуть отъ поѣздки въ Москву господа европейскіе коммунисты, какъ широкой рѣкой полилась на Кавказѣ кровь женщинъ, дѣтей и стариковъ!

Арменія уже задушена. Грузія задыхается въ крѣпкихъ объятіяхъ большевистскихъ и кемалистскихъ бандъ . . .

Съ негодованіемъ отвернется культурный міръ отъ московскаго коммунизма, когда вскроются всѣ кровавыя преступленія его вождей. А среди этихъ преступленій трагедія Кавказа займетъ не послѣднее мѣсто.

А рабочіе и соціалисты всѣхъ странъ, очнувшись отъ гипноза сверхъ-революціонныхъ фразъ и жестовъ, должны потребовать отчета отъ тѣхъ «вождей», которые, натравливая ихъ другъ на друга и пользуясь всеобщимъ переполохомъ, ловко устраивали свои темныя дѣла и дѣлишки, распродавая иностраннымъ капиталистамъ народное достояніе, добытое потомъ и кровью десятковъ поколѣній!

Да, дѣло и не въ самомъ капитализмѣ, какъ таковомъ. А въ тѣхъ хищническихъ, гибельныхъ для развитія страны его формахъ, въ которыхъ онъ насаждается въ Россіи г. г. Лениными, Красиными и К-о.

18. XI. 20 г.

Вѣяніе смерти.

...«Съ глубочайшей завистью вспоминаемъ о васъ, странствующемъ по заграницѣ. Сидимъ въ постылой Москвѣ, «правимъ Русью» и «расширяемъ горизонты». Конечно, это звучитъ очень гордо, но и вы, я думаю, поймете, какъ все это надоѣло, опротивѣло и сдѣлалось не радостнымъ революціоннымъ творчествомъ, даже не крестомъ, который несемъ въ свѣтлое царство будущаго, а сѣрой, будничной, тяжелой и нудной работой, которая становится тѣмъ гаже, ибо массы (мы это чувствуемъ) отошли отъ насъ и питаются теперь вздоромъ, выдумываемымъ паршивенькими соціалистиками разномастныхъ толковъ. Наши великіе и чистые идеалы — народъ съ охотой мѣняетъ на шкурническую чушь соціаль-предателей. Черкните намъ, что происходитъ заграницей. Соціальная революція конечно идетъ по вполнѣ опредѣлившимся этапамъ, но намъ интересно знать, когда она придетъ на русскій этапъ. Оффиціальная информація не всегда безгрѣшна. Вы, я полагаю, хорошо освѣдомлены о заграничныхъ дѣлахъ»...

Такъ писалъ недавно изъ Москвы крупный большевистскій бюрократъ своему начальнику, уже настоящему красному вельможѣ, благополучно проживающему въ буржуазной Европѣ. Онъ написалъ эти жуткія строки въ частномъ интимномъ письмѣ, неподлежащемъ никакой огласкѣ. Здѣсь не нужно было лгать, притворяться; не нужно было заглушать свои настроенія звономъ громкихъ казенныхъ фразъ. И какъ только далъ себѣ волю одинъ изъ тѣхъ, кто, «сидя въ постылой Москвѣ, правитъ Русью», такъ невольно вылетѣлъ изъ его устъ трагическій вопль — когда она придетъ на русскій этапъ! Она — соціальная революція! Она, эта таинственная богиня, во имя которой три года приносятся безчисленныя гекатомбы человѣческихъ жизней!

Всему міру четвертый годъ всѣми способами вдалбливаютъ, что туда, въ Москву, эта лучезарная богиня уже пришла, что тамъ эта «соціальная революція» уже совершается, что тамъ, на востокѣ, уже взошло яркое солнце царства свободнаго труда.

Одураченные московскими прорицателями европейскіе поклонники Ленина ждутъ не дождутся, когда же, наконецъ, въ своемъ побѣдномъ шествіи съ востока на западъ дойдетъ она до нихъ и испепелитъ старую буржуазную, обреченную на сломъ Европу. — «Се грядетъ!».

Увы, тамъ, въ московскомъ святилищѣ «соціальной революціи», ее тоже ждутъ; ждутъ... съ запада! Ждутъ съ отчаяніемъ, со смертью въ душѣ. «Черкните намъ, что происходитъ заграницей... Оффиціальная информація не всегда безгрѣшна».

Безгрѣшна! Какая деликатная характеристика этой «оффиціальной информаціи», которая въ теченіе трехъ лѣтъ два раза въ мѣсяцъ объявляла къ свѣдѣнію россіянъ о вспыхнувшей въ Западной Европѣ соціальной революціи. А ея все не было. Все нѣтъ! А кругомъ жизнь становится все «гаже», ибо... «массы (мы это знаемъ) отошли отъ насъ!». Какъ?! — На Западѣ всѣ увѣрены, что тамъ, въ Ленинской вотчинѣ, осуществилась «диктатура пролетаріата», что совѣтское правительство — «единственное въ мірѣ правительство рабочаго класса», а... массы, рабочія массы, «отошли отъ насъ».

Но развѣ эти массы шли когда нибудь за «великими и свѣтлыми идеалами» ленинскаго коммунизма?! Развѣ имъ приходится теперь «мѣнять» эти идеалы на «шкурничество соціалъ-предателей?». Въ этомъ вопросѣ вся трагедія искреннихъ большевиковъ, если таковые еще есть!

Вѣдь, они знаютъ, что не во имя идеаловъ соціализма поднялась въ октябрьскіе дни противъ Революціи утомленная войной солдатчина! Вѣдь не во имя классовыхъ интересовъ пролетаріата пошли за большевиками деклассированные рабочіе военнаго времени! Кто не помнитъ ленинскихъ лозунговъ 1917 года? — Это было подлинное шкурничество, то самое шкурничество, о которомъ съ такимъ презрѣніемъ говорятъ теперь московскіе властители. Все темное, все звѣриное, все личное, противообщественное было поднято большевистскими демагогами съ самаго дна народной души. Шкурничество побѣдило Революцію. И на этомъ фундаментѣ, на соціальной реакціи низовъ было выстроено все великолѣпное зданіе московскаго коммунизма. Здоровые трудовые слои русскаго народа никогда не были съ большевиками.

Можетъ быть, захваченные стихіей смерти и разрушенія многіе искренніе послѣдователи Ленина и чувствовали себя подлинными вождями трудовыхъ массъ, властителями ихъ думъ. Можетъ быть! Но теперь-то они уже знаютъ — что... «массы отошли». А соціальной революціи все нѣтъ, какъ нѣтъ! Она гдѣ-то развивается «по вполнѣ опредѣленнымъ этапамъ». Но гдѣ? — неизвѣстно. Въ Россіи ея нѣтъ! Ничего нѣтъ, кромѣ казенныхъ фразъ о ней и безсмысленной «сѣрой», «будничной» обыденщины, чиновничьей службы въ «постылой Москвѣ».

Нѣтъ спасенія для режима, когда въ душѣ самыхъ вѣрныхъ его слугъ распускаетя яркій, но ядовитый цвѣтокъ насмѣшливаго отчаянія. Вѣяніемъ смерти дышитъ жуткая дѣйствительность совѣтскаго быта!

22. II. 21 г.

Неизбѣжное.

Замолкли кронштадскія пушки. Московскимъ палачамъ удалось задушить матросскую вольницу, заливъ кровью стѣны крѣпости, колыбели и оплота ихъ власти. Возстаніе, вспыхнувшее въ «цитадели октябрьской революціи» — это величайшій симптомъ разложенія и распада большевистскаго стана.

Однако жуткая красочность внѣшней картины разгрома Кронштадта затемнила въ сознаніи очень многихъ внутренній смыслъ совершившихся тамъ событій. Кровавая расправа Троцкаго съ его вчерашними друзьями превратилась для многихъ въ побѣду Москвы надъ крестьянской и рабочей демократіей.

Послѣ весьма кратковременнаго всеобщаго подъема и возбужденія, наступилъ періодъ упадка и разочарованія. Тѣ, — кто третьяго дня еще ставили ставку на бѣлыхъ генераловъ, кто вчера еще вторили «совѣтскимъ» лозунгамъ Кронштадта, — сегодня уже восклицаютъ съ нескрываемымъ злорадствомъ: «Вотъ она, эта хваленая россійская демократія, большевики справятся съ ней еще скорѣе, чѣмъ съ военными диктаторами». Нѣтъ не справятся!

Въ процессѣ освобожденія самымъ характернымъ, быть можетъ, штрихомъ являются не крестьянскія возстанія, не запоздалыя уступки коммунистической власти, не циническія признанія Ленина о полномъ провалѣ коммунизма въ Россіи, а стихійный рѣшительный разрывъ всей рабочей массы съ «рабочимъ пролетарскимъ правительствомъ», съ коммунистической партіей.

На всѣхъ происходящихъ сейчасъ въ промышленныхъ центрахъ Россіи рабочихъ съѣздахъ и конференціяхъ, большинство делегатовъ объявляетъ себя безпартійнымъ. А когда эти «безпартійные» начинаютъ голосовать резолюціи, то, по признанію правительственныхъ оффиціозовъ, они «голосуютъ за резолюціи, вносимыя эс-эрами и меньшевиками».

Своеобразная «безпартійность»! Не даромъ казенная большевистская пресса теряетъ всякое самообладаніе въ своей полемикѣ съ соціалистами. Ни чрезвычайки, ни клевета, ни демагогическія заигрыванія съ «безпартійными», ни поспѣшное возстановленіе «буржуазныхъ предразсудковъ» въ хозяйственномъ бытѣ страны. вродѣ свободной торговли, свободной коопераціи, и т. п. — не смогутъ уже остановить начавшагося процесса ликвидаціи большевистской диктатуры.

Какъ весенній потокъ, смывая все на своемъ пути, рвется народъ къ свободѣ!

Много еще препонъ на этомъ пути! Всѣ техническія средства борьбы — войска, транспортъ, и т. п. — въ рукахъ гибнущей власти. Она еще можетъ наносить тамъ и здѣсь жестокіе удары,

какъ это было въ Кронштадтѣ. Она еще можетъ пролить много лишней драгоцѣнной человѣческой крови. Но усидѣть на однихъ штыкахъ не смогутъ большевики, какъ не смогли этого сдѣлать никакіе тираны въ мірѣ.

Безвыходность положенія, видимо, уже сознана въ московскихъ правительственныхъ кругахъ.

Говрятъ даже, что Ленинъ, будто бы заговорилъ уже о необходимости «сложить власть».

Сложить власть, вернуть ее народу, открыть народной волѣ свободный путь къ Учредительному Собранію, — это, конечно, былъ бы самый безболѣзненный способъ ликвидаціи большвизма!

Увы! — Нѣтъ никакихъ сомнѣній, что на этотъ путь московскіе диктаторы никогда не пойдутъ. Имъ этотъ путь заказанъ. Заказанъ всѣмъ ихъ прошлымъ, всѣмъ ихъ отношеніемъ къ Россіи и народу, всей ихъ психологіей.

Борьба за власть будетъ продолжаться, борьба кровавая, нелѣлая, безсмысленная въ своей жестокости, ибо никто не можетъ нынѣ сомнѣваться въ ея исходѣ. Большевистская диктатура будетъ сломлена и побѣждена буйнымъ напоромъ новыхъ, идущихъ къ жизни творческихъ силъ народа русскаго...

13. IV. 21 г.

Большевизмъ и монархизмъ.

Чѣмъ ближе позорный крахъ большевистской диктатуры, тѣмъ настойчивѣе старается московская казенная пресса навязать своимъ подневольнымъ читателямъ мысль о неизбѣжности послѣ паденія «совѣтской власти» возстановленія царизма.

Съ необыкновеннымъ упорствомъ большевистская пропаганда вдабливаетъ въ головы крестьянъ и рабочихъ нелѣпую идею о томъ, что «эс-эры и меньшевики» являются лишь «слугами реакціи», «предтечами вел. кн. Дмитрія Павловича» и т. д.

Въ своемъ стремленіи во что бы то ни стало раскрасить всѣхъ своихъ противниковъ въ черный монархическій цвѣтъ, большевики зашли такъ далеко, что даже кронштадскихъ матросовъ съ ихъ лозунгомъ: «вся власть совѣтамъ» — съумѣли, поистинѣ, чудеснымъ образомъ, черезъ Антанту и вездѣсущихъ эс-эровъ соединить съ своимъ любимцемъ — Дмитріемъ Павловичемъ!

Крестьяне и рабочіе, все трудовое населеніе Россіи, давно на свсемъ опытѣ познавшее всю цѣну словъ и дѣлъ большевистскихъ,

не повѣритъ, конечно, нынѣ ни одному слову изъ всего этого потока клеветы и инсинуацій.

Но, наблюдая эту изступленную большевистскую оборонительную монархическую кампанію, нельзя не сдѣлать одного и весьма знаменительнаго вывода: въ Россіи нѣтъ никакой почвы для монархическаго движенія, для возстановленія царизма.

Къ этому выводу неизбѣжно прійдетъ всякій, кто только попытается отвѣтить себѣ на вопросъ — почему большевики представителей столь ненавистной имъ демократіи такъ упорно стараются превратить въ агентовъ монархіи? — Да очевидно, только потому, что монархія русскому народу ненавистна!

Стремясь воможно дольше сохранить въ своихъ рукахъ самодержавную власть, московскіе деспоты, естественно, хотятъ воспользоваться ненавистью и отвращеніемъ трудовыхъ массъ къ монархіи, какъ средствомъ борьбы съ грядущей революціей!

Удастся ли имъ это? Думаемъ, что нѣтъ. И этому порукой служитъ то стремленіе къ свободѣ, къ самодѣятельности, которымъ охвачено сейчасъ все населеніе совѣтской Россіи. Только теперь, на исходѣ 4-го года самоуправства красныхъ жандармовъ Дзержинскаго, трудовая Россія поняла великое значеніе свободно выбранныхъ государственныхъ учрежденій. Народъ инстинктивно чувствуетъ, что только въ возвращеніи къ свободѣ — спасеніе отъ всякой реакціи, отъ всякаго деспотизма.

«Вся власть свободно выбраннымъ совѣтамъ» — вотъ лозунгъ тѣхъ, кто до послѣдняго времени находился еще подъ обаяніемъ демагогіи «октябрьскихъ дней». «Вся власть всенародно выбранному Учредительному Собранію», — вотъ подлинный освободительный революціонный кличъ русскаго крестьянства.

Вѣковая мудрость народа сказалась въ этомъ стремленіи къ свободѣ, ибо только въ дѣйственномъ преодолѣніи красной диктатуры, только въ скорѣйшемъ установленіи Народовластія найдетъ свою гибель всякая попытка возстановить въ Россіи диктатуру бѣлую—монархію...

Предоставленный самому себѣ большевизмъ въ своей эволюціи неизбѣжно превращается въ монархизмъ. Такъ было въ Венгріи, въ Баваріи, въ Финляндіи, гдѣ большевики оказавшись временно монополистами рабочаго движенія, весьма быстро сумѣли уничтожить всякій намекъ на демократію, а затѣмъ еще быстрѣе отдали обезглавленную и обезкровленную страну на «потокъ и разграбленіе» злѣйшей феодальной реакціи.

Такъ случилось бы и въ Россіи, если бы между естественными друзьями и сотрудниками—коммунистами и монархистами—не былъ крѣпко вбитъ клинъ изъ ихъ общихъ злѣйшихъ враговъ—соціалистовъ и демократовъ, вѣрныхъ завѣтамъ народовластія и спо-

собныхъ бороться съ реакціей на два фронта, не измѣняя при этомъ основному закону всякой революціи: «все для народа и все черезъ народъ!»

14. IV. 21 г.

Кровавая утопія.

Торговые договоры съ «имперіалистическими» правительствами, концессіи иностраннымъ капиталистамъ, «денаціонализація» промышленности, свобода торговли и т. п. — всѣ эти новые способы насажденія и укрѣпленія «коммунистическаго строя» въ совѣтской «соціалистической» республикѣ, естественно, вызываютъ тревогу и смущеніе въ сердцахъ немногихъ, но искренне вѣрующихъ въ единую, святую московскую коммунистическую церковь. Они — эти вѣрующіе — съ благоговѣніемъ внимали каждому слову новаго евангелія. Они посильно помогали топить въ крови старый «капиталистическій міръ» со всѣми его буржуазными устоями и предразсудками. Они съ восторгомъ душили всякую свободу; бурно одобряли расправу «народныхъ» комиссаровъ съ всенародно избраннымъ Учредительнымъ Собраніемъ. Въ заплечныхъ дѣлъ мастерахъ Дзержинскаго они видѣли героевъ «пролетарскаго освобожденія».

Однимъ словомъ, чѣмъ больше лилось крови человѣческой, чѣмъ больше гибло культурныхъ цѣнностей, чѣмъ ярче разгоралось пламя ненависти братоубійственной, тѣмъ ближе казалось имъ пришествіе царства Божія на землѣ — воцареніе повсюду московскаго коммунизма!...

Такъ нѣкогда толпы простодушно-вѣрующихъ сбѣгались къ кострамъ инквизиціи и помогали въ умиленіи сердечномъ монахамъ-палачамъ жечь во славу Божію сотни и тысячи живыхъ людей. Но вотъ очнулись отъ дурмана изувѣрскаго массы народныя, и отреклись тогда многіе не только отъ вождей своихъ монаховъ-инквизиторовъ, но и отъ ученія Христова, ими кощунственно извращеннаго!

Невольно вспоминаются эти дальнія времена инквизиціи, когда видишь острую тревогу, которой охвачены нынѣ всѣ одурманенные неистовой демагогіей московскихъ соціалистовъ-инквизиторовъ. Самые наивные изъ послѣдователей Ленина не могутъ выдержать больше соблазнительнаго зрѣлища, передъ ихъ глазами развертывающагося, и все настойчивѣе начинаютъ вопрошать учителей своихъ — гдѣ же истина коммунистическая?!

И правда, какъ разъ въ тотъ самый долго жданный часъ, когда всѣ внутренніе и внѣшніе враги совѣтской республики повергнуты во прахъ, когда изъ дворца Кремлевскаго возвѣщается новое благовѣстіе — «русская буржуазія нами уничтожена, буржуазнаго класса

въ Россіи больше нѣтъ», — какъ разъ въ этотъ часъ кажущагося торжества «соціальной революціи» вдругъ вся хитрая механика коммунистическаго хозяйственнаго строя поспѣшно разрушается руками самихъ изобрѣтателей. А для того, чтобы не осталось никакого сомнѣнія, въ чемъ смыслъ совершаемаго, Ленинъ громогласно заявляетъ: «коммунизмъ въ Россіи — утопія»!

Утопія?!... А тысячи, десятки тысячъ замученныхъ, запытанныхъ и убіенныхъ — тоже утопія?! А дѣвушки и женщины, поруганныя и изнасилованныя ?! А дѣти отъ голода, холода и нищеты погибшія?! А города и села, сожженные или тяжелыми орудіями, какъ вражескія крѣпости, разрушенные?! А рабочіе и крестьяне, солдаты и матросы, во имя Учредительнаго Собранія и «свободныхъ совѣтовъ» возставшіе и разстрѣлянные?! — Это все тоже утопія?! — Сказка наяву, нигдѣ не сбывавшаяся?! Или вернуть къ жизни все погибшее такъ же легко, какъ отречься отъ собственной выдумки смѣлой насмѣшкой: коммунизмъ — утопія?!

Пусть такъ! Но тогда во имя какихъ же новыхъ соціальныхъ цѣнностей пролилась вся кровь «октябрьской революціи»? Какой новый соціальный строй уже существуетъ, или долженъ существовать въ Россіи, отъ буржуазіи освобожденной? — Упорно молчатъ на этотъ вопросъ всѣ правители московскіе, всѣ вожди III единаго, истиннаго Интернаціонала.

Но долженъ же существовать какой-нибудь хозяйственный строй, даже и въ совдепіи. Если коммунизмъ — утопія, греза несбыточная, то, очевидно, и строя коммунистическаго (или соціалистическаго) существовать не можетъ. А если не можетъ существовать строя коммунистическаго, то какъ будто (по крайней мѣрѣ такъ выходитъ по ученію Маркса, для Москвы обязательнаго,) остается только одинъ строй... капиталистическій?

Молчатъ г-да народные комиссары, хранятъ по этому вопросу глубокое безмолвіе. Сказать правды не смѣютъ и никогда не посмѣютъ! За то они дѣаютъ. И въ дѣлахъ ихъ скрытъ отвѣтъ недвусмысленный на недоумѣнный вопросъ — какой же хозяйственный строй существуетъ въ «соціалистической» республикѣ на другой день послѣ побѣды рѣшительной надъ всѣми врагами пролетаріата?!

Возобновленіе свободы торговли, возвращеніе къ «до революціоннымъ» порядкамъ оплаты труда на фабрикахъ, раздача крестьянамъ земли безъ всякой «соціализаціи», возвращеніе имъ права свободно распоряжаться «излишками» урожая, торговые договоры съ иностранцами съ возстановленіемъ для нихъ «банковыхъ кредитныхъ и финансовыхъ операцій», возстановленіе для капиталистовъ-иностранцевъ всѣхъ «буржуазныхъ» правъ. Какова же сущность всѣхъ этихъ экономическихъ реформъ и мѣропріятій — капиталистическая?!

«Безъ участія иностраннаго капитала нельзя возстановить хозяйственную жизнь Россіи», такъ давнымъ давно утверждаютъ всѣ большевистскіе лидеры. Но вѣдь «капиталъ не имѣетъ отечества». Сущность воздѣйствія капитала на хозяйственную жизнь народа не зависитъ отъ національности отдѣльныхъ капиталистовъ. Слѣдовательно хозяйственная жизнь въ Россіи нуждается для своего возрожденія въ участіи просто капитала безъ всякихъ къ нему прилагательныхъ. «Русское крестьянство органически враждебно коммунизму. Оно все пропитано буржуазной психологіей». Такъ не разъ публично заявлялъ Ленинъ. Но классъ, проникнутый «буржуазной психологіей», нельзя вѣдь назвать иначе, какъ только буржуазіей. Слѣдовательно, по утвержденію Ленина, русское крестьянство является классомъ буржуазнымъ. А тогда какой же смыслъ имѣетъ только что сдѣланное тѣмъ же Ленинымъ заявленіе — «мы уничтожили буржуазію въ Россіи»? Ровно никакого и въ то же самое время очень большой. Нѣтъ никакого смысла въ заявленіи объ уничтоженіи буржуазіи въ странѣ, гдѣ 90% населенія принадежитъ къ крестьянству, проникнутому «буржуазной психологіей. Есть очень большой смыслъ кричать объ уничтоженіи буржуазіи какъ разъ въ то время, когда собираешься цѣликомъ продать ей все свое «коммунистическое» отечество. Очень большой смыслъ имѣетъ демагогическая попытка спастись отъ ярости соблазненныхъ и обманутыхъ ловкой подмѣной спора о капиталѣ, о капиталистическомъ строѣ — споромъ о капиталистахъ, да еще своихъ, близкихъ, знакомыхъ, часто столь ненавистныхъ. — «Вотъ, видите, мы изничтожили своихъ русскихъ буржуевъ-капиталистовъ. Кто же можетъ послѣ этого сомнѣваться, что мы — настоящіе соціалисты?! А ежели мы съ иностраннымъ капиталомъ сговариваемся, такъ это ничего: онъ не страшенъ, онъ намъ не будетъ мѣшать, какъ хотимъ, со страной расправляться; онъ черезъ насъ будетъ работать, коммунистическимъ станетъ»... Разсужденіе нелѣпое, но какъ знать, авось и повѣрятъ. И не тому еще вѣрили!

Итакъ — *капиталъ,* хотя бы сначала и иностранный, *буржуазія,* хотя бы въ первую пору и крестьянская, *свободная торговля,* пусть первоначально и мѣновая, — вотъ три кита, на которыхъ будетъ строиться новый хозяйственный строй въ «соціалистической совѣтской» республикѣ.

Увы, эти три кита намъ всѣмъ давно хорошо знакомы, и на нихъ съ испоконъ вѣка всегда держался всякій самый плохенькій буржуазный строй. И *этотъ строй называется — строемъ капиталистическимъ.*

Послѣ трехъ лѣтъ кровавой утопіи господа большевики привели «овобожденный отъ засилія буржуазіи пролетаріатъ и бѣднѣйшее крестьянство» къ разбитому корыту все того же капита-

лизма. Впрочемъ, не привели снова къ капитализму, ибо онъ никогда и не исчезалъ изъ совѣтской Россіи, а только вернули назадъ къ капитализму самому хищническому, находящемуся на первобытной ступени своего развитія — на ступени *первоначальнаго накопленія*. На этой стадіи своего развитія капиталъ, по Марксову ученію, наиболѣе далекъ отъ той степени своей зрѣлости, которая заставляетъ его перевратиться въ свою противоположность — соціализмъ.

Такъ, большевики, какъ нѣкогда — монахи-инквизиторы, кощунственно извративъ ученіе, которое должны были проповѣдывать, дали измученной странѣ вмѣсто соціальнаго освобожденія кровавую утопію гражданской войны, а для рабочихъ кромѣ того создали *новое рабство хищническаго колоніальнаго капитализма!* Не даромъ же теперь въ Европѣ такъ благосклонно относятся къ московскимъ «вождямъ соціальной революціи» въ министерскихъ парадныхъ покояхъ и въ уютныхъ кабинетахъ биржевыхъ дѣльцовъ!

Коммунизмъ въ Россіи — утопія! Да, это такъ. Но тогда... тогда зачѣмъ же всѣ эти потоки крови, ужасъ разрушенія, вихрь братоубійственной ненависти? — Этотъ вопросъ совѣсти во весь свой ростъ всталъ нынѣ передъ сознаніемъ всей Россіи. Не въ словахъ, а въ дѣлахъ московскихъ комиссаровъ отвѣтъ на этотъ вопросъ. И чѣмъ ярче вскрывается съ каждымъ днемъ Каиновъ обманъ современныхъ инквизиторовъ, тѣмъ ближе неизбѣжная развязка...

Нельзя совѣсть народную, ищущую правды, разстрѣлять пулеметами.

17. IV. 21 г.

Война войнѣ.

На 4-й годъ европейской войны, войны на истощеніе, когда Россія дѣйствительно была у предѣла напряженія всѣхъ своихъ матеріальныхъ, физическихъ и духовныхъ силъ, большевики вмѣстѣ съ агентами германскаго штаба извратили до неузнаваемости стремленіе русской Революціи къ скорѣйшему справедливому заключенію войны и бросили въ переутомленную, обезкровленную массу русской арміи манящій, соблазнительный призывъ — миръ во что бы то ни стало!

Во имя, якобы, мира добивались власти большевики, и, желая во что бы то ни стало прекратить войну, бросились съ фронта въ глубокій тылъ разъяренные толпы вооруженныхъ людей, сметая на своемъ пути всякую государственность, всякую культуру.

Всю свою разлагающую страну и развращающую народъ демагогическую агитацію большевики изображали какъ истинно ре-

волюціонную «войну войнѣ». Они увѣряли, что нѣтъ ничего легче, какъ кончить войну и вернуться къ трудовой, мирной, спокойной жизни. Для этого, по рецепту г-на Ленина, нужно было только самимъ солдатамъ «взять въ свои руки дѣло мира», т. е. «воткнуть штыки въ землю», «побрататься съ такими же, какъ они пролетаріями — нѣмецкими солдатами», «обезвредить своихъ офицеровъ — буржуевъ» и «разогнать штыками продавшееся капиталистамъ Антанты реакціонное Временное правительство.»

Простой, но какъ все простое «геніальный» способъ ликвидаціи «имперіалистической» войны былъ выполненъ сначала до конца. Партія, поднявшая противъ Революціи милліоны переутомленныхъ солдатъ во имя хлѣба и мира, пришла къ власти.

Гдѣ же этотъ миръ? Его не было и нѣтъ!

Давно уже смолкли пушки и перестали трещать пулеметы на фронтахъ «имперіалистической» войны. Давно уже вернулись къ спокойному труду рабочіе и крестьяне «буржуазныхъ» странъ. А въ «соціалистическомъ царствѣ труда и свободы» все содержаніе жизни свелось къ казармѣ, къ разнымъ «милитаризаціямъ», къ систематическому избіенію населенія коммунистической властью.

Сбылись самыя мрачныя предсказанія о послѣдствіяхъ своеобразной большевистской мирной кампаніи; предсказанія, которыя мы дѣлали еще весной и лѣтомъ 1917-го года. «Не миръ, а новую войну несутъ вамъ большевики», — говорили тогда представители русской демократіи народу, все больше увлекавшемуся яростной демагогіей коммунистовъ.

Такъ и случилось! — «Четыре года имперіалистической войны были значительно легче трехъ лѣтъ войны гражданской. Населеніе — и безпартійное, и крестьянство несли жертвы сверхъестественныя».Таковъ итогъ трехлѣтняго царствованія коммунистовъ, по словамъ самого Ленина, только что имъ сказаннымъ въ Москвѣ.

Правда, онъ находитъ себѣ, какъ будто, оправданіе въ томъ, что «хотя мы и поголодали, за то прогнали Деникина и Врангеля».

Но вѣдь самихъ-то Деникиныхъ и Врангелей не было до прихода къ власти большевиковъ, до превращенія по ихъ рецепту «войны народовъ въ гражданскую войну классовъ»!

«Соціальная революція — это и есть гражданская война». Вотъ основное положеніе всей революціонной тактики россійскихъ вождей «міровой соціальной революціи». Именно, къ этой гражданской войнѣ, къ войнѣ «хижинъ съ дворцами», стремились сознательно большевики въ то время, когда передъ взоромъ утомленныхъ войной народныхъ массъ такъ смѣло выдвигали манящій лозунгъ — миръ. Призывъ къ немедленному миру, къ «поротному» замиренію, былъ сознательнымъ обманомъ, сознательной ложью. Меньше, чѣмъ кто-либо другой думали о мирѣ большевики, когда къ нему призывали!

И когда они пришли къ власти, то сейчасъ стало очевиднымъ, что безъ войны и внѣ войны вообще никакой ихъ «коммунистической» государственности не существуетъ. Развѣ война внутри Россіи прекратились, послѣ того какъ не большевики, конечно, а самъ народъ прогналъ отъ себя генераловъ, мечтавшихъ съ помощью крестьянъ вернуть въ Россію помѣщиковъ?! Развѣ теперь, когда этихъ генераловъ нѣтъ, гражданская война не стала еще напряженнѣе и безпощаднѣе?! — Кронштадтъ, Тамбовъ, Украина, Сибирь, Кавказъ даютъ достаточный и краснорѣчивый на этотъ вопросъ отвѣтъ.

Такъ было — такъ будетъ! Московскіе диктаторы вынуждены воевать, все равно гдѣ. Они должны воевать, все равно съ кѣмъ, но воевать во что бы то ни стало. Война — единственный смыслъ ихъ существованія!

Русская демократія — крестьяне и рабочіе, матросы и солдаты — всѣ, кто, по словамъ самого Ленина, несъ за время господства большевиковъ «жертвы сверхъестественныя», во много разъ превысившія всѣ ихъ страданія за годы европейской войны, — всѣ они должны проникнуться сознаніемъ, что нѣтъ и не можетъ быть мира въ Россіи и для Россіи, пока существуютъ тамъ большевики.

«Война войнѣ», борьба за миръ — это борьба за народовластіе, борьба за великіе освободительные лозунги февральской революціи, борьба съ военной диктатурой коммунистическихъ вождей, обманно сказкой о мирѣ захватившихъ въ свои руки власть для войны!

26. IV. 21 г.

Крайности сходятся.

Одновременно съ печатаемымъ сегодня «В. Р.» будапештскимъ письмомъ о работѣ монархистовъ получился номеръ 127 «Извѣстій», съ весьма любопытной передовой статьей — «Наши легимисты».

Какое трогательное совпаденіе: монархисты (легитимисты), увѣренные въ томъ, что большевики работаютъ на нихъ, готовятся къ захвату власти вооруженной рукой. А ленинскій Катковъ — не унывающій Стекловъ пишетъ — «паденіе совѣтской власти равносильно возстановленію царской власти; въ этомъ отношеніи мы совершенно согласны съ нашими черносотенцами.» По мнѣнію Стеклова, не понимать этой очевидной истины «могутъ только демократическіе дурачки, вродѣ эс-эровъ».

Но тогда къ какому же разряду «умныхъ людей» нужно причислить самого автора этой геніальной мысли, если онъ въ той же статьѣ утверждаетъ: «земля крестьянамъ — это наши монархи-

ческія сердца переварить не могутъ. Земля должна быть отдана помѣщикамъ... у мужиковъ надо отнять землю»?!

Неужели господа большевики думаютъ серьезно, что съ такой земельной программой можетъ хоть одинъ день просуществовать въ Россіи какое бы то ни было правительство?

Далѣе, какимъ образомъ утвердятъ свою власть русскіе «черносотенцы», если, «никакихъ компромиссовъ они не допускаютъ; даже царскаго земства они не хотятъ; никакого народнаго представительства, хотя бы въ видѣ печальной памяти государственныхъ думъ — они не признаютъ»?!

Наконецъ, какимъ чудомъ свергнутъ монархисты «рабоче-крестьянское правительство», если они разсчитываютъ внутри Россіи только на «остатки помѣщичьяго касса, офицеровъ, духовенство, особенно, высшее; старую служилую бюрократію, въ томъ числѣ и полицію»?! «Извѣстія» утверждаютъ, что русскіе монархисты, главнымъ образомъ, разсчитываютъ «на помощь германскихъ монархистовъ». Вѣрно. Но для этого прусскимъ юнкерамъ нужно сначала сдѣлать переворотъ въ самой Германіи! А эта возможность вѣдь не реальна! Тѣмъ болѣе она должна казаться фантастической самимъ большевикамъ, которые отлично знаютъ, что не только теперь, но даже и въ 1918 году, когда существовали Людендорфъ Гинденбургъ и Вильгельмъ, германскіе монархисты предпочли для завоеванія Россій другіе пути. «Въ тотъ моментъ — съ полнымъ знаніемъ дѣла пишетъ Стекловъ, — германскія правящія сферы имѣли свои планы и преслѣдовали свои интересы. Поэтому они не приняли протянутой руки нашихъ черносотенцевъ, тѣмъ болѣе, что прекрасно понимали безнадежность попытки возстановленія Романовской монархіи».

Неужели же теперь, въ 1921 году сдѣлалось болѣе вѣроятнымъ востановленіе трона Романовыхъ?! Неужели теперь, когда исчезли не только Романовы, но и Гогенцоллерны, предпочитавшіе, по циничному признанію оффиціальной большевистской газеты, во имя «своихъ интересовъ» сотрудничать въ Россіи не съ монархистами, а съ «коммунистами» — неужели теперь возможно, отнявъ у крестьянъ землю, красное насиліе превратить въ черный произволъ.

Нѣтъ, вожди «соціальной революціи» отлично понимаютъ, что борющіяся съ ихъ тираніей русскія трудовыя массы не стремятся вовсе смѣнить ястреба на кукушку.

Они отлично понимаютъ, что какъ не стремилась «совѣтская власть» уничтожить разницу между режимомъ революціи и «прижимомъ» царскимъ, русское крестьянство, русскіе рабочіе никогда не допустятъ больше возвращеніе Россіи къ дореволюціоннымъ порядкамъ.

Всѣ эти стращанья народа возвратомъ монархіи — сознательная злостная демагогія. Большевики знаютъ, какъ ненавистно самодержавіе народу, и на этой ненависти играютъ, какъ играетъ прогорѣвшій биржевой заяцъ дутыми акціями. — Авось, молъ, найдутся «демократическіе дурачки», которые повѣрятъ стекловскимъ сказкамъ и начнутъ уговаривать рабочихъ и крестьянъ «беречь революцію», т. е. не насѣдать слишкомъ настойчиво на «рабоче-крестьянскую власть»!

Крайности сходятся! Большевики сказкой о монархіи хотятъ продлить свое пребываніе въ Кремлѣ. Монархисты пытаются ненависть къ большевикамъ превратить въ ненависть къ Революціи, въ ненависть ко всей Демократіи и использовать большевистскую анархію для своихъ темныхъ цѣлей.

Ни тѣмъ, ни другимъ не удастся на этотъ разъ сыграть на человѣческую глупость! Слишкомъ много поняла и выстрадала Россія за эти страшные годы! Освободившись отъ Дзержинскихъ и Зиновьевыхъ, она не бросится въ объятія распутинскихъ наслѣдниковъ.

И какъ бы не хотѣлось большевикамъ окружить себя ореоломъ «послѣднихъ революціонеровъ», какъ бы имъ не хотѣлось кровавымъ разгуломъ черной реставраціи смыть въ памяти народной всѣ воспоминанія о своемъ красномъ кровавомъ царствованіи, они уйдутъ въ исторію съ клеймомъ послѣдышей самовластія, съ клеймомъ предателей революціи!

1. VII. 21 г.

Къ итогамъ работы „Полуленинцевъ".

Слишкомъ быстро мчатся теперь событія и слишкомъ мало вдумываются въ нихъ люди. Теряется связь вчерашняго дня съ сегодняшнимъ, а въ хаосѣ мимолетныхъ переживаній мы отучаемся видѣть и понимать причинную связь событій. Поэтому слѣдуетъ иногда остановиться и посмотрѣть назадъ. А когда оглянешься и вернешь себя назадъ хотя-бы къ обстановкѣ прошлаго года, прошлаго лѣта, то не вѣришь, что съ той отдаленной эпохи прошелъ только годъ!..

Напримѣръ, какимъ обаяніемъ въ рабочихъ массахъ Европы пользовались еще прошлую весну наши большевики — таинственные, отгороженные отъ всего міра китайской стѣной блокады, героически защищающіе «отъ наемныхъ штыковъ международнаго капитализма» обѣтованную землю новаго совершеннаго соціальнаго строя! Впрочемъ, не только рабочіе и соціалисты, радикально буржуазные круги на западѣ тоже не вѣрили правдѣ объ ужасахъ большевистской вакханаліи и готовы были всячески поддержать «героическую борьбу подвижниковъ революціи».

Многимъ, очень многимъ казалось, что побѣдная волна большевистской «соціальной революціи» вздымается все выше и вотъ-вотъ девятымъ валомъ обрушится на западъ и смоетъ безъ остатка ветхую сгнившую культуру. Такъ было еще годъ тому назадъ.

А теперь? Въ Москвѣ — Ленинъ, пытающійся циничной интервенціей иностраннаго капитализма спасти тонущую ладью своей власти; на Западѣ — траги-комическія попытки коммунистическихъ заговоровъ, развалъ неприличный и постыдный коммунистическихъ партій и стихійный отходъ рабочихъ отъ три года дурачившихъ ихъ московскихъ авантюристовъ! Даже назойливая шумиха третьяго съѣзда коминтерна не производитъ никакого впечатлѣнія: не пугаетъ, не восхищаетъ. Она скорѣй лишь подчеркиваетъ мелкой хлестаковской болтовней обанкротившихся вождей неизбѣжность быстро приближающейся и далеко не героической развязки.

Гдѣ же искать причину этой почти невѣроятной, почти фантастической по своей молніеносности перемѣны декораціи? Что произошло за эти короткіе мѣсяцы? Какая сила оказалась могущественнѣе пушекъ, танковъ и пулеметовъ? Какая сила изнутри разрушила большевистскую твердыню въ тысячу кратъ успѣшнѣе и дѣйствительнѣе, чѣмъ всѣ попытки сдѣлать это извнѣ физической силой реакціонныхъ крестоносцевъ?! Этой силой оказалась правда! Простая, скромная, загнанная нынѣ повсюду правда.

Въ этомъ году въ отношеніи къ совѣтской Россіи на Западѣ побѣдила та точка зрѣнія, которую упорно проводили еще съ зимы 1918-19 годовъ и торжества которой добились представители русской подлинной революціи, русской трудовой демократіи, тѣ самые представители «третьей силы», защитники положенія «ни Ленинъ, ни Колчакъ», которыхъ неистовые рыцари русской реакціи со всей своей злобой и ненавистью прозвали «полуленинцами». Эти самые «полуленинцы» и помогли нанести самый сокрушающій ударъ Ленину!

Мы добивались снятія блокады не потому, что думали, что въ блокадѣ корень русской экономической катастрофы. Нѣтъ, мы всегда твердили, что источникъ этой катастрофы-нелѣпость, экономическая нелѣпость большевистскаго коммунизма. Но мы знали (и объ этомъ заранѣе писали), — что только снятіе блокады сдѣлаетъ для всѣхъ очевидной простую истину о томъ, что нормальныя торговыя сношенія съ Россіей, ея абсолютно необходимое для всего міра международное, экономическое сотрудничество невозможны, пока въ Россіи существуетъ большевистская государственная власть.

Не прошло и полугода со времени подписанія англо-совѣтскаго торговаго договора, какъ эта истина сдѣлалась очевидной для всѣхъ.

«Русскіе патріоты» проклинали этотъ договоръ и видѣли въ Ллойдъ Джорджѣ и Р. Хорнъ «предателей цивилизаціи», чуть ли не сознательныхъ пособниковъ Москвы. А мы спокойно смотрѣли на этотъ политическій шагъ англійскихъ гоосударственныхъ дѣятелей, предвидя всѣ его неизбѣжныя послѣдствія, которыя сейчасъ налицо. Легенда о спасительныхъ результатахъ торговли съ большевиками для благосостоянія европейскихъ трудовыхъ массъ разрушена.

Съ другой стороны только уничтоженіе китайской стѣны вокругъ совѣтской Россіи, только послѣдовавшіе за этимъ поѣздки туда не только Кашэновъ, но и честныхъ, независимыхъ соціалистовъ и демократовъ, только трагическія попытки европейскихъ рабочихъ отправляться на заработки въ «рабочее государство» — только всѣ эти опыты нагляднаго обученія вскрыли передъ загипнотизированной Европой подлинный, реакціонный, отвратительный ликъ большевистской диктатуры.

Въ тайнѣ, въ таинственности, въ загадочности, въ легендѣ мученичества была единственная сила Ленина въ Европѣ. Системой лжи, опиравшейся на бездарность противобольшевистскихъ реакціонныхъ силъ, поддерживали свой авторитетъ заграницей московскіе держиморды.

Правдой и довѣріемъ къ здоровому общественному чутью народныхъ массъ разрушена въ Европѣ сказка о большевикахъ.

13. VII. 21 г.

Демагогическая волынка.

Агенты совѣтской власти никогда не забываютъ правила старинной «буржуазной» дипломатіи, «языкъ данъ человѣку для того. чтобы скрывать свои мысли.» Впрочемъ это правило гг. большевиками усвоено въ болѣе грубой, упрощенной Ленинской формулировкѣ — въ борьбѣ «съ соціалъ-предателями» лги и обманывай! Поэтому пріемы ихъ дипломатической игры далеки отъ классическихъ мастерскихъ пріемовъ Талейрановъ и Биконсфильдовъ.

Пользуясь тѣмъ, что, благодаря блокадѣ и интервенціи, Россія была отдѣлена отъ остального міра китайской стѣной, гг. большевики, потихоньку продаваясь капиталистамъ сначала въ Берлинѣ, потомъ въ Лондне, увѣряли довѣрчивый европейскій пролетаріатъ, что въ Россіи уже осуществлена соціальная революція и процвѣтаетъ коммунистическій (соціалистическій-тожъ) строй

Прекращеніе войны съ «коммунистической» Москвой и снятіе блокады съ Совѣтской Россіи вскрыли передъ всѣмъ міромъ великій обманъ гг. Ленинныхъ! И вмѣсто влекущаго однихъ и пугающаго

другихъ призрака «коммунистическаго, рабоче-крестьянскаго государства», Россія предстала передъ всѣми въ видѣ просто разрушеннаго государства съ исчезающимъ пролетаріатомъ и вымирающимъ крестьянствомъ.

Грозные вожди міровой революціи оказались простыми истинно русскими держимордами, кое какъ лишь загримироованными подъ Робеспьеровъ и Маратовъ. А логическое завершеніе ихъ режима—голодъ смылъ съ гг. народныхъ комиссаровъ послѣдніе остатки революціоннаго грима.—«Не революція всеміриая, а торговля съ міровыми державами наша единственная задача», клянется г. Чичеринъ, заманивая «жирными кусками» французскихъ банкировъ въ новое Конго. — Цѣль всей международной дѣятельности Москвы ясна: распродажей Россіи, покровительствомъ заинтересованныхъ въ ея эксплоатаціи иностранцевъ сохранить еще на нѣкоторое время власть. Не даромъ тотъ-же Чичеринъ, соблазняя французскихъ капиталистовъ, напоминаетъ съ такимъ граціознымъ цинизмомъ о Брестъ-Литовскѣ, о томъ, какъ умѣетъ «коммунистическая» власть быть когда нужно послушной. Ибо спекулируя опасными для Европы послѣдствіями великаго голода и мора, нужно убѣдить наиболѣе вліятельныя «имперіалистическія» правительства въ томъ, что совѣтская власть является единственной полицейской силой, способной предотвратить анархію въ Россіи и предохранить Европу отъ ея послѣдствій.

Капиталистическія государства въ своихъ собственныхъ интересахъ должны помогать Ленину.

Готовясь къ безпощадному террору, большевики кричали противъ смертной казни. Стремясь къ гражданской войнѣ, они выступали миротворцами. Рѣшившись на полное упраздненіе всѣхъ свободъ и всякаго намека на народоправство, Ленинъ и компанія со всей силой своей демагогіи выступали на защиту Учредительнаго Собранія и всѣхъ завоеваній революціи противъ «деспотизма» Вр. Правительства.

Такъ и теперь. Откровенно нанимаясь въ жандармы къ иностраннымъ Титамъ Титычамъ для охраны ихъ отъ «бандитизма русской черни», пользуясь величайшимъ въ исторіи Россіи голодомъ, какъ средствомъ для укрѣпленія своей власти, безстыдно пытаясь превратить порывъ всего міра на помощь гибнущимъ въ мукахъ голода милліонамъ русскихъ крестьянъ, въ міровую демонстрацію сочувствія коммунистическому ленинскому строю, — продѣлывая все это г.г. большевики завели свою демагогическую «волынку» для того, чтобы, обвиняя другихъ въ томъ, что сами дѣлаютъ, прикрыть свою двойную игру благороднымъ негодованіемъ и очередными разоблаченіями «соціалъ-предателей».

Оказывается напр., что «Воля Россіи» «открыто заявила, что предварительнымъ условіемъ помощи голодающимъ крестьянамъ

является возстановленіе на Руси... самодержавія и капитала» («Петр. Правда» 12 авг. № 168). Оказывается, что это не Красинъ, Стекловъ и Чичеринъ считаютъ для помощи голодающимъ необходимымъ «признаніе совѣтской власти». Напротивъ «заводить общеполитическіе разговоры стремились тѣ, кто собирался политически шантажировать сов. власть. Вотъ кто хотѣлъ по поводу вопроса чистой благотворительности завести политическую волынку»... (Моск. Изв. 16 августа).

Авторы подобныхъ статей и ихъ хозяева отлично знаютъ, что лгутъ. Но не лгать не могутъ.

Что останется въ ихъ дипломатическомъ и публицистическомъ репертуарѣ, если изъять изъ него пѣтые и перепѣтые мотивы о «блокадахъ», «интервенціяхъ», «соціалъ предателяхъ», «с.-рахъ, продающихся буржуазіи» и т. п.?! — Ничего... кромѣ печальной необходимости признать свое полное банкротство и провалъ всей хитрой демагогической игры въ «соціальную резолюцію».

Но не отъ ловкости рукъ и не отъ крапленныхъ картъ зависитъ конечная побѣда.

Большевизмъ изжитъ Россіей до конца. Онъ сталъ перерождаться въ свою противоположность. Остановить этотъ процессъ невозможно.

30. VIII. 21 г.

Заговоробоязнь.

Вожди «соціальной революціи» заболѣли маніей преслѣдованія. Всюду, вездѣ и всегда чудятся имъ теперь заговоры и нападенія Чичеринъ и Стековъ иступленно вопіютъ о какихъ то вновь замышляемыхъ «французскими имперіалистами» интервенціяхъ. То въ Верхней Силезіи, то въ Польшѣ, то въ Румыніи грезятся имъ французскія войска...

Зиновьевъ и Каменевъ вмѣстѣ съ Дзержинскимъ раскрываютъ одинъ за другимъ «бѣлогвардейскіе заговоры» то въ Петербургѣ, то въ Москвѣ.

Мы не знаемъ, вѣрятъ ли сами большевики въ существованіе тѣхъ заговоровъ, о которыхъ они кричатъ. Думаемъ — не вѣрятъ: сознательно измышляютъ всяческіе страхи для надобностей своей внутренней политики. Нужно призракомъ реакціи удерживать въ своемъ повиновеніи тѣхъ рабочихъ и солдатъ, которые не изжили еще окончательно всѣхъ иллюзій «октябрьской революціи».

Нужно безшабашной расправой съ беззащитными людьми поддерживать въ странѣ свой «престижъ». Нужно во что бы то ни стало еще разъ попытаться въ кровавомъ ужасѣ террора затопить все разростающееся народное движеніе ненависти и мести.

И чѣмъ безнадежнѣе положеніе большевиковъ въ странѣ, тѣмъ нелѣпѣе проявленіе ихъ паники, ихъ заговоро-боязни!

Еще только вчера мы читали кошмарныя въ своей нелѣпости и изувѣрской жестокости подробности расправы съ петроградскими «заговорщиками,» Еще вчера мы читали о разстрѣлѣ «61» за «преступленіе,» за которое даже при Столыпинѣ невозможны бы были смертныя казни. А сегодня ленинскіе опричинки разстрѣляли профессоровъ, дѣвушекъ, юнцовъ и старухъ за поступки уже совершенно невинные, никакому нигдѣ въ мірѣ наказанію не подлежащіе.

И сегодня же совѣтскія газеты печатаютъ подробности новаго «московскаго» заговора. Какъ и слѣдовало ожидать, «заговорщиками» оказались... члены разогнаннаго Общественнаго Комитета Помощи голодающимъ, а главнымъ изъ нихъ Кишкинъ.

Изъ печатаемаго «В. Р.» сегодня письма изъ Москвы видно, какъ далеки отъ всякой нелойяльности по отношенію къ совѣтской власти были члены Общественнаго Комитета. Въ его стѣнахъ собралась вся та современная русская общественность, которая такъ же вѣрила въ возможность «дѣлового сотрудничества» съ Ленинымъ-Троцкимъ, какъ земско-октябристскіе круги въ 1905 г. вѣрили въ возможность совмѣстной работы съ Дурново.

Насколько эти «мирнообновленческія» настроенія были сильны въ руководящихъ кругахъ Комитета, видно, хотя бы, изъ того, что въ вызвавшей «недовольство властей» статьѣ Е. Д. Кусковой — «О гарантіяхъ» — остріе всѣхъ доводовъ направлено не противъ власти, а противъ общественныхъ группъ, добивающихся болѣе существенныхъ «гарантій» для общественной благотворительной работы. «Лишь бы только флагомъ «недовѣріе» или «отсутствіе гарантіи», говоритъ въ заключеніе статьи авторъ, не прикрывалась та излюбленная въ Россіи пассивность, которая заранѣе губитъ всякое дѣло, заранѣе топитъ его въ болотѣ своихъ глубокомысленныхъ размышленій».

Къ сожалѣнію «глубокомысленные» скептики оказались на этотъ разъ болѣе правыми, чѣмъ «легкомысленные» оптимисты. Но въ этомъ сами оптимисты, во всякомъ случаѣ, были неповинны.

Они проявили всей своей дѣятельностью величайшую готовность къ сотрудничеству съ властью и за это, какъ бы въ благодарность, были пожалованы званіемъ «бѣлогвардейскихъ заговорщиковъ». А самъ Кишкинъ, своевременно уклонившійся, по авторитетному свидѣтельству Стеклова, отъ всякихъ сношеній съ «сибирскими и деникинскими кадетами», нынѣ большевистскимъ радіо обвиняется въ сношеніяхъ съ Антоновымъ и въ диктаторскихъ замыслахъ.

Конечно, все это вдоръ! Въ самомъ большевистскомъ радіо говорится, что Кишкинъ былъ освобожденъ изъ тюрьмы за отсут-

ствіемъ всякихъ уликъ уже послѣ того, какъ одинъ изъ арестованныхъ въ Москвѣ сторонниковъ Антонова на допросѣ назвалъ многихъ лицъ, съ которыми долженъ былъ войти въ сношенія и «въ томъ числѣ упомянулъ Кишкина». Это было въ маѣ. Въ августѣ Кишкинъ восхвалялся совѣтской печатью. А въ сентябрѣ его снова бросаютъ въ тюрьму, при чемъ уликой служитъ тотъ самый фактъ, который не былъ признанъ таковымъ въ маѣ.

Еще менѣе вразумительно обвиненіе Кишкина въ «диктаторскихъ» планахъ. Тутъ уже идетъ явная чепуха о какихъ то «канцлерахъ», «думахъ», «государственныхъ совѣтахъ» и т. п.*)

Впрочемъ дѣло не въ основаніяхъ ареста, а въ самомъ арестѣ членовъ Общественнаго Комитета и въ связанныхъ съ нимъ измышленіяхъ о заговорѣ.

Очевидно никакая общественность не совмѣстима съ ленинской тираніей. Не совмѣстимъ съ ней и никакой миръ внутренній. Неизсякающій потокъ человѣческой крови такъ же необходимъ для существованія государственно-полицейскаго большевистскаго аппарата, какъ нужно смазочное масло для дѣйствія машины. А еще нужнѣе для большевистской диктатуры психологія ненависти, мести и ужаса! Внѣ террора нѣтъ большевизма. Послѣдніе приступы большевистской заговоро-боязни еще разъ наглядно показали, какъ несбыточны всѣ надежды о возможности «мирнаго изживанія большевизма», о «постепенномъ приспособленіи существующаго аппарата власти къ дѣйствительнымъ нуждамъ страны.»

Нужды страны и интересы существующей власти понятія другъ друга исключающія!

14. IX. 21 г.

---

*) Потомъ выяснилось, что у Н. М. Кишкина были отобраны и обращены въ „улику" разныя бумаги, относящіяся къ 1914—16 г.г. А. К.

IV.

ГЕНЕРАЛЫ.

Все мало.

Былъ Колчакъ. Самая мрачная реакція — большевизмъ на изнанку — свирѣпствовала по всей Сибири. Разстрѣливали интеллигенцію, пороли цѣлыми деревнями крестьянъ, душили прессу, громили профессіональные союзы и кооперативы и т. д. А въ это же время по всему міру платные и безплатные русскіе и иностранные агенты адмирала славословили его «демократичность», «мудрость» и «патріотизмъ».

Но вотъ начался послѣдній актъ кроваваго фарса. Преступленія колчаковскаго режима сдѣлались очевидными для всѣхъ. Тогда, нисколько не смущаясь, всѣ вчерашніе поклонники «національнаго героя» стали дружнымъ хоромъ оплакивать роковыя ошибки и разоблачать преступленія исчезнувшаго режима. —Колчакъ былъ слабый, безвольный человѣкъ. Вотъ Деникинъ, это — настоящій государственный мужъ, это — подлинный демократъ; онъ спасетъ Россію; вся истинная демократія должна объединиться вокругъ генерала Деникина, — утверждали всѣ эти Алексинскіе, Бурцевы, Савинковы и прочіе. Имъ вторила закупленная европейская большая пресса. Имъ вѣрили изъ-за ихъ «именъ» на Западѣ многіе честные люди, любившіе Россію.

Но «государственный строй» генерала Деникина былъ еще хуже колчаковщины. Повторилась та же самая исторія; повторилась до мельчайшихъ подробностей. И въ моментъ паденія Деникина на страницахъ милюковскаго органа «New Russia», а также въ бурцевской «Cause Commune», въ «Matin», «Victoire» и въ прочихъ рептиліяхъ можно было прочесть ошеломляющія разоблаченія творившихся подъ флагомъ «слабаго» безвольнаго «керенствующаго» Деникина ужасовъ бѣлаго террора, взяточничества, хищеній и разгула.

Мы, русскіе революціонеры, демократы и соціалисты, непримиримые враги большевизма, мы съ первыхъ дней предательскаго coup d'etat Колчака не уставали твердить одно и то же: нельзя красный терроръ побѣдить терроромъ бѣлымъ; нельзя на ужасы чрезвычаекъ отвѣчать сугубыми безобразіями возстановленныхъ охранныхъ отдѣленій; нельзя съ демагогіей, — играющей на своекорыстныхъ, шкурническихъ интересахъ самыхъ темныхъ слоевъ населенія, — бороться, опираясь на неутомимую жажду мести придворной, земельной и финансовой аристократіи и прочихъ обломковъ навсегда погибшаго царизма! Мы утверждали, что большевики справа только поддерживаютъ и укрѣпляютъ гибельную для страны тиранію московскихъ большевиковъ.

Такъ и случилось на самомъ дѣлѣ!

Колчакъ открылъ двери большевикамъ въ Сибирь. На плечахъ отступавшихъ деникинскихъ добровольцевъ большевики докатились до Чернаго моря и Кавказа.

Казалось-бы, довольно!

Казалось бы, наученые дважды опытомъ, самые неисправимые поклонники бѣлыхъ генераловъ должны были задуматься и хотя бы не лгать передъ русскимъ и европейскимъ общественнымъ мнѣніемъ.

Нѣтъ, имъ все мало!

На смѣну Деникину пришелъ въ Крыму баронъ Врангель. И, снова захлебываясь отъ восторга, падаютъ передъ нимъ на колѣни россійскіе «патріоты» и «демократы», пытаясь въ третій разъ мистифицировать Европу, выдавая очередного генерала за спасителя Россіи и великаго демократа!

Они забываютъ, что при Деникинѣ Врангель былъ любимцемъ непримиримой монархической оппозиціи.

Они забываютъ, или лучше сказать, не хотятъ помнить, что къ власти привела Врангеля именно эта оппозиція.

Но вѣдь всѣ средства въ борьбѣ за власть хороши, и развѣ не во имя Учредительнаго Собранія, мира и хлѣба захватилъ въ свои руки власть Ленинъ!?

Можетъ быть и Врангель только притворялся единомышленникомъ непримиримыхъ правыхъ, чтобы, устранивъ «безвольнаго» Деникина, взять въ свои руки власть, именно, для борьбы съ реакціей и торжества демократіи?!

Мавръ сдѣлалъ свое дѣло — мавръ можетъ уйти?!

Отвѣтить на этотъ вопросъ не трудно. Нужно только посмотрѣть на списокъ новоявленныхъ демократовъ, окружающихъ Врангеля: Пильцъ, Кривошеинъ, Глинка, Гербель — ба, знакомыя

все лица! Все — павшіе боги съ бюрократическаго олимпа временъ Плеве и Столыпина!

Однако этихъ именъ для вящаго укрѣпленія демократическаго строя оказалось мало.

И на первый планъ одинъ за другимъ начинаютъ выдвигаться дѣятели, прошлое которыхъ еще болѣе опредѣленно.

Бывшій директоръ департамента полиціи Климовичъ, одинъ изъ самыхъ яркихъ сотрудниковъ Плеве; Родіоновъ — членъ «Союза Русскаго Народа»; непримиримый монархистъ Гурко; самъ идейный вдохновитель реакціи и пѣвецъ монархіи Шульгинъ — всѣ эти подлинные «революціонеры», но только справа, всѣ они готовы тѣснымъ строемъ двинуться на «защиту» русской демократіи.

Они готовятъ новый, легкій тріумфъ большевикамъ!

Если бы не было Врангеля, Москва должна бы была его выдумать!

Но тотъ, кто дѣйствительно любитъ Россію, кому дѣйствительно ненавистны захлебнувшіеся въ народной крови московскіе тираны, тотъ долженъ безъ всякихъ колебаній поднять свой голосъ противъ новой спекуляціи именемъ русской демократіи.

Довольно лгать!

14. IX. 20.

„На Шипкѣ все спокойно".

Начался эпилогъ крымской трагедіи. Авангарды красной арміи, перейдя мостъ у Сиваша, ворвались на полуостровъ.

Въ виду исключительной серьезности военнаго положенія, — какъ осторожно говорить сообщеніе ставки Врангеля, — вся территорія Крыма объявлена на осадномъ положеніи...

Съ великой скорбью и жгучимъ гнѣвомъ слѣдимъ мы за развертывающимися событіями.

Съ великой скорбью, ибо новые нечеловѣческіе ужасы суждено пережить ни въ чемъ неповиннымъ братьямъ нашимъ.

Одни изъ нихъ случайно ураганомъ кровавой смуты были загнаны во владѣнія Врангеля; иные въ страстномъ порывѣ спасти родину добровольно отдали жизнь въ распоряженіе очередного генерала, не сознавая всей нелѣпости и преступности баронской авантюры.

Вся наша любовь — съ этими сотнями и тысячами гибнущихъ и страдающихъ русскихъ людей.

Но нѣтъ предѣла нашему негодованію, нашему гнѣву на тѣхъ, кто, несмотря на три страшныхъ, предостерегающихъ урока, сно-

ва съ преступнымъ легкомысліемъ играетъ жизнями людей и судьбой самого государства.

Развѣ судьба Колчака, Деникина, Юденича и прочихъ генераловъ не сдѣлала очевидной, даже для слѣпыхъ, простую истину, что безъ народа и противъ народа нельзя спасти Россію?!

Развѣ нужно еще доказывать, что нельзя генерала, приказомъ назначеннаго въ «спасители отечества», противополагать, какъ реальную силу, большевизму, — символу крайне болѣзненнаго, разрушительнаго, но стихійнаго движенія?

Развѣ не ясно еще, что между очереднымъ генераломъ и Ленинымъ объективно нѣтъ разницы, такъ какъ ихъ пріемы управленія и отношенія къ населенію одинаковы? Но красный терроръ всегда побѣдитъ бѣлый, ибо изъ двухъ силъ, качественно равноцѣнныхъ, сила количественно слабѣйшая неизбѣжно будетъ побѣждена. Военная диктатура сама въ себѣ несетъ смерть.

Это не разъ признавали самые ярые сторонники бѣлыхъ генераловъ въ моментъ ихъ краха. Кто не помнитъ тѣхъ разоблаченій, тѣхъ признаній, которыя дѣлались послѣ ликвидаціи Колчака или Деникина ихъ вчерашними поклонниками и льстецами?

Но, лягая и понося вчерашняго «героя», всѣ эти господа «патріоты» снова припадали къ стопамъ сегодняшняго, новоявленнаго «верховнаго правителя». Забывались съ невѣроятной, необъяснимой быстротой всѣ «разоблаченія». Снова начинали слагать хвалу «великому патріоту». И чѣмъ безнадежнѣе были реальные шансы на успѣхъ новой авантюры, тѣмъ громче звучали голоса нѣкоторыхъ публицистовъ, на этотъ разъ уже окончательно «увѣренныхъ», что «дѣло спасенія родины въ вѣрныхъ рукахъ».

Въ этомъ отношеніи Врангелю особенно повезло. Никогда еще при Колчакѣ и Деникинѣ не ставилась такъ беззастѣнчиво реклама, никогда еще съ такой смѣлостью не вводили въ заблужденіе русское и европейское общественное мнѣніе.

Уже во время стремительнаго отхода арміи Врангеля за Перекопъ, уже въ то время, какъ катастрофа сдѣлалась несомнѣнной, вся европейская «большая пресса» и почти всѣ заграничныя русскія газеты воспѣвали Врангеля за его «успѣхи».

Въ свободныхъ условіяхъ европейской жизни воскресли нравы старой, самодержавной Россіи: придворные льстецы, ложь оффиціальныхъ и оффиціозныхъ сообщеній, лесть и фиміамъ наемныхъ писакъ. А за этой размалеванной ширмой — развалъ, дерзкое невѣжество правящихъ, кровь и слезы запуганныхъ и затравленныхъ «подданныхъ».

«Въ Крыму все спокойно» — до послѣдней минуты раздавались на весь міръ голоса зарвавшихся игроковъ. Нѣтъ, тамъ, какъ нѣкогда на Шипкѣ, съ тихимъ ужасомъ въ душѣ погибали и страдали простые русскіе люди, расплачиваясь своей кровью и своей жизнью за самоувѣреность легкомысленныхъ кавалеристовъ и упрямство злостныхъ реакціонеровъ, которые изъ ненависти къ освобождающемуся народу еще разъ въ своемъ изступленіи разрушили тылъ у своего собственнаго фронта!

Это они открыли дорогу большевикамъ въ Севастополь! Пусть же этотъ послѣдній урокъ вернетъ, наконецъ, народу всѣхъ тѣхъ, кто еще можетъ во имя родины отказаться отъ мечты вернуть Россію назадъ, къ тому, — что навсегда исчезло 27-го февраля 1917 года.

14. XI. 20.

Побѣжденные безъ побѣдителей.

Трагедія въ Крыму вызвала громкіе отклики во всѣхъ слояхъ и кругахъ русскаго и европейскаго общественнаго мнѣнія. Одни ликуютъ: имъ уже у себя дома грезятся стройные ряды красныхъ батальоновъ.

Другіе рвутъ на себѣ волосы, впадаютъ въ панику, какъ будто весь культурный міръ гибнетъ вмѣстѣ съ Врангелемъ.

Разно воспринимаютъ крымскій разгромъ, но почти всѣ видятъ въ этомъ кровавомъ эпилогѣ врангеліады событіе, внутренне усиливающее и укрѣпляющее большевизмъ.

На самомъ дѣлѣ это не такъ. Какъ это, можетъ быть, съ перваго взгляда ни странно, ни парадоксально, но между паденіемъ Врангеля и процессомъ существованія или исчезновенія большевизма нѣтъ никакой необходимой связи.

Конечно, в н ѣ ш н е, особенно для случайнаго или невнимательнаго наблюдателя, событія въ Крыму несомнѣнно покажутся существеннымъ успѣхомъ, дѣйствительной «побѣдой» красной Москвы: тутъ и тысячи плѣнныхъ, сотни захваченныхъ орудій, танковъ и т. п. трофеевъ. Паника населенія, бѣгство побѣжденныхъ, развѣвающіяся красныя знамена побѣдителей. Все на своемъ мѣстѣ!

Эту внѣшнюю вульгарную сторону своей «побѣды» вожди большевизма, конечно, съ обычнымъ своимъ искусствомъ используютъ въ полной мѣрѣ для усиленія своей пропаганды в н ѣ Р о с с і и и для выгоднаго для себя разрѣшенія очередныхъ международныхъ задачъ. Они будутъ спекулировать на панику слѣпой и глухой въ русскихъ вопросахъ Европы.

Но про себя-то большевики отлично сознаютъ безвыходность своего внутренняго положенія; сознаютъ свое безсиліе передъ государственно-хозяйственными задачами страны; сознаютъ, наконецъ, что процессъ отрыва отъ нихъ народныхъ массъ приближается къ своему апогею. И чтобы тамъ ни кричали о своей внутренней силѣ московскіе комиссары, мы достовѣрно знаемъ, что они отчетливо чувствуютъ стихію всенародной ненависти, которая ихъ окружаетъ.

Кромѣ того, они отлично понимаютъ, что не въ ихъ организованности и силѣ, а въ рѣшительномъ непріятіи народными массами генеральской реакціи весь секретъ ихъ успѣховъ на фронтѣ гражданской войны.

Поэтому московскіе самодержцы знаютъ, что исчезновеніе болѣе или менѣе серьезной реакціонной опасности необходимо увеличитъ, а не ослабитъ активность ихъ враговъ въ толщѣ самого народа.

Реакціи нѣтъ, да здравствуетъ реакція! — могли бы воскликнуть г. г. народные комиссары, отыскивая новый предлогъ для оправданія краснаго террора.

Въ великой тяжбѣ россійской демократіи съ большевизмомъ соотношеніе силъ послѣ пораженія Врангеля не можетъ измѣниться къ худшему для борцовъ за Народовластіе.

Да, карта россійской реакціи еще разъ бита.

Но гдѣ же причина?

Французское оффиціозное сообщеніе о событіяхъ въ Крыму между прочимъ гласитъ — «быстроту пораженія нужно приписать бунтамъ въ арміи.»

Что же это значитъ?

Это значитъ, что чуть ли не въ десятый разъ фронтъ очередного диктатора-генерала развалился отъ своихъ собственныхъ внутреннихъ причинъ, отъ своей внутренней несостоятельности. Злостная реакціонность однихъ и непростительное легкомысліе другихъ еще разъ вызвали безцѣльную растрату человѣческихъ жизней и народнаго достоянія; еще разъ вложили въ руки большевиковъ новое оружіе для международной пропаганды.

Нужно оплакивать невинныя жертвы нелѣпой авантюры, но нельзя одно изъ звеньевъ въ цѣпи событій, выявляющихъ совершенную нежизненность русской реакціи, превращать въ явленіе мірового значенія.

Крымская трагедія не отклонитъ логическаго развитія событій въ Россіи отъ ихъ основного русла. Она не остановитъ процесса наростанія въ оторвавшихся отъ большевизма народныхъ массахъ революціонной дѣйственности.

Нужно напряженнѣе всматриваться въ послѣдствія совершающагося въ народныхъ массахъ перелома, и тогда среди ужаса, мрака и хаоса настоящаго мы ясно увидимъ вдали брезжущую зарю новаго дня.

17. XI. 20.

Горе маловѣрамъ.

Свершилось. Мучительная агонія южно-русскаго фронта, начавшаяся еще осенью прошлаго года подъ Орломъ, закончилась «неожиданнымъ взрывомъ» Крыма.

Именно, какъ «неожиданное» «ошеломляющее» было многими и многими русскими людьми воспринято событіе, болѣе чѣмъ неизбѣжное — неотвратимое. Не нужно было никакой исключительной прозорливости, никакой особливой проницательности, чтобы съ математической точностью задолго до »взрыва» предсказать его.

И тѣ, кто предсказывали паденіе Крыма, не злорадствуютъ нынѣ, ибо дорога каждая капля драгоцѣнной крови человѣческой, безсмысленно и безцѣльно проливаемой.

Они и въ заслугу себѣ не ставятъ свою проницательность, пророками себя не почитаютъ, такъ какъ думаютъ, что предсказать было такъ же легко, какъ вечеромъ предвидѣть, что завтра будетъ день.

Чтобы читать книгу судебъ военныхъ диктаторовъ, нужно только имѣть мужество ясно видѣть существующее, не подмѣнивая его въ своихъ разсужденіяхъ тѣмъ, чего нѣтъ, но что должно по нашему мнѣнію существовать.

Въ Россіи не было и нѣтъ того воображаемаго народа, который хотѣлъ бы тѣхъ формъ государственнаго и соціальнаго бытія, которыя кажутся единственно пріемлемыми и допустимыми для нѣкоторыхъ верховъ русской общественности. Еще въ корниловскіе дни отошли эти верхи навсегда отъ революціи, съ ея новой психологіей, съ ея новымъ методомъ государственнаго и соціальнаго строительства. И нѣтъ сейчасъ у нихъ общаго языка съ народомъ!

Нужно принять народъ такъ, какъ онъ есть.

Нужно идти народу на помощь, содѣйствуя ему самому всѣмъ міромъ, скопомъ, сообща строить новую государственную храмину.

Но для того, чтобы идти вмѣстѣ съ народомъ, вмѣстѣ съ крестьянствомъ, вмѣстѣ съ рабочими нужно вѣрить въ народную массу, въ ея здравый смыслъ, въ ея совѣсть, въ ея правду.

Почему такимъ ошеломляющимъ ударомъ было для многихъ паденіе Врангеля?!

Почему отчаяніе овладѣло одними, а другіе снова готовы всѣ свои надежды связать съ очереднымъ генераломъ, котораго нужно еще выдумать?

Только потому, что изсякла вѣра ихъ въ Россію, ибо нѣтъ Россіи безъ мужика и рабочаго, ибо нѣтъ Россіи внѣ здоровой стихіи труда народнаго.

Потеряли они вѣру въ народъ. Отвернулись отъ него. Посмѣялись надъ наготой его невѣжества. Съ проклятьемъ возложили на него всѣ послѣдствія великихъ прегрѣшеній самодержавія!

И кажется этимъ маловѣрамъ, что никого нѣтъ въ Россіи, кромѣ «спасительной реакціи» генераловъ, что безмолвствуетъ, пассивно подчиняясь новому рабству, народъ.

Но вѣдь это же невѣрно!

Не на животъ, а на смерть борется сейчасъ порабощенный народъ со своими поработителями тамъ, внутри, въ самой Россіи. Какъ въ осажденной крѣпости отсиживаются отъ гнѣва народнаго господа комиссары за высокими стѣнами чрезвычаекъ, военныхъ положеній, китайскихъ батальоновъ, разстрѣловъ, карательныхъ экспедицій и проч. и проч.

Слабѣла все время генеральская реакція, а терроръ все крѣпчалъ въ совѣтской Россіи.

Почти каждый день мы получаемъ все новыя и новыя свѣдѣнія о пыткахъ, о жестокихъ преслѣдованіяхъ «политическихъ враговъ совѣтскаго строя», въ особенности членовъ п. с.-р.

А вѣдь партія с.-р. не только не поддерживала, но всячески боролась со всѣми «диктатурами», въ томъ числѣ и крымской. Въ Крыму с.-р. также считались «крамольниками». Терроръ существуетъ въ сов. Россіи не потому, что были Колчакъ, Деникинъ или Врангель.

Теперь ихъ нѣтъ, но терроръ въ Совдепіи не ослабѣетъ. Не ослабѣетъ потому, что переполнилась чаша народнаго терпѣнія! Не ослабѣетъ потому, что въ тотъ же день, какъ онъ прекратится, будетъ власть новыхъ самодержцевъ сметена съ лица земли. Неприкосновенность личности, свобода печати и собраній, свободно выбранное народное представительство въ какомъ угодно урѣзанномъ видѣ, — все это недоступная роскошь для Ленина и его сателитовъ!

Они, если бы и хотѣли, не могутъ пойти ни на какія уступки, ни на какія соглашенія, ибо нѣтъ тѣхъ безумцевъ, которые осмѣлились бы протянуть руку насильникамъ въ часъ расплаты.

Есть еще одинъ путь для большевиковъ, но на этотъ путь они не пойдутъ.

Это путь честной капитуляціи, путь подчиненія волѣ народа. Но этотъ путь психологически для вождей большевизма закрытъ. Они до конца пойдутъ дорогой смерти и ужаса.

Горе маловѣрамъ, не видящимъ борьбы народа за свое возрожденіе. Мы ее чуемъ, мы ее видимъ и къ участію въ ней призываемъ.

19. XI. 20.

Они сердятся.

П. П. Рябушинскій — этотъ виднѣйшій представитель московской промышленой аристократіи — произнесъ недавно въ Парижѣ на торгово-промышленномъ съѣздѣ нѣсколько искреннихъ и разумныхъ словъ. Смыслъ этихъ словъ заключался въ рѣшительномъ отказѣ отъ возврата къ дореволюціонному прошлому и въ признаніи непреходящаго, положительнаго значенія для Россіи Великой Революціи. «Революція разбила оковы царизма. Народъ сталъ свободенъ. И зная, что творить мы сможемъ только при помощи народа свободнаго, мы горячо привѣтствовали и привѣтствуемъ эту революцію... Пока истинная революція не сломитъ большевистскую реакцію — мы ничего не можемъ».

Казалось бы, представители «здоровой національной государственности», представители «трезваго либерализма», для которыхъ свобода и самодѣятельность населенія, свободная игра соціальныхъ силъ въ строительствѣ государственномъ являются азбукой политической мудрости, — казалось бы эти «серьезные» политики должны были бы съ особымъ удовлетвореніемъ привѣтствовать слова Рябушинскаго. Вѣдь если въ моментъ революціи въ Россіи не оказалось жизнедѣятельной, способной, если не къ власти, то по крайней мѣрѣ къ борьбѣ за власть, буржуазіи; если средніе классы оказались совершенно безпомощными среди разбушевавшейся революціонной стихіи, если за дѣло строительства демократической, но въ основѣ своей буржуазной государственности, пришлось взяться представителямъ трудовыхъ слоевъ населенія — если все это случилось, то вѣдь это было *неизбѣжнымъ послѣдствіемъ царизма,* который, политически закрѣпощая населеніе, сдѣлалъ призрачнымъ и экономическое могущество тѣхъ верховъ буржуазіи, которымъ онъ, казалось, покровительствовалъ и интересы которыхъ пытался охранять.

Здоровымъ инстинктомъ волевого, дѣятельнаго человѣка, Рябушинскій почуялъ, что есть *нѣчто,* связывающее его кровно съ революціей, съ интересами народа въ этой революціи. И это *нѣчто* свобода, самодѣятельность, уничтоженіе разъ навсегда всѣхъ

пережитковъ полицейскаго строя, опиравшагося и защищавшаго въ дѣйствительности интересы только паразитныхъ дворянско-землевладѣльческихъ слоевъ населенія.

Отрицая олигархію большевистскихъ вождей, прикрывающихъ свое самовластіе красивымъ лозунгомъ «диктатуры пролетаріата», жизнеспособные элементы русской буржуазіи не хотятъ и возвращенія олигарховъ изъ «Совѣта объединенныхъ дворянъ», стремящихся скрыть свой деспотизмъ въ складахъ горностаевой мантіи новаго монарха.

Въ этомъ — основной смыслъ словъ Рябушинскаго. Въ нихъ мы не боимся увидѣть симптомъ здороваго процесса, происходящаго въ нѣдрахъ русской промышленной буржуазіи, пытающейся найти новые пути для своего экономическаго творчества въ условіяхъ новой революціонной Россіи, гдѣ рѣшающій голосъ будетъ принадлежать во всѣхъ областяхъ государственной и хозяйственной жизни большинству, т. е. трудящимся и въ особенности крестьянству.

Повторяемъ, «новое слово» Рябушинскаго должно было встрѣтить особое сочувствіе со стороны тѣхъ русскихъ либераловъ, которые въ особенности всегда гордились своей «внѣклассовой» государственной мудростью.

Увы! На самомъ дѣлѣ случилось какъ разъ наоборотъ. Они то — эти либералы — и сердятся. Они не могутъ скрыть своего раздраженія «на привычку иныхъ представителей нашей крупной буржуазіи рядить свою мысль въ пестрые цвѣта радикальной фразеологіи, блистать театральными эффектами.» Такъ злобно характеризуетъ рѣчь Рябушинскаго передовая статья «Руля» отъ 24 мая. Органъ берлинскихъ «либераловъ», стремящихся, якобы, къ «національному объединенію», набрасывается съ чрезвычайной яростью на одного изъ представителей близкихъ къ нимъ круговъ русской общественности лишь за то, что онъ осмѣлился не проклинать революціи, не изрыгать всяческія хулы на русскую демократію и признать рѣшающее значеніе въ соціальной жизни страны освобожденныхъ трудовыхъ слоевъ.

Промышленная Москва, всегда дававшая тонъ политическимъ выступленіямъ русской буржуазіи, научилась лучше вглядываться въ будущее, вспоминая суровыя послѣдствія своей недостаточной политической прозорливости въ прошломъ. Она не хочетъ помогать призракамъ этого прошлаго. Она понимаетъ желѣзную необходимость окончательнаго уничтоженія всѣхъ «вишневыхъ садовъ» стародворянскихъ идиллій, построенныхъ на рабствѣ и униженіи великаго народа! Этого-то разрыва купеческой Москвы съ дореволюціонными пережитками дворянской монархіи и не мо-

жетъ простить либеральный «Руль» революціонеру Рябушинскому.

Мы не строимъ себѣ воздушныхъ замковъ. Мы знаемъ, что русская промышленная буржуазія, пріявъ революцію и научившись, наконецъ, своими руками ковать свою соціальную и политическую мощь, сдѣлается для трудовой демократіи противникомъ во сто разъ болѣе опаснымъ, чѣмъ всѣ нынѣшніе послѣдыши самодержавія со всѣми ихъ «диктаторами».

Но мы знаемъ также, что въ настоящихъ условіяхъ экономическаго разложенія Россіи понадобятся на службу всѣ силы, способныя къ созданію новыхъ экономическихъ цѣнностей и къ возстановленію хозяйственнаго организма государства.

Это новое творчество было бы невозможно въ условіяхъ реставраціи, поэтому отказъ промышленной буржуазіи подерживать послѣднихъ представителей землевладѣнія въ ихъ монархическихъ утопіяхъ — явленіе положительное.

Русскій Кобленцъ и его «либеральные» идеологи сердятся ненапрасно!

26. V. 21.

Изгои.

«Россія можетъ возродиться лишь какъ государство демократическое, правовое, опирающееся на широкія массы крестьянства, торгово-промышленнаго и рабочаго классовъ и поддерживаемое духовными силами интеллигенціи»; — такъ гласитъ общеполитическая резолюція Съѣзда представителей русской торговли и промышленности въ Парижѣ. Крестьянство, рабочіе, промышленная буржуазія и «внѣ-классовая» интеллигенція, — таковы по мнѣнію участниковъ съѣзда творческіе жизнеспособные элементы, призванные строить зданіе новой россійской пореволюціонной государственности.

А гдѣ же «соль земли Русской» — россійское благородное дворянство?! О немъ забыли? — Нѣтъ, его сознательно исключили. Признали, что дворянское землевладѣніе, какъ соціальная категорія, и дворянство, какъ правящее привилегированное сословіе, вмѣстѣ съ самодержавіемъ ушли въ прошлое, о которомъ «нужно забыть.»

«Вы должны забыть про власть и дорогу къ власти», сказалъ въ заключительномъ словѣ Рябушинскій, отвѣчая одному изъ виднѣйшихъ идеологовъ дворянско-монархической реакціи — Гурко, который пытался защищать роль дворянства въ грядущемъ строительствѣ новой Россіи.

Въ спорѣ Рябушинскаго съ Гурко съѣздъ рѣшительно всталъ на сторону перваго. — «Отнынѣ въ противовѣсъ дворянству, которое смотритъ назадъ, торгово-промышленный классъ пойдетъ впередъ къ просвѣщенію, къ культурѣ.» — Въ великой земельной распрѣ между бариномъ и мужикомъ, онъ рѣшительно «будетъ стоять на сторонѣ крестьянства.»

Мы указывали уже на симптоматическое значеніе первой рѣчи Рябушинскаго, показавшей, въ какомъ направленіи ищетъ выхода разбуженная революціей мысль русскаго промышленника. Резолюція съѣзда превратила индивидуальную мысль въ политическое дѣйствіе цѣлаго класса, если только за парижскимъ торгово-промышленнымъ съѣздомъ можно признать право представлять интересы и чаянія русскаго торгово-промышленнаго люда. Намъ кажется, что практическая сметка и здоровое чувство дѣйствительности подсказали съѣзду правильное разрѣшеніе вопроса о роли бывшаго «правящаго сословія» въ новой Россіи.

Ему нѣтъ мѣста въ соціальномъ строительствѣ, въ процессѣ творчества новыхъ экономическихъ цѣнностей. А, слѣдовательно, и пути къ власти впредь ему заказаны!

Еще вчера всемогущіе вершители судебъ государства сдѣлались отнынѣ и навсегда изгоями русской государственности.

И какъ въ старину князья — изгои шли «конно, людно и оружно» огнемъ и мечемъ отбивать свою вотчину у захватчиковъ отцовскаго наслѣдія, такъ и современные русскіе изгои — монархисты мечтаютъ силой оружія вернуть себѣ власть въ государствѣ и по своему расправиться съ «взбунтовавшимся мужичьемъ».

Всѣ столицы Европы переполнены этими сіятельными изгоями, съ необычайной энергіей готовящимися къ побѣдному возвращенію въ Россію.

Для нихъ не существуетъ дѣйствительности. Для нихъ безслѣдно прошли жуткіе годы русской революціи, и чѣмъ ближе разложеніе и гибель большевизма, чѣмъ ближе послѣдній актъ революціи — побѣда крестьянской демократіи надъ красно-черной реакціей, — тѣмъ напряженнѣе дѣлается у русской дворянской эмиграціи стремленіе осуществить свою безумную мечту о возстановленіи самодержавія.

Но самые способы, какими хотятъ достичь изгои своей цѣли, лучше всего доказываютъ, что между пережиткомъ самодержавія — дворянской олигархіей и самой Россіей — нѣтъ ничего общаго.

Заговоры, вербовка офицерства въ особые монархическіе отряды, подготовка террористическихъ актовъ противъ виднѣйшихъ представителей антибольшевистской демократіи, интриги при иностранныхъ дворахъ — однимъ словомъ вся кухня старинныхъ дворцовыхъ переворотовъ и ничего, съ чѣмъ можно было бы открыто подойти къ народнымъ массамъ!

Впрочемъ, для народа и не нужно никакихъ «сантиментальностей».

Для него нужны «ежовыя рукавицы»!

«Неудача» Деникиныхъ и Врангелей современными защитниками самодержавія объясняется исключительно ихъ малодушной слабостью; тѣмъ, что они не рѣшались до конца вернуться въ практикѣ управленія къ «здоровымъ традиціямъ» Плеве и Дурново.

Только въ этой средѣ бывшихъ людей, живущихъ призраками прошлаго, несомнѣнно съ сочувствіемъ будетъ встрѣченъ призывъ къ «диктатурѣ меньшинства», съ которымъ пытался обратиться къ торгово-промышленному съѣзду неисправимый идеологъ «бѣлыхъ генераловъ» П. Б. Струве. — «Нужна сила, нужна энергія, восклицалъ онъ. Должно создаться мощное своимъ сознаніемъ меньшинство, которое пошло бы на проломъ».

Напроломъ идутъ только тѣ, кому нечего терять! Напроломъ и рѣшились пойти русскіе монархисты, группирующіеся вокругъ Дмитрія Романова и Петра Врангеля. Они рвутъ связи съ самыми умѣренными элементами русской общественности, если только послѣдніе не рѣшаются до конца исповѣдывать символъ вѣры самодержавія.

Ничтожное меньшинство реставраторовъ дворянской монархіи несомнѣнно попытается еще разъ пойти «напроломъ» и захватить власть въ государствѣ.

Но это имъ не удастся, ибо не насиліемъ меньшинства, какъ думаетъ г. Струве, а организованной волей большинства создаются великія государства.

Много еще несчастій и тяжкихъ испытаній принесетъ Россіи, русскому народу безумная анти-государственная, анти-патріотическая дѣятельность послѣдышей самодержавія. Но живыя творческія соціальныя силы побѣдятъ и подчинятъ себѣ всѣ элементы разложенія, всѣ болѣзненные очаги черной и красной реакціи. Разрывъ русскаго купечества, русской буржуазіи съ дворянствомъ — является однимъ изъ здоровыхъ выявленій этого процесса, уже происходящаго въ нѣдрахъ народнаго организма.

27. V. 21.

За національными кулисами.

Только что закрылся въ Парижѣ съѣздъ «Національнаго Объединенія». По правдѣ сказать, долго никакъ нельзя было понять, кто такіе и по какому дѣлу собирались въ роскошныхъ залахъ первокласснаго парижскаго отеля и цѣлыя недѣли демонстрировали передъ изумленной Европой образцы россійскаго краснорѣчія!

Едва ли нужно доказывать, что цѣлью этого съѣзда не было ни въ какой степени стремленіе къ національному объединенію.

Ненависть къ февральской революціи 1917 года, къ ея завѣтамъ, къ партіямъ и группамъ, оставшимся ей вѣрными или вернувшимися къ ея традиціямъ; ненависть ко всей демократической, революціонной и соціалистической Россіи; ненависть горшая, чѣмъ къ большевизму была лейтъ-мотивомъ всѣхъ рѣчей и резолюцій съѣзда.

Очевидно, въ понятіе націи революціонные и демократическіе слои россійскаго населенія не входятъ и «національное объединеніе» мыслится его иниціаторами гдѣ то внѣ или за чертой того народа, который впервые въ исторіи новой Россіи выступилъ активнымъ участникомъ историческихъ событій послѣ сверженія самодержавія.

Буржуазная, торгово-промышленная Россія, только что передъ этимъ тоже съѣзжавшаяся въ Парижѣ, блистала своимъ отсутствіемъ среди представителей «націи». Но за то не только присутствовалъ, но и руководилъ занятіями съѣзда вождь землевладѣльческой реставраціи В. Гурко, которому какъ разъ на съѣздѣ промышленниковъ было не особенно вѣжливо указано на дверь.

Совершенной загадкой былъ для насъ соціальный составъ съѣзда, пока не ознакомились мы со спискомъ 74-хъ персонъ, избранныхъ въ члены Національнаго Совѣта.

Если отбросить въ сторону десятокъ никому неизвѣстныхъ именъ, введенныхъ, видимо, въ составъ совѣта только для счета, то окажется, что въ этомъ національномъ Совѣтѣ будутъ засѣдать: 6 человѣкъ по своему болѣе или менѣе недавнему прошлому связанные съ лѣвыми радикально-революціоными кругами русской общественности, 20 кадетъ праваго и право-центроваго устремленія и свыше 30 дѣятелей октябристскаго типа.

Другими словами передъ нами «прогрессивный блокъ» IV Государственной Думы съ обрѣзанными флангами — безъ лѣво- центровыхъ кадетъ и шульгинскихъ националистовъ.

Соціально этотъ слой людей представляетъ собой служилодворянскій блокъ, съ нѣкоторой примѣсью испуганныхъ революціей разночинцевъ-интеллигентовъ. Политически этотъ сортъ людей, отрицая всякую демократію, наиболѣе склоненъ къ модернизованной монархіи.

Именно этимъ соціально-политическимъ устремленіямъ и соотвѣтствуютъ принятыя на съѣздѣ резолюціи.

Въ земельномъ вопросѣ побѣдили Гурко-Набоковъ, хранители завѣтовъ «культурнаго частнаго землевладѣнія», т. е. охранители интересовъ помѣстнаго дворянства.

Въ основномъ политическомъ вопросѣ, въ вопросѣ о формѣ правленія, монархистъ Набоковъ сдѣлалъ уступку радикальнымъ традиціямъ лѣваго меньшинства съѣзда и провелъ весьма гибкую и растяжимую резолюцію, по существу, монархическую, но допускающую и республиканское толкованіе.

Составъ Національнаго Совѣта даетъ полную гарантію того, что съ республиканскимъ толкованіемъ резолюціи въ практической дѣятельности совѣта ни какихъ злоупотребленій не будетъ.

Больше того, и эта резолюція, и весь ходъ работъ съѣзда, закончившагося объединеніемъ собравшихся не съ русскимъ народомъ, не съ «націей«, а съ Врангелемъ, и самый составъ Національнаго Совѣта — не оставляютъ сомнѣній въ томъ, что по существу въ Парижѣ на Національномъ съѣздѣ произошло объединеніе лѣваго крыла монархическаго движенія русской эмиграціи.

Все, что произошло на набоковскомъ съѣздѣ, вполнѣ отвѣчаетъ методамъ и задачамъ той «новой тактики», которая вырабатывалась такими мастерами политической игры, какъ Шульгинъ и Гучковъ и которая положена въ основу всей дѣятельности неомонархистовъ. Итакъ, всѣ три Россіи — республиканско-демократическая большевистско-олигархическая и дворянско-монархическая — точно и рѣзко отмежевались другъ отъ друга и заняли свои позиціи.

Россія большевиская исторически уже въ прошломъ. Бой будетъ между республикой и монархіей.

18. VI. 21.

Іудушки.

Недавно «Воля Россіи» сообщила о настроеніяхъ нашей монархической эмиграціи и о двухъ ея основныхъ группировкахъ. Рейхенгальцы, матерые, заслуженные защитники «исконныхъ началъ», безъ гнѣва и раздраженія читаютъ сообщенія о своей дѣятельности, ибо не двурушничаютъ и монархизма своего не скрываютъ.

За то выходятъ изъ себя организаторы «Національнаго Съѣзда», всѣ эти Бурцевы, Набоковы и прочіе «нео-монархисты», ибо имъ приходится провозить свой товаръ контрабандой. Да и задача то ихъ въ томъ и состоитъ, чтобы преждевременной откровенностью не отпугнуть отъ себя часть своихъ послѣдователей, не испортить всей игры въ «національное объединеніе». Впрочемъ, нѣкоторымъ изъ нихъ, дѣйствительно вновь испеченнымъ монархистамъ, еще неловко, еще совѣстно появляться передъ публикой въ слишкомъ неприглядномъ домашнемъ одѣяніи. У нихъ нѣтъ смѣлости Льва Тихомирова, который прямо изъ «Народной Воли» шагнулъ въ «Московскія Вѣдомости» и запѣлъ «Боже, царя

храни», не успѣвъ еще какъ слѣдуетъ смыть со своихъ рукъ кровь Александра II.

Поэтому они предпочитаютъ дѣйствовать методами Іудушки Головлева, который, какъ извѣстно, впадалъ въ особливую добродѣтель и особенно печалился о грѣхахъ и заблужденіяхъ своихъ ближнихъ всякій разъ, какъ ему нужно было замести слѣды своихъ собственныхъ «шалостей».

Такъ, напримѣръ, «Общее Дѣло», планомѣрно, согласно опредѣленной директивѣ «пріучая» Европу къ необходимости «признанія вѣроятнаго факта установленія въ Россіи національной формы правленія», т. е. монархіи, старается, довольно неумѣло, отвести слѣды отъ своей работы.

Оказывается, мы «перепугались» реальной возможности возстановленія въ Россіи неограниченной монархіи.

Органъ нео-монархистовъ высмѣиваетъ эти «страхи», доказывая вполнѣ убѣдительно, что о «чистомъ» самодержавіи даже Марковы II больше не мечтаютъ.

Ну, а конституціонная монархія?

Какъ обстоитъ дѣло съ «конституціонной демократіей» Карташева и съ набоковской «властью, которая заслужитъ довѣріе народа»? — Вполнѣ благополучно... Конституціонная монархія оказывается не та монархія, которой «боятся» слѣва и она вполнѣ пріемлема.

Смѣемъ увѣрить г.г. нео-монархистовъ, что, разоблачая планы русскаго Кобленца, мы никогда не имѣли въ виду «самодержавіе», а говорили именно о тѣхъ безсмысленныхъ мечтаніяхъ о «единеніи царя съ народомъ», которыя одинаково владѣли умами и Рейхенгалля, и Національнаго Съѣзда.

Разница между ними не въ цѣли, а только въ средствахъ и пріемахъ достиженія этой цѣли. А главное, никто не боится господъ монархистовъ всѣхъ родовъ и ранговъ.

Монархическая «опасность» заключается не въ томъ, что господамъ Марковымъ II, Врангелямъ и Набоковымъ удастся повернуть исторію Россіи вспять. Этого никогда не будетъ. — Вредъ отъ дѣятельности всѣхъ этихъ утопистовъ совсѣмъ въ другомъ. Они, пугая народную массу призракомъ реакціи, понижаютъ ея активность въ борьбѣ съ большевизмомъ. Это отлично учитываютъ сами господа большевики и пользуются плодами дѣятельности своихъ невольныхъ союзниковъ во всю. И еще недавно въ самомъ «Рулѣ» въ письмѣ изъ Петрограда было сказано: — «Боятся грядущей мести господъ и возвращенія стараго безправія. Если бы знали, что ничего не придется опасаться отъ новой власти и отъ старыхъ баръ — давно бы все перевернули». Что же, господа Іудушки? Мобилизуя въ Германіи князей Ливенъ и Голицыныхъ,

Марковыхъ II, Треповыхъ и Крупенскихъ, а въ Парижѣ — г.г. Гурко, Набоковыхъ, Гучковыхъ и проч. либеральныхъ баръ, вы содѣйствуете крушенію большевизма?! Что же, гальванизируя ненавистные народу призраки прошлаго, вы совершаете дѣло національнаго объединенія?! Что же, давая матеріалъ большевистской демагогіи, вы подготовляете возстановленіе русской государственности?! Нѣтъ, вся работа современныхъ іудушекъ направлена къ дальнѣйшему разложенію Россіи.

Выброшенные навсегда изъ жизни обломки старыхъ господствующихъ классовъ, вмѣстѣ съ обслуживающими ихъ интересы интеллигентами, не страшны возрождающейся Россіи. Но теперь, въ критическій моментъ перелома всей психологіи народа, работа ихъ вредна, очень вредна, но вредна только, какъ матеріалъ для большевистской оборонительной пропаганды.

25. VI. 21.

О черномъ террорѣ.

Ниже мы цѣликомъ перепечатываемъ изъ чешской газеты «Tribuna» сообщеніе о подготовлявшихся въ Парижѣ русскими монархистами черезъ наемныхъ убійцъ покушеніяхъ.

Мы не только подтверждаемъ это сообщеніе, но и могли бы дополнительно дать нѣкоторыя новыя свѣдѣнія и подробности въ этой области.

Но дѣло не въ деталяхъ, а въ основномъ и несомнѣнномъ фактѣ — монархисты рѣшили «заблаговременно устранить» цѣлый рядъ революціонныхъ и демократическихъ дѣятелей, коихъ они считаютъ «помѣхой» на своемъ пути къ возстановленію монархіи въ Россіи.

Еще 18-го апрѣля тек. года одинъ изъ признанныхъ штатскихъ вождей воинствующей реакціи писалъ въ Берлинъ: — «Напрасно думаютъ тѣ, которые травили нашего главнокомандующаго и его страдалицу-армію, что съ этими вопросами при помощи парижскихъ махинацій покончено... Сейчасъ мы заняты нашимъ отъѣздомъ (въ Сербію) и здѣсь считаемъ его только началомъ борьбы съ тѣми, кто погубилъ Россію въ 1917 году и снова въ пору безвременья и неудачъ пытается поднять голову». А вотъ что уже изъ Сербіи пишетъ военный человѣкъ, не реакціонеръ, но по своему положенію имѣвшій возможность подробно изучить планы пытающихся обосноваться тамъ представителей «русской государственности». — «Вмѣсто прежнихъ неоформленныхъ настроеній

во всей Сербіи создалась организація активнаго воинствующаго характера. Всѣ инакомыслящіе объявляются врагами Россіи и измѣнниками ей и поставлены подъ угрозу чернаго террора въ ближайшемъ будущемъ. Борьба съ ними важнѣе, чѣмъ съ большевиками — вотъ ихъ главный лозунгъ, ихъ боевой кличъ».

Центръ этой организаціи, добавляетъ авторъ письма, въ Германіи.

Дѣйствительно, и по нашимъ свѣдѣніямъ участіе русскихъ черносотенцевъ, уютно расположившихся подъ крыломъ германскихъ монархистовъ, участіе ихъ въ подготовкѣ убійствъ весьма значительно.

«Общее Дѣло», оффиціозъ гг. Врангелей, Шатиловыхъ и Кутеповыхъ; «Общее Дѣло», безнаказанно натравливающее «истинныхъ патріотовъ» на расправу съ тѣми, «кто погубилъ Россію въ 1917-мъ году и снова въ пору неудачъ пытается поднять голову», — «Общее Дѣло» крайне недовольно появившимися въ печати разоблаченіями уголовной дѣятельности своихъ хозяевъ и, лицемѣрно негодуя на тѣхъ, кто «оставаясь за кулисами, посылаетъ наемныхъ убійцъ», однако предусмотрительно говоритъ: «размазывать эту исторію все-таки не стоило: слишкомъ много чести для наемныхъ убійцъ».

Какъ будто современные іудушки не понимаютъ, что дѣло не въ наемныхъ убійцахъ, а именно въ тѣхъ, кто ихъ натравливаетъ, кто стоитъ за ихъ спиной...

Великая февральская революція была великодушна и милостива! Волей освобожденнаго народа была сохранена жизнь всѣмъ до единаго представителямъ павшаго самодержавія, всѣмъ его слугамъ. Пусть хорошенько запомнятъ это нынѣшніе представители воинствующаго монархизма. Пусть запомнятъ они, что (послѣ всего пережитаго) не будетъ больше прощенія тѣмъ, кто еще разъ на шею освобождающемуся отъ большевистскаго самовластья измученному народу будетъ пытаться накинуть мертвую петлю самодержавія.

16. VII. 21

V.

ПОЛЬША.

„Патріоты своего короля“

А. И. Герценъ разсказалъ въ «Быломъ и Думахъ» свой разговоръ съ эмигрантомъ Кензона, французскимъ роялистомъ, сражавшимся противъ Наполеона. Однажды, находясь въ гостяхъ у отца Герцена, франко-русскій графъ разсказывалъ эпизоды войны 1812—13 г. г.

«Но вѣдь вы сражались противъ насъ» — наивно спросилъ маленькій Герценъ. «Нѣтъ, мой мальчикъ, я былъ въ рядахъ русской арміи». Мальчикъ не могъ удержаться отъ изумленія: «какъ, вы, французъ, находились въ нашей арміи? — Это невозможно»...

Восклицаніе это вызвало смущеніе въ гостинной, но графъ «героически вышелъ изъ положенія», заявивъ, что онъ «въ восторгѣ отъ такого патріотизма».

Графъ ушелъ, а отецъ сурово побранилъ Герцена: какъ онъ не понялъ, что «графъ служилъ русскому императору во имя своего короля».

До конца своей жизни великій русскій патріотъ никакъ не могъ понять этого своеобразнаго «патріотизма»: король выше отечества. Во имя короля можно вести врага въ самое сердце своей Родины!?

Король — это символъ! Кто во имя какихъ бы то ни было интересовъ, во имя партіи, класса, сословія жертвуетъ благомъ своего народа, продаетъ чужеземцамъ честь, независимость или достояніе своей страны, тотъ поступаетъ, какъ французскій графъ, который во имя ненависти къ «корсиканцу» содѣйствовалъ разгрому и позору Франціи.

Большевики шли къ власти этимъ-же путемъ. Они помогали въ самый разгаръ войны тріумфу внѣшняго врага и, дѣйствительно, Брестъ-Литовскъ укрѣпилъ ихъ власть, но онъ-же положилъ начало разсчлененію и расхищенію Россіи.

Съ тѣхъ поръ прошло три года. Многое измѣнилось. Захвативъ власть цѣною позора Россіи, большевики давно уже преврати-

лись въ горячихъ «патріотовъ» новоявленнаго «пролетарскаго отечества». Во имя спасенія своей власти, они все чаще стараются воспользоваться здоровымъ національнымъ чувствомъ русскаго народа.

Однако, Ленинскій брестъ-литовскій примѣръ оказался заразительнымъ. Нашлись другіе русскіе люди, которые хотятъ повторить его наизнанку. Всѣ призраки старой Россіи, всѣ «патріоты своего царя», вѣрные слуги реакціи, заручившись для вящаго авторитета въ Европѣ содѣйствіемъ трехъ - четырехъ ренегатовъ русской демократіи, торопятся «спасать Россію», поднимая, натравливая на нее со всѣхъ сторонъ ея враговъ.

Въ Берлинѣ эти «патріоты» интригуютъ вмѣстѣ съ генералами Вильгельма и прусскими юнкерами, авторами брестъ-литовскаго договора. Въ Польшѣ они стремятся подтолкнуть противъ Россіи варшавскихъ имперіалистовъ-лилипутовъ, мечтающихъ о «Великой Польшѣ» на развалинахъ «варварской Россіи». На Украинѣ тѣ же «русскіе патріоты» пытаются снова пустить въ ходъ заводную куклу — Петлюру. А въ запасѣ еще есть — Венгрія, Румынія, Финляндія, Японія. То-то раздолье для спасителей. Не нужно стѣсняться. Всѣ, кто хочетъ урвать кусокъ живого тѣла Россіи, спѣшите на помощь русскимъ «патріотамъ своего царя». Они обѣщаютъ хорошо платить и не задумаются пожертвовать Честью и Достоинствомъ Россіи, кровью и потомъ сыновъ ея. Но помните: соблазнительныя обѣщанія этихъ господъ отъ имени Россіи ничего не стоятъ. Векселя ихъ бронзовые! Время Кобленца, время «патріотовъ своего короля» ушло навсегда!

Опасно на «безсмысленныхъ мечтаніяхъ» строить свои отношенія съ великимъ народомъ и съ горяча пускаться въ сомнительныя авантюры.

Пусть предупрежденіе это прежде всего услышатъ въ Польшѣ. Демократическая Россія всегда боролась за воскресеніе независимой Польши. Россія Революціи этого достигла! Пусть объ этомъ помнятъ въ Варшавѣ и не вызываютъ призрака новаго раздѣла.

Pour la Russie 11 Сентября 1920 г.

Польша Пилсудскаго.

«Сильная Россія, — демократическая или монархическая, это все равно, — будетъ всегда угрозой для существованія независимой Польши». Такова основа всей международной и военной политики той радикальной Польши, которая сейчасъ у власти. Эта политика находитъ себѣ блестящее выраженіе въ личности самого Пилсудскаго, все прошлое котораго, наполненное революціонной

борьбой съ самодержавіемъ, научило его ненавидѣть самую Россію.

Какая трагическая иронія. Въ часъ великихъ испытаній, въ часъ труднаго и кроваваго рожденія русской демократіи, именно польская демократія, — дѣло которой было всегда «нашимъ дѣломъ», — поворачивается къ ней спиной, боится ее и борется съ ней. А консервативные «реалисты» и «націоналъ-демократы» съ Романомъ Дмовскимъ во главѣ, подавляя въ себѣ инстинктивную ненависть ко всему русскому, всячески сдерживаютъ безпредѣльный «имперіализмъ» г. г. радикаловъ и даже нѣкоторыхъ соціалистовъ по отношенію къ Россіи.

Положеніе ненормальное, недопустимое.

Мы знаемъ настоящую цѣну «любви» къ Россіи «націоналъ-демократіи», но мы должны по совѣсти признать, что г. Дмовскій и его друзья проявляютъ въ ихъ игрѣ больше чувства дѣйствительности, больше здраваго политическаго смысла, чѣмъ тѣ демократы, которые находятся подъ чарующей властью призраковъ невозвратнаго прошлаго. Они во имя этого мертваго прошлаго рвутъ живыя связи съ русскимъ народомъ.

Мы знаемъ, что польскіе рабочіе и крестьяне хотятъ сближенія съ Россіей. Народъ инстинктивно чувствуетъ, что сильная демократическая Россія — *дружественная* Польшѣ — является основнымъ обязательнымъ условіемъ самаго существованія страны. Народъ чувствуетъ, что Россія, однажды освободившись отъ цѣпей царизма не вернется къ нимъ и никогда не пойдетъ съ оружіемъ въ рукахъ противъ свободы своихъ братьевъ-сосѣдей.

Однако, не считаясь съ настроеніемъ польскаго народа, современные правители Польши, ведутъ противо-русскую, а не антибольшевистскую политику.

Съ упорствомъ, достойнымъ прусскаго юнкера, Пилсудскій домогается расчлененія Россіи.

Время мѣняетъ способы дѣйствія, но цѣль остается все та-же.

Нѣсколько отрезвленное Кіевскимъ пораженіемъ польское правительство прямымъ дорогамъ предпочитаетъ теперь окольные пути. Вмѣсто сепаратиста Петлюры появляется «патріотъ» Савинковъ. Подъ прикрытіемъ его революціонныхъ фразъ совершается захватъ Бѣлоруссіи и, пока произносятся прекрасныя рѣчи на тему о возстановленіи Россіи, сотни польскихъ агентовъ, незамѣтныхъ, но упорныхъ, стараются вернуть бѣлорусскихъ крестьянъ на лоно ихъ «старшей сестры» — Польши.

Вся эта комедія, шитая бѣлыми нитками, никого не обманетъ. Петлюра стоитъ Савинкова и Савинковъ — Петлюры. Впрочемъ, ихъ роль насъ не интересуетъ...

Но зачѣмъ понадобилось государственнымъ людямъ Польши, имена которыхъ какъ-ни-какъ связаны съ лучшими традиціями

польскаго и русскаго революціоннаго движенія, — зачѣмъ понадобилось имъ воскрешать въ международной политикѣ методы Габсбурговъ?

Развѣ времена тайныхъ интригъ, придворныхъ заговоровъ и ловко подготовляемыхъ въ министерскихъ канцеляріяхъ возстаній не отошли въ область преданій? И развѣ подобаетъ правительству польскаго народа, едва воскресшаго для независимой, свободной жизни, бродить по затоптаннымъ тропинкамъ старыхъ дипломатическихъ интригъ?!

Pour la Russie 30 Октября 1920 г.

Высокій гость Франціи.

1905 годъ... Въ Россіи подъ громъ пушекъ на Дальнемъ Востокѣ вспыхиваетъ и разгорается первая борьба за освобожденіе. Въ рядахъ рвущихся къ побѣдѣ народныхъ массъ русскаго народа все громче начинаетъ звучать старый польскій лозунгъ 1863 года: «за нашу и вашу свободу». Воскресеніе польскаго народа становится одной изъ основныхъ цѣлей революціонной борьбы. Не щадя себя, растрачивая щедро столь слабыя еще тогда силы Революціи, русскіе рабочіе, едва оправившись отъ послѣдствій октябрьской первой побѣдной забастовки, въ ноябрѣ объявляютъ новую всеобщую забастовку съ единственной цѣлью — помочь своимъ польскимъ братьямъ!

Тогда же первые всероссійскіе съѣзды городовъ и земствъ, признали автономію Польши однимъ изъ основныхъ своихъ требованій. Свѣтлыя чаянія декабристовъ и великаго Герцена готовы были осуществиться. Если бы въ 1905—06 г. самодержавіе исчезло, русскій и польскій народы освободились бы вмѣстѣ...

Но императоръ Николай II-ой, получивъ широкую финансовую помощь отъ правительства французской республики и пользуясь весьма реальными «совѣтами» императора Вильгельма, растопталъ первые всходы русской и польской свободы.

Годъ 1914 . . . Страшная, на уничтоженіе борьба двухъ европейскихъ коалицій. На карту поставлено все будущее Россіи, Польши и Франціи. Затаивъ всю ненависть къ самодержавію, забывая все зло, причиненное оффиціальнымъ франко-русскимъ союзомъ дѣлу освобожденія Россіи, русскіе рабочіе и крестьяне пошли на фронтъ умирать «за нашу и вашу свободу», — за свободу народовъ русскаго, французскаго и... польскаго. И тутъ, на поляхъ битвы, русская демократія еще разъ встрѣтилась съ польскими «революціонными» фалангами. Но на этотъ разъ она встрѣтилась не съ

союзниками, какъ въ 1905 г., а съ врагами. Полки Пилсудскаго шли авангардомъ австро-германскихъ армій, окружая полчища Вильгельма ореоломъ «освободителей Польши, порабощенной восточными варварами».

1917 годъ... Великая Русская Революція... Среди ужасовъ и невыносимыхъ страданій военнаго времени, забывъ вчерашнія тяжелыя и обидныя встрѣчи на поляхъ битвъ, русскій народъ открываетъ свои братскія объятія Пилсудскому и его солдатамъ и въ то же время провозглашаетъ независимость Польщи. Такъ просто, безъ всякихъ торговъ и переторжекъ было уничтожено заключенное императоромъ Николаемъ II съ французскимъ правительствомъ соглашеніе, по которому вся Польша въ трехъ ея «заборахъ» включалась въ границы русской имперіи.

Въ эту минуту своего освобожденія русскій народъ полностью заплатилъ свой историческій долгъ народу польскому. Тогда Польша отлично поняла это и самые упорные ненавистники Россіи должны были подчиниться народной волѣ и протянуть руку примиренія «Московскимъ варварамъ».

Русская революція разъ навсегда разрѣшила вопросъ о польской независимости. Русская революція примирила съ Франціей радикальную и демократическую Польшу. Только черезъ революціонный Петербургъ Пилсудскій могъ изъ Варшавы проѣхать во Францію для своего тріумфальнаго въѣзда въ Парижъ...

1921 годъ... Пилсудскій въ Парижѣ, не какъ эмигрантъ, преслѣдуемый русской и французской полиціей; не какъ врагъ Николая II, вѣрнаго союзника Франціи. Нѣтъ, онъ гость французскаго правительства, котораго принимаютъ съ царскими почестями.

Мы, русскіе, хотѣли бы отъ всего сердца привѣтствовать вождя польской демократіи. Польша, столько страдавшая, Польша Мицкевича и Костюшко, Польша, наконецъ, воскресшая заслужила полнаго признанія и горячаго сочувствія.

Но правящая Польша нашихъ дней сама идетъ по слѣдамъ своихъ вѣковыхъ угнетателей. И мы не знаемъ, еще какихъ новыхъ жертвъ, какихъ новыхъ страданій будетъ стоить это путешествіе Пилсудскаго русскому народу.

Не даромъ на оффиціальномъ праздникѣ франко-польской дружбы забыли о русскомъ народѣ.

Грозная императорская Германія заставляла французское правительство во имя національныхъ интересовъ Франціи поддерживать самодержавіе въ его внутренней борьбѣ противъ русскаго народа. Нынѣ только призракъ Германіи побудитъ, быть можетъ, Францію помогать правящей Польшѣ въ ея завѣдомо враждебныхъ освобожденной Россіи намѣреніяхъ. Нужно предупредить объ опасности этой тактики и Францію, и Польшу. Нужно напомнить имъ обѣимъ о той рѣшительной роли, которую сыграла

новая демократическая Россія въ борьбѣ за возстановленіе Польши — въ приготовленіи сегодняшняго торжества!

Pour la Russie **5 Февраля 1921 г.**

Враги Польши.

Оффиціозный органъ польскаго правительства, „Gazeta Warszawska" печатаетъ характерную статью по русскому вопросу, вскрывая настоящее содержаніе «руссофильскихъ» чувствъ оффиціальной Польши и истинный смыслъ ея «анти-большіевизма». Критикуя мнѣнія Исполнительной Комиссіи Съѣзда членовъ Учредительнаго Собранія, высказанныя ею по поводу пріѣзда въ Парижъ маршала Пилсудскаго, варшавская газета прежде всего, признаетъ мнѣнія Членовъ Учредительнаго Собранія совершенно ничтожными по той простой причинѣ, что само-то Учредительное Собраніе является учрежденіемъ совершенно «чуждымъ» русскому народу. Къ такому смѣлому выводу газета приходитъ на томъ единственномъ основаніи, что большевикамъ «удалось силой разогнать» Учредительное Собраніе и даже вовсе уничтожить всякую возможность выявленія свободной воли русскаго народа. Мы, русскіе революціонеры и демократы, никогда не были такими трезвыми реальными политиками, какъ наши польскіе братья. Долгіе годы мы боролись за возстановленіе Польши, хотя независимости этой громко требовали лишь немногіе польскіе эмигранты. А оффиціальные представители «польской націи» въ прусскомъ, австрійскомъ и позднѣе, русскомъ парламентахъ на-перерывъ старались засвидѣтельствовать свои «вѣрноподданическія» чувства тремъ соотвѣтствующимъ императорамъ.

Еще всѣмъ памятно, какъ въ IV-ой Государственной Думѣ мое требованіе — независимой Польши, — встрѣтило яркую оппозицію со стороны... польскихъ депутатовъ. А теперь варшавскій оффиціозъ объявляетъ меня врагомъ Польши!

— «Если такіе люди, какъ Керенскій и его друзья, пишетъ «G.W.,» когда нибудь вернутся въ Россіи къ власти, Польшѣ придется разговаривать съ ними не словами, а силой штыковъ».

Но почему эти громы? Почему загодя уже объявляется священная война русской демократіи?„Gazeta Warszawska" отвѣчаетъ и на этотъ вопросъ.

По мнѣнію польскаго правительства рижскій миръ долженъ стать *краеугольнымъ камнемъ* русско-польскихъ отношеній и всякая россійская власть должна будетъ «приспособиться къ обстоятельствамъ», т. е. признать большевистско-польскій миръ *русскимъ миромъ*. А, если нѣтъ... О, тогда желѣзной рукой Великая Польша сумѣетъ поставить зазнавшееся московское правительство на подобающее ему мѣсто.

Но, если ужъ говорить не о силѣ доказательствъ, а о доказательствахъ силы, то вѣдь кулакъ стомилліоннаго, хоть и «варварскаго», народа, будетъ поувѣсистѣе и повнушительнѣе изящной ручки «французовъ Востока». Впрочемъ сами правители Польши отлично это понимаютъ. Они понимаютъ, что если Польшѣ придется расчитывать только на свои собственныя силы, то никакой терроръ, никакая насильственная «полонизація» не удержатъ въ ея рукахъ случайно захваченныя русскія, бѣлорусскія и украинскія земли.

Они понимаютъ это и хотятъ обезпечить сладкіе плоды рижскаго мира двумя, равно неосуществимыми, искусствеными средствами.

Первое средство: необходимо добиться отъ державъ-покровительницъ отказа отъ «линіи Керзона» и признанія русско-польской границей линіи, установленной въ Ригѣ.

Тогда покушеніе на эту границу со стороны какого-бы то ни было россійскаго правительства должно будетъ механически вызвать, по мнѣнію Варшавы, вооруженное вмѣшательство Франціи, Англіи, и другихъ союзниковъ и, въ первую голову, Румыніи.

О второмъ средствѣ мало говорятъ, но тѣмъ болѣе къ нему стремятся на практикѣ. Стремятся продлить возможно дольше анархію въ Россіи, поддерживая въ центрѣ большевистскую власть . . . *).

Увлеченный международными соблазнительными комбинаціями и своей «любовью» къ Россіи, весь отдаваясь сладостнымъ мечтамъ, и собственныя желанія принимая за дѣйствительность, варшавскій оффиціозъ, увѣренный, что, опираясь на свои штыки, Польша можетъ впредь спокойно не считаться съ мнѣніями и настроеніями русской демократіи, наконецъ пишетъ: «принимая во вниманіе современное положеніе, мы должны заботиться только объ одномъ: союзныя государства и прежде всего Франція должны сохранить благопріятное отношеніе къ рижскимъ переговорамъ и къ ихъ результатамъ».

Можно подумать, что у союзниковъ только одна забота всей силой своего авторитета и своихъ армій обезпечить Польшѣ господство надъ русскими едва-едва захваченными областями.

Мы позволяемъ себѣ думать, что это не такъ; по крайней мѣрѣ, *такъ* не было до сихъ поръ.

---

*) Вотъ что писала та же „Газета Варшавска" во время Кронштадтскаго возстанія. „Паденіе большевиковъ было бы нежелательно . . . Пусть продолжается кипѣніе въ русскомъ котлѣ или, лучше сказать, въ русскомъ аду. Пусть враждебныя намъ силы получше между собой передерутся и перегрызутся. Совсѣмъ не въ интересахъ польскаго государства, чтобы сейчасъ наступили сумерки большевистскихъ боговъ."

Правда, польское правительство домагалось этого, но... даже Францiя отвѣтила: рижскiй договоръ — договоръ *только* между Польшей и Совѣтской Россiи. Что же касается Америки и Англiи, то не стоитъ даже говорить о нихъ, настолько опредѣленно ихъ отношенiе къ Ригѣ. Остается Румынiя. Но какъ-бы эта «великая» держава не была связана съ Польшей общностью «интересовъ» (Бесарабiя), все-таки сомнительно, чтобы она рѣшилась до конца поддержать рижскiй договоръ.

Говоря короче: едва-ли благоразумно считать представителей русской демократiи «врагами Польши» только за то, что они протестуютъ противъ условiй рижскаго мира. Вѣдь такъ, пожалуй, всѣ государства культурнаго мiра окажутся польскими «врагами»! Что же останется тогда отъ горделивыхъ утвержденiй, что любая россiйская власть склонитъ голову передъ побѣднымъ шумомъ польскихъ боевыхъ знаменъ?!

Не лучше ли, поскорѣе разсѣявъ опьяненiе побѣдой, спокойнѣе вдуматься во все происходящее, внимательнѣе всмотрѣться въ будущее и понять, что воображаемые «враги» Польши въ дѣйствительности являются ея вѣрными, но только предусмотрительными друзьями.

Pour la Russie 19 Февраля 1922 г.

Франко-польскiй союзъ.

Итакъ свершилось! Франко-русскiй союзъ скончался — да здравствуетъ союзъ франко-польскiй! Ну, конечно, «во имя сохраненiя мира въ Европѣ», какъ говоритъ вводная часть договора, подписаннаго г. Брiаномъ и кн. Сапѣгой 19 февраля. Объ этомъ же мирѣ писалось и въ такъ много нашумѣвшей передовой статьѣ „Temps" отъ 18 февр., подготовлявшей общественное мнѣнiе къ нынѣ опубликованному франко-польскому союзному договору.

Гдѣ же та особая угроза европейскому миру, которая заставила Францiю кромѣ гарантiй, даваемыхъ пресловутымъ § 10-мъ Версальскаго договора, заключить съ Польшей особое «соглашенiе», весьма напоминающее настоящiй союзный договоръ двухъ равноправныхъ великихъ державъ?! Эта угроза — Германiя. «Передъ возрождающейся германской опасностью», говоритъ „Temps", «интересы обѣихъ странъ во всемъ солидарны». Если, дѣйствительно, цѣль франко-польскаго соглашенiя — защита отъ германской опасности, то, очевидно, договаривающiяся стороны должны были весьма точно опредѣлить *предѣлы* соглашенiя. Вѣдь Польша въ отличiе отъ Россiи, которую она отнынѣ должна, по

мысли французскихъ дипломатовъ, замѣнить въ двойственномъ союзѣ, не упирается своимъ безграничнымъ тыломъ въ «азіатскія степи», а только пытается еще найти себѣ твердую опору на Востокѣ, создавая себѣ тамъ неуязвимую «стратегическую» границу. Стратегическую границу... противъ Россіи! Очевидно, международная обстановка при перестройкѣ франко-русскаго союза въ союзъ франко-польскій гораздо сложнѣе, чѣмъ это было во время Кронштадта и Тулона. Теперь нельзя ни на минуту забыть о томъ, что Польша, въ случаѣ европейскаго конфликта, «рискуетъ быть задушенной и раздавленной». Кѣмъ?

Объ этомъ громко не говорятъ, но объ этомъ думаютъ, объ этомъ шепчутся. Говорятъ — о возрождающейся германской опасности. Думаютъ — объ нарождающейся опасности русско-германской!

«Россія, и большевистская, и антибольшевистская, навсегда потеряна для «союзниковъ»; она всецѣло въ орбитѣ германскихъ вліяній» — вотъ навязчивая идея, завладѣвающая умами многихъ вліятельныхъ государственныхъ дѣятелей на Западѣ, въ особенности во Франціи.

Мы смѣемъ увѣрить, что такое представленіе о Россіи ни на чемъ серьезномъ не основано. Но во всякомъ случаѣ, очевидно, что опасеніе русско-германскаго сближенія должно диктовать такую политику на востокѣ Европы, которая застраховала бы тамошнихъ друзей Антанты отъ «двух-сторонняго удара». А возвращеніе Франціи въ вопросахъ восточно-европейской политики на путь обоихъ Наполеоновъ было бы вѣрнѣйшимъ средствомъ подставить Польшу подъ этотъ двойной ударъ и толкнуть Россію на старые и, казалось, уже пройденные пути ея международной политики въ центральной Европѣ.

Вотъ съ этой точки зрѣнія и слѣдуетъ разсмотрѣть франко-польскій договоръ отъ 19 февраля. Пилсудскій пріѣхалъ во Францію съ опредѣленной *анти-русской* программой, можно сказать съ программой - максимумъ польскаго шовинизма и имперіализма. Замѣна «линіи Керзона» линіей рижскаго договора, передача Бѣлоруссіи, если не во владѣніе, то подъ протекторатъ Польши; возсозданіе фикціи независимой Украины и т. д.

Программа Пилсудскаго — программа *войны*. Ея осуществленіе усилило бы всеобщее военное напряженіе Европы; сдѣлало бы гадательнымъ длительное существованіе самой Польши. Къ счастію, этотъ весьма своеобразный планъ укрѣпленія мира въ Европѣ, изобрѣтенный въ Варшавѣ, не встрѣтилъ достаточной поддержки въ Парижѣ. Несмотря на весьма упорную дипломатическую аттаку и кампанію въ прессѣ, наиболѣе опасный пунктъ изъ программы проекта Пилсудскаго не попалъ въ договоръ отъ 19 февраля.

Текстъ договора прямо утверждаетъ, что линія русско-польской границы, устанавливаемая рижскимъ договоромъ, *ни въ какой степени ни въ чемъ не связываетъ Франціи.*

А именно, во введеніи въ договоръ отъ 19 февраля говорится, что договаривающіяся правительства будутъ стремиться къ сохраненію мира въ Европѣ путемъ поддержанія тѣхъ договоровъ, которые были ими *совмѣстно подписаны* (qui ont étésigner en commun) или будутъ впослѣдствіи взаимно признаны(ultérieurment respectivement réconnus) Въ третьемъ же пунктѣ договора сказано, что въ случаѣ не провоцированнаго нападенія на одно изъ договаривающихся государствъ оба правительства придутъ къ соглашенію... объ охранѣ законныхъ интересовъ въ границахъ, установленныхъ во введеніи (dans les limites precisées dans le preambule).

Такимъ образомъ, русско-польскій рижскій договоръ, «совмѣстно» съ Польшей Франціей не подписанный, и ни въ какой формѣ до сихъ поръ Франціей не признанный, остается внѣ дѣйствія франко-польскаго договора отъ 19 февраля.

Что будетъ завтра, мы не знаемъ и, по правдѣ сказать, смотримъ на завтрашній день съ большой тревогой. Но сегодня, по крайней мѣрѣ, Франція не сдѣлала еще рокового для русско-французскихъ отношеній шага. Въ условіяхъ переживаемаго нами времени и это уже много!

24. 2. 21.

О рижскомъ мирѣ.

Польша довольно уже давно, упорно и настойчиво ведетъ въ Европѣ кампанію противъ «линіи Керзона», установившей справедливую по отношенію къ Россіи границу Польши на востокѣ.

Какъ извѣстно, эта граница, — нынѣ именуемая линіей Керзона, — на самомъ дѣлѣ была установлена въ Парижѣ еще во время мирной конференціи и тогда же была объявлена польскимъ делегатамъ.

Конечно, на Падеревскаго и его товарищей, увлеченныхъ грезой о возстановленіи исторической Великой Польши съ Украиной до Днѣпра, справедливое разрѣшеніе русско-польскаго пограничнаго спора произвело ошеломляющее впечатлѣніе. Они пытались переломить рѣшеніе, но ни въ комъ изъ *«пятерки»,* кромѣ Клемансо, никакого сочувствія себѣ не встрѣтили.

Польской делегаціи была сдѣлана только одна уступка. Было рѣшено линію восточной границы Польши временно не опубликовывать. А въ мирномъ договорѣ глухо упомянуть о томъ, что

Польша въ вопросѣ о своихъ восточныхъ границахъ подчинится рѣшенію великихъ державъ — побѣдительницъ.

Крахъ кіевской авантюры и появленіе большевиковъ подъ Варшавой примирилъ всѣ разногласія внутри «Антанты» въ оцѣнкѣ дѣйствительной роли Польши въ восточной Европѣ и создали благопріятную обстановку для устраненія всякой неопредѣленности въ вопросѣ о восточной границѣ Польши. Линія этой границы была, наконецъ, опубликована и стала называться — «Линіей Керзона». Произошло это событіе во время совѣщанія союзниковъ въ Спа.

Таково происхожденіе линіи Керзона. Я нарочно напоминаю эту исторію для того, чтобы каждому стало ясно, что граница Керзона *не была случайной импровизаціей,* возникшей въ суматохѣ польскаго разгрома. Нѣтъ, эта пограничная линія была установлена въ наиболѣе спокойной обстановкѣ,—безъ всякаго участія и давленія представителей Россійскаго государства, — друзьями польскаго народа.

А можно-ли то же самое сказать объ обстановкѣ, въ которой происходили и происходятъ рижскіе переговоры? Во имя чего односторонней волей случайно въ данный моментъ побѣдившей Польши поколеблены всѣ устои осторожной и дальновидной, начатой на мирной конференціи въ 1919 г., политики великихъ державъ въ русско-польскомъ вопросѣ?

На это отвѣтилъ недавно кн. Сапѣга, министръ иностранныхъ дѣлъ Польши, въ своемъ заявленіи о рижскомъ мирѣ французскимъ журналистамъ. — »Устанавливая границу на востокѣ, мы пытались найти такую границу, которая позволила бы въ будущемъ русской и польской націямъ жить въ добромъ согласіи».

Очевидно, линія Керзона, которую въ Спа санкціонировалъ тотъ же Сапѣга, не была въ этомъ смыслѣ удовлетворительна? Разговаривая съ глазу на глазъ съ большевиками, полякамъ, очевидно, удалось найти какое-то болѣе совершенное средство разрѣшенія русско-польской тяжбы о границахъ?

Кн. Сапѣга настолько въ этомъ увѣренъ, что, нисколько не задумываясь, смѣло утверждаетъ: «ни одинъ русскій, *знающій свою страну* и не желающій быть ослѣпленнымъ, не сможетъ счесть этотъ мирный договоръ несправедливымъ по отношенію къ Россіи».

Право, было бы осторожнѣе, защищая рижскій договоръ, не только не призывать во свидѣтели, но и вовсе не упоминать о Россіи и русскихъ! Но разъ это сдѣлано, то я, какъ русскій человѣкъ, — можетъ быть не такъ хорошо, какъ кн. Сапѣга, но все-таки «знающій свою страну», — считаю себя обязаннымъ прямо и открыто высказать свое мнѣніе о рижскомъ договорѣ.

А чтобы мой отвѣтъ былъ понятнѣе, напомню сначала о томъ, *чего* стоитъ Россіи, *только* въ одномъ вопросѣ о границахъ, попытка Польши «*укрѣпить*» съ нами въ Ригѣ «*доброе согласіе*». *Вотъ цифры.*

По рижскому договору Польша дополнительно, за линіей Керзона включаетъ въ свои предѣлы 15 уѣздовъ — Волынской, Гродненской, Виленской и Минской губерній — *цѣликомъ* и отдѣльныя *части 11 уѣздовъ* губерній — Волынской, Минской, Виленской и Витебской.

Общая площадь отбираемыхъ, во имя дружбы, отъ Россіи земель составляетъ—135—140 *тыс. кв. километровъ*. Вѣдь, по европейскимъ масштабамъ это цѣлое государство! На этихъ земляхъ живетъ 6 милл. 700—750 тыс. жителей.

Кто они? Кн. Сапѣга говоритъ: «если можно оспаривать, что нѣкоторая часть областей, расположенныхъ на востокъ отъ Польши и идущихъ до Днѣпра, является *чисто польскими,* то съ другой стороны *нельзя утверждать,* что онѣ *русскія*». Дѣйствительно, довольно трудно, даже невозможно доказать *чисто польскій* характеръ тѣхъ областей, гдѣ на 7 милліоновъ жителей приходится *лишь около* 300—400 *тыс. поляковъ!*

Да, да, эта такъ! Правда, пользуясь всѣми изощреніями всяческихъ статистическихъ исчисленій и прибѣгая къ самымъ остроумнымъ историко-этнографическимъ соображеніямъ, польская делегація въ Ригѣ доводитъ количество проживающихъ въ данныхъ областяхъ поляковъ до милліона.

Допустимъ на минуту, что эта цифра точна. Что изъ этого слѣдуетъ? — Только одно: *сами поляки устанавливаютъ, что въ этихъ* «польскихъ» областяхъ *поляки составляютъ только одну шестую населенія.*

На самомъ же дѣлѣ они составляютъ въ среднемъ 4 *проц. т. е. одну двадцать пятую населенія.*

Только въ нѣсколькихъ уѣздахъ Волынской губерніи количество польскаго населенія достигаетъ 8—10 проц. Во всѣхъ же остальныхъ оно колеблется между 1,5-4 проц.

Итакъ, несомнѣно,что на земляхъ, отторгаемыхъ отъ Россійскаго государства, живетъ населеніе *не польской національности.*

А какой же? Кн. Сапѣга отвѣчаетъ на это весьма опредѣленно, но чрезвычайно своеобразно. На отходящихъ отъ Россіи къ Польшѣ земляхъ, говоритъ онъ, живутъ *поляки, сознающіе себя поляками*» и прочее населеніе, «*не обладающее никакимъ національнымъ чувствомъ*». Попросту —«быдло?!» Сырой матеріалъ, черноземъ, на которомъ, «поляки, сознающіе себя поляками», будутъ безвозбранно насаждать и выращивать свою польскую культуру! Не такъ-ли?!

А если вспомнить, что эти 4 процента «сознающихъ себя поляками» являются по преимуществу мѣстными помѣщиками, а прочее безъ роду, безъ племени человѣческое стадо состоитъ, почти поголовно, изъ «мужичья», то можно себѣ легко представить картину будущихъ отношеній между побѣдителями и побѣжденными. И здѣсь начнется, какъ въ восточной Галиціи, *насильственная полонизація* путемъ т. н. «колонизаціи», т. е. путемъ систематической экспропріаціи земли изъ рукъ мѣстнаго населенія для передачи ея полякамъ, выходцамъ изъ коренной Польши *).

Не хотятъ-ли въ Варшавѣ стать достойными учениками своихъ прусскихъ учителей-поработителей? Не хотятъ-ли тамъ на *исконныхъ русскихъ земляхъ* воскресить жестокую и вопіющебезнравственную аграрную политику гг. гакатистовъ?!

Но все это къ слову. А сейчасъ нужно только разрѣшить загадку, кто же эти крестьяне, сидящіе на русскихъ земляхъ и «необладающіе національнымъ чувствомъ?» Загадки тутъ въ дѣйствительности-то никакой и нѣтъ. *Эти крестьяне — бѣлоруссы и украинцы.*

Но оффиціальнымъ представителямъ Польши приходится объявлять отторгаемое отъ Россіи населеніе не имѣющимъ національности, ибо нельзя же сказать, что это населеніе русское и въ то же время доказывать великую пользу рижскаго договора для укрѣпленія польско-русскихъ дружественныхъ отношеній!

Шесть слишкомъ милліоновъ бѣлорусскихъ и украинскихъ крестьянъ переходятъ подъ высокую руку Державы Польской!

Вотъ основное содержаніе рижскаго мирнаго договора, который долженъ «послужить основой добраго соглашенія съ Россіей и сдѣлаться гарантіей будущаго мира.»

Думаю, что теперь станетъ каждому ясно, почему «ни одинъ русскій, знающій свою страну» и любящій ее, какъ кн. Сапѣга — Польшу, *не можетъ, не имѣетъ права присоединиться къ польской оцѣнкѣ* рижскаго договора и его послѣдствій, а долженъ сказать — *никогда!*

Никогда рижскій договоръ не станетъ гарантіей длительнаго мира! Никогда онъ «не послужитъ основой добраго соглашенія съ Россіей»!

Рижскій миръ — не миръ «компромисса», какъ утверждаютъ оффиціальные представители Польши, *а миръ насилія и національнаго угнетенія.*

Онъ не только является источникомъ великихъ испытаній для Россіи. Онъ не только можетъ вызвать новыя величайшія бѣдствія для Польши.

---

*) **Подобный законъ для Бѣлоруссіи уже принятъ въ декабрѣ 1920 г. польскимъ сеймомъ.**

Въ немъ таится весьма *серьезная угроза спокойствію и миру всей Европы,* если только отвѣтственность за него вмѣстѣ съ Польшей возьметъ на себя вся «Антанта». Польское правительство всячески добивается этого. Однако, до сихъ поръ всѣ попытки оффиціальной Польши сбить великія державы съ «линіи Керзона» не удавались. Будемъ надѣяться, что и впредь Европа не сойдетъ съ этой линіи мудрой осторожности и проницательной дальновидности.

27. 2. 21.

Стыдное.

Долгія десятилѣтія рабства мечтала Польша о свободѣ. Смѣнялись поколѣнія, но не слабѣла юношеская энергія народа, задыхавшагося въ желѣзныхъ объятіяхъ трехъ императоровъ. И въ жертвенной борьбѣ за свободу, образъ грядущей освобожденной отчизны часто превращался въ какой-то символъ всечеловѣческаго братства.

Вслѣдъ за Мицкевичемъ, лучшіе сыны польскаго народа загорались этой своеобразной религіей патріотизма, впадали въ экстазъ этого новаго мистическаго мессіонизма, гдѣ мѣсто Мессіи-Христа заняла Спасительница- Польша.

И сбылось завѣтное обѣтованіе — Польша воскресла!

Но не одни поляки стремились воскресить распятую Польшу. Вмѣстѣ съ ними была Россія, тоже въ цѣпяхъ царизма задыхавшаяся, народная, освобождающаяся Россія.

Вся традиція русской революціи проникнута волей къ освобожденію Польши. Отъ декабристовъ и Герцена черезъ Желябова и Перовскую — эта традиція дошла до насъ. Не было ни одного честнаго русскаго патріота, который съ краской стыда и негодованія, наблюдая подвиги въ Польшѣ клевретовъ самодержавія, не мечталъ бы страстно «искупить историческій грѣхъ Россіи» напряженной борьбой «за нашу и вашу свободу»...

Теперь «Россіи нѣтъ». Такъ говорятъ по крайней мѣрѣ многіе въ Европѣ. За то возрожденная Польша приступила на Востокѣ Европы на граняхъ исчезнувшей варварской Московіи къ своей мессіанской освободительной культурной миссіи.

И ничего не осталось отъ возвышенныхъ, вдохновенныхъ мечтаній провозвѣстниковъ польской свободы. *Плачъ и стоны доносятся до насъ со всѣхъ концовъ Холмской Руси, Подляшья, Полѣсья, Галиціи, Волыни, Бѣлоруссіи.* Задыхаются и изнемогаютъ отъ произвола, насилія и издѣвательства русскія крестьянскія массы, повинныя только въ томъ, что они *не поляки, не католики!*

Какъ будто лишь для того и понадобилась свобода Польшѣ, чтобы воскресла въ южно-русскихъ областяхъ вся жуть средневѣковья.

Польша принята въ Лигу націй — въ семью культурныхъ народовъ. Она взяла на себя обязательство охранять всѣ культурныя и религіозныя права національныхъ меньшинствъ.

Русское «меньшинство» является подавляющимъ ***большинствомъ*** въ значительной чести Польскаго государства.

Самыя элементарныя права этого большинства нарушаются безстыдно и беззастѣнчиво такъ, какъ не рѣшалась это дѣлать никогда въ «Царствѣ Польскомъ» царская опричина! Въ этихъ словахъ только правда. Горькая и стыдная! Правда, о которой осмѣлилась, наконецъ, заговорить даже польская пресса.

Варшавская газета «Трибуна» пишетъ: «Старосты пограничныхъ повѣтовъ, инспектора публичныхъ школъ, жандармы и полицейскіе — всѣ должностныя лица, которыя представляютъ верховныя права Польской Республики на восточныхъ окраинахъ Польши, точно выполняютъ волю чернаго интернаціонала... По примѣру старины польскій ксендзъ съ помощью польскихъ жандармовъ и стражниковъ, подъ набожнымъ взоромъ старостъ и школьныхъ инспекторовъ захватываетъ силой православныя церкви, превращаетъ ихъ въ костелы, не позволяетъ погребать православныхъ на кладбищахъ, не позволяетъ открывать русскихъ школъ, соблазняя народныхъ русскихъ учителей переходить въ католичество.. Въ селѣ Посадовѣ, на Холмщинѣ толпа отрѣзала ногу Христа на распятіи и кричала: — Пусть ка онъ теперь доскачетъ до Россіи! Кабы знала эта толпа, что творилось въ этотъ часъ въ сердцахъ православнаго населенія села, то можетъ быть она бы и воздержалась отъ того, что совершила»...

А вотъ, что говорится въ соціалистическомъ «Дзенникѣ Людовомъ», въ статьѣ подъ заглавіемъ — «Крестовый походъ іезуитовъ на окраинахъ», — по поводу вопіющихъ надругательствъ надъ религіозными и національными чувствами русскаго крестьянства представителями польской власти и католической церкви. — «Развѣ польское общественное мнѣніе оглохло или ослѣпло? Развѣ оно не отдаетъ себѣ отчета въ томъ, что грозныя тучи собираются надъ польскимъ небомъ? Развѣ оно забыло, что Падеревскій и Дмовскій подписали трактатъ объ охранѣ національныхъ меньшинствъ въ Польшѣ? Развѣ это общественное мнѣніе не знаетъ, что надъ судьбой Восточной Галичины бдитъ око Лиги народовъ?.. Вспомнимъ лучше, сколько всѣ эти огромныя области, что находятся подъ польской властью, числятъ въ составѣ своего населенія *не* поляковъ»...

Увы, то, что творится на восточныхъ окраинахъ Польши, лишь капля изъ того моря униженій и страданій, въ которомъ за-

хлебываются всѣ эти русскіе, литовцы, украинцы, евреи, бѣлоруссы; всѣ, кто имѣли великое несчастье родиться не поляками!

Для Россіи сохраненіе и укрѣпленіе независимой Польши не капризъ, не сантиментальность, а историческая необходимость. Во имя общаго будущаго, во имя «и нашей и вашей свободы», мы, русскіе революціонеры и демократы, подымаемъ свой голосъ противъ того стыднаго, что творится въ свободной Польшѣ.

Мы хотимъ вѣрить, что здоровыя творческія демократическія силы польскаго народа преодолѣютъ рабьи навыки произвола и насилія и не дадутъ надъ разсвѣтнымъ небомъ Польши собраться грознымъ тучамъ ненависти униженныхъ и мести оскорбленныхъ!

27. 5. 21.

VI.

ЕВРОПА И РОССІЯ.

Миръ союзниковъ и Россіи*).

Президентъ Вильсонъ недавно сказалъ: «миръ міра зависитъ теперь отъ откровеннаго разговора и прямолинейныхъ дѣйствій» и поэтому сейчасъ нужно говорить «безъ всякой попытки смягчить то, что можетъ казаться шерховатыми словами». Говорить правду, «прямымъ разговоромъ» выяснить взаимныя отношенія и прямолинейными дѣйствіями добиться справедливыхъ для всѣхъ результатовъ — вотъ поистинѣ единственное средство, которымъ весь міръ сможетъ завоевать себѣ «справедливый и длительный миръ». Во имя этого «мира міра» и справедливости я, можетъ быть, даже нѣсколько «шероховатыми словами», долженъ говорить о Россіи. Я убѣжденъ, что въ этотъ рѣшительный и торжественный моментъ окончанія войны мой голосъ будетъ выслушанъ безо всякаго предубѣжденія и съ сознаніемъ, что *Россія* — это такая огромная задача, безъ пониманія и справедливаго рѣшенія которой ничто никогда окончательно не будетъ рѣшено.

Война кончена! Народы-побѣдители готовятся закрѣпить грандіознѣйшіе результаты своей побѣды; готовятся подвести итогъ своимъ общимъ усиліямъ; воздать каждому по дѣламъ его. Представители державъ-побѣдительницъ уже съѣхались, чтобы выработать и продиктовать Германіи условія перемирія. Предварительное обсужденіе условій мира; конкретизація мирной программы С. А. Соед. Штатовъ, и согласованіе ея съ жизненными интересами отдѣльныхъ союзныхъ націй — вотъ труднѣйшіе вопросы, которые служатъ уже предметомъ совмѣстныхъ обсужденій правительствъ. Къ этому обсужденію привлечены — (и это совершенно справедливо!) — и представители, такъ сказать, будущихъ пра-

---

***) Статья эта была напечатана въ Парижѣ въ „L'Information" въ 1918 г. въ №№ отъ 14 ноября и 7 декабря 1918 года. Опубликованію ея предшествовала напряженная борьба съ соотвѣтствующими органами правительства Клемансо, чѣмъ объясняется почти мѣсячный перерывъ между появленіемъ двухъ частей ея. Здѣсь въ текстѣ въ квадратныя скобки заключено мѣсто, изъятое французской цензурой.**

вительствъ будущихъ государствъ — поляки, чехо-словаки и т. д. «Національные совѣты» этихъ народовъ «признаны» полноправными членами въ совѣтѣ союзныхъ державъ. Никто не можетъ радоваться этому торжеству славянства больше насъ — русскихъ!

Но гдѣ же сама Россія? Почему не слышно ея голоса? Почему никто не представляетъ ея интересы на совѣщаніяхъ союзныхъ правительствъ? Почему въ числѣ союзныхъ націй даже не упоминается ея имени? Почему? [— „La Russie c'est un pays neutre et c'est un pays qui conclu la paix avec nos ennemis", — сказалъ мнѣ Клемансо 15-го іюля этого года (1918). Я былъ ошеломленъ. Какъ — Россія, задыхающаяся въ желѣзныхъ тискахъ Германіи и не смотря на предательски взорванный фронтъ продолжающая съ ней борьбу, «нейтральная страна», заключившая миръ съ своимъ заклятымъ врагомъ — Германской реакціей?!...

Но тогда, въ началѣ Іюля, когда я услышалъ эти слова, воспоминаніе о мартовскомъ нѣмецкомъ на Западѣ наступленіи было еще слишкомъ свѣжо. Ближайшее будущее казалось слишкомъ тревожнымъ. И невольно разсудокъ подчинялся чувству, чувству ненависти и негодованія противъ тѣхъ, кто, казалось, былъ источникомъ неожиданныхъ бѣдствій. О, тогда было слишкомъ понятно трагическое непониманіе на Западѣ дѣйствительной сущности событій, происходящихъ въ Россіи! Но съ тѣхъ поръ прошло 3 мѣсяца]. Здѣсь, на западѣ, мучительная тревога ожиданія смѣнилась радостью побѣды. Тамъ, въ Россіи, войска союзныхъ націй, призванные самимъ русскимъ народомъ, вмѣстѣ съ возстановляющейся русской арміей борются съ общимъ врагомъ и его агентами. Учредительное Собраніе вмѣстѣ съ областными правительствами и представителями земствъ и городовъ возстановили на Государственномъ Совѣщаніи въ Уфѣ правительство всей Россіи, которое въ первый же день (23 сентября) своего существованія подтвердило состояніе войны между Россіей и Германіей.

Однако, несмотря на возобновленіе совмѣстныхъ военныхъ дѣйствій русскихъ и союзныхъ войскъ на нашей территоріи, русскіе граждане остаются до сихъ поръ въ союзныхъ государствахъ на положеніи гражданъ «нейтральной» страны. Имя Россія продолжаетъ вычеркиваться изъ списковъ союзныхъ націй. Русскій флагъ, такъ обильно обагренный кровью павшихъ за «нашу и вашу свободу» не развивается рядомъ съ союзными флагами!

Однако, несмотря на возстановленное въ Россіи Правительство, русскія государственныя учрежденія въ союзныхъ странахъ продолжаютъ влачить нелегальное или полу-легальное существованіе. Положеніе Россіи хуже, чѣмъ положеніе нейтральныхъ государствъ: — она осуждена на молчаніе; она въ самый рѣшительный

моментъ войны не можетъ нигдѣ законно и по праву поднять свой голосъ въ защиту своихъ интересовъ въ средѣ своихъ собственныхъ союзниковъ! Положеніе невыносимое, невозможное и недопустимое!

«Россія — страна нейтральная, заключившая миръ съ нашими врагами». Неужели эта формула остается до сихъ поръ руководящей въ отношеніяхъ союзниковъ къ Россіи? Заключила миръ съ врагомъ и теперь должна испытывать всѣ послѣдствія этого предательскаго акта, должна испытывать всѣ послѣдствія, включительно до... до права державъ побѣдительницъ распоряжаться ея территоріями безъ ея на то согласія!

Трагическое недоразумѣніе между Россіей и ея союзниками продолжается! Оно глубоко волнуетъ всѣхъ русскихъ Оно можетъ тяжело отразиться на всемъ будущемъ положеніи Европы; на прочности самого «мира міра». Многимъ кажется, что Россіи больше не существуетъ! Не существуетъ Россіи, съ которой стоитъ считаться, какъ съ силой! Нѣтъ, Россія была, есть, а главное будетъ! Если у русскаго народа нѣтъ сейчасъ силы, то у него есть за то глубокое сознаніе и знаніе, куда ушла его сила. Онъ знаетъ что она ушла вся цѣликомъ на борьбу за право и правду. Россія знаетъ, что безъ ея вчерашней жертвы не было бы сегодняшней побѣды. Совѣсть,—разумъ русскаго народа знаетъ, что долгъ его въ этой войнѣ исполненъ до конца!

Россія все это сознаетъ и чувствуетъ въ то самое время, когда здѣсь на западѣ въ лучшемъ случаѣ ее считаютъ нейтральной страной, измѣнившей общему дѣлу. И это трагическое недоразумѣніе будетъ продолжаться до тѣхъ поръ, пока не будетъ данъ отвѣтъ на вопросъ: исполнила ли свой долгъ Россія въ этой войнѣ и можетъ ли она занимать равноправное мѣсто въ средѣ тѣхъ державъ, которыя четыре года тому назадъ вмѣстѣ съ ней или позже были вынуждены обнажить свой мечь? На этотъ вопросъ каждый русскій долженъ отвѣтить рѣшительно и прямо — «Да, Россія исполнила свой долгъ до конца и имѣетъ право на мѣсто за столомъ державъ побѣдительницъ.» Едва ли стоитъ напоминать о томъ огромномъ значеніи, которое играла Россія съ первыхъ дней войны до осени 1916 года? Во Франціи и Италіи объ этомъ знаютъ лучше, чѣмъ гдѣ бы то ни было. Едва ли нужно вспоминать, что разгромъ Турціи и Австріи былъ подготовленъ исключительно силами одной Россіи. Едва ли нужно напоминать, что только безоружная русская армія дала возможность Англіи продѣлать всю эволюцію отъ добровольческаго экспедиціоннаго корпуса почти безъ тяжелой артиллеріи до современной забронированной арміи.

«Да никто и не отрицаетъ огромной роли въ войнѣ царской Россіи. Это революціонная Россія свела на нѣтъ все предыдущее; это русская республика разрушила армію и измѣнила въ концѣ

концовъ общему дѣлу; это она сдѣлала все, чтобы облегчить побѣду Германіи, и если бывшіе союзники ея все-таки выиграли войну, то въ этой побѣдѣ нѣтъ мѣста для новой революціонной Россіи.» — Вотъ мнѣніе, которое господствуетъ въ Западной Европѣ въ средѣ, казалось бы, хорошо освѣдомленныхъ лицъ, не говоря уже о широкихъ общественныхъ кругахъ.

Я, какъ это долженъ сдѣлать и всякій русскій, утверждаю обратное. Это русская революція сдѣлала побѣду Германіи невозможной. И революціонная Россія до конца исполнила долгъ свой въ этой войнѣ. Это не парадоксъ, а правда. Но для того, чтобы понять эту правду; понять, что произошло въ Россіи въ 1917 г., нужно вспомнить, въ какихъ условіяхъ вела она войну. Всѣ государства анти-германской коалиціи были застигнуты войной врасплохъ. Это положеніе давно уже сдѣлалось общимъ мѣстомъ. Но до сихъ поръ не знаютъ, или забываютъ о томъ, что только одна Россія во все время войны не могла справиться съ послѣдствіями этой неожиданности; не могла приспособить свой военно-экономическій аппаратъ къ требованіямъ современной машинной войны. Я считаю справедливымъ отмѣтить, что эта невозможность приспособиться не была слѣдствіемъ исключительно стараго режима. Главная, основная причина—полная изолированность, въ которую попала Россія съ перваго почти дня войны. Вся печать постоянно твердила всѣ эти годы о томъ вліяніи, которое окажетъ на исходъ войны блокада Германіи. Но я положительно не встрѣчалъ ни разу нигдѣ даже упоминанія о томъ, что Россія фактически также оказалась блокированной*), и, можетъ быть, въ большей степени, чѣмъ сама Германія. Германія сохранила все-таки возможность постоянныхъ сношеній со своими союзниками и съ нейтральными пограничными государствами. Россія же была совершенно оторвана отъ всякаго непосредственнаго общенія со своими союзниками и полученіе нужныхъ для войны матеріаловъ было почти невозможно!

Пусть каждый самъ себѣ отвѣтитъ на вопросъ, что бы случилось съ Франціей, Австріей и даже Германіей, если бы онѣ были въ военно-экономическомъ отношеніи на все время войны предоставлены только своимъ собственнымъ силамъ! А Россія, эта сельско-хозяйственная страна со слабо развитой промышленностью, (осо-

*) M. Erzberger. — Souvenirs de Guerre. 1921. (стр. 77). — (Объявленіемъ войны Турціей) въ Германіи были очень удовлетворены: съ этого времени блокада Россіи въ ея важнѣйшей части стала совершившимся фактомъ. Съ этого времени ввозъ въ Россію военнаго снаряженія и вывозъ оттуда излишковъ урожая сдѣлались невозможными. Для Германіи это было огромнымъ облегченіемъ"... Нужно отмѣтить характерный фактъ: до сихъ поръ (1922 г.) во всей уже огромной литературѣ о войнѣ союзниковъ нѣтъ никакихъ указаній на этотъ первостепенный факторъ въ развитіи военныхъ событій — на блокаду Россіи.

бенно металлургической), должна была драться со страной высокой индустріальной (машинной) культуры, безо всякой надежды, благодаря фактической блокадѣ, восполнить хоть въ сколько нибудь серьезной степени техническіе и экономическіе пробѣлы свои помощью извнѣ. Технику на фронтѣ приходилось замѣнять «живой силой», т. е. бросать подъ огонь тысячъ нѣмецкихъ пушекъ, пулеметовъ, огнеметовъ сотни тысячъ, милліоны лучшихъ борцовъ!

Этими гекатомбами Россія спасала еще недостаточно подготовленный къ рѣшительной схваткѣ съ Германіей западный фронтъ. Но такой «расходъ людей» угрожающе быстро понижалъ качественный составъ русскаго войска. Я уже не буду говорить здѣсь объ остальныхъ истощающихъ послѣдствіяхъ блокады на весь организмъ государства. А распутинскій курсъ внутренней политики, рядъ нелѣпыхъ экономическихъ предпріятій окончательно и быстро расшатали всѣ устои народной жизни. Къ зимѣ 1916 г. угрожающіе признаки перенапряженія страны и начинавшагося распада были уже на лицо. Событія, которыя происходятъ теперь въ Австріи и Германіи, показываютъ, что какова бы ни была организація государства, есть предѣлъ военнаго напряженія, за который данное государство не можетъ выходить, не рискуя своимъ существованіемъ. Этого предѣла Россія достигла раньше всѣхъ другихъ воюющихъ государствъ и отдѣльно отъ своихъ союзниковъ, именно, благодаря своей полной оторванности, изоляціи; благодаря тому, что перерасходъ силъ первыхъ лѣтъ войны не могъ быть уравновѣшенъ никакой, — соотвѣтствующей хотя бы приблизительно расходу,—внѣшней помощью. Кризисъ транспорта. Продовольственная разруха. Постепенно все усиливающееся закрытіе фабрично-заводскихъ предпріятій, работающихъ на оборону. Сокращеніе добычи угля. Быстрое сокращеніе находящихся въ дѣйствіи доменныхъ печей. Паденіе дисциплины въ арміи и угрожающій ростъ дезертирства (къ 1 января 1917 г. въ арміи числилось 1.200.000 солдатъ, ушедшихъ самовольно въ тылъ) — вотъ подлинная картина положенія Россіи зимой 1916 г., картина, которую весь міръ съ величайшей тревогой тогда наблюдалъ и о которой теперь, къ сожалѣнію, слишкомъ скоро забылъ. Передъ Россіей всталъ тогда роковой вопросъ: или сепаратнымъ миромъ немедленно спасать себя отъ ужасовъ надвигающейся анархіи, забывая о союзникахъ, или во имя великихъ общихъ міровыхъ задачъ продолжать войну, рискуя своимъ существованіемъ. Правительство Николая II быстро приближалось къ сепаратному миру, рѣшительно ставя интересы самодержавія выше общихъ интересовъ. Не рискуя самодержавіемъ, можно было только въ милости Германіи найти спасеніе отъ надвигающейся уже анархіи. Я считаю долгомъ здѣсь оговорить, что никакихъ интригъ во имя сепаратаго мира самъ Николай II не велъ. Революція была совершена въ моментъ,

когда анархія уже захлестнула государство. Ея задачей, ея цѣлью, между прочимъ, было и предотвращеніе всякой возможности *сепаратнаго выхода Россіи изъ войны.*

Временное Правительство съ перваго до послѣдняго дня своего существованія,—несмотря на всю безнадежность внутренняго состоянія Россіи и неотложную потребность страны въ мирѣ, рѣшительно сопротивлялось всѣмъ попыткамъ, — иногда диктуемымъ здоровой, но близорукой любовью къ родинѣ, — толкнуть Россію на путь сепаратнаго мира.

Послѣ того какъ уничтоженіе самодержавія сдѣлало возможнымъ вступленіе въ войну С. Ам. Соед. Штатовъ, Временное Правительство знало, что, во имя общихъ цѣлей всей анти-германской коалиціи, Россіи необходимо во что бы то ни стало держаться только до фактическаго вмѣшательства Америки въ войну, т. е. до появленія весной 1918 г. американскихъ войскъ на Западномъ фронтѣ. Или, правильнѣе сказать, нужно было держаться до окончанія операцій 1917 г.; нужно было до 1918 г. задерживать на русскомъ фронтѣ возможно наибольшее количество нѣмецкихъ войскъ. *Эта задача была выполнена* освобожденной Россіей *въ полной мѣрѣ.* Германія не могла сосредоточить въ 1917 году достаточное количество войскъ для рѣшительнаго разгрома Франціи, и должна была все лѣто держать на русскомъ фронтѣ такое количество войскъ,*какого она еще никогда не сосредоточивала на русскомъ* фронтѣ *). Русское наступленіе 1-го іюля 1917 г., созданное патріотически-революціоннымъ подъемомъ, вызвало паденіе Бетманъ - Гольвега въ Германіи и знаменитую мирную резолюцію рейхстага отъ 19-го іюля 1917 г., которую нынѣшній канцлеръ, принцъ Максъ Баденскій, назвалъ—въ своемъ знаменитомъ письмѣ къ князю Гогенлоэ — «результатомъ постыднаго страха.»

***) Сообщеніе Ставки отъ 19-го сентября 1917-го года.— „. . . Прошл более шести съ половиной мѣсяцевъ со дня начала нашей революціи, наши арміи продолжаютъ также удерживать силы противника, какъ раньше. При чемъ за это время эти силы не только не уменьшились, н наоборотъ у в е л и ч и л и с ь. Въ день перехода нашихъ войскъ въ насту пленіе въ Галиціи 18-го іюня число дивизій противника, находившихся н русско-германскомъ фронтѣ, было такое же, какъ и 27-го февраля. А в самый разгаръ боевъ въ Восточной Галиціи и Буковинѣ силы противник увеличились на 9 1/2 пѣхотныхъ дивизій. Увеличеніе это приходится н долю германцевъ, а число турокъ и австрійцевъ даже уменьшилось. Артил лерія противника увеличилась за этотъ періодъ приблизительно на 64 орудій разнаго колибра. Здѣсь не принятъ во вниманіе кавказскі фронтъ . . . число германскихъ боевыхъ единицъ къ осени увеличилось это увеличеніе нѣмцы могутъ использовать . . .“**

Кстати, сообщеніе это, посланное заграницу, не было опубликован къ общему свѣдѣнію штабами союзниковъ, открыто враждебныхъ тогд Временному Правительству и русской революціи.

А для того, чтобы ясно представить себѣ, въ какихъ техническихъ условіяхъ приходилось дѣйствовать русской арміи во время наступленія 1917 г., я сдѣлаю одно сравненіе. Недавно во французскихъ газетахъ сообщали, какъ на одномъ изъ американскихъ участковъ фронта для отраженія начавшейся контръ-атаки на встрѣчу нѣмецкимъ войскамъ вылетѣла американская эскадрилья въ составѣ 350 аэроплановъ. Во время же наступательныхъ операцій на юго-западномъ фронтѣ въ распоряженіи всѣхъ русскихъ армій, тамъ дѣйствовавшихъ, не было 25 дѣйствующихъ аэроплановъ, этихъ «глазъ» современной арміи. Такое же соотношеніе можно было бы установить и во всемъ прочемъ. Если бы та же Америка могла вступить въ войну на годъ раньше и послала въ 1917 г., на русскій фронтъ хотя бы сотую долю всего того, что ею отдано въ распоряженіе союзниковъ на западномъ фронтѣ, то катастрофы, постигшей Россію отъ неимовѣрнаго перенапряженія силъ, не случилось бы никогда! Но Америка не могла вступить въ войну, пока Россія была страной самодержавія. А самодержавіе держалось судорожно за свою власть, пока не подточило всѣ устои Государства Россійскаго.

Русская революція, уничтоживъ возможность сепаратнаго выхода Россіи изъ войны до вступленія въ войну Америки, сдѣлала неизбѣжной побѣду.

Не трудно представить себѣ, что бы случилось въ Европѣ, если бы не большевики, а правительство Николая II заключило бы въ 1917 году миръ съ Германіей! И нужно сказать прямо, что въ первое время для узкихъ національно-государственныхъ интересовъ Россіи такой миръ былъ бы выгоденъ. Развѣ неизвѣстны въ исторіи случаи, когда то или другое государство, ведшее коалиціонную войну, на свой рискъ и страхъ во имя національныхъ интересовъ своего государства заключало миръ съ общимъ врагомъ, дѣлаясь иногда союзникомъ своихъ прежнихъ враговъ и врагомъ своихъ прежнихъ союзниковъ?!

Поведеніе каждаго правительства, когда передъ нимъ стоитъ вопросъ или рискнуть сепаратнымъ миромъ во имя своихъ интересовъ, или пожертвовать своимъ непосредственнымъ благополучіемъ и выгодами во имя интересовъ всего союза, диктуется степенью *довѣрія* даннаго правительства къ своимъ союзникамъ. Я позволю себѣ сдѣлать довольно грубое, но болѣе понятное для умовъ, привыкшихъ слишкомъ реально мыслить, сравненіе: въ коммерческой жизни, когда какой нибудь синдикатъ рѣшаетъ уничтожить своихъ конкурентовъ, нѣкоторымъ изъ его участниковъ приходится выбрасывать на рынокъ товаръ, по цѣнѣ иногда далеко ниже себѣ-стоимости. Конечно эти члены синдиката несутъ убытки, и даже могутъ совершенно разориться. Но на такой актъ самопожертвованія каждая отдѣльная торговая фирма пойдетъ только

въ томъ случаѣ, если она совершенно увѣрена, что синдикатъ въ его цѣломъ возмѣститъ всѣ ея убытки и учтетъ все значеніе тако образа дѣйствій своего сочлена въ общихъ интересахъ. Что б сказалъ торговый міръ, если бы узналъ, что такой то синдикат вышвырнулъ изъ своего состава фирму, содѣйствовавшую, може быть, въ большей степени, чѣмъ всѣ остальныя, побѣдѣ надъ ко курентами и растратившую весь свой капиталъ на эту операці Сравненіе грубое, но, увы, не безполезное!

Освободившаяся отъ самодержавія Россія и ея Правительств совершенно довѣряя своимъ союзникамъ и не думая о своемъ бл жайшемъ будущемъ, рисковали самимъ своимъ существованіе во имя общихъ цѣлей, т. к. эта цѣль была побѣда демократіи на самовластіемъ во всѣхъ его видахъ. Да, Россія не выдержала временно распалась на части, подъ ударами разбушевавшей анархіи! Но развѣ мы не видимъ нынѣ на примѣрѣ центральных державъ, что въ извѣстный моментъ *переистощенія и перенапр женія* страны внутренній экономическій и политическій распад анархизація массъ (симптомомъ которой является боольшевиз во всѣхъ его формахъ), дѣлается совершенно неизбѣжнымъ. Ч же удивительнаго, что Россія съ ея бѣдной технической культуро съ ея царизмомъ, оторванная 4 года отъ всѣхъ связей съ остал нымъ міромъ, первая и, дай Богъ, послѣдняя среди своихъ союзн ковъ, не выдержала до конца бремени войны?! Посмотрите Францію! — Англія и Америка, Австралія и Канада, цѣлый ря другихъ государствъ пришли въ трудный часъ къ ней на помощь всѣми ихъ неисчерпаемыми богатствами духовными и матеріальн ми. А все таки и тамъ мы видѣли и видимъ, какъ утомленіе мас войной прорывалось наружу!

Я думаю, все, что происходитъ теперь въ Европѣ должно конецъ заставить, по крайней мѣрѣ, руководящіе круги европе скаго общественнаго мнѣнія, понять дѣйствительные источники причины той страшной трагедіи, которую переживаетъ Россія.

Съ великой патріотической тревогой, въ глубокомъ смущен всматриваемся мы, русскіе, въ ближайшее будущее насъ ожида щее! Въ самый разгаръ большевистскаго предательства, — въ м ментъ подписанія брестъ-литовскаго договора, когда, какъ у ряли нѣмцы, навсегда исчезала съ карты Европы Россія и возро дается Московія, мѣсто которой въ Азіи, — мы, русскіе, *были сп койнѣе, чѣмъ сейчасъ*. Мы вѣрили, что война будетъ съ участіе Америки, доведена до побѣдоноснаго конца.

И намъ казалось, что этотъ часъ побѣды будетъ часомъ во рожденія Россіи, будетъ часомъ, когда спокойные за судьбу со ственныхъ народовъ руководители союзныхъ намъ государст трезво и мудро оцѣнятъ роль каждаго изъ насъ въ этой войнѣ призовутъ своего тяжко раненаго и парализованнаго товарища

общій столъ! Еще не поздно. Россія напряженно ждетъ! И совѣсть народа говоритъ ему, что онъ имѣетъ право *какъ равный среди равныхъ* рѣшать свою судьбу въ совѣтѣ Державъ и на мирномъ конгрессѣ. Въ упоеніи своей силой нельзя забывать о чужемъ правѣ.

Нужно, наконецъ, согласовать отношеніе къ Россіи не съ положеніемъ «Россія страна нейтральная, заключившая миръ съ нашимъ врагомъ», — а съ формулой «*не признанія*» брестъ-литовскаго договора. Неизбѣжнымъ слѣдствіемъ этой формулы является продолженіе союзныхъ отношеній съ Россіей. Для этого Россійское Временное Правительство, возстановленное 23-го сент. на Государственномъ Совѣщаніи въ Уфѣ, должно быть признано и должно быть возстановлено нормальное положеніе всѣхъ государственныхъ русскихъ учрежденій въ союзныхъ странахъ. Представители русскаго Вр. правительства должны быть привлечены на общихъ со всѣми союзниками основаніяхъ къ обсужденію всѣхъ вопросовъ, связанныхъ съ продолженіемъ или прекращеніемъ войны.

Въ частности никакіе вопросы о территоріяхъ Россіи въ предѣлахъ, какъ она была къ 1 ноября 1917 г., не должны обсуждаться безъ вѣдома и участія Россіи. Иначе въ чемъ будетъ разница между «не признаніемъ» и «признаніемъ» брестъ-литовскаго договора!?

Союзники въ Россіи.

(1918—1919 гг.)

Господа *), я явился сегодня къ вамъ, чтобы передать въ ваше распоряженіе, рядъ документовъ, достаточно ярко характеризующихъ современное положеніе Россіи; — для того, чтобы сдѣлать краткій очеркъ двухлѣтняго періода дѣятельности правительствъ союзныхъ державъ въ Россіи, (въ особенности правительства англійскаго), и, наконецъ для того, чтобы указать вамъ на нѣкоторыя дѣйствія, которыя слѣдовало бы предпринять представителямъ англійской демократіи въ интересахъ какъ русскаго, такъ и англійскаго народовъ.

Представляемые мною документы освобождаютъ меня отъ необходимости отнимать у васъ время, на подробное изложеніе мрачныхъ событій въ Россіи, какъ большевистской, такъ и находящейся подъ управленіемъ военныхъ диктаторовъ, пользующихся покровительствомъ вашего правительства.

***) Этотъ докладъ былъ прочитанъ мною 2 января 1920, въ Лондонѣ въ Комитетѣ Англійской Рабочей Партіи (L. P.).**

Обратимся, поэтому, прямо къ дѣятельности союзныхъ правительствъ въ Россіи въ періодъ съ весны 1918 г. по начало настоящаго 1920 года. Представители союзныхъ правительствъ очень часто публично заявляютъ, что они «не освѣдомлены» о событіяхъ въ Россіи, что они «не имѣютъ опредѣленнаго мнѣнія» о томъ, какими средствами скорѣе всего можно остановить развалъ Россіи. Но все это говорится только потому, что опытные государственные дѣятели полагаютъ, что человѣку данъ языкъ для того, чтобы лучше скрывать свои намѣренія. Они предпочитаютъ дѣлать свое дѣло безъ широкой огласки, остерегаясь раздражать общественное мнѣніе, всегда готовое придраться къ словамъ и никогда почти неумѣющее во-время разобраться въ настоящей сути.

На самомъ же дѣлѣ политика союзныхъ державъ въ Россіи въ указанный періодъ времени, если и мѣнялась въ подробностяхъ, то въ основномъ была весьма опредѣленной, послѣдовательной. Она выражалась — 1) въ систематическомъ подъ видомъ интервенціи вмѣшательствѣ во внутреннія дѣла Россіи для активной борьбы съ русской демократіей и для созданія и укрѣпленія тамъ наиболѣе анти-демократическихъ правительственныхъ образованій; 2) въ стремленіи закрѣпить начатое брестъ-литовскимъ договоромъ расчлененіе Россіи и наконецъ, 3) въ продолженіи режима блокады, фактически начавшейся вмѣстѣ съ объявленіемъ войны въ 1914 г.

Нѣкоторымъ изъ васъ, быть можетъ, мое опредѣленіе основного содержанія дѣятельности союзниковъ въ Россіи покажется слишкомъ суровымъ и несправедливымъ, но я надѣюсь, что нѣкоторые факты, которые я вамъ сообщу, убѣдятъ васъ, что мое опредѣленіе является только точнымъ отраженіемъ дѣйствительности. Я обо многомъ молчалъ во время войны; я многого не договаривалъ во время заключенія мира. Теперь, мнѣ кажется, настало время, когда для избѣжанія роковыхъ недоразумѣній, а можетъ быть и несчастій въ будущемъ, каждый изъ насъ обязанъ говорить правду. Я надѣюсь въ будущемъ опубликовать рядъ документовъ по исторіи интервенціи и отношеній между союзными правительствами и русской демократіей. Сегодня я ограничусь только общими выводами.

I. Вмѣшательство во внутреннія дѣла Россіи, (интервенція).

Прежде всего нужно выяснить одно весьма важное недоразумѣніе, существующее какъ въ русскомъ, такъ и въ европейскомъ общественномъ мнѣніи по этому поводу. Многіе полагаютъ, что союзная интервенція въ Россіи началась по иниціативѣ русской демократіи и поэтому трагическіе результаты этой интервенціи возлагаютъ на отвѣтственность русскихъ соціалистическихъ и демократическихъ партій. Это совершенно невѣрно, ибо между ин-

терленціей, которую *по собственной инициативѣ и безъ всякаго соглашенія съ русской демократіей* произвели союзныя правительства, и той помощью, которой во время войны съ Германіей весной и лѣтомъ 1918 г. добивались мы*) отъ союзныхъ Россіи правительствъ, *нѣтъ ничего общаго.* И этой помощи Россія такъ и не дождалась! Интервенція же, произведенная союзными правительствами, въ первую очередь была направлена, именно, противъ русской организованной демократіи.

Нужно помнить, что освобожденіе отъ большевиковъ всей Сибири, Урала, областей Уральскаго и Оренбургскаго казачьихъ войскъ, средняго Поволжья съ Самарой, Симбирскомъ и Казанью, Башкиріи и Сѣвера Россіи было совершено не только безъ всякой помощи союзниковъ, но еще до ихъ прихода. Немного нужно было сдѣлать, чтобы довести до конца дѣло освобожденія Россіи. Нужно было только безъ всякихъ заднихъ мыслей, честно, быстро и рѣшительно придти на помощь русскому народу въ лицѣ его возстановленнаго на Уфимскомъ Государственномъ Совѣщаніи демократическаго Правительства (Директоріи). Какъ же поступили союзники? Они дѣйствительно начали интервенцію, но по собственной инициативѣ и по собственному, заранѣе выработанному, плану. Когда въ іюнѣ прошлаго года я пріѣхалъ въ Европу для того, чтобы ускорить посылку военной помощи въ Россію и въ условіяхъ цѣлесообразныхъ и пріемлемыхъ для русской демократіи, я скоро увидѣлъ, что Лондонъ и Парижъ уже совершенно опредѣлили линію своего поведенія къ Россіи.

Интервенція началась высадкой дессантнаго отряда въ Архангельскѣ. Въ этомъ городѣ, освобожденномъ уже силами русской демократіи отъ большевиковъ, въ это время уже существовало вполнѣ демократическое правительство. Казалось бы явившіеся въ Архангельскъ союзники во главѣ съ англійскимъ ген. Пулемъ должны были бы только привѣтствовать такое положеніе вещей. Ничуть не бывало! Объявивъ торжественно о «невмѣшательствѣ во внутреннія русскія дѣла», ген. Пуль немедленно принялъ мѣры къ низверженію правительства Чайковскаго. Привезеный подъ фамиліей англійскаго офицера Томсона на адмиральскомъ кораблѣ русскій капитанъ 2-го ранга Чаплинъ, съ вѣдома и согласія ген. Пуля, устроилъ съ кучкой своихъ соучастниковъ настоящій переворотъ, арестовавъ въ одну прекрасную ночь все правительство. Арестованныхъ министровъ посадили на англійскій корабль и увезли въ..... Соловецкій монастырь!

Правда, благодаря вспыхнувшей въ Архангельскѣ забастовкѣ и протесту представителя Соед.-Штатовъ, ген. Пулю пришлось немедленно вернуть высланное правительство. Но цѣль все-таки была

*) Какъ теперь документально установлено въ это же время такой же помощи добивалось совѣтское правительство.

достигнута. Все «лѣвое крыло» министерства не вернулось больше къ власти, а самъ Чайковскій, оставшійся во главѣ правительства, вскорѣ былъ подъ почетнымъ предлогомъ отозванъ въ Парижъ. На сѣверѣ Россіи началась эпоха диктатуры англо-русскихъ генераловъ со всѣми трагическими ея послѣдствіями для населенія.

Дѣятельность ген. Пуля отнюдь не была какимъ то исключеніемъ, какимъ то случайнымъ эпизодомъ. Напротивъ, ген. Пуль выполнялъ въ Архангельскѣ, устраивая переворотъ, существенную часть общаго плана интервенціи. Я это утверждаю совершенно категорически съ полнымъ сознаніемъ своей за это отвѣтственности, ибо, находясь тогда то въ Лондонѣ, то въ Парижѣ, я имѣлъ нѣкоторую возможность наблюдать за закулисной стороной подготовки и выполненія интервенціи. А что мои наблюденія не были слишкомъ ошибочны, видно хотя бы изъ того, что еще за мѣсяцъ до переворота Колчака я предупреждалъ о немъ Директорію, указывая даже на тѣхъ иностранныхъ офицеровъ, которыхъ Правительство должно было особенно опасаться. 25-го окт. 1918 г. (переворотъ Колчака былъ 18 ноября того же года) я послалъ съ вѣрнымъ человѣкомъ письмо Н. Д. Авксентьеву, гдѣ писалъ между прочимъ слѣдующее: «съ іюля здѣсь въ Лондонѣ и Парижѣ работалъ X. со своими друзьями. Онъ имѣлъ исключительное положеніе у Z. и теперь ѣдетъ къ вамъ, чтобы въ широкихъ размѣрахъ повторить coup d' etat въ Архангельскѣ, совершенно съ вѣдома и по предварительному соглашенію съ англ. военными властями. Я настаиваю на томъ, чтобы вами были приняты мѣры къ выясненію всѣхъ заговорщиковъ въ Россіи, такъ какъ новое повтореніе Корниловской попытки можетъ окончательно разрушить и добить Россію! Будьте особенно внимательны къ дѣятельности ген. Н. (англич.), корресподента, Times'a В.

О томъ же самомъ еще 17-го октября я писалъ изъ Лондона въ Парижъ Маклакову. «Развѣ Вы не знаете, что дѣлалъ въ Лондонѣ X. и какіе переговоры онъ велъ съ лордомъ Z и для какой цѣли онъ выѣхалъ съ цѣлой свитой въ Россію?!.. Я стрѣляю не по воробьямъ, какъ пишите Вы, а бью въ самый центръ, такъ какъ «авантюристы» могутъ разсчитывать на успѣхъ своего предпріятія только съ помощью иностранныхъ штыковъ».

А еще гораздо раньше въ концѣ августа 1918 г., —убѣдившись въ неизбѣжности попытокъ генеральскихъ переворотовъ, и не имѣя возможности письменно предупредить объ этомъ моихъ политическихъ друзей, которые слишкомъ довѣрчиво относились тогда къ представителямъ союзныхъ властей, я хотѣлъ самъ немедленно вернуться въ Россію, для того чтобы лично обо всемъ разсказать. Однако этого мнѣ сдѣлать не удалось. Проѣхать въ то время изъ Англіи въ Россію безъ вѣдома и помощи союзниковъ было невозможно, а англійскія власти отказались содѣйствовать

моему возвращенію домой подъ тѣмъ предлогомъ, что содѣйствіе моему выѣзду въ Россію противорѣчило бы «рѣшенію англійскаго правительства не вмѣшиваться во внутреннюю политику Россіи *)». Эти слова были написаны какъ разъ во время Архангельскаго переворота, когда представитель русской реакціи г. X., проживая подъ строгимъ инкогнито въ Парижѣ и Лондонѣ по паспорту, выданному англійскимъ министерствомъ на имя натурализированнаго англійскаго гражданина полковника Курбатова, — велъ переговоры съ высшими представителями двухъ союзныхъ правительствъ и готовился ѣхать въ Америку съ рекомендательными къ Вильсону письмами отъ англійскихъ и французскихъ министровъ. Въ Америкѣ г. X. уже не скрывалъ, что дѣло идетъ о подготовкѣ диктатуры Колчака. Впрочемъ, г. X. былъ только однимъ изъ агентовъ, подготовлявшихъ переворотъ. И самый переворотъ Колчака былъ совершенъ до пріѣзда г. X. въ Сибирь, но подъ покровительствомъ ген. Нокса, о которомъ я писалъ Н. Д. Авксентьеву.

Кто же такіе эти гг. X. и Ноксъ? Одинъ — темный финансовый дѣлецъ и авантюристъ Распутинскаго времени, оказался во время Революціи въ ближайшемъ окруженіи ген. Корнилова и былъ однимъ изъ главныхъ вдохновителей и организаторовъ первой несчастной для Россіи попытки совершить переворотъ для провозглашенія военной диктатуры. А ген. Ноксъ — военный агентъ аглійск. правительства при царскомъ, а затѣмъ и при Временномъ Правительствѣ, — былъ однимъ изъ самыхъ близкихъ сотрудниковъ злого генія Революціонной Россіи лорда Мильнера; во время лѣтняго Галиційскаго наступленія 1917 г. онъ былъ отосланъ мной съ фронта за свои выступленія противъ Временнаго Правительства. Онъ поддерживалъ тѣсную связь съ военными заговорщиками противъ Врем. Правит., а затѣмъ появился въ 1918 г. въ Сибири для того, чтобы докончить съ Колчакомъ то, что не удалось сдѣлать съ Корниловымъ.

Своеобразная роль ген. Нокса въ Россіи была хорошо извѣстна союзнымъ правительствамъ. 5-го ноября 1919 г. въ англійской либеральной газетѣ «Манчестеръ Гарденъ» опубликованы интересные протоколы засѣданій «Великой Пятерки» по русскимъ дѣламъ. Въ протоколѣ отъ 16-го янв. излагается рѣчь Л. Джорджа и между прочимъ слѣдующія его слова. «Кто же можетъ сбросить большевиковъ? Называютъ три имени: Деникина, Колчака, Нокса. Если союзники разсчитываютъ на одного изъ этихъ *трехъ лицъ*, то они стоятъ на зыбучемъ пескѣ» . . .

Думаю, моя характеристика дѣятельности ген. Нокса въ Россіи нѣсколько разъясняетъ, почему вдругъ иностранный офицеръ,

---

*) **Изъ письма ко мнѣ секретаря Ллойдъ-Джорджа отъ 10 сентября 1918 г.**

мало кому извѣстный, упоминается въ высокомъ собраніи главъ пяти союзныхъ державъ-побѣдительницъ, въ числѣ возможныхъ «спасителей» Россіи!

Да, впрочемъ, въ моментъ кажущагося успѣха адм. Колчака англійское правительство и не скрывало свою роль въ происхожденіи его диктатуры. 6-го іюня 1919 г. въ Палатѣ Общинъ военный министръ Вистонъ Черчиль, говоря о «Правительствѣ Колчака», прямо заявилъ — *«мы вызвали его къ жизни»*. Такимъ образомъ, въ Сибири, какъ раньше въ Архангельскѣ, союзная интервенція началась сверженіемъ демократическаго прваительства, т. е. опредѣленнымъ въ пользу реакціи вмѣшательствомъ во внутреннія русскія дѣла.

На югѣ вся помощь союзной поддержки была безраздѣльно отдана въ распоряженіе Добровольческой арміи и ея вождей, сначала Алексѣева, потомъ Деникина. И если на Югѣ въ настоящее время еще существуетъ «диктаторъ» ген. Деникинъ, то Черчиль съ полнымъ правомъ могъ бы повторить свои слова о Колчакѣ: — мы создали этого диктатора и вся его сила въ нашихъ танкахъ!

Итакъ, союзная интервенція въ Россіи является грубымъ вмѣшательствомъ во внутреннія русскія дѣла во имя борьбы съ русской антибольшевистской демократіей и для созданія и укрѣпленія тамъ военно-бюрократической диктатуры, стремящейся къ полной реставраціи. Представители англ. демократіи должны въ особенности объ этомъ знать, ибо первая скрипка «въ русскомъ концертѣ» державъ-побѣдительницъ несомнѣнно принадлежитъ Правительству Британской Имперіи.

Я не буду говорить о всѣхъ послѣдствіяхъ подобныхъ интервенцій для русскаго народа. Лежащіе передъ вами документы достаточно говорятъ о всѣхъ ужасахъ праваго большевизма, который въ своихъ эксцессахъ иногда превосходитъ даже большевизмъ лѣвый. Сейчасъ гораздо важнѣе подчеркнуть тотъ несомнѣнный фактъ, что режимъ реакціонной военной диктатуры не содѣйствуетъ уничтоженію, а наоборотъ, *способствуетъ укрѣпленію* и возрожденію большевизма въ Россіи. Разгромъ Колчака, Деникина и Юденича, захватъ большевиками Сибири, быстрое возрожденіе большевистскихъ настроеній на югѣ Россіи — все это должно окончательно убѣдить самыхъ упорныхъ, но искреннихъ сторонниковъ военной диктатуры въ томъ, что этотъ способъ борьбы съ московскими «коммунистами» только разжигаетъ большевистскій пожаръ. Какъ непримиримый врагъ большевизма и, именно, въ качествѣ такового, защищая не только интересы Россіи, но и все будущее демократіи, я настаиваю на совершенномъ прекращеніи всѣхъ опытовъ съ военной диктатурой.

Только организованная демократія, только государственная Власть, послѣдовательно проводящая въ жизнь основные принципы Народоправства и соціальной справедливости, можетъ побѣдить

большевизмъ — эту демагогическую тиранію, опирающуюся на глубокую ненависть трудовыхъ слоевъ народа къ старому режиму.

II. Расчлененіе Россіи.

Отрицательныя слѣдствія опытовъ насажденія военной диктатуры въ Россіи для самой страны настолько очевидны, что очень трудно допустить мысль, что эти послѣдствія не видятъ и ихъ не понимаютъ способнѣйшіе и искушеннѣйшіе государственные дѣятели Англіи! И, можетъ быть, характеръ и цѣли вмѣшательства иностранцевъ въ русскія внутреннія дѣла станутъ намъ болѣе понятными, если разсматривать эту ихъ дѣятельность не отдѣльно, не саму по себѣ, а вмѣстѣ съ ея практическими результатами «національной» политики нѣкоторыхъ союзниковъ въ Россіи.

Въ этомъ національномъ вопросѣ никто, пожалуй, не можетъ понять насъ лучше англичанъ, ибо существованіе 100-милліоннаго русскаго народа также немыслимо безъ свободнаго выхода въ моря, безъ неразрывной связи центра Россіи съ ея окраинами, какъ невозможно бытіе 40-милл. англійской націи безъ тѣсной связи Британіи со всѣми ея заморскими колоніями.

Для насъ судьба Балтики съ ея островами, можетъ быть, имѣетъ даже большее значеніе, чѣмъ судьба Ирландіи для Англіи. Кавказъ въ жизни Россіи играетъ не меньшую роль, чѣмъ Индія въ жизни Британской Имперіи. А будущее Украины также неотдѣлимо отъ грядущихъ судебъ всего Государства Россійскаго, какъ будущее Шотландіи неразрывно связано со всей жизнью Англіи. Все огромное значеніе въ существованіи Россіи ея окраинъ отлично поняла императорская Германія. Она поняла, что расчленить Россію, изолировать ея центръ — это значитъ нанести русскому народу роковой ударъ! Это значитъ — сдѣлать его легкой добычей чужеземнаго воинствующаго капитала! Вѣдь вся суть брестъ-литовскаго договора сводилась къ двумъ основнымъ положеніямъ: — 1) къ объявленію «независимыми» всѣхъ безъ исключенія ея окраинъ, 2) къ предоставленію германскому капиталу особыхъ въ Россіи правъ, фактически долженствовавшихъ превратить эту страну въ колонію Германской Имперіи.

Мы всѣ помнимъ, съ какимъ негодованіемъ оффиціальные представители державъ-побѣдителей говорили о брестъ-литовскомъ мирномъ договорѣ. Казалось, величайшее несчастье русскаго народа, такъ много вложившаго въ общую побѣду, глубоко волнуетъ союзныя съ нами правительства!. «Уничтоженіе брестъ-литовскаго договора» — было во время войны общимъ требованіемъ и Россіи, и ея союзниковъ. Но и здѣсь произошло такое же недоразумѣніе, какъ съ интервенціей! Мы, русскіе, требовали фактическаго уничтоженія *всѣхъ* послѣдствій брестъ-литовскаго дого-

вора, а наши «союзники» были озабочены больше всего тѣмъ, какъ бы всѣ выгоды отъ раздѣла Россіи не достались Германіи!

Поэтому, послѣ разгрома центральныхъ державъ «Брестъ-Литовская программа» разрѣшенія русскаго вопроса не исчезла. Она существуетъ, но только проводится въ жизнь уже не Берлиномъ, а державами-побѣдительницами. Правда, проводится подъ новыми и разными предлогами. Франція все хотѣла создать «санитарный барьеръ» изъ малыхъ, но «національно-здоровыхъ» государствъ, Лондонъ оправдывалъ по примѣру императорскаго Берлина свою политику въ Россіи необходимостью защищать «права малыхъ націй на полное самоопредѣленіе».

Оговариваюсь, я вовсе не «централистъ», а тѣмъ болѣе не «имперіалистъ». Я мыслю освобожденную Россію только какъ совершенную федерацію, какъ «Соединенные Штаты» свободныхъ независимыхъ народовъ.

Но вѣдь процессъ федерализаціи Россіи, конечно, ничего общаго не имѣетъ и не можетъ имѣть съ ея *балканизаціей*. Расчлененіе Россіи безъ согласія и безъ участія самого русскаго народа съ нарушеніемъ самыхъ жизненныхъ его интересовъ является *враждебнымъ по отношенію къ Россіи актомъ*. Въ этомъ вопросѣ нѣтъ ни малѣйшихъ разногласій въ мнѣніяхъ всѣхъ, безъ исключенія, русскихъ партій. Приведу только два «крайнихъ» примѣра.

Оффиціальный органъ ленинскаго правительства — «Экономическая Жизнь» — пишетъ: «Для насъ одинъ выходъ — усиливать всячески красную армію не только живой, но и технической силой и добиться, какъ можно скорѣе, *возсоединенія* съ Россіей Донецкаго Бассейна и Кавказа — *этихъ основныхъ источниковъ нашего экономическаго существованія,* прежде чѣмъ добрые наши союзники успѣютъ выкачать оттуда всѣ имѣющіеся запасы для себя».

А вотъ заявленіе Деникина объ англійской политикѣ на Кавказѣ, опубликованное въ англ. газетахъ 28-го дек. 1919 г. Деникинъ сообщаетъ по безпроволочному телеграфу, что политика и поведеніе британскихъ чиновниковъ въ Закавказьѣ даютъ поводъ къ превратнымъ толкованіямъ и способны ослабить существующія англо-русскія симпатіи. Ихъ недальновидная сепаратистская политика разсчитана на то, чтобы поощрять несоразмѣрныя требованія абсолютной независимости со стороны малыхъ націй. Это только подготовляетъ путь къ балканизаціи всей Восточной Европы.

Вотъ тутъ-то мы и наталкиваемся на загадку. Какимъ образомъ могло случиться, что Деникину пришлось протестовать противъ поведенія англичанъ въ Россіи? Развѣ онъ, не «федералистъ», а упорный сторонникъ «единой, недѣлимой» Россіи, не является въ то же время любимцемъ англійскаго кабинета?! Да, все это такъ и есть. Но можетъ быть, именно, потому, что незадачливые дикта-

торы держатся лишь силой иностранныхъ штыковъ, эти штыки и не стѣсняются на окраинахъ Россіи, ибо какое же значеніе можетъ имѣть «протестъ» кліента въ глазахъ его патрона!

Разрушая въ Россіи всякую демократическую народную власть, и создавая или поддерживая тамъ реакціонныя диктаторскія правительства, лишенныя народнаго довѣрія и по самой природѣ своей неспособныя защитить обще-національные интересы— не облегчаетъ ли себѣ этимъ англійскій кабинетъ осуществленіе Брестъ-Литовской программы расчлененія Россіи?! Не являются ли двѣ, какъ будто бы, исключающія другъ друга политики — поддержки реакціонныхъ «централистовъ» внутри Россіи и покровительства «сепаратистовъ» на ея окраинахъ — звеньями одной и той же цѣпи, — этапами на одномъ и томъ же пути къ единой цѣли — къ расчлененію и всемѣрному ослабленію Россіи?!

Поставленные мною вопросы чрезвычайно серьезны. Тотъ или иной отвѣтъ на нихъ можетъ предрѣшить на многіе годы всѣ отношенія между Россіей и Англіей. Поэтому въ интересахъ обѣихъ націй слѣдуетъ громко высказывать свои достаточно тревожныя подозрѣнія и сомнѣнія, сомнѣнія, основанныя не только на фактическомъ положеніи вещей въ Россіи, но и на нѣкоторыхъ, можетъ быть, немного неосторожныхъ заявленіяхъ отвѣтственныхъ руководителей англійскаго правительства. На мѣстахъ представители Англіи въ Россіи ведутъ совершенно открыто руссофобскую политику. Для того чтобы получить покровительство и поддержку англійскихъ агентовъ, нужно быть или по крайней мѣрѣ казаться — руссофобомъ. «У насъ теперь совсѣмъ какъ при нѣмцахъ» — говорилъ мнѣ сравнительно недавно одинъ кавказецъ не русскій по національности! Конечно, природныя богатства Кавказа очень заманчивы—нефть, марганецъ, мѣдь. Конечно, туркестанскій хлопокъ — продуктъ чрезвычайно полезный для англійской фабричной промышленности! Конечно, фактическій протекторатъ надъ бывшими русскими Балтійскими провинціями дѣлаетъ всю Балтику англійскимъ моремъ и обѣщаетъ огромныя торговыя выгоды! Но нѣтъ ли еще болѣе серьезныхъ, болѣе глубокихъ основаній англійской «брестъ - литовской» политики? 17-го ноября 1919 г. Ллойдъ Джорджъ произнесъ въ Палатѣ Общинъ рѣчь, одно мѣсто которой глубоко и надолго запало въ душу каждаго русскаго.

Вотъ что, между прочимъ, сказалъ Ллойдъ Джорджъ:—«Присмотримся хорошенько къ затрудненіямъ въ Россіи. Съ одной стороны вы имѣете Балтійскія государства; затѣмъ — Финляндію, Польшу; на Кавказѣ — Грузію, Азербейджанъ, русскихъ армянъ; затѣмъ вы имѣете Колчака и Петлюру. Все это—силы анти-большевистскія. Почему же онѣ не объединены? почему вы не можете ихъ объединить? Потому, что въ одномъ коренномъ вопросѣ ихъ цѣли несовмѣстимы. Деникинъ и Колчакъ сражаются во имя дос-

тиженія двухъ великихъ цѣлей. Первая цѣль — уничтоженіе большевиковъ и установленіе въ Россіи хорошаго правительства. На этой задачѣ они могли бы добиться единодушія всѣхъ. Но вторая ихъ цѣль — это возсоединеніе всѣхъ частей Россіи. Не мнѣ говорить, продолжалъ Ллойдъ Джорджъ, какова должна быть политика въ послѣднемъ вопросѣ Британской Имперіи. Одинъ изъ величайшихъ государственныхъ людей, человѣкъ глубокой интуиціи, который не принадлежалъ къ партіи, къ которой я принадлежу, этотъ человѣкъ, Лордъ Биконсфильдъ, считалъ Россію великую, гигантскую, непомѣрно огромную, постоянно усиливающуюся въ своей мощи, катящуюся, какъ снѣжная лавина, къ Персіи и къ границамъ Авганистана и Индіи — считалъ такую страну *величайшей опасностью,* какая только можетъ угрожать Брит. Имперіи.».

Вы видите, основная мысль высказана очень осторожно, но она понятна для всякаго, знакомаго хотя немного съ исторіей отношеній Англіи и Россіи. Какъ молнія освѣщаютъ эти слова премьеръ-министра самыя интимныя скрытыя стороны русской политики англійскаго Правительства! Итакъ, великая Россія — величайшая опасность для Англіи! Изъ міра тѣней возвращается Биконсфильдъ - величайшій врагъ Россіи — для того, чтобы стать авторитетнѣйшимъ совѣтникомъ своего отдаленнаго преемника! Но вѣдь больше полувѣка отдѣляетъ насъ отъ эпохи Дизраэли. И между этой эпохой и нами выросла, казалось намъ, гигантская стѣна изъ труповъ милліоновъ русскихъ воиновъ, павшихъ во имя той побѣды, плоды которой нынѣ пожинаютъ всѣ бывшіе союзники Россіи, кромѣ нея самой, и въ особенности-Англія!..

Стремленіе не допустить возрожденія сильной, но демократической Россіи — игра очень опасная. Особенно, когда она ведется нашими бывшими союзниками! Не нужно и въ отношеніяхъ между государствами желать другому того, чего самъ себѣ не желаешь. Это положеніе должно стать руководящимъ правиломъ честной демократической международной политики. Исторія ведетъ не къ распыленію человѣчества, а къ его объединенію. Только предварительное созданіе немногихъ великихъ федерацій свободныхъ народовъ положитъ дѣйствительныя и прочныя основанія Союза Народовъ (Лига Націй) и миру всего міра! Федеративная Россія-необходимая часть въ новомъ строѣ международныхъ отношеній. Безъ нея всякія попытки осуществить Лигу Націй заранѣе обречены на полную неудачу.

III. Блокада.

Мнѣ остается еще остановиться на третьемъ звенѣ политики союзниковъ въ Россіи — на блокадѣ. Едва ли стоитъ говорить о полномъ противорѣчіи между этой формой международной борьбы и самой элементарной гуманностью. Послѣдовательное и без-

жалостное вымариваніе милліоновъ беззащитныхъ и ни въ чемъ неповинныхъ женщинъ, дѣтей и стариковъ; — вымариваніе происходящее цѣлые годы на глазахъ всего культурнаго міра — какой страшный симптомъ моральнаго отупѣнія, вызваннаго 4-лѣтней войной!

Но сейчасъ я хочу говорить только о полной *практической нецѣлесообразности* блокады, какъ средства борьбы съ большевизмомъ.

Самъ большевизмъ явился результатомъ трехлѣтней блокады, вызвавшей полное разложеніе всей финансово-хозяйственной системы Россіи. Сравнимъ цыфры нашего ввоза и вывоза за послѣдній нормальный до-военный годъ съ таковыми же въ первые три года войны и въ первый годъ существованія большевистской Россіи. Если мы примемъ цифры ввоза и вывоза за послѣдній нормальный годъ (1913) за 100, то увидимъ слѣдующее: — Вывозъ въ 1915 г. сократился на 96, 7%; въ 1916 г. — г. на 95, 2 проц. ; въ 1917 г. на 98, 5 проц.; въ 1918 г. на 99,5 проц. (т. е. сравнительно съ 1917 г. вывозъ 1918 г. по отношенію къ 1913 г. упалъ еще на *одинъ* процентъ!). Ввозъ въ 1915 г. сократился на 93 проц.; въ въ 1916 — на 90 проц.; 1917 — на 90, 4 проц.; 1918 г. на 98,3 проц. (т. е. сравнительно съ 1917 годомъ ввозъ 1918 г. упалъ по отношенію къ ввозу 1913 г. еще на 8 проц.) Но, такъ какъ весь нечтожный ввозъ 1915 — 1917 г.г. состоялъ почти исключительно изъ военныхъ грузовъ, то разница между ввозомъ года Революціи и первымъ большевистскимъ годомъ будетъ совершенно ничтожной, а, можетъ быть, и никакой!

Итакъ повторяю, самъ большевизмъ экономически является лишь неизбѣжнымъ результатомъ блокады, силу которой во-время войны Россія испытывала *въ большей степени, чѣмъ сама Германія.* По меньшей мѣрѣ странно полагать, что слѣдствіе(большевизмъ) опредѣленной причины (блокады) исчезнетъ, если сама- то причина будетъ продолжать существовать.

Другими словами, являясь результатомъ блокады, большевизмъ, какъ хозяйственно-экономическая система, будетъ существовать только до тѣхъ поръ, пока будетъ существовать сама блокада. Это отлично не только сознаютъ, но и публично признаютъ сами большевики.

Вотъ что мы читаемъ въ той же оффиціальной московской газетѣ — «Экономическая Жизнь» — въ руководящей статьѣ отъ 9-го окт. 1919 г. «Изгоняя собственныхъ иностранныхъ капиталистовъ, которые до революціи захватили значительную часть нашей промышленности, мы въ видѣ концессій открываемъ имъ (капиталистамъ) новый ходъ и даемъ работать по капиталистически... Проникновеніе иностраннаго капитала и его работа внутри Совѣт. Россіи будетъ стимуломъ къ работѣ нашихъ собственныхъ капи-

талистовъ, которые постараются добиться почти полнаго возстановленія своихъ старыхъ отношеній, порядковъ и правъ... Капитализмъ не будетъ изжитъ въ предѣлахъ Сов. Россіи, а пуститъ даже весьма основательно корни и еще больше укрѣпится»...

Это разсужденіе является хорошимъ разъясненіемъ къ Ленинскимъ предложеніемъ мира. Правители Совѣтской Россіи сами отлично понимаютъ, что вмѣстѣ со снятіемъ блокады исчезнетъ послѣдняя видимость якобы-соціалистическаго строя въ Россіи. И тогда исчезнетъ гипнозъ большевизма въ Западной Европѣ, ибо тогда всѣ увидятъ подлинную глубоко-реакціонную первобытно-капиталистическую сущность Московской «коммунистической» системы.

Господа, я кончилъ. Я думаю, что въ настоящее время совершенно необходимо добиться: —

1) Дѣйствительнаго и полнаго разрыва между русской реакціей и Правительствами великихъ демократій Запада. А такъ же дѣйствительнаго, а не словеснаго только, прекращенія посылки русскимъ военнымъ диктаторамъ какой-бы то ни было помощи.

2) Немедленнаго отозванія изъ Россіи всѣхъ тѣхъ представителей союзныхъ правительствъ, которые вмѣшивались во внутреннія русскія дѣла;

3) Назначеніе слѣдственной парламентской комиссіи для всесторонняго разслѣдованія участія агентовъ англійскаго Правительства въ заговорческой дѣятельности, имѣвшей своей цѣлью сверженіе существовавшихъ въ Россіи демократическихъ правительствъ;

4) Срочнаго прекращенія блокады Россіи, обрекающей великую страну на вымираніе и окончательное хозяйственное разложеніе.

Pour la Russie 1920.

Оріентація на Россію.

По рѣшенію союзнической конференціи въ Aix-les-Bains отдѣльныя державы могутъ вести переговоры съ Россіей, «лишь въ томъ случаѣ, если они не противорѣчатъ интересамъ всей Антанты».

Переговоры съ какой Россіей — Врангеля или Ленина?

Съ федеративной Россіей Вильсона или съ искромсанной Московіей Ллойдъ-Джорджа?

Какіе общіе интересы Антанты можно вынести за скобки, чтобы судить о томъ, какіе переговоры допустимы и какіе нѣтъ?

Развѣ найти такіе общіе для всей Антанты интересы легче, чѣмъ разрѣшить квадратуру круга?!

Все въ приведенной выше кабалистической формулѣ темно и непонятно. Ясно, совершенно ясно только одно — Россія попрежнему остается для Европы объектомъ, а не субъектомъ правъ.

Мужественный голосъ правительства Сѣверо-Американскихъ Штатовъ въ защиту международныхъ правъ Россіи и его заявленіе о необходимости «охранить государственное достояніе русскаго народа до возстановленія въ Россіи народоправства» — остался гласомъ вопіющаго въ пустынѣ! Въ годину величайшихъ испытаній у русскаго народа, у россійской демократіи не оказалось вѣрныхъ друзей среди великихъ державъ Европы.

Мы безстрастно отмѣчаемъ этотъ несомнѣнный историческій фактъ.

Мы не хотимъ возбуждать страстей и играть на оскорбленномъ національномъ чувствѣ!

Ксенофобія, — ненависть ко всѣмъ иностранцамъ и въ особенности къ бывшимъ союзникамъ, чувство, которое такъ популярно нынѣ въ обывательской русской массѣ, — намъ чужда. Россія находится въ Европѣ, изъ Европы никуда не уйдетъ, какъ бы этого ни хотѣлось нѣкоторымъ «друзьямъ» русскаго народа, и безъ тѣснаго общенія съ Европой возродиться и жить не можетъ. Мы — европейцы, и наше давленіе на структуру международныхъ европейскихъ отношеній было и будетъ всегда чрезвычайнымъ. Даже сейчасъ «живой трупъ» Россіи является весьма дѣйственнымъ участникомъ европейскаго международнаго концерта. Какова же будетъ наша роль, когда свершится неизбѣжное и, переживъ болѣзненный кризисъ роста, Россія возродится, какъ великая европейская демократія!?

Мы думаемъ, что это неизбѣжное грядущее предвидятъ и тѣ, кто, — пользуясь, одни большевиками, другіе Колчаками и Врангелями, — стараются сейчасъ покрѣпче вбить осиновый колъ въ живое тѣло великаго государства.

Такая политика — близорукая политика безъ завтрашняго дня. Русская же демократія должна всматриваться именно въ этотъ завтрашній день.

Мы должны вдумчиво пересмотрѣть наше недавнее международное прошлое; изучить новую, создавшуюся въ результатѣ войны, міровую обстановку и нащупать новые пути и цѣли, учитывая горькій опытъ послѣднихъ лѣтъ.

Мы должны помнить, что *Европа освободилась отъ всѣхъ къ намъ обязательствъ,* а слѣдовательно освободила и насъ отъ таковыхъ.

Единственной оріентаціей Россіи завтрашняго дня будетъ оріентація на Россію.

Это, конечно, не значитъ, что мы должны вернуться на старые традиціонные пути національнаго эгоизма, международнаго хищничества и имперіализма. Нѣтъ, Россія будущаго должна остаться вѣрной въ международной политикѣ демократическимъ принципамъ, провозглашеннымъ русской Революціей и Временнымъ Правительствомъ 1917 года!

Миръ и трудъ должны сдѣлаться основой не только внутренней, но и внѣшней политики Россіи.

Русская же оріентація выразится въ сознаніи, что Россія должна разсчитывать только на себя и ни при какихъ условіяхъ не жертвовать жизненными интересами русскаго народа, хотя бы во имя самыхъ возвышенныхъ цѣлей.

Послѣдняя война разъ навсегда научила насъ этому!

18. 9. 20.

Россія и славянство.

Существуетъ весьма распространенное мнѣніе: русская революція и русская демократія, если и не враждебны славянской идеѣ, то, во всякомъ случаѣ, совершенно ею не интересуются. Это мнѣніе стало общимъ мѣстомъ. Мы помнимъ, какъ въ самый разгаръ Великой Революціи, лѣтомъ 1917 года, виднѣйшій славянскій дѣятель — самъ, положимъ, западникъ, — заканчивая свою рѣчь на одномъ изъ московскихъ митинговъ, сказалъ: «При такомъ (отрицательномъ) отношеніи русской демократіи къ славянству, намъ остается только кричать — караулъ».

Справедливъ-ли этотъ безнадежный выводъ? И да, и нѣтъ. Русская демократія дѣйствительно была не только безразлична, но прямо враждебна той *формѣ* и тому *направленію,* которыя приняла славянская политика Россіи въ послѣднюю эпоху самодержавія. Насъ отталкивали *казенная форма и реакціонное содержаніе* этой политики. Славянофильство въ видѣ панславизма, или скорѣе даже панруссизма, сдѣлавшееся казенной монополіей; славянофильство, взятое, какъ и оффиціальный патріотизмъ, въ «ковычки;» славянофильство, первоначальная освободительная, революціонная сущность котораго была подмѣнена мертвящей традиціонной тріединой формулой — самодержавіе, православіе и народность, — это славянофильство казенной русской публицистики было *силой враждебной* русскому народу. Оно давало самодержавію возможность прикрывать свою международную агрессивную политику альтруистическими лозунгами; оно отталкивало отъ Россіи лучшія культурныя силы западнаго славянства; оно, наконецъ, позволяло

злѣйшимъ русскимъ реакціонерамъ безнаказанно устраивать передъ Европой либеральные маскарады.

Достаточно вспомнить изъ совсѣмъ недавняго прошлаго пышную фигуру В. Бобринскаго, въ сокольскомъ нарядѣ засѣдавшаго на знаменитомъ славянскомъ съѣздѣ въ Прагѣ, а затѣмъ, въ 1915 году, показавшаго свое настоящее лицо въ несчастной Галиціи...

Такой руссифицированной славянской идеѣ мы были и всегда будемъ непримиримо враждебны.

Но славянофильство не всегда было въ Россіи принадлежностью полицейскаго участка. Оно, какъ западничество, зародилось нѣкогда въ горячихъ революціонныхъ головахъ лучшей русской молодежи, привозившей изъ заграницы въ началѣ мрачной эпохи императора-фельдфебеля подъ «кудрями длинными до плечъ» контрабанду боевыхъ идей молодого гегеліанства.

Подобно западникамъ, эта славянофильская молодежь выдвигала свою идеологію, какъ антитезу крѣпостническому абсолютизму. Въ революціонномъ освободительномъ подъемѣ, въ созданіи великой федераціи равноправныхъ братскихъ славянскихъ народовъ — грезился ей Новый Завѣтъ европейской культуры и государственности; Новый Завѣтъ, который юный Востокъ долженъ былъ возвѣстить дряхлѣющему Западу. Недаромъ наравнѣ со словами — «отечество», «патріотизмъ», «благо родины» — николаевская цензура безпощадно изничтожала всѣ славянофильскія разсужденія.

Это подлинно-общественное, творческое славянофильство черезъ Герцена и Бакунина влилось своей революціонной сущностью въ освободительныя, уже соціалистическія идеи дѣятелей Народной Воли, прямыхъ наслѣдниковъ идеалистовъ сороковыхъ годовъ. Съ ними и съ ихъ идеями полнаго освобожденія трудящихся массъ отъ всякаго соціальнаго, политическаго и національнаго гнета мы, работники Великой Революціи 1917 года, — связаны кровными и неразрывными узами. Царская, казенная Россія взяла себѣ на службу мертвую форму великой идеи. Мы же остались вѣрны самому существу ея, отрекшись отъ всѣхъ словесныхъ символовъ, которые могли бы смѣшать насъ въ одну толпу съ полицейскими гасителями всякой идеи и всякой свободы.

Мы знали, что, разрывая цѣпи рабства нашего народа, мы служили дѣлу всего славянства, ибо только послѣ паденія въ Россіи самодержавія можетъ быть серьезно поставленъ славянскій вопросъ. Волею судебъ въ странахъ, населенныхъ славянами, представленіе о славянинѣ почти всегда совпадало съ представленіемъ о человѣкѣ, политически угнетенномъ, *соціально эксплоатируемомъ*. Самодержавіе въ Россіи было барьеромъ на пути славянскихъ народныхъ массъ къ освобожденію. Наконецъ, этотъ барьеръ уничтоженъ. Славянскій вопросъ поставленъ на очередь во

всей его полнотѣ. Онъ можетъ быть разрѣшенъ только методомъ послѣдовательной политической и соціальной демократіи.

Неясныя мечтанія творцовъ славянофильства о всестороннемъ освобожденіи Человѣка превратились нынѣ въ реальную задачу созданія новой государственности и новыхъ соціальныхъ формъ организованными усиліями трудящихся массъ всѣхъ славянскихъ странъ. Русская демократія, исполнивъ свой долгъ борьбы съ самодержавіемъ, идетъ нынѣ съ чистымъ сердцемъ на эту общую братскую творческую работу. А сказка о враждебности нашей къ славянству, вѣримъ мы, скоро забудется.

24. IX. 20.

Козни Европы.

«Буржуазная Европа въ заговорѣ противъ совѣтской соціалистической республики». — «Имперіалистическія правительства Антанты, въ ужасѣ отъ надвигающейся соціальной революціи, стремятся при помощи своихъ агентовъ — эсэровъ и меньшевиковъ — свергнуть совѣтскую власть въ Россіи». — «Офицеры-бѣлогвардейцы съ помощью Франціи подняли возстаніе въ Кронштадтѣ, а за ихъ спиной орудовали эсэры вкупѣ съ великимъ княземъ Дмитріемъ Павловичемъ, Фошемъ и Врангелемъ».

Однимъ словомъ, вездѣ и всюду «англичанка гадитъ», т. е. строитъ свои дьявольскія козни «міровая реакція» противъ лучезарной, несущей трудовымъ массамъ освобожденіе отъ всякаго рабства, совѣтской республики.

Давно уже, съ самаго 1917 года, раздаются эти истерическіе выкрики. Еще во время войны, большевики всю русскую демократію превратили въ «наймитовъ міроваго капитализма». Еще тогда, пользуясь дружескими и разнообразными «услугами» императорскаго германскаго правительства они объявили «измѣной пролетаріату» всякое общеніе русскихъ соціалистовъ съ соціалистами европейскими, не исповѣдывавшими пораженчества. Еще тогда, послѣ Брестъ-Литовска, пользуясь иностранными штыками для подавленія своихъ внутреннихъ враговъ и въ то же время униженно обращаясь за военной помощью «къ дружественной и союзной Франціи», московскіе комиссары съ особымъ негодованіемъ клеймили «интервенцію чешскихъ легіонеровъ-буржуевъ» во внутреннія русскія дѣла.

Вмѣстѣ съ появленіемъ бѣлыхъ генераловъ и съ началомъ дѣйствительной союзнической интервенціи въ ихъ пользу передъ большевиками открылись новыя, почти неограниченныя возможности для систематической травли всей антибольшевистской де-

мократіи, какъ «реакціонной силы, находящейся въ услуженіи у европейской буржуазіи».

Но время шло! Бѣлые генералы и всяческія интервенціи отошли въ область преданій. Вся обстановка въ Европѣ рѣшительно измѣнилась. Не измѣнились только пріемы литературной, съ позволенія сказать, полемики большевиковъ съ ихъ «внутренними врагами». Всякая вспышка революціоннаго народнаго движенія изображается донынѣ большевиками, какъ результатъ сложныхъ, хитроумныхъ интригъ и козней, если не всей, то, во всякомъ случаѣ, союзной Европы.

Пора, наконецъ, положить предѣлъ этой двойной игрѣ господъ народныхъ комиссаровъ! Нужно, наконецъ, выяснить, съ *кѣмъ она*, эта реакція, — съ «вождями соціальной революціи», сидящими въ президіумѣ III-го Интернаціонала, или съ ихъ противниками демократами и соціалистами, отрицающими непогрѣшимость самозваннаго краснаго папы — Ленина?! Нужно, наконецъ, выяснить, противъ большевиковъ-ли строитъ свои козни эта реакція, или *вмѣстѣ съ ними противъ Россіи?!*

Едва-ли даже совершенно неумѣющій стѣсняться съ правдой Стекловъ въ состояніи будетъ доказать, что Англія не является сейчасъ самой «имперіалистической» и самой «капиталистической» страной въ Европѣ. Какія же козни строитъ сейчасъ правительство Ллойдъ Джорджа противъ правительства Ленина? — Можетъ быть, заключеніе торговаго договора было злостной интригой капиталистическаго Сити противъ коммунистическаго Кремля? Нѣтъ, ибо сами большевики для того, чтобы уличить эсэровъ въ «контръ-революціонности», измыслили легенду, что они противъ возстановленія торговыхъ сношеній между Европой и Россіей, противъ англорусскаго торговаго договора. Очевидно этотъ договоръ большевики не считаютъ актомъ, имъ враждебнымъ. Полезнымъ для себя считаетъ этотъ договоръ и Ллойдъ Джорджъ — этотъ «вождь безсовѣстнаго имперіализма», какъ еще недавно именовала его московская казенная пресса. Совѣтское правительство получило недавно достаточно авторитетное разъясненіе, что никакой помощи англійское правительство возставшимъ кронштадтскимъ матросамъ не оказывало и оказывать не намѣревалось. Къ этому можно добавить что *англійское правительство вообще не считаетъ цѣлесообразнымъ «преждевременное» паденіе совѣтской власти въ Москвѣ.*

Не считало и не считаетъ желательнымъ исчезновеніе большевиковъ изъ Кремля другое тоже «имперіалистическое» правительство — польское. Въ Италіи большевистскій посолъ нашелъ въ министерскихъ кабинетахъ самый радушный пріемъ и правительственная Джіолиттіанская пресса весьма недвусмыслено высказалась за сохраненіе въ Россіи настоящаго положенія вещей. О Германіи и говорить не стоитъ. Тамъ до сихъ поръ еще весьма

сильны брестъ-литовскія традиціи и Красинъ, если бы захотѣлъ, могъ бы разсказать много интереснаго о своихъ берлинскихъ бесѣдахъ по дорогѣ въ Лондонъ. Наконецъ Франція, — этотъ оплотъ европейской реакціи! Большевистская пресса только что объявила о какомъ то новомъ «заговорѣ Фоша съ Врангелемъ», о какой-то новой готовящейся здѣсь интервенціи. Увы! И здѣсь шулерская игра Москвы сорвалась. Французское правительство поступило съ Врангелемъ весьма опредѣленно и весьма рѣшительно.

Гдѣ же, въ какой странѣ, какое правительство строитъ сейчасъ новыя козни противъ «совѣтской соціалистической республики?!»

Ни такой страны, ни такого правительства въ Европѣ не имѣется. Наоборотъ, наиболѣе капиталистическія, наиболѣе имперіалистическія государства, наперерывъ, одно за другимъ, стараются завязать дружественныя отношенія съ вождями «соціальной революціи», которыхъ они, по правдѣ то сказать, *вовсе не боятся, и отъ работы которыхъ въ Россіи они ждутъ для себя великихъ и богатыхъ милостей...*

Кстати, въ общей картинѣ этой своеобразной «борьбы» капиталистической реакціи съ московскимъ очагомъ «міровой революціи» особенно пикантной подробностью является дружба Москвы съ Турціей и Афганистаномъ. И тамъ, и здѣсь, вслѣдъ за большевиками, появляются *японцы,* ищущіе видимо возможности черезъ новообращенныхъ «коммунистовъ» поскорѣе пріобщиться ко всѣмъ благамъ ленинской «соціальной революціи.»

Да, пора сдать въ архивъ легенду о реакціонныхъ козняхъ «буржуазной» Европы противъ «коммунистической» Россіи. Пора громко сказать: міровая реакція въ своемъ стремленіи навсегда, если возможно, закрѣпить расчлененіе и ослабленіе Россіи нашла себѣ, наконецъ, вѣрнаго союзника и слугу — кремлевское «коммунистическое» правительство!

20. IV. 21.

Бѣгъ на мѣстѣ.

Греческій король торжественно назначаетъ день своего «великаго наступленія» противъ Кемаля и... все остается на мѣстѣ.

Польскіе повстанцы и нѣмецкіе юнкера все обѣщаютъ союзникамъ отойти къ своимъ границамъ и очистить «плебисцитарныя области» Верхней Силезіи, а на самомъ дѣлѣ всѣ тамъ остаются, лишь мѣняясь мѣстами, какъ изящные кавалеры въ старинной кадрили.

Литовскій и проч. больные вопросы Версальской Европы долгіе мѣсяцы переходятъ изъ совѣщанія въ совѣщаніе, изъ канцеляріи въ канцелярію и по старому пребываютъ въ томъ же неопредѣленномъ болѣзненномъ состояніи. Даже задачу распредѣленія мандатовъ по управленію нѣмецкими колоніями не могутъ разрѣшить «главные союзники». Второй уже разъ совѣтъ Лиги націй снимаетъ этотъ вопросъ съ очереди, предлагая союзникамъ сговориться, наконецъ, съ правительствомъ Соединенныхъ Штатовъ.

Упоминаніе объ Америкѣ вызываетъ цѣлый рядъ новыхъ, сложныхъ вопросовъ —объ островѣ Япъ, который никакъ не могутъ подѣлить между собою Соединенные Штаты и Японія; о возобновленіи англо-японскаго договора; объ Японіи на Дальнемъ Востокѣ; объ отношеніяхъ между Англіей и ея колоніями Dominions. На фонѣ этихъ колоссальныхъ вопросовъ міровой политики, еще отчетливѣе, еще ярче выступаетъ неестественный, казалось бы, *параличъ* европейской дипломатіи, неспособный столкнуть съ мертвой точки и разрѣшить такія въ міровомъ масштабѣ маленькія затрудненія, какъ напримѣръ, вопросъ о польскомъ дебошѣ въ Силезіи.

Сначала, въ первые медовые мѣсяцы Версаля, «вершители судебъ міра» (такъ по крайней мѣрѣ сами они о себѣ думали), премьеры Англіи и Франціи, иногда вдвоемъ, иногда вмѣстѣ съ соотвѣтствующими итальянскими, японскими и проч. союзными министрами, съѣзжались въ разныхъ болѣе или менѣе уютныхъ уголкахъ Европы и тамъ, за чашкой чая, съ легкостью, иногда чрезмѣрной, выносили свои «окончательныя» сужденія по тому или иному больному вопросу.

Сначала, изумленные народы съ трепетомъ и волненіемъ выслушивали эти приговоры Олимпа. Радовались или приходили въ ужасъ, смотря по тому, кого изъ «малыхъ сихъ» (грековъ, чеховъ, поляковъ) очередной вердиктъ благодѣтельствовалъ, кого — каралъ.

Но съ легкой руки Д'Аннунціо, въ Фіуме, безмолвствующіе народы убѣдились, что громъ то, пожалуй, гремитъ не изъ тучи, и стали по-своему устраивать свои дѣла и дѣлишки, все чаще вступая между собой въ рукопашную и не слушая больше строгихъ окриковъ «начальства.»

Наконецъ, и сами вершители судебъ почувствовали, что «не все благополучно въ Датскомъ королевствѣ», что въ результатѣ ихъ экспрессныхъ разъѣздовъ съ конференціи на конференцію для Европы получается какой то своеобразный и не лишенный трагическаго комизма бѣгъ на мѣстѣ.

Стали ѣздить рѣже. И, наконецъ, когда послѣ новаго скандала въ Силезіи Ллойдъ Джорджъ сталъ по старому обычаю усиленно звать Бріана къ себѣ въ гости, — этотъ просто не поѣхалъ.

«Кажется, пора уже, — писалъ по этому поводу „Temps“ — отказаться отъ импровизированныхъ бесѣдъ съ глазу на глазъ; нужно вернуться къ болѣе медленнымъ, но зато вѣрнымъ методамъ и сговариваться между собой обычными дипломатическими путями». А совсѣмъ недавно самъ Бріанъ въ палатѣ депутатовъ вызвалъ всеобщее одобреніе своимъ ироническимъ намекомъ на систему веденія дѣлъ Ллойдъ Джорджемъ. «Я думалъ, что правительственныя дѣла идутъ лучше въ странахъ, гдѣ меньше бумажнаго производства. Я имѣлъ случай убѣдиться, что это совсѣмъ невѣрно. Государственныя дѣла не могутъ рѣшаться по вдохновенію, въ тиши кабинета, безъ всякихъ контрольныхъ записей. Такая система ведетъ къ ошибкамъ.»

Итакъ, система безотвѣтственныхъ кабинетныхъ перешептываній, какъ методъ разрѣшенія міровыхъ проблемъ, сдана въ архивъ. Вмѣсто поѣздки Бріана къ Ллойдъ Джорджу, къ Бріану пріѣхалъ маркизъ Керзонъ.

Эта встрѣча двухъ министровъ иностранныхъ дѣлъ должна была заключить предварительную длительную дипломатическую переписку и, такимъ образомъ, какъ бы увѣнчать благопріятными результатами возвращеніе къ старой рекомендованной „Temps“ системѣ дипломатической работы.

Увы! Керзонъ пріѣхалъ — Керзонъ уѣхалъ... *А все осталось по старому*. Для разрѣшенія греко-турецкаго столкновенія два министра иностранныхъ дѣлъ, съ участіемъ итальянскаго посла, нашли еще какую то согласительную формулу, которая, впрочемъ, никакихъ реальныхъ результатовъ дать не можетъ.

Въ силезскомъ же вопросѣ даже видимости соглашенія не выдумали. «Остается только молить Провидѣніе притти на помощь государственнымъ мужамъ», пишетъ, подводя итоги свиданія двухъ министровъ „Journal des Débats“, «ибо сами эти мужи, предоставленные собственному вдохновенію повидимому не готовы къ устройству дѣлъ бѣднаго человѣчества».

Мы думаемъ, что конфузный бѣгъ на мѣстѣ европейской дипломатіи является результатомъ вовсе не неподготовленности отдѣльныхъ государственныхъ дѣятелей и дипломатовъ. Напротивъ, мы готовы признать, что нѣкоторые изъ нихъ проявляютъ въ послѣднее время много подлинной изобрѣтательности и изощренности въ поискахъ за «Золотымъ Руномъ» европейскаго мира.

Дѣло не въ людяхъ. *Дѣло въ фактахъ, въ той новой перегруппировкѣ силъ, которая назрѣваетъ въ міровомъ масштабѣ.*

Силезія и Смирна черезъ Берлинъ и Константинополь связаны гораздо тѣснѣе, чѣмъ думаютъ, съ далекими Токіо и Вашингтономъ. Поведеніе Франціи и Англіи при разрѣшеніи этихъ миніатюрныхъ вопросовъ диктуется той ролью, которую каждая изъ нихъ хочетъ обезпечить себѣ въ той новой міровой драмѣ, для

которой эпилогъ послѣдней только европейской войны — Версаль со всѣми его послѣдствіями — является лишь *прологомъ*.

Параличъ европейской дипломатіи — симптомъ развитія и накопленія новыхъ, мощныхъ факторовъ, которымъ суждено можетъ быть дѣйствительно и надолго предопредѣлить судьбы народовъ. Нужно все напряженіе коллективнаго разума и совѣсти человѣчества, чтобы избѣжать новаго потрясающаго взрыва, который можетъ не оставить камня на камнѣ отъ всей современной культуры и отбросить ее еще дальше назадъ ко временамъ варварства.

23. VI. 21.

Европа на ущербѣ.

Нигдѣ такъ не сильна привычка, традиція, какъ въ международныхъ отношеніяхъ. До сихъ поръ, несмотря на то, что три года прошло послѣ окончанія войны, европейское общественное мнѣніе въ области международной политики живетъ привычными представленіями довоенной, пожалуй, можно даже сказать, доисторической эпохи.

Да и не одно только общественное мнѣніе! Сами государственные дѣятели и профессіоналы-дипломаты только-только начинаютъ разбираться въ новой обстановкѣ, ихъ окружающей; только-только изъ-за деревьевъ ежедневныхъ мелочей дипломатической казуистики, начинаютъ различать очертанія выросшаго за войну лѣса новыхъ міровыхъ проблемъ первостепеннаго значенія.

Въ чащѣ этого лѣса придется искать себѣ вѣрныхъ тропинокъ и возрожденной Россіи, чтобы съ наименьшей потерей времени и силъ вернуться на принадлежащее ей мѣсто въ ряду міровыхъ державъ.

И когда всматриваешься въ грядущее, примѣряешься къ будущимъ возможностямъ, учитываешь удѣльный вѣсъ Россіи среди новыхъ факторовъ въ международной игрѣ, то, право, несмотря на весь ужасъ настоящаго, не можешь побѣдить въ себѣ, можетъ быть, недостаточно еще осознанный, но вполнѣ ощущаемый оптимизмъ.

Только въ освѣщеніи этого будущаго вполнѣ понимаешь и то, почему наиболѣе прозорливые руководители старой Европы-побѣдительницы такъ старательно пытаются поглубже вогнать осиновый колъ въ могилу воображаемаго мертвеца...

* * *

На чемъ же основанъ подобный оптимизмъ? — На послѣдствіяхъ основного результата послѣдней *только* европейской вой-

ны. *Этой войной заключенъ въ исторіи періодъ европейской гегемоніи (господства)* въ области міровыхъ международныхъ отношеній.

Вопреки болѣе чѣмъ легкомысленнымъ предсказаніямъ большевистскихъ пророковъ — европейская война закончилась не кризисомъ капитализма, не соціальной революціей, а лишь *глубокой перегруппировкой силъ внутри самого капиталистическаго общества.* Перегруппировкой, которая перенесла центръ міровой хозяйственной и политической жизни въ страны молодого развивающагося съ гигантской быстротой капитализма Новаго Свѣта и возрождающейся Азіи.

Узелъ морскихъ сообщеній этихъ странъ (двухъ Америкъ, англійскихъ Dominions, Японіи, Китая, Индіи, Южной Африки) лежитъ въ *Тихомъ океанѣ,* какъ нѣкогда сосредоточеніе всѣхъ жизненнѣйшихъ интересовъ античнаго міра покоилось въ бассейнѣ Средиземнаго моря.

Тихій океанъ — вотъ та новая ось, вокругъ которой долгія десятилѣтія будутъ навертываться и развертываться всѣ крупнѣйшія событія міровой исторіи.

Сбылись предсказанія немногихъ, сохранявшихъ хладнокровіе во время войны, «европейскихъ патріотовъ», которые говорили: внѣ зависимости отъ того, кто побѣдитъ,*вся* Европа, цѣликомъ, дорого заплатитъ за полное и легкомысленное забвеніе своихъ «сверхнаціональныхъ, общеевропейскихъ интресовъ».

Очевидно, при этомъ новомъ, послѣвоенномъ соотношеніи міровыхъ борющихся силъ, вся старая, довоенная международная система, становымъ хребтомъ которой была Европа и ея интересы, интересы «европейскаго равновѣсія» — эта система потеряла свой смыслъ и неизбѣжно будетъ замѣнена какой то новой группировкой силъ, гдѣ, можетъ быть, вся-то Западная Европа будетъ лишь однимъ изъ элементовъ новаго, на этотъ разъ уже *міровово* равновѣсія.

Вся картина современной международной жизни Западной Европы дѣлается понятной только въ освѣщеніи тихо-океанской преблемы. И три наиболѣе характерныхъ особенности *новаго* курса внѣшней политики западно-европейскихъ государствъ являются результатомъ давленія на Европу событій, развивающихся *внѣ* ея.

Эти особенности — возвращеніе въ Европу Сѣверо-Американскихъ Штатовъ, освобожденіе внѣшней политики Франціи отъ опеки Англіи и возрожденіе Германіи, какъ самостоятельнаго фактора международной политики.

Едва ли стоитъ объяснять, почему правительство президента Гардинга продолжаетъ по существу ту же самую Вильсоновскую политику вмѣшательства въ европейскія дѣла, вообще въ дѣла

стараго континента; продолжаетъ это вмѣшательство только въ другой, болѣе продуманной, осторожной, а главное, — практической формѣ.

Сѣверо-Американскіе Штаты являются однимъ изъ трехъ главнѣйшихъ актеровъ тихо-океанской міровой сцены. Они не могутъ достичь благопріятныхъ результатовъ въ своей игрѣ на этой сценѣ, не контролируя своихъ соперниковъ на всѣхъ ихъ путяхъ, не обезпечивая себѣ европейскаго тыла, не создавая здѣсь и въ Азіи международныхъ комбинацій, способныхъ попридержать руки слишкомъ дѣятельныхъ конкурентовъ *)

Другія же двѣ особенности новаго курса — эмансипація Франціи и возрожденіе Германіи — въ значительнѣйшей степени являются слѣдствіемъ коренной ломки всей «традиціонной» внѣшней политики Англіи; ломки, которая сейчасъ только еще начинается и вызвана переворотомъ во взаимоотношеніяхъ между собственно — Англіей (метрополіей) и ея за - океанскими или, лучше сказать тихо-океанскими владѣніями (Dominons) — Австраліей, Канадой, Южной Африкой, Ново-Зеландіей.

До войны эти Dominions никакого участія въ направленіи внѣшней политики Англіи не принимали. Вся эта политика диктовалась исключительно интересами и традиціями старой Англіи, какъ державы европейской или, правильнѣе сказать, какъ государства, имѣющаго своихъ главныхъ соперниковъ въ Европѣ.

До сихъ поръ, въ теченіе вѣковъ все измѣнялось въ мірѣ, кромѣ владычества Англіи. Господствуя на моряхъ, обладая одной пятой всей земной поверхности, опоясывая весь земной шаръ своими владѣніями, насчитывая въ рядахъ своихъ гражданъ четверть всего населенія земного шара, — Англія была настоящимъ гегемономъ стараго міра, а Лондонъ — сосредоточіемъ и вершителемъ міровой политики.

Никому и въ голову не приходило думать, что политика лондонскаго кабинета можетъ оказаться *не* политикой Британской имперіи. Европейскіе профессіональные дипломаты, да и не только они одни, еще недавно пришли бы въ священный ужасъ, если бы кто нибудь имъ сказалъ, что настанетъ нѣкогда день, когда склонится гордый Альбіонъ предъ волей своихъ отдаленныхъ колоній.

А между тѣмъ этотъ день наступаетъ. Заря этого дня загорается на той имперской конференціи, которая происходитъ сейчасъ въ Лондонѣ, и за развитіемъ работъ которой пристально слѣдитъ весь міръ.

Здѣсь впервые ***подводится настоящій итогъ войны.***

***) Кромѣ того, появленіе Америки въ Старомъ Свѣтѣ объясняется и борьбой за нефтяные источники. Но этой темы, какъ и вообще происходящей экономической борьбы, я здѣсь сознательно не касаюсь.**

Пока Европа съ замѣчательнымъ упрямствомъ занималась самоистребленіемъ, на побережьяхъ Тихаго океана выросъ цѣлый новый міръ государствъ, развернувшихся изъ прежде скромныхъ и послушныхъ метрополіи англійскихъ колоній. Эти государства, — нѣкоторыя изъ которыхъ сами представляютъ собою чуть ли не отдѣльныя имперіи съ собственными колоніями, — за время войны, когда «начальство ушло», не только зажили совершенно самостоятельной внутренней жизнью, но и создали, каждое, свой собственный кругъ международныхъ интересовъ, свою собственную внѣшнюю политику.

Международная политика всѣхъ этихъ рожденныхъ европейской войной государствъ имѣетъ одно общее: центральный пунктъ ея вниманія — Тихій океанъ. — И здѣсь задачи ея совершенно солидарны съ задачами и цѣлями Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ.

«Америка — это страна, которую мы любимъ больше всего на свѣтѣ. Мы, Dominions считаемъ ее нашимъ предкомъ.» — сказалъ на лондонской конференціи генералъ Смутсъ, южно-африканскій премьеръ.

Для Dominions не только невозможна никакая внѣшняя политика Британской имперіи, которая бы шла въ разрѣзъ съ интересами Америки.

Для нихъ единство интересовъ съ Великой Республикой, — «солидарность всѣхъ народовъ, говорящихъ на англійскомъ языкѣ», — съ неизбѣжностью диктуютъ *дѣйственное* сотрудничество съ Соединенными Штатами и полную взаимную поддержку.

Правительство Канады уже имѣетъ своего самостоятельнаго дипломатическаго представителя въ Вашингтонѣ, присутствіе котораго тамъ съ нѣсколько кислой улыбкой, но все-таки «санкціонировано» Сен-Джемскимъ кабинетомъ.

Въ Канадѣ же довольно давно серьезно обсуждается вопросъ о тѣсномъ экономическомъ сотрудничествѣ съ Соединенными Штатами.

Но эти намѣренія встрѣчаются лондонскимъ Сити уже безъ всякой улыбки.

А австралійскій премьеръ Хюзъ довольно не дипломатически поставилъ недавно точки надъ нѣкоторыми «і».

Онъ сказалъ — «Австралія громкими привѣтствіями встрѣчаетъ каждый военный корабль, заложенный на верфяхъ Соединенныхъ Штатовъ».

Зачѣмъ же строятъ свои корабли Соединенные Штаты, строятъ одинъ за другимъ съ неутомимой кипучей энергіей? Для того, чтобы *превзойти въ морскомъ могуществѣ Англію.* Для того, чтобы прервать ту исконную традицію морской политики Соединен-

наго Королевства, на сохраненіи которой, во что бы то ни стало, настаиваетъ сейчасъ на имперской конференціи Ллойдъ Джорджъ.

Конечно, морская программа Вашингтона продиктована не стремленіемъ къ ссорѣ или дракѣ со старѣйшей представительницей семьи англо-саксонскихъ націй.

Военно-морская политика и Вильсона, и Гардинга диктуется положеніемъ на Дальнемъ Востокѣ и въ Тихомъ Океанѣ, гдѣ Англія до сихъ поръ выступаетъ союзницей Японіи, связанной съ ней военной конвенціей.

А отношенія между Америкой и Японіей на Дальнемъ Востокѣ внушаютъ наиболѣе освѣдомленнымъ наблюдателямъ самыя *крайнія опасенія*.

Только на-дняхъ знатокъ Д. Востока французъ Dubosq, много лѣтъ проживщій въ Китаѣ, и напечатавшій свои наблюденія въ „L'Europe Nouvelle", писалъ:

— «Не нужно драматизировать положеніе, но слѣдуетъ сказать, что горизонтъ на Дальнемъ Востокѣ темнѣетъ. Мысль о японско-американскомъ столкновеніи дѣлается все болѣе популярной. Она, такъ сказать, носится въ воздухѣ, и, конечно, гораздо въ большей степени, тѣмъ въ 1913 году въ Европѣ мысль о великой войнѣ.

«Конечно, можетъ быть нельзя говорить, что столкновеніе это уже теперь сдѣлалось неизбѣжнымъ. Однако, эта болѣе или менѣе близкая возможность весьма занимаетъ обѣ стороны, въ особенности японцевъ».

Въ этомъ назрѣвающемъ конфликтѣ Японіи съ Америкой, сама Англія, по крайней мѣрѣ, формально — съ Японіей. Ея Dominions — съ Америкой.

Другими словами, вся Британская имперія въ цѣломъ не имѣетъ единой тихо-океанской политики и стоитъ на распутьи. Она должна или остаться міровой державой и тогда окончательно сосредоточить главный нервъ своей внѣшней политики на Дальнемъ Востокѣ и Тихомъ океанѣ, гдѣ естественно будутъ господствовать тенденціи солидарныхъ съ Америкой Dominions, или... впрочемъ второе предположеніе надо заранѣе исключить.

Какъ бы ни была существенна дружба Японіи для Англіи, какъ европейско-азіатской имперіи, разрывъ ея съ колоніями по психологическимъ, экономическимъ, политическимъ и, наконецъ, военно-стратегическимъ соображеніямъ невозможенъ.

Англо-саксонцы — люди геніальнаго компромисса. Компромиссъ будетъ найденъ и на этотъ разъ.

Не будетъ больше внѣшней политики Лондона! Будетъ политика гигантской конфедераціи независимыхъ государствъ, которая неизбѣжно пойдетъ навстрѣчу вашингтонской тенденціи — *стремиться къ укрѣпленію «мира во всемъ мірѣ» созданіемъ непобѣ-*

димо мощной ассоціаціи всѣхъ государствъ, говорящихъ на англійскомъ языкѣ.

Однако и англо-японскій союзный договоръ, срокъ которому на дняхъ истекаетъ, будетъ послѣ имперской конференціи несомнѣнно автоматически продленъ; однако съ такими измѣненіями, которыя сдѣлаютъ его, хоть на время, пріемлемымъ дляDomir ions и Америки. Форма останется. Содержаніе почти испарится *).

Во всякомъ случаѣ, впредь договоръ не особенно успокоитъ тревогу японскихъ имперіалистовъ.

Имъ придется заняться поисками новыхъ попутчиковъ для перестраховки своего будущаго на Дальнемъ Востокѣ и въ Тихомъ океанѣ.

Съ другой стороны и старая Англія, теряя Японію, какъ безоговорочнаго своего сотрудника на старомъ континентѣ, должна, во что бы то ни стало, обезпечить неприкосновенность своихъ интересовъ въ Индіи и на путяхъ къ ней.

«Русская опасность» продолжаетъ тревожить воображеніе руководящихъ англійскихъ государственныхъ дѣятелей. Больше того, передъ ними встаютъ довольно непріятныя возможности полной эмансипаціи Европы отъ многовѣковой опеки Англіи; встаютъ возможности новыхъ попытокъ *организовать европейское равновѣсіе, европейскую солидарность безъ нея.*

Допустить новый опытъ созданія «континентальной системы» Англія по доброй волѣ не можетъ, ибо это грозитъ ей въ одинъ прекрасный день оказаться отрѣзанной отъ источниковъ ея благосостоянія — Индіи и проч. азіатскихъ владѣній.

Вотъ почему, увлекаемая нынѣ изъ Европы на Тихій океанъ, на широкій просторъ міровой, но внѣ - европейской политики, — Англія, уходя, постарается обезпечить за собой европейскій тылъ.

„В. Р." 26 Іюня 1921 г.

II.

Какъ я уже говорилъ, перегруппировка послѣ войны борющихся міровыхъ экономическихъ и политическихъ силъ съ сосредоточеніемъ центра этой борьбы въ Тихомъ океанѣ и на Дальнемъ Востокѣ — является основной, впрочемъ, осложненной русской катастрофой, причиной новаго курса собственно-европейской международной политики.

Уже съ первыхъ дней Версальскаго сидѣнія стало и слѣпымъ ясно, насколько различны были въ дѣйствительности цѣли войны

*) Какъ извѣстно, Вашингтонская Конференція разрушила и форму.

у двухъ изъ оставшихся, такъ сказать, въ живыхъ членовъ «тройственнаго согласія» — у Англіи и Франціи.

Кратко опредѣлить это расхожденіе можно такъ: Франція была жизненно заинтересована въ максимальномъ ослабленіи Германіи, именно, *какъ европейской державы;* Англія стремилась къ уничтоженію Германіи *только* какъ своей соперницы, т. е. *какъ морской и внѣ-европейской* колоніальной имперіи.

Правда, въ итогѣ войны, Лондонъ, какъ это часто бываетъ въ исторіи, достигъ для себя результатовъ неожиданныхъ.

Германію уничтожилъ, но отъ опасныхъ конкурентовъ вовсе не избавился. Но эти неожиданные результаты начали давать себя знать не въ первые мѣсяцы побѣднаго угара. Тогда, лѣтомъ 1919 года, Европа была убѣждена (въ особенности, въ виду кричащей «непрактичности» Вильсона — полной и наивной) во всемогуществѣ Ллойдъ-Джорджа и его кабинета, а въ появленіи на мирной конференціи англійскихъ колоніальныхъ премьеровъ увидѣла лишь простое, механическое учетвереніе лондонскиихъ голосовъ.

Да впрочемъ, пока шелъ раздѣлъ нѣмецкихъ колоній и ликвидація морского могущества Германіи, интересы собственно—Англіи и ея Dominions были совершенно солидарны. Тогда собраніе колоніальныхъ премьеровъ подъ руководствомъ Ллойдъ-Джорджа не напоминало еще картину курицы, высидѣвшей утятъ и въ ужасѣ наблюдающей, какъ беззаботно въ разныя стороны отъ родного берега плывутъ ея птенцы. Тогда всѣ представители Британской имперіи дружно добивались одной главной цѣли. И добились ея!

Имя Германіи было вычеркнуто въ Версалѣ изъ списка морскихъ и колоніальныхъ державъ.

Отношеніе же къ побѣжденной Германіи, какъ къ европейской державѣ, диктуется Англіи стремленіемъ, какъ можно скорѣе въ «обезвреженной» отъ *обоихъ* соперниковъ Европѣ возстановить болѣе или менѣе нормальную хозяйственную жизнь, порядокъ и то новое равновѣсіе, которое позволяло бы Англіи всю свою энергію и все свое вниманіе направить и сосредоточить въ новомъ фокусѣ міровой игры, не опасаясь чрезмѣрнаго роста значенія и вліянія какой либо изъ европейскихъ державъ.

Нужно какъ можно скорѣе, «сбалансировать» Европу, а слѣдсвательно, не только отказаться отъ политики «ненависти и мести», отъ политики «добиванія» падшаго врага, но даже до нѣкоторой степени помочь ему подняться, проявить побольше великодушія.

Такое поведеніе, — въ особенности, если оно будетъ подчеркиваться противоположной тактикой другихъ побѣдителей, — неизбѣжно раньше всего примиритъ Германію съ Англіей, и дастъ

послѣдней возможность дѣйствовать, если то понадобится, черезъ головы своихъ друзей. Все нынѣшнее, такъ называемое, германофильство Англіи, германофильство, вызывающее такое негодованіе въ имперіалистическихъ или, какъ они любятъ себя называть, «патріотическихъ» кругахъ Франціи, — является логическимъ и неизбѣжнымъ слѣдствіемъ поставленныхъ и достигнутыхъ Англіей въ войнѣ цѣлей, возвращеніемъ Лондона къ его традиціонной европейской политикѣ «безпристрастія».

Совсѣмъ въ другомъ положеніи оказалась послѣ войны Франція. Исчезновеніе Россіи въ значительной степени свело на нѣтъ всѣ головокружительные результаты побѣды, ибо въ Европѣ - то Франція осталась почти совсѣмъ одинокой; осталась, такъ сказать, съ глазу на глазъ съ Германіей. Руководящими французскими кругами, да и всѣмъ общественнымъ мнѣніемъ Франціи, овладѣло съ перваго же дня перемирія чувство, иногда весьма тревожное и лихорадочное, чувство какой то неувѣренности, неустойчивости, ощущеніе какой то незаконченности въ побѣдѣ.

Надо было, во что бы то ни стало, искать новыхъ «гарантій» безопасности, увѣренности въ прочности и неотъемлемости плодовъ побѣды. А психологія накопленной десятилѣтіями со времени Седана ненависти, усугубленной подвигами прусскихъ вандаловъ въ сѣверныхъ департаментахъ, невольно толкала мысль французскихъ государственныхъ дѣятелей къ упрощеннымъ механическимъ способамъ обезпеченія своей безопасности.

Французскіе представители на мирной конференціи добивались максимальныхъ *военныхъ* гарантій, требовали наиболѣе унизительныхъ «санкцій», стремились къ возможно большимъ территоріальнымъ жертвамъ со стороны Германіи и даже прямо къ ея расчлененію...

Въ такой международной обстановкѣ создался Версальскій договоръ,—нелѣпый, чреватый новыми кровавыми столкновеніями, а главное, какъ признаетъ это теперь и французское правительство, совершенно невыполнимый.

. . . Теперь во Франціи въ печати самымъ обычнымъ общимъ мѣстомъ сдѣлались яростныя нападки на Клемансо и его ближайшихъ сотрудниковъ. Ихъ обвиняютъ во всѣхъ тяжкихъ преступленіяхъ, чуть ли не въ сознательномъ предательствѣ интересовъ Франціи коварному Альбіону. Нельзя, конечно, отрицать, что Клемансо, быть можетъ, хорошій «организаторъ побѣды», оказался никуда негоднымъ устроителемъ мира, по той простой причинѣ, что очень плохо разбирался въ сложной и запутанной міровой обстановкѣ современности.

Но, настоящая причина трагическаго провала Версаля и неожиданнаго обостренія взаимоотношеній Франціи съ Англіей ле-

жить не въ этихъ субъективныхъ, личныхъ подробностяхъ, а въ томъ объективномъ, основномъ фактѣ, о которомъ сказано выше, — въ коренномъ расхожденiи цѣлей въ войнѣ этихъ двухъ державъ. Do ut des: не заинтересованная въ большинствѣ тѣхъ мѣръ, которыя Францiи нужны были въ Европѣ противъ Германiи, Англiя все-таки давала на нихъ свое согласiе, но лишь въ обмѣнъ за увеличенiе своихъ правъ и привилегiй внѣ Европы, увеличенiе не всегда только за счетъ побѣжденныхъ. Именно, въ этомъ порядкѣ произошелъ не къ выгодѣ Францiи пересмотръ, напр., Брiановскаго соглашенiя 1916 г. о раздѣлѣ Малой Азiи, въ частности о Палестинѣ и т. д.

Пока всемогущество Лондона казалось непоколебленнымъ, пока вмѣстѣ съ крахомъ Вильсона представлялся весьма вѣроятнымъ окончательный отходъ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ отъ дѣлъ стараго мiра, Францiи безъ Россiи волей неволей, стиснувъ зубы, приходилось итти въ форватерѣ своей счастливой союзницы. Приходилось итти, да еще и быть свидѣтелемъ откровеннаго «флирта» Лондона съ Берлиномъ! Правда, — вмѣсто того, чтобы безсильно злобствовать, и тѣмъ повсюду заслужить кличку «непримиримыхъ имперiалистовъ», — французамъ слѣдовало самимъ вступить въ соревнованiе съ Англiей на почвѣ дипломатическаго флирта со своей за-Рейнской сосѣдкой.

Однако, болѣе двухъ лѣтъ прошло съ окончанiя войны, прежде, чѣмъ эта простая мысль не пришла въ голову изощренному во всѣхъ тонкостяхъ дипломатической игры Брiану.

Впрочемъ, и обстановка къ этому времени сильно измѣнилась. Перегруппировка силъ на Тихомъ океанѣ вызвала, въ концѣ концовъ, переоцѣнку удѣльнаго вѣса Англiи въ Зап. Европѣ. А затѣмъ послѣдовало событiе вчера еще совершенно невѣроятное. Лондонъ предложилъ Парижу возобновить переговоры о скорѣйшемъ заключенiи договора о гарантiяхъ, а Парижъ подъ болѣе или менѣе вѣжливымъ предлогомъ уклонился отъ «слишкомъ большой поспѣшности» въ этомъ вопросѣ.

При Клемансо въ Парижѣ за это «блестящее предложенiе» ухватились бы руками и ногами. Теперь эта любезность большого впечатлѣнiя не произвела. А самъ непримиримый Раймондъ Пуанкарэ писалъ недавно: «Самый совершенный договоръ въ свѣтѣ уподобится зданiю, построенному на пескѣ, если не будутъ прежде всего основательно обсуждены основы такого договора и если не будутъ раньше смягчены, устранены всѣ разногласiя, существующiя между двумя нацiями... А заключить союзъ прежде, чѣмъ произойдетъ полное соглашенiе, это просто значитъ начать дѣло съ конца (ce ferait la charrue devant les boeufs) Прежде, чѣмъ мечтать объ увѣнчанiи зданiя, постараемся сначала построить его.» И вся,

такъ называемая, большая французская пресса, подчиняясь этому камертону, взяла весьма скептическій и выжидательный тонъ въ вопросѣ о заключеніи франко-англійскаго союза. «Между существовавшей до войны „l'entente cordiale" и новымъ возможнымъ союзомъ такая же разница, какъ между поверхностью одного изъ морей Европы и необъятнымъ просторомъ Тихаго океана. Этотъ союзъ отдалъ бы въ залогъ все наше будущее, которое *не только на Рейнѣ»*, пишетъ другой французскій публицистъ. А Эмиль Бурэ вскрываетъ, какая тѣсная зависимость существуетъ между выжидательной въ вопросѣ о союзѣ позиціей Франціи и *событіями, происходящими на Тихомъ океанѣ.* —

— «Мы не имѣемъ никакихъ основаній слишкомъ торопить событія. Срокъ англо-японскаго договора истекаетъ въ ближайшемъ іюлѣ и, пока не выяснится, возобновитъ или нѣтъ его Англія, никакіе серьезные разговоры (объ англо-французскомъ союзѣ) не могутъ начаться».

Другими словами — ни при какихъ условіяхъ Франція не вступитъ въ комбинацію державъ, которая *въ какой бы то ни было степени будетъ или можетъ быть непріятна Сѣверо-Американскимъ Соединеннымъ Штатамъ.* Больше того, Франція почувствовала, что отнынѣ, въ итогѣ войны, Англія не можетъ вернуться къ своему излюбленному «изолированному» (уединенному) состоянію въ Европѣ, потеряла возможность «контролировать» всю международную политику остальныхъ европейскихъ государствъ, сохраняя полную свободу рукъ для себя. «Если Франція нуждается въ Англіи, то и Англія не можетъ обойтись безъ Франціи», — *вотъ основная директива новаго курса французской внѣшней политики.* Время «англійскаго плѣна» Клемансо прошло безвозвратно! Прошло, кануло въ вѣчность, благодаря, именно, тому, что сама Европа перестала отнынѣ быть сосредоточіемъ, рѣшающимъ центромъ міровой политики. Если центръ интересовъ Британской Имперіи переносится къ Тихому Океану, то Франція остается, по преимуществу, европейской державой, державой стараго континента. Центръ ея вліянія остается въ Европѣ и въ тѣхъ азіатскихъ и африканскихъ земляхъ, которыя тяготѣютъ къ бассейну Средиземнаго моря. Поэтому, освободившись отъ слишкомъ тѣсной, не всегда добровольной близости къ линіи внѣшней политики Лондона, Франція, несомнѣнно, будетъ стремиться и стремится уже теперь къ сосредоточенію въ своихъ рукахъ главныхъ нитей европейской политики, или лучше сказать, *политики всего бассейна Средиземнаго моря.* На нашихъ глазахъ уже происходитъ острая борьба между Англіей и Франціей въ Малой Азіи..

Но самымъ характернымъ и самымъ значительнымъ является *переломъ въ германской политикѣ Франціи.* Съ большимъ напря-

женіемъ, съ большимъ трудомъ среди шовинистическихъ нелѣпыхъ завываній отравленныхъ Версалемъ «патріотовъ», весь громоздкій арсеналъ политики «устрашенія» со всѣми этими ультиматумами, мобилизаціями, бряцаніемъ оружія—сдается въ архивъ. Во исполненіе мудрой латинской пословицы — куда не можетъ проникнуть воинъ, туда проникнетъ купецъ — въ Висбаденъ высылается совершенно штатскій Люшеръ для переговоровъ съ такимъ опытнымъ организаторомъ и сторонникомъ миролюбиваго соглашенія съ Франціей, какъ Ратенау. Франція не хочетъ больше, чтобы Лондонъ могъ слишкомъ легко, играя «германской опасностью», добиваться отъ Франціи нужныхъ ему рѣшеній по внѣ европейскимъ вопросамъ!» *)

Такъ сложная игра интересовъ міровыхъ государствъ-колоссовъ, отражаясь въ Европѣ, толкаетъ ее на путь нормальнаго, здороваго развитія, возвращая Франціи независимость дѣйствія и возрождая Германію въ качествѣ самостоятельнаго фактора европейской международной жизни. **)

Конечно, это еще только едва-едва начало живительнаго процесса возстановленія соціальныхъ и политическихъ тканей Европы. Въ психологіи народовъ еще много препонъ для быстраго и здороваго развитія этого процесса. Пожалуй, даже психологическихъ препятствій больше, чѣмъ всякихъ другихъ.

Впрочемъ, кто не хочетъ слѣдовать за судьбой добровольно, того она влечетъ по предназначенному пути принудительно. Чѣмъ дальше будутъ развиваться грандіозныя событія на міровой сценѣ, событія, которыхъ старая Европа будетъ всего вѣроятнѣе зрительницей; чѣмъ сильнѣе будетъ чувствоваться здѣсь финансовое, экономическое и политическое давленіе міровыхъ сверхъ-государствъ, тѣмъ острѣе и острѣе будетъ въ старой Европѣ ощущаться потребность солидаризировать свои интересы, согласовать свои цѣли, объединить свои средства воздѣйствія для того, чтобы, оправившись отъ послѣдствій войны, отвоевать себѣ самостоятельное мѣсто въ міровомъ «концертѣ державъ», а не играть, каждому государству порознь, роль «спутниковъ», то у Америки, то у Японіи, то у Британской конфедераціи. Отъ эпохи «балканизаціи» Европа неизбѣжно вернется къ новому періоду объединенія, не къ возстановленію великихъ централистическихъ имперій, конечно, а къ созданію новыхъ сверхъ-государственныхъ, или между-государ-

*) Нужно отмѣтить, что какъ въ Берлинѣ, такъ во Франціи все болѣе вліятельная часть общественнаго мнѣнія заинтересовывается вопросомъ о мирномъ сближеніи двухъ сосѣднихъ націй.

**) Паденіе въ порядкѣ настоящаго coup d'Etat Бріана и возвращеніе, какъ будто бы, кабинета Пуанкарэ къ версальской политикѣ устрашенія — явленіе случайное, временное, внѣшнее.

ственныхъ, построенныхъ на свободномъ союзѣ народовъ, федерацій.

И, кто знаетъ, можетъ быть свободнымъ демократическимъ народамъ континентальной Европы удастся осуществить въ новыхъ и миролюбивыхъ формахъ ту систему европейской солидарности, которая не удалась Наполеону и о которой мечталъ еще такъ недавно С. Ю. Витте *).

---

*) Много времени спустя послѣ написанія этихъ строкъ я прочелъ въ „Воспоминаніяхъ" С. Ю. Витте, вообще совершенно исключительныхъ по значенію и интересу, разсказъ графа о его бесѣдѣ съ императоромъ Вильгельмомъ II-ымъ въ Петербургѣ въ іюлѣ 1897-го года. Тогда, за 25 лѣтъ до нынѣшней европейской катастрофы Витте произнесъ вѣщія пророческія слова. —„... Европа среди другихъ странъ представляетъ изъ себя дряхлѣющую старушку; если такъ будетъ продолжаться, то черезъ нѣсколько столѣтій Европа будетъ совершенно ослаблена и потеряетъ первенствующее значеніе въ міровомъ концертѣ, а заморскія страны будутъ пріобрѣтать все большую и большую силу. И, жители нашей планеты будутъ разсуждать о величіи Европы такъ, какъ мы теперь разсуждаемъ о величіи Римской Имперіи, о величіи Греціи, о величіи Карфагена. Недалеко то время, когда къ Европѣ будутъ относиться только съ почтеніемъ и съ почтеніемъ въ такой мѣрѣ, въ какой, вообще, благовоспитанныя лица относятся къ бывшимъ красавицамъ, уже одряхлѣвшимъ и еле двигающимъ ногами.

Его Величество этотъ взглядъ очень удивилъ. — Что же по Вашему мнѣнію нужно дѣлать для того, чтобы этого избѣжать? — Вообразите, себѣ, В. В., что вся Европа представляетъ изъ себя одну Имперію, что Европа не тратитъ массу денегъ, средствъ, крови и труда на соперничество различныхъ странъ между собой, не содержитъ милліоны войскъ для войнъ этихъ странъ между собой и что Европа не представляетъ собой того военнаго лагеря, какимъ она нынѣ въ дѣйствительности является такъ какъ каждая страна боится своего сосѣда. Конечно, тогда Европа была бы и гораздо богаче и гораздо сильнѣе и гораздо культурнѣе. Она дѣйствительно явилась бы хозяиномъ всего міра, а не дряхлѣла бы подъ тяжестью взаимной вражды, соревнованій и междуусобныхъ войнъ. Для того, чтобы этого достигнуть нужно, прежде всего, стремиться къ тому, чтобы установить прочныя союзныя отношенія между Россіей, Германіей и Франціей. Разъ эти страны будутъ находиться между собой въ твердомъ непоколебимомъ союзѣ, то несомнѣнно, всѣ остальныя страны континента Европы къ этому центральному союзу примкнутъ и, такимъ образомъ, образуется общій континентальный союзъ, который освободитъ Европу отъ тѣхъ тяжестей, которыя она сама на себя наложила. Тогда Европа сдѣлается великой, снова расцвѣтетъ и ея доминирующее положеніе надъ всѣмъ міромъ будетъ сильнымъ и установится на долгія времена. Иначе Европа и отдѣльныя страны ее составляющія находятся подъ рискомъ большихъ невзгодъ." (Томъ I-ый ст. 110).

Въ 1905 году, возвращаясь изъ Портсмута, Витте заѣзжаетъ по приказанію Николая II-го къ имп. Вильгельму. Въ бесѣдѣ съ нимъ Витте снова настойчиво возвращается къ своимъ идеямъ 1897 года о грядущихъ испытаніяхъ и необходимости континентальнаго союза. „Иначе", добавляетъ онъ, „по моему убѣжденію не пройдетъ много времени и Европа въ міровомъ концертѣ будетъ почитаться почтенной, но дряхлой старушкой." (Ст. 412.)

VII.

ГОДЪ 1917-ый.

Короткая память.

Бывшій ректоръ С. П. Б. университета профессоръ Э. Гриммъ (историкъ) помѣстилъ въ софійской газетѣ «Россія» статью — «Гальванизація трупа». Эта статья весьма характерна для современныхъ настроеній части русской интеллигенціи. И разсужденія профессора наводятъ на нѣкоторыя историческія воспоминанія и размышленія.

Гриммъ начинаетъ свою статью словами: — «старыя русскія партіи умерли» — и хоронитъ ихъ по самому послѣднему разряду.

Не спорю: въ этомъ слишкомъ упрощенномъ положеніи есть значительная доля истины.

Несомнѣнно, русскія политическія партіи, идеологія и тактика которыхъ, всѣхъ безъ исключенія, вырабатывались въ подпольяхъ самодержавія, должны будутъ пересмотрѣть всѣ основоположенія своихъ программъ.

Этотъ пересмотръ долженъ быть весьма углубленнымъ, и ко всѣмъ партійнымъ закостенѣвшимъ шаблонамъ безпощаднымъ. И еслибы профессоръ-историкъ, вмѣсто почтенной должности могильщика, взялъ на себя смѣлый починъ пересмотра программныхъ и тактическихъ позицій партіи, ему наиболѣе близкой; началъ бы этотъ пересмотръ съ достаточной объективностью и самокритикой, — то онъ несомнѣнно побудилъ бы скорѣе и другихъ сдѣлать то же самое.

А это было бы большое, весьма нужное для мятущейся нашей родины дѣло.

Увы, историкъ, привыкшій пристально вглядываться вглубь средневѣковья, въ данномъ случаѣ весь въ злободневности, весь въ близорукой партійной полемикѣ.

Вся статья его имѣетъ только одну цѣль — лишній разъ кинуть комомъ грязи въ эту ненавистную, антибольшевистскую «революціонную демократію» февральской революціи.

Но въ чемъ же вина, въ чемъ смертный грѣхъ этой пресло-
вутой «революціонной демократіи»?

Почему же не только данный авторъ, но и, вообще, вся рос-
сійская «государственно-мыслящая интеллигенція» такъ торо-
пится покрѣпче вбить осиновый колъ въ могилу (не воображае-
мую-ли?!) этой ненавистной демократіи?

Причина одна и очень простая — во всѣхъ несчастіяхъ, стра-
даніяхъ и ужасахъ Россіи не только съ момента революціи, а, по-
жалуй, со времени самого Гостомысла, виновна одна демократі-
одни соціалисты.

Хочется задать только одинъ, можетъ быть, наивный во-
просъ, отвѣта на который до сихъ поръ еще нельзя найти въ без-
брежномъ морѣ «разоблачительныхъ» писаній о событіяхъ и дѣ-
ятеляхъ февральской революціи.

Почему судьбы колоссальной имперіи внезапно попали въ ру-
ки невѣдомо откуда появившейся «революціонной демократіи»
сдѣлались предметомъ нелѣпыхъ опытовъ «невѣжественныхъ
эсъ-эровъ?!

Почему со сказочной быстротой исчезъ весь аппаратъ ста-
рой власти? Почему не оказались на-стражѣ и куда-то исчезл
въ моментъ революціи всѣ «государственныя партіи» во главѣ с
культурнѣйшими кадетами?!

Развѣ П. Н. Милюковъ не заявлялъ еще утромъ 27 февраля
въ самый день «катастрофы», что программой революціоннаг
правительства будетъ, конечно, «программа прогрессивнаго бло-
ка Государственной Думы»!

* * *

Всѣ эти вопросы обличатели революціи всегда стыдливо то-
ропятся обойти. Пр. Гриммъ, слѣдуя этой традиціи, здѣсь тож
очень немногословенъ.

Однако, хотя и мимоходомъ, онъ устанавливаетъ кое-что
интересное. А именно, онъ свидѣтельствуетъ, во-первыхъ, о томъ
что «всѣ правыя партіи съ перваго дня революціи какъ бы исчезл
съ лица земли», а, во-вторыхъ, что «опора ка-дэ въ народной жи-
зни была слишкомъ немощной».

И такъ, оказывается, что всѣ безъ исключенія консерватив-
ныя и либерально-буржуазныя партіи послѣ долгихъ лѣтъ, можн
сказать, *монопольнаго* легальнаго существованія въ Россійско
имперіи оказались въ жуткій часъ освобожденія народа *безъ вся-
кихъ корней въ странѣ!*

А между тѣмъ, Государственная Дума, земскія и городскі
самоуправленія, университетскія кафедры, пресса — однимъ сло-
вомъ, весь аппаратъ легальной общественности былъ въ полномъ
распоряженіи, именно, цензовой, «культурной», «государственной
Россіи.

Допустимъ, что, дѣйствительно, вожди демократіи оказались вовсе неподготовленными къ дѣлу государственнаго управленія.

Что-же удивительнаго въ томъ, что люди, въ большинствѣ своемъ всю свою сознательную жизнь проведшіе по ссылкамъ, въ тюрьмахъ, въ изгнаніи и т. д. почувствовали себя не совсѣмъ увѣренно на министерскихъ креслахъ?!

Не удивительнѣе-ли въ сто-кратъ то, что ряды государственныхъ мужей «изъ оппозиціи его Величества», десятилѣтіями готовившіеся взять въ свои руки наслѣдство самодержавія, расточили это наслѣдство въ три дня, не сумѣвъ даже, какъ слѣдуетъ, вступить во владѣніе государствомъ, которое они считали *своимъ* по праву культурнаго первородства! Пр. Гримму и, иже съ нимъ, не мѣшало бы помнить слова В. Маклакова, сказанныя имъ въ маѣ 1917 г. въ частномъ совѣщаніи Государственной Думы: — «Если потомство проклянетъ эту революцію, то оно проклянетъ и насъ, во время переворотомъ сверху несумѣвшихъ предупредить ее».

Къ сожалѣнію, у россійскихъ обывателей *память стала слишкомъ короткой*. Они забыли, что Великая Революція родилась среди анархіи голодныхъ бунтовъ, что, какъ свидѣтельствуетъ Родзянко, эта революція была послѣдней попыткой спасти Россію отъ *начавшагося уже* развала и разгрома.

Они забыли, что первое революціонное Временное правительство, состоявшее изъ 10 цензовиковъ — «буржуевъ» и лишь одного «заложника» — соціалиста, взяло въ свои руки власть на третій день всероссійской анархіи, когда на всемъ пространствѣ земли Русской не только не существовало никакой власти, но не осталось буквально ни одного городового.

* * *

Да, цензовая *Россія опоздала своевременнымъ* coup d'etat — сверху, (о которомъ такъ много говорили и къ которому такъ много готовились) — опоздала предотвратить стихійный *взрывъ* государства, не царизма только, а именно всего государственнаго механизма. И намъ *всѣмъ вмѣстѣ* — демократіи и буржуазіи — пришлось на-спѣхъ, среди дьявольскаго урагана войны и анархіи заново налаживать кое-какой самый первобытный аппаратъ власти, аппаратъ управленія, чтобы хоть какъ-нибудь остановить развалъ внутренній и разгромъ внѣшній. Теперь забыли и не хотятъ вспоминать, что мы стояли тогда передъ двойной, по-истинѣ нечеловѣческой задачей — *революціи въ войнѣ и войны въ революціи*. Отсюда этотъ призывный повелительный кличъ революціи: «спасайте родину напряженіемъ всѣхъ живыхъ силъ страны».

Въ чемъ же была вина, смертный грѣхъ демократіи и безвольнаго Временнаго Правительства? Въ томъ-ли, что мы не бросились

съ головой въ пучину анархіи съ пугачевскими лозунгами большевизма?! Или въ томъ, что вожди революціонной демократіи не посылали въ армію призывать «къ миру на фронтѣ и къ войнѣ въ тылу»?!

Или, можетъ быть, въ томъ, что мы не выкинули демагогическаго лозунга: «вся власть совѣтамъ» и упорно гнали массы въ рамки *коалиціоннаго компромисса?!*

Или въ томъ что мы не разжигали страшнаго племени мести и ненависти въ озлобленныхъ самодержавіемъ изголодавшихся, издерганныхъ войной народныхъ массахъ?!

Да представляете-ли вы себѣ, хулители революціи, что случилось бы въ Россіи, еслибы «безвольное» Временное Правительство или кто либо изъ вождей революціи, не занимаясь «сентиментальной болтовней», «разговорами» о правѣ, правдѣ и справедливости, бросились бы, подхлестываемые анархіей, осуществлять «справедливый судъ возставшаго народа» методомъ ленинскихъ чрезвычаекъ и массовыхъ разстрѣловъ?!

Правда, подумайте-ка хорошенько вы, г.г. съ короткой памятью, въ чемъ вина февральской революціи. Не въ томъ-ли, что мы слишкомъ щедро тратили безграничный капиталъ народнаго къ намъ довѣрія, защищая своимъ авторитетомъ, своей грудью, *человѣческую* пыль отъ взорваннаго зданія императорской Россіи?

Мы, можетъ быть, были «невѣжественными романтиками» гордясь тѣмъ, что *нѣтъ гильотины въ арсеналѣ нашей государственности.*

Но мы не раскаиваемся въ этомъ и вѣримъ, что, захлебнувшись въ крови, русскіе люди почувствуютъ, наконецъ, *великую творческую силу Любви и Милосердія.*

Не за эту-ли «безкровность» — «слабость» власти измываются теперь надъ нами рабьи души и заячьи сердца? За столѣтія самодержавія они слишкомъ привыкли къ хлысту для того, чтобы въ человѣческомъ къ себѣ отношеніи власти видѣть что-либо другое, кромѣ «безволія» и «политическаго невѣжества»!

„В. Р.“ 21. X. 20.

О смертной казни.

Изъ Читы пришла волнующая, радостная вѣсть! Учредительное Собраніе Дальняго Востока (состоящее на 3/4 изъ крестьянъ) постановило — «смертная казнь совершенно и навсегда отмѣняется; никогда и ни при какихъ случаяхъ и нигдѣ въ Д. В. Республикѣ она примѣняться не должна».

Это постановленіе состоялось во время кронштадтскаго возстанія, гдѣ матросы и солдаты (тѣ же крестьяне и рабочіе), на мигъ освободившись, даровали всѣмъ арестованнымъ комиссарамъ жизнь и не пролили ни одной лишней капли крови.

Многіе, очень многіе съ осужденіемъ встрѣтили это сообщеніе о «мягкотѣлости» кронштадтскаго возстанія. Еще больше будетъ тѣхъ, кто съ издѣвкой и осужденіемъ отнесется къ «ложному шагу» дальневосточныхъ крестьянъ, отмѣной смертной казни повторяющихъ черезъ четыре года жестокой гражданской войны «роковую ошибку» Великой Революціи, ея «безвольнаго, сантиментальнаго правительства».

Да, ровно четыре года тому назадъ въ Россіи именемъ революціи было отмѣнено убійство по закону! Да, ровно четыре года тому назадъ человѣческая Личность была объявлена Русской Революціей абсолютной цѣнностью и жизнь человѣка — неприкосновенной даже для власти государственной! Послѣ долгихъ вѣковъ самодержавія, освободившій себя отъ цѣпей рабства русскій народъ отрекся отъ крови, отказался отъ убійства Человѣка, какъ отъ творческаго, созидающаго начала государственной жизни. Этой своей волей, волей къ совершенной человѣчности, русская революція показала, что не напрасно со времени французской революціи — съ эпохи «освободительнаго революціоннаго террора» — прошло полтораста лѣтъ!

Висѣлица исчезла вмѣстѣ съ самодержавіемъ, и гильотинѣ не было мѣста въ Россіи, пока она была свободна!

Много горя, слезъ и несчастій принесла съ собой отдѣльнымъ людямъ разбушевавшаяся народная стихія, обрушиваясь порой въ своей слѣпой ненависти къ уже исчезнувшему режиму на ни въ чемъ неповинныхъ людей. Но вся воля, все сознаніе революціи и ея вождей были направлены на борьбу съ этимъ отвратительнымъ отраженіемъ въ душѣ народной безсмысленной жестокости свергнутой монархіи.

Новая революціонная государственность провозгласила и неуклонно во всей своей практикѣ проводила новый и дѣйствительно революціонный принципъ: государственная власть первая должна преклониться передъ абсолютной цѣнностью человѣческой жизни; первая должна исключить изъ своего обихода всякое убійство, всякое насиліе, всякую ложь и обманъ.

Но кровь имѣетъ свою особою силу, свое очарованіе надъ человѣкомъ. Она властно манитъ къ себѣ. И трудно ветхому человѣку побѣдить въ себѣ звѣря. Въ пролитіи крови ближняго своего онъ часто видитъ ближайшій путь къ достиженію своихъ цѣлей.

И ничто не вызвало съ первыхъ же дней революціи такой ярости, такой ненависти и даже презрѣнія къ ней, какъ эта ея без-

кровность, которая сразу же и справа, и слѣва была взята въ насмѣшливыя ковычки. Какая это власть, которая «боится» убивать своихъ враговъ! Какая это революція, которая смущается, трепещетъ и боится алой крови человѣческой?!

Гильотины добивались отъ новой власти большевики для всей той пыли человѣческой, которая осталась отъ стараго режима. Безпощадныхъ разстрѣловъ для самихъ большевиковъ требовали представители такъ называемой «здоровой государственности», всѣ цензовые элементы русской общественности...

Наконецъ, соединенными усиліями тѣмъ и другимъ удалось нанести смертельный ударъ Революціи. Изъ «слабыхъ рукъ безвольнаго Вр. Правительства» власть перешла въ цѣпкія руки диктаторовъ и слѣва, и справа. Началась безпощадная гражданская война. Обѣ стороны всю сложность аппарата государственнаго управленія, всю многогранность свободной политической борьбы партій и классовъ замѣнили произволомъ и насиліемъ «сильной власти».

«Революція и есть гражданская война, классы, борющіеся при помощи пушекъ и пулеметовъ, съ презрѣніемъ относятся къ гомерической словесной дуэли. Революція не ведетъ диспутовъ со своими врагами, она уничтожаетъ ихъ. Контръ-революція дѣлаетъ то же самое». Такъ охарактеризовалъ «октябрьскую революцію» Зиновьевъ. Онъ самъ вскрылъ этими словами полное *совпаденіе* не только методовъ, но и всей идеологіи, такъ' называемой, пролетарской революціи, съ ея противоположностью буржуазной контръ-революціей. И то, и другое лишь двѣ стороны одного и того же явленія, — *глубокой реакціи!* Пулеметы и пушки, кровь и насиліе, произволъ и обманъ несовмѣстимы съ понятіемъ Революціи, съ понятіемъ великаго соціальнаго процесса, *стремящагося къ всестороннему освобожденію человѣка!*

То, что не поняли и надъ чѣмъ насмѣялись образованные, мудрые организаторы гражданской войны, то почуяла своей совѣстью народная масса. Вмѣстѣ съ возрожденіемъ въ ней стремленія къ здоровой демократической государственности, русская демократія, — русскіе крестьяне, рабочіе и матросы — возвращаются къ завѣтамъ февраля. Они не хотятъ больше крови, они не хотятъ больше произвола и насилія!

Они не хотятъ и мести!

Не въ злобѣ и ненависти, а въ Правдѣ и Милости путь къ спасенію и возрожденію Родины.

№ 185. 23. IV. 20.

Арестъ большевиковъ.

Письмо въ редакцію „Общаго Дѣла".

Милостивый Государь,

Господинъ Редакторъ!

Въ вашей газетѣ, въ № 62 отъ 10 декабря, случайно оказавшемся въ моемъ распоряженіи, помѣщена между прочимъ не подписанная авторомъ статья — «Документъ, относительно котораго Керенскій долженъ дать отвѣтъ». Статья эта состоитъ изъ сокращеннаго изложенія оффиціальнаго сообщенія прокурора С. П. Б. Судебной Палаты, опубликованнаго съ моего вѣдома около 10—12 іюля 1917 г. и краткаго предисловія газеты къ этому документу. Предисловіе это заключаетъ въ себѣ рядъ совершенно ложныхъ утвержденій, на которыя я считаю нужнымъ отвѣтить.

«Ленинъ поселился въ Петроградѣ во дворцѣ Кшесинской и оттуда сталъ систематически предавать Россію нѣмцамъ и готовить свой государственный переворотъ... Многіе Министры Временнаго Правительства требовали его ареста и преданія суду. Керенскому были переданы всѣ данныя и документы относительно большевистскаго движенія, но власть, во главѣ которой тогда стоялъ Керенскій, почтительно молчала передъ Ленинымъ и Ко. Эта власть даже мѣшала бороться съ большевиками»...

Такъ утверждаетъ газета.

Но, во-первыхъ, въ періодъ времени, о которомъ здѣсь говорится, «во главѣ власти» стоялъ не Керенскій, а князь Львовъ, онъ же министръ внутреннихъ дѣлъ, и нынѣ представитель Колчака и Деникина въ Парижѣ.

Во-вторыхъ, Ленинъ въѣхалъ въ Россію 4 апрѣля, а съ перваго мая я былъ назначенъ военнымъ и морскимъ министромъ. Съ 3 мая по 6 іюля, въ общей сложности, наѣздами я провелъ въ Петроградѣ около 15—20 дней. Остальное же время я находился на фронтѣ, въ тылахъ и во флотѣ, организуя наступленіе. Въ этотъ періодъ я никакого участія во внутреннемъ управленіи не принималъ, въ засѣданіяхъ Временнаго Правительства почти не присутствовалъ, а на фронтѣ требовалъ самыхъ рѣшительныхъ мѣръ борьбы съ дезорганизацiей и съ германо-большевистскими агентами. Подавленіе вооруженной рукой безпорядковъ и возстаній на фронтахъ было начато по моему требованію. (Все это можетъ быть установлено документально).

Въ-третьихъ, въ апрѣлѣ мѣсяцѣ я былъ единственный «министръ-соціалистъ» среди «буржуазной» десятки Временнаго Правительства, и если бы дѣйствительно «многіе министры требовали ареста и преданія суду Ленина», то они легко могли бы этого достигнуть, вопреки моему мнѣнію, простымъ большинствомъ голо-

совъ. На самомъ дѣлѣ все Временное Правительство перваго состава совершенно одинаково оцѣнивало дѣятельность «Ленина и Ко». Но въ нашемъ распоряженіи не было еще тѣхъ данныхъ, которыя въ 1917 году сдѣлали возможнымъ арестъ большевистскихъ лидеровъ въ судебномъ порядкѣ, а для внѣсудебной ликвидаціи «дворца Кшесинской» въ то время въ рукахъ Правительства не было еще никакого административнаго аппарата. Это послѣднее обстоятельство явствуетъ лучше всего изъ того, что и военный министръ Гучковъ и командующій Петербургскимъ Военнымъ Округомъ *Корниловъ,* и министръ внутреннихъ дѣлъ кн. Львовъ были совершенно пассивны по отношенію къ Ленину и Ко.

Насколько въ этотъ періодъ (апрѣль) еще не ясно было положеніе вещей —, видно напр. изъ того, что министръ иностранныхъ дѣлъ Милюковъ телеграфно настаивалъ передъ англійскимъ правительствомъ о безпрепятственномъ пропускѣ въ Россію Троцкаго. Единственное министерство, которое принимало тогда нѣкоторыя мѣры по отношенію къ «дворцу Кшесинской», было министерство юстиціи, во главѣ котораго тогда стоялъ Керенскій, такъ какъ аппаратъ этого министерства лучше сохранился, но я могъ воздѣйствовать только въ *судебномъ* порядкѣ.

Въ-четвертыхъ Временное Правительство въ цѣломъ и въ частности министръ юстиціи Керенскій не только не «мѣшали бороться съ большевиками», но именно, только благодаря настойчивой работѣ Временнаго Правительства — (въ частности министра юстиціи, а затѣмъ военнаго министра Керенскаго и министра иностранныхъ дѣлъ Терещенко) былъ собранъ тотъ матеріалъ, который послужилъ основаніемъ къ обвиненію Ленина и Ко въ государственной измѣнѣ и отчасти заключается въ «документѣ», опубликованномъ въ № 62 «Общаго Дѣла».

II. «Послѣ безплодныхъ попытокъ начать преслѣдованіе противъ большевиковъ, Министръ Юстиціи Переверзевъ, воспользовавшись отсутствіемъ Керенскаго изъ Петрограда, произвелъ арестъ видныхъ большевиковъ и для его объясненія тогда опубликовалъ печатающуюся ниже записку прокурора Судебной Палаты. Но изъ-за этого Переверзеву пришлось выйти въ отставку, а арестованные имъ Нахамкесъ, Суминсонъ, Луначарскій и др. были выпущены Керенскимъ изъ тюрьмы».

Все это сплошной вымыселъ.

1). Арестъ большевистскихъ лидеровъ въ дѣйствительности состоялся при слѣдующихъ обстоятельствахъ: 3-5 іюля было поднято въ Петербургѣ большевиками возстаніе. Я былъ въ это время на Западномъ фронтѣ, подготовляя тамъ вмѣстѣ съ ген. Деникинымъ войска къ наступленію, которое должно было начаться въ одинъ изъ ближайшихъ дней. Получивъ телеграмму о событіяхъ въ Петербургѣ, я сейчасъ же выѣхалъ съ фронта въ Минскъ и потребовалъ отъ имени арміи по прямому проводу отъ Временнаго

Правительства самыхъ рѣшительныхъ въ кратчайшій срокъ мѣръ противъ бунтовщиковъ и предателей. Затѣмъ, съ согласія командованія, я бросилъ работу на фронтѣ, и самъ поѣхалъ въ Петербургъ, куда и пріѣхалъ около 7 час. вечера 6-го іюля. На вокзалѣ изъ рапорта Комадующаго Войсками я, узнавъ, что мѣръ къ аресту главарей бунтовщиковъ никакихъ не принято, сдѣлалъ тутъ же публично ген. Половцеву выговоръ и въ этотъ же вечеръ уволилъ его отъ должности Командующаго Войсками. Проѣхавъ съ вокзала прямо въ штабъ войскъ округа, гдѣ въ это время находилось Временное Правительство. я заявилъ о необходимости произвести аресты руководителей возстанія. Сейчасъ же, до рѣшенія этого вопроса, Временнымъ Правительствомъ былъ составленъ въ Штабѣ Округа списокъ лицъ, подлежащихъ аресту, и были сдѣланы всѣ подготовительныя распоряженія для производства этихъ арестовъ въ эту же ночь на 7-ое іюля. Мое требованіе ареста Ленина, Зиновьева, Колонтай и т. д. встрѣтило сначала нѣкоторыя колебанія, благодаря возраженіямъ со стороны Ц. И. К. С. С. и Р. Д., представители коего по этому поводу явились во Временное Правительство.

Въ I-мъ часу ночи всѣ колебанія прекратились и даже делегаты Совѣта сняли съ очереди свои возраженія. Но въ это время чины Штаба Округа уже приступили къ выполненію арестовъ. Между прочимъ, предсѣдатель Ц. К. Балтійскаго флота былъ арестованъ непосредственно чинами моего военно-морского кабинета.

Такова подлинная исторія ареста г. г. большевиковъ Министромъ Юстиціи Переверзевымъ, «воспользовавшимся моимъ отсутствіемъ».

2) Теперь объ освобожденіи мною этихъ арестованныхъ.

«Освободить Луначарскаго и Нахамкеса» (Стеклова) я не могъ бы, если бы даже хотѣлъ, по той простой причинѣ, что они, какъ не состоявшіе тогда въ партіи большевиковъ и не участвовавшіе въ возстаніи, вообще, не могли быть и не были арестованы.

Что же касается лицъ, перечисленныхъ въ приводимомъ въ №62 «Об. Д.» документѣ Ленина, Зиновьева, Колонтай, Козловскаго, Суминсонъ, Гельфантъ (Парвусъ), Фюрстенберга (Ганецкаго), Ильина (Раскольникова), Симашко и Рошаль—то ни объ одномъ изъ нихъ, кромѣ Колонтай и, кажется, Симашко, не было вплоть до большевистскаго переворота, 25-го октября (7-го ноября н. с.), сдѣлано распоряженія, объ ихъ освобожденіи. Колонтай была освобождена послѣ освидѣтельствованія врачами, по постановленію соотвѣтствующихъ гражданскихъ судебныхъ властей, дѣйствовавшихъ въ этомъ случаѣ, какъ и во все время существованія Временнаго Правительства, совершенно независимо отъ Министра-Предсѣдателя, Военнаго и Морского и прочихъ министровъ. Изъ остальныхъ только что перечисленныхъ лицъ Ленинъ и Зиновьевъ скрылись до моего пріѣзда 6-го іюля, а Пар-

вусь и Ганецкій вообще въ Россію не въѣзжали; прочіе вышли изъ Крестовъ и другихъ тюремъ только послѣ 25-го октября.

3). Вотъ съ пріѣздомъ Фюрстенберга и былъ связанъ уходъ изъ Временаго Правительства Министра Юстиціи Переверзева. Ибо ему пришлось уйти не изъ-за арестовъ, которыхъ онъ не производилъ, не изъ-за нападокъ, которыя дѣлали на него слѣва, а изъ-за столкновенія съ министромъ Терещенко и Некрасовымъ. Дѣло въ томъ, что еще съ начала мая Терещенко и отчасти Некрасовъ въ совершенно секретномъ порядкѣ собирали всѣ данныя по поводу преступной дѣятельности «Ленина и Ко.» Чрезвычайно серьезныя, но къ сожалѣнію, не судебнаго, а агентурнаго характера, данныя должны были получить совершенно безспорное подтвержденіе съ пріѣздомъ въ Россію Ганецкаго, подлежавшаго аресту на границѣ, и превратиться въ достовѣрный судебный матеріалъ противъ большевистскаго штаба. Переверзевъ предоставилъ, въ моментъ возстанія 3—5 іюля, часть обвинительнаго матеріала противъ большевиковъ въ руки частныхъ лицъ для опубликованія. Этимъ онъ достигъ ближайшей поставленной имъ себѣ цѣли, т. е. вызвалъ въ Петербургскомъ гарнизонѣ взрывъ негодованія противъ большевиковъ. Но этимъ же своимъ дѣйствіемъ, предпринятымъ имъ на собственный страхъ и рискъ, онъ уничтожилъ для Временнаго Правительства возможность достигнуть основной его цѣли. Опубликованіе части собраннаго противъ большевиковъ обвинительнаго матеріала насторожило Ленинскій штабъ. Пріѣздъ Ганецкаго былъ отмѣненъ, а Временное Правительство потеряло возможность документально подтвердить главнѣйшія, компрометирующія Ленина и Ко. данныя, что и отразилось немедленно на судебной постановкѣ дѣла по обвиненію нѣкоторыхъ вождей большевиковъ въ сношеніяхъ съ враждебнымъ Россіи иностраннымъ правительствомъ.

III. Въ другой статьѣ этого же номера — «Керенскій и Ленинъ работаютъ рука объ руку» — среди прочихъ измышленій опять говорится — «когда мин. юстиціи Переверзевъ, относившійся къ большевикамъ такъ же, какъ и Деникинъ, арестовалъ многихъ видныхъ большевиковъ, то Керенскій настоялъ на ихъ освобожденіи. Это было одно изъ крупныхъ преступленій Керенскаго противъ Россіи».

Какъ видно изъ вышеизложеннаго это «крупное преступленіе» существовало и существуетъ только въ воображеніи автора этой статьи Вл. Бурцева. Въ этой же статьѣ авторъ утверждаетъ, что «Деникинъ въ своихъ историческихъ донесеніяхъ, поданныхъ лично Керенскому, поименно указалъ на Ленина и другихъ большевиковъ... и тогда еще требовалъ ихъ ареста и преданія суду. Получивъ докладъ Деникина Керенскій не далъ ему никакого ходу». — На самомъ же дѣлѣ никакихъ «историческихъ» донесеній лично отъ Деникина я не получалъ. Я получилъ отъ верховнаго

главнокомандующаго генерала Алексѣева лично при докладѣ, насколько помню, въ присутствіи его начальника штаба Деникина (это было въ началѣ мая), докладную записку о разоблаченіяхъ, сдѣланныхъ нѣкимъ офицеромъ по фамиліи, кажется, Ермоленко, принявшимъ на себя обязанности агента нѣмецкаго генеральнаго штаба по развитію украинскаго сепаратистскаго движенія въ русской арміи. Этотъ офицеръ указалъ рядъ связей, данныхъ ему нѣмецкимъ штабомъ и, между прочимъ, но не съ достаточной достовѣрностью, указалъ на связь Ленина съ агентурой нѣмецкаго штаба. Тогда же всѣ мѣры для провѣрки и установленія фактовъ по сообщенію этого офицера были приняты, а именно: Ермоленко былъ подъ особымъ негласнымъ надзоромъ Штаба отправленъ на Украину для закрѣпленія, а затѣмъ и разоблаченія его связей. А остальной матеріалъ имъ сообщенный вошелъ въ общую сводку тѣхъ данныхъ, которыя помогли Вр. Правительству напасть на слѣды заграничной дѣятельности г.г. большевиковъ.

23. III. 20.

Изъ статьи — „Легенда о г. Савинковѣ".

О возстаніи ген. Корнилова [1])

I.

Повѣствованіе о самомъ возстаніи ген. Корнилова начинается въ статьѣ Савинкова разсказомъ о томъ, какъ вечеромъ 26-го августа Савинковъ пришелъ въ Зимній Дворецъ защищать въ засѣданіи Правительства проектъ о «введеніи смертной казни въ тылу», но былъ вызванъ въ рабочій кабинетъ Керенскаго. Здѣсь Ми-

[1]) Здѣсь я перепечатываю только тѣ части этой статьи, которыя имѣютъ прямое отношеніе къ выясненію обстоятельствъ заговора и возстанія ген. Корнилова. Со времени появленія въ 1918 году моей книжки «Дѣло Корнилова» — многія весьма существенныя закулисныя стороны этого несчастнаго предпріятія, вскрытыя мной, получили подтвержденіе въ нѣкоторыхъ опубликованныхъ работахъ (В. Львова, П. Краснова, В. Набокова). Здѣсь я считаю нужнымъ привести нѣсколько выдержекъ изъ «Очерковъ русской смуты» — генерала Деникина, полуправда котораго съ несомнѣнностью устанавливаетъ, однако, наличіе заговорческой дѣятельности ген. Корнилова и его Ставки. — Въ концѣ іюля «настроеніе Ставки было сильно приподнятое... но ничто не выдавало какой-либо подземной конспиративной работы. Надо замѣтить, что въ этомъ дѣлѣ военная среда была настолько неопытна, что потомъ, когда дѣйствительно началась конспирація, она приняла такія явныя формы, что только глухіе и слѣпые могли не видѣть и не слышать (томъ 1-ый ч. 2-ая ст. 196)». — «По окончаніи засѣданія Корниловъ предложилъ мнѣ остаться и, когда всѣ ушли, тихимъ голосомъ, почти шопотомъ сказ-

нистръ-Предсѣдатель въ присутствіи С. А. Балавинскаго и В. В. Вырубова молча подалъ ему текстъ ультиматума, подписанный «В. Львовъ». Въ этомъ ультиматумѣ отъ имени ген. Корнилова предъявлялось Временному Правительству требованіе о передачѣ въ руки Корнилова всей полноты гражданской и военной власти. Ультиматумъ показался Савинкову «мистификаціей». Однако Керенскій тутъ же говоритъ ему, что «онъ провѣрилъ заявленіе Львова по прямому проводу и въ подтвержденіе своихъ словъ протянулъ ленту своего разговора съ Верховнымъ Главнокомандующимъ. Текстъ ультиматума Львова лента не воспроизводила. Керенскій кратко запрашивалъ генерала Корнилова, подтверждаетъ ли онъ все, сказанное Львовымъ, а Корниловъ отвѣтилъ: «подтверждаю». Ни тогда, ни позже, разсуждаетъ авторъ, я не понималъ и не понимаю еще сейчасъ, какимъ образомъ въ дѣлѣ такой чрезвычайной важности Керенскій могъ ограничиться такимъ неопредѣленнымъ вопросомъ. Но я такъ же не понялъ тогда и тѣмъ болѣе не понимаю теперь, какимъ образомъ ген. Корниловъ рѣшился подтвердить текстъ, содержаніе котораго онъ не зналъ и не могъ знать. Я былъ убѣжденъ, что въ основѣ всего этого лежитъ какое-то недоразумѣніе» (стр. 402).

Ну еще бы! Прямо дѣти какія то, эти— Корниловъ и Керенскій. Въ Петербургѣ В. Львовъ Богъ знаетъ что говоритъ Министру - Предсѣдателю отъ имени Верховнаго Главнокомандующаго, а Министръ-Предсѣдатель, не намекнувъ даже Верховному Главнокомандующему на содержаніе своего разговора съ Львовымъ, ограничивается однимъ единственнымъ «неопредѣленнымъ» вопросомъ: «Генералъ, Вы подтверждаете слова Львова?». А на это, не задумываясь ни на секунду, самъ генералъ отвѣчаетъ: — «Подтверждаю!», хотя не знаетъ и не можетъ знать, *что* собственно онъ

залъ мнѣ слудующее. — Нужно бороться, иначе страна погибнетъ. Ко мнѣ на фронтъ пріѣзжалъ N., онъ все носится со своей идеей переворота и возведенія на тронъ В. К. Дмитрія Павловича, что-то организуетъ и предлагалъ совмѣстную работу. Я ему заявилъ, что ни на какую авантюру съ Романовыми не пойду. Въ правительствѣ самѣ понимаютъ, что совершенно безсильны что-либо сдѣлать. Они предлагаютъ мнѣ войти въ составъ правительства... (Никогда, никакого подобнаго предложенія отъ имени Вр. Правительства генералу Корнилову не дѣлалось и не могло дѣлаться. А. К.)... Ну, нѣтъ: эти господа слишкомъ связаны съ совѣтами и ни на что рѣшиться не смогутъ. Я имъ говорю: предоставьте мнѣ власть, тогда я поведу борьбу. Намъ нужно довести страну до Учр. Собранія, а тамъ пусть дѣлаютъ, что хотятъ: я устранюсь и ничему препятствовать не буду. Такъ вотъ, Антонъ Ивановичъ, могу ли я разсчитывать на Вашу поддержку? — Въ полной мѣрѣ... мы обняли другъ друга... (ст. 197)». — «Представилъ Крымова на должность командира II-ой арміи. Ставка отвѣтила согласіемъ, но потребовала его немедленно въ Могилевъ для исполненія особаго порученія. (Это было въ первой половинѣ августа. Ген. Крымовъ былъ вызванъ для разработки плана похода на Петербургъ

подтверждаетъ. Положимъ, Керенскій могъ еще задавать вопросъ и не по наивности, а съ тайнымъ расчетомъ поймать и подвести ген. Корнилова, но послѣдній-то проявляетъ, поистинѣ, наивность и легкомысліе прямо легендарныя! И это единственный, по мнѣнію г. Савинкова, человѣкъ, способный спасти армію и Россію! Но, — что можетъ быть еще удивительнѣй, — никто вокругъ Керенскаго не замѣчаетъ всю вопіющую нелѣпость такого разговора. Одинъ только Савинковъ сразу чувствуетъ, что здѣсь «недоразумѣніе».

Однако, кто-же это утромъ 27-го августа телеграфировалъ въ ставку комиссару Филоненко: — «Вы недостаточно освѣдомлены. Генералъ Корниловъ *подтвердилъ сообщенія своего посланника*, разговаривая съ Керенскимъ по Юзу»? Кто, ознакомившись съ ультиматумомъ Львова и съ лентой разговора по Юзу, сейчасъ же, вечеромъ 26-го августа, предложилъ мнѣ двинуть съ фронта къ Ставкѣ противъ Корнилова «вѣрную» часть. Кто тутъ же послалъ телеграмму о вызовѣ этой части? Кто? — Управляющій Военнымъ Министерствомъ — все тотъ же Савинковъ. Такъ въ чемъ же дѣло? Да, просто въ томъ, что теперь г. Савинковъ не хочетъ говорить правды, которую зналъ 26-го августа 1917 г. и знаетъ сейчасъ. Савинковъ отлично знаетъ, что разговоръ мой состоялъ не изъ одного «неопредѣленнаго вопроса» и лапидарнаго отвѣта на него «Подтверждаю». Онъ знаетъ, что во время этого разговора я задалъ ген. Корнилову нѣсколько весьма опредѣленныхъ вопросовъ, и на нихъ получилъ не менѣе опредѣленные отвѣты, дѣйствительно подтвердившіе слова Львова.

Я приведу лишь одинъ примѣръ того, насколько лента разговора по Юзу не оставляла ни малѣйшихъ сомнѣній въ томъ, что Львовъ передалъ мнѣ именно то, что сказалъ ему ген. Корниловъ. Львовъ, передавая требованія Корнилова, три изъ нихъ, относя-

---

противъ Вр. Правительства. А. К.)... — Наконецъ, въ 20-хъ числахъ обстановка нѣсколько болѣе разъяснилась. Пріѣхалъ ко мнѣ въ Бердичевъ офицеръ и вручилъ собственноручное письмо Корнилова, въ которомъ мнѣ предлагалось выслушать личный докладъ офицера. Онъ доложилъ: — въ концѣ августа по достовѣрнымъ свѣдѣніямъ въ Петербургѣ произойдетъ возстаніе большевиковъ. Къ этому времени къ столицѣ будетъ подведенъ 3-ій конный корпусъ во главѣ съ Крымовымъ, который подавитъ большевистское возстаніе и заодно покончитъ съ совѣтами... Васъ Верховный Главнокомандующій проситъ только командировать въ Ставку нѣсколько десятковъ надежныхъ офицеровъ - оффиціально для изученія бомбометнаго и минометнаго дѣла; фактически они будутъ отправлены въ Петербургъ въ офицерскій отрядъ... — Распоряженіе о командированіи офицеровъ со всѣми предосторожностями, чтобы не поставить ни ихъ, ни начальство въ ложное положеніе, было сдѣлано». стр. 210. (Особо надежные офицеры стягивались въ Ставку тайно отъ Вр. Правительства и Военнаго Министра съ самаго начала Августа и за симъ небольшими пачками пересылались въ Петербургъ въ распоряженіе дѣйствовавшихъ тамъ заговорщиковъ. А. К.).

щіяся къ Временному Правительству въ его цѣломъ, изложилъ на бумагѣ и подписалъ, а четвертое, касавшееся только меня и Савинкова, передалъ мнѣ устно. Это требованіе заключалось въ томъ, чтобы послѣ выхода въ этотъ вечеръ въ отставку Временнаго Правительства, я въ ту же ночь (на 27-е авг.) вмѣстѣ съ Савинковымъ выѣхалъ въСтавку для вступленія въ кабинетъ министровъ при ген. Корниловѣ. Желая самымъ тщательнымъ, не вызывающимъ никакихъ сомнѣній, образомъ убѣдиться въ точности передачи Львовымъ требованій ген. Корнилова, я по поводу этого, устно переданнаго, требованія задалъ отъ имени Львова ген. Корнилову вопросъ въ такой формѣ, что совпаденіе отвѣта ген. Корнилова со словами Львова могло быть только въ томъ случаѣ, если Верховный Главнокомандующій дѣйствительно далъ своему посланцу соотвѣтствующее порученіе. Вотъ этотъ вопросъ: — «Я, Львовъ, Васъ спрашиваю, то опредѣленное рѣшеніе нужно исполнить, о которомъ Вы просили меня сообщить Керенскому только *совершенно лично*, безъ этого подтвержденія лично отъ Васъ Керенскій колеблется вполнѣ довѣриться»? — Ну, если бы ген. Корнилову заранѣе не было извѣстно содержаніе ультиматума Львова, развѣ онъ могъ бы на этотъ мой загадочный вопросъ отвѣтить такъ просто и ясно: — *«Да, подтверждаю, что я просилъ Васъ передать Керенскому мою настоятельную просьбу пріѣхать въ Могилевъ»*. Тогда я, чтобы еще несомнѣннѣе сдѣлать связь между Львовымъ и Корниловымъ, задаю вопросъ о выѣздѣ въ Ставку Савинкова — въ такой формѣ, чтобы Корнилову показалось, что Львовъ о Савинковѣ забылъ мнѣ сказать. Я задаю вопросъ:—«Нуженъ ли Савинковъ» —и получаю отъ генерала отвѣтъ: «Настоятельно прошу, чтобы Савинковъ пріѣхалъ вмѣстѣ съ Вами. *Сказанное мной Львову въ одинаковой* степени относится и къ Савинкову». Что такое — «сказанное мной въ одинаковой степени относится и къ Савинкову»? — Да, очевидно, предложеніе выѣхать въ ставку для вступленія въ кабинетъ диктатора.

Приведенныхъ отрывковъ изъ моего разговора по Юзу съ ген. Корниловымъ совершенно достаточно для того, чтобы убѣдиться въ томъ, какъ далека была дѣйствительность отъ карикатурнаго ея изложенія г. Савинковымъ. Вечеромъ 26-го августа, повторяю я, г. Савинковъ не только прочелъ текстъ ультиматума и ленту разговора, онъ прослушалъ еще подробный разсказъ С. А. Балавинскаго и мой о томъ, что отъ имени Корнилова не только написалъ, но и сказалъ Львовъ. Поэтому то утромъ 27-го августа Савинковъ въ полномъ соотвѣтствіи съ дѣйствительностью и сказалъ Филоненко, что Корниловъ *подтвердилъ* слова своего посланца«.

Въ тотъ же день (27-го августа) самъ Корниловъ въ разговорѣ по Юзу сказалъ г. Управляющему Воен. М.: «вчера вечеромъ, во время разговора съ Министромъ-Предсѣдателемъ по аппарату,

я подтвердилъ ему переданное черезъ Львова». Спрашивается, какъ же Савинковъ можетъ писать теперь, что онъ «до сихъ поръ» не понимаетъ, какимъ образомъ генералъ Корниловъ рѣшилъ подтвердить текстъ, содержаніе котораго онъ не зналъ и не могъ знать». Вѣдь въ этомъ же разговорѣ по прямому проводу Корниловъ сказалъ: — «Я заявилъ Львову, что по моему глубокому убѣжденію я единственнымъ исходомъ считаю установленіе диктатуры и объявленіе всей страны на военномъ положеніи (соотвѣтствуетъ п. п. 1 и 2-му писаннаго ультиматума Львова А. К.) *). Я просилъ Львова передать Керенскому и Вамъ, что участіе васъ обоихъ въ составѣ правительства считаю безусловно необходимымъ, просилъ передать мою окончательную просьбу пріѣхать въ Ставку для принятія окончательнаго рѣшенія» (— соотвѣтствуетъ устному требованію Львова. А. К.).

Зачѣмъ же скрылъ г. Савинковъ всю эту правду? Во - первыхъ для того, чтобы показать съ какой прозорливостью онъ, еще не зная соотвѣтственныхъ фактовъ, почувствовалъ, что въ исторіи съ ультиматумомъ — «недоразумѣніе», а во-вторыхъ, для того, конечно, чтобы у читателя возникъ тревожный вопросъ: почему же это въ «дѣлѣ такой чрезвычайной важности Керенскій смогъ ограничиться столь неопредѣленнымъ вопросомъ»?

II.

Итакъ, г. Савинковъ сразу почуялъ, что передъ его глазами происходитъ какое то недоразумѣніе, которое, однако, можетъ вызвать тягчайшія для государства послѣдствія. Онъ пытается вмѣшаться, убѣдить Керенскаго «сговориться» съ Корниловымъ. Керенскій конечно не слушаетъ мудраго совѣта. Трагическія событія продолжаютъ стремительно развиваться. И только «много времени спустя» Савинковъ узнаетъ факты, которые подтвердили, что «дѣло Корнилова» началось съ недоразумѣнія и даже больше, чѣмъ съ недоразумѣнія. Оказывается, «Керенскій велъ съ Львовымъ разговоры, касавшіеся самыхъ важныхъ государственныхъ вопросовъ, а Львовъ отъ имени Керенскаго, имѣя на то право или нѣтъ, пред-

*) Вотъ полный текстъ ультиматума В. Львова — «Ген. Корниловъ предлагаетъ: 1) объявить Петербургъ на военномъ положеніи, 2) передать всю власть военную и гражданскую въ руки Верховн. Главнокомандующаго, 3) отставку всѣхъ министровъ, не исключая и министра-предсѣдателя и передачу временно управленія министерствами товарищамъ министровъ впредь до образованія кабинета Верх. Главнокомандующимъ (подп.) В. Львовъ, Петербургъ, Авг. 26 1917 г.»

ложилъ Верховному Главнокомандующему три слѣдующія на выборъ комбинаціи:

1) Временное Правительство объявляетъ генерала Корнилова диктаторомъ;

2) Вр. Правительство поручаетъ генералу Корнилову образованіе новаго кабинета;

3) Провозглашается Директорія, съ участіемъ въ ней Керенскаго и ген. Корнилова.

Только много времени спустя я узналъ, разсказываетъ авторъ, что ген. Корниловъ, убѣжденный въ правомочіи Львова говорить отъ имени Керенскаго и стремясь сохранить совершенно лойяльное положеніе, выбралъ третью изъ предложенныхъ комбинацій: провозглашеніе Директоріи съ его въ ней участіемъ; объ этомъ своемъ рѣшеніи онъ попросилъ Львова довести до свѣдѣнія Керенскаго» (стр. 403). И вотъ это «лойяльное» рѣшеніе превратилось въ кабинетѣ Министра-Предсѣдателя въ «ультиматумъ» Львова! Въ ставку, прежде чѣмъ успѣлъ ознакомиться съ текстомъ документа г. Савинковъ, летитъ уже телеграмма о смѣщеніи ген. Корнилова съ должности. Каждый, читающій разсказъ г. Савинкова, ясно видитъ, что источникъ «недоразумѣнія» — не ставка, а Петербургъ; видитъ, что Керенскій почему то съ самаго начала форсируетъ событія или провоцируетъ ихъ. Но самъ то авторъ, какъ это будетъ сейчасъ видно, пишетъ все это, твердо зная, что никогда ничего подобнаго не было. Онъ, съ осторожнымъ, но яснымъ намекомъ, говоритъ о львовскомъ «отъ имени Керенскаго» предложеніи Корнилову трехъ комбинацій, хотя завѣдомо знаетъ, что никогда никакихъ «комбинацій» отъ моего имени Львовъ Корнилову не предлагалъ и не могъ предложить. Правда, 27-го августа утромъ, въ разговорѣ съ Савинковымъ по прямому проводу Корниловъ сдѣлалъ попытку изобразить Львова, какъ человѣка, предлагавшаго ему отъ моего имени диктатуру. Но, какъ отлично знаетъ г. Савинковъ, первоначально къ этой попыткѣ навести Правительство на ложный слѣдъ былъ пристегнутъ и самъ г. Управл. В. М-омъ. А именно 27-го августа ген. Лукомскій утромъ прислалъ мнѣ телеграмму за № 6.406, гдѣ писалъ, «Корниловъ принялъ окончательное рѣшеніе послѣ пріѣзда *Савинкова* и Львова, сдѣлавшихъ предложеніе ген. Корнилову отъ Вашего имени». Съ этой телеграммой я немедленно поѣхалъ въ Военное Министерство и предложилъ Савинкову дать сейчасъ же по сему поводу разъясненія. Онъ тутъ же написалъ слѣдующее, переданное мной Врем. Правительству, заявленіе. — «Ознакомившись съ изложенной въ телеграммѣ ген. Лукомскаго № 6.406 отъ 27-го августа ссылкой относительно меня, заявляю, что это клевета»... и т. д.

Что же касается попытки замести слѣды заговора ссылкой на Львова, то, какъ прекрасно объ этомъ освѣдомленъ г. Савинковъ, на слѣдствіи ген. Корниловъ, зная, что тотъ разговоръ, который долженъ былъ вести со мной по плану заговорщиковъ г. Львовъ «наединѣ», былъ прослушанъ третьимъ лицомъ *), отъ этой выдумки о «трехъ комбинаціяхъ» отказался и показалъ: — «Я, очертивъ общее положеніе страны и арміи, заявилъ Львову, что по моему глубокому убѣжденію единственнымъ исходомъ изъ тяжелаго положенія является установленіе диктатуры и немедленное объявленіе страны на военномъ положеніи» . . . Самъ Львовъ, крайне враждебно ко мнѣ настроенный, ни разу однако, какъ это опять таки долженъ знать Савинковъ, не показалъ на слѣдствіи, что я поручалъ ему что либо предлагать ген. Корнилову. Наконецъ Савинковъ 29-го августа присутствовалъ въ моемъ кабинетѣ, когда г. Филоненко при двухъ еще свидѣтеляхъ установилъ, при какихъ именно условіяхъ только вечеромъ 26-го авг. (т. е. послѣ отъѣзда Львова изъ ставки), Корниловъ, якобы, отказался отъ проекта объявить свою личную диктатуру.

Савинковъ повторяетъ о Львовѣ то, что въ отношеніи себя онъ, не задумываясь назвалъ «клеветой» и что, конечно, компрометируетъ не Львова, а меня. Однако, нашъ авторъ отлично понимаетъ, что въ любой часъ его могутъ спросить: — «Какъ же Вы, г. Савинковъ, зная по меньшей мѣрѣ двусмысленное поведеніе Ке-

---

*) Это лицо — Помощникъ нач. Главнаго Управл. по дѣламъ милиціи (полиціи), — 27 августа, на другой же день послѣ разговора со мной, далъ слѣдующее показаніе судебному слѣдователю: «Я находился въ кабинетѣ Керенскаго и хотѣлъ уйти въ виду предстоящей бесѣды его со Львовымъ, но Керенскій просилъ меня остаться, и я оставался въ кабинетѣ во все время разговора. Керенскій привезъ съ собой два документа. Прежде всего онъ прочелъ вслухъ Львову ленту телеграфнаго прямого провода со Ставкой, содержащую разговоръ его, Керенскаго съ ген. Корниловымъ, ту самую, которую Вы мнѣ теперь предъявляете; и Львовъ подтвердилъ правильность изложеннаго на лентѣ разговора. Затѣмъ Керенскій прочелъ вслухъ Львову предъявленную мнѣ собственноручную записку Львова, и тотъ тоже подтвердилъ правильность этой записки, удостовѣряя, что все предложенное въ этой запискѣ исходитъ отъ ген. Корнилова... Далѣе В. Львовъ говорилъ, что общество и всѣ въ Ставкѣ такъ возбуждены противъ Керенскаго и Врем. Пр-ства, что ген. Корниловъ не ручается за личную безопасность А. Ф. ни въ одномъ мѣстѣ въ Россіи, и потому пріѣздъ Керенскаго и Савинкова въ Ставку необходимъ, а Львовъ съ своей стороны даетъ Керенскому «добрый совѣтъ» принять и исполнить условія ген. Корнилова. Совѣтуя Керенскому исполнить требованія ген. Корнилова, В. Львовъ говорилъ, что ген. Корниловъ во вновь образуемомъ имъ кабинетѣ министровъ предлагаетъ посты: Керенскому — министра юстиціи, Савинкову — военнаго и какъ мнѣ кажется, морского министра...». Это чрезвычайно важное въ дѣлѣ Корнилова свидѣтельство кромѣ моей книги нигдѣ въ печати не появлялось. Поэтому я привожу его здѣсь цѣликомъ.

ренскаго, все время борьбы послѣдняго съ «оскорбленнымъ и болѣющимъ за армію Корниловымъ» (стр. 405) были съ нимъ, а не съ Корниловымъ?! Боже мой, но развѣ читатель не видитъ, что г. Савинковъ былъ тогда введенъ въ заблужденіе?! Вѣдь для этого только во всей этой исторіи о львовскихъ, т. е. моихъ«трехъ комбинаціяхъ» и подчеркнуто то обстоятельство, что обо всемъ этомъ Савинковъ, къ сожалѣнію, узналъ только «много времени спустя»! Повторяю, Савинковъ узналъ о «трехъ комбинаціяхъ» Львова утромъ 27-го августа отъ самого Корнилова. А утромъ 28-гос авг. онъ прочелъ въ объявленіи бывшаго Верховнаго Главнокомандующаго народу: «Не я послалъ члена Гос. Думы В. Львова къ Врем. Правительству, а онъ пріѣхалъ ко мнѣ, какъ посланецъ Министра Предсѣдателя, и такимъ образомъ свершилась великая провокація, которая ставитъ на карту судьбы отечества». Прочелъ и... И, именно въ это утро 28-го августа, какъ самъ это признаетъ, (стр. 405), былъ назначенъ на постъ Генералъ-Губернатора Петрограда, не для чего иного, какъ для борьбы съ возставшимъ на Верховную Власть генераломъ!

III.

Но вернемся къ правдивому разсказу... Не зная еще «компрометирующихъ» меня фактовъ, но подозрѣвая уже «недоразумѣніе», Савинковъ вечеромъ 26-го, ознакомившись съ ультиматумомъ и лентой разговора съ Корниловымъ, сейчасъ же совѣтуетъ «Керенскому сговориться съ генераломъ Корниловымъ» (стр. 403). Керенскій отвѣчаетъ: — «Уже поздно». И добавляетъ, что имъ уже послана телеграмма объ отозваніи ген. Корнилова изъ ставки. «Я не могу не отмѣтить — со свойственной ему правдивостью и справедливостью скорбно отмѣчаетъ авторъ, — что телеграмма эта по самому своему содержанію была незаконна, такъ какъ лишь Временное Правительство въ его цѣломъ, а не Министръ-Предсѣдатель, имѣло право отчислить отъ должности ВерховнагоГлавнокомандующаго» (стр. 403). По его разсказу очевидно телеграмма моя была незаконной потому, что я послалъ ее *до* засѣданія Правительства, (въ этотъ вечеръ оно началось послѣ 11 часовъ, а Савинковъ былъ у меня въ кабинетѣ около 9—10 час. веч.), *и безъ согласія его*. Такъ фантазируетъ авторъ! А на самомъ дѣлѣ, до засѣданія Вр. Правительства я *никакой телеграммы не посылалъ*. Но какъ только оно открылось, я доложилъ Правительству о всѣхъ событіяхъ этого вечера, предъявивъ ультиматумъ, подписанный Львовымъ, и ленту моего разговора съ ген. Корниловымъ. Затѣмъ я предложилъ Правительству по телеграфу приказать Корнилову сдать должность Верховнаго Главнокомандующаго Началь-

нику его Штаба и явиться въ Петербургъ для объясненій, Вр. Правительство *единогласно* утвердило мое предложеніе. Только послѣ этого около 2- хъ часовъ ночи на 27-е авг. соотвѣтствующая телеграмма за моей подписью была послана ген. Корнилову. А что телеграмма моя не была послана вечеромъ 26-го, а только къ утру 27-го авг., подтверждается еще и слѣдующимъ. Мои телеграммы въ Ставку не шли никогда дольше часа. Эта телеграмма посылалась въ порядкѣ исключительной спѣшности. А между тѣмъ въ 2 час. 30 мин. утра 27-го авг. ген. Корниловъ посылая Савинкову телеграмму за № 6.394 по вопросу о введеніи военнаго положенія въ Петербургѣ, ничего еще не зналъ о своемъ отчисленіи и, вообще, о всемъ случившемся въ Зимнемъ Дворцѣ!

IV.

Кстати, о введеніи въ Петербургѣ военнаго положенія, ибо это имѣетъ отношеніе къ возстанію Корнилова. Авторъ говоритъ (стр. 398): Въ тотъ день (20 авг.) Керенскій по предложенію Военнаго Министерства далъ свое согласіе на объявленіе С.-Петербурга и его окрестностей на военномъ положеніи и на вызовъ съ фронта въ Столицу кавалерійскаго корпуса. Этотъ корпусъ долженъ былъ содѣйствовать дѣйствительному осуществленію военнаго положенія, т. е. успѣшной борьбѣ съ большевиками».

Новыя измышленія! Во-первыхъ, мнѣ довольно трудно было, «дать согласіе» самому себѣ, ибо, какъ бы ни хотѣлось г. Савинкову оторвать Военное Министерство отъ Военнаго Министра, я все-таки былъ Военнымъ Министромъ и министромъ весьма реальнымъ. Во-вторыхъ, не Военное Министерство предлагало ввести военное положеніе, а послѣ Московскаго Совѣщанія и паденія Риги самъ ген. Корниловъ сталъ «требовать» отъ Временнаго Правительства, какъ всегда въ ультимативной формѣ, немедленнаго введенія военнаго положенія въ Петербургѣ съ передачей всѣхъ исключительныхъ полномочій Ставкѣ и съ подчиненіемъ ей всего петербургскаго гарнизона. Для того, чтобы понять все содержаніе этого требованія ,нужно вспомнить одно обстоятельство. Послѣ провала во время Московскаго Госуд. Совѣщанія первой попытки, такъ сказать, съ наскоку объявить диктатуру заговорщики стали дѣйствовать съ оглядкой,съ подготовкой и,между прочимъ,рѣшили «использовать» въ своихъ цѣляхъ паденіе Риги. Такъ появилось требованіе Ставки о передачѣ СПб. гарнизона Ставкѣ. Заговорщики хотѣли этимъ лишить Временное Правительство всякой реальной силы, всякой возможности распоряжаться войсками въ самой столицѣ, а затѣмъ поступить съ ненавистнымъ правительствомъ по-своему.

Разсмотрѣвъ домогательства ген. Корнилова, Врем. Правительство признало необходимымъ, въ виду измѣнившейся стратегической обстановки на Сѣверномъ фронтѣ, подчинить войска Петербургскаго Военнаго Округа Ставкѣ, но только съ *исключеніемъ* гарнизона самой Столицы. Одновременно, Правительство единогласно признало необходимымъ объявить Петербургъ и его окрестности на военномъ положеніи, *но* сосредоточивъ всѣ исключительныя полномочія въ рукахъ самого Правительства, отнюдь — вопреки желанію Корнилова — не передавая ихъ Ставкѣ. Въ-третьихъ, не я «согласился» на предложеніе Савинкова на прибытіе въ Петербургъ коннаго корпуса, а «корпусъ былъ испрошенъ мной (Савинковымъ) у Верховнаго Главнокомандующаго по требованію Министра-Предсѣдателя». — Такъ публично заявилъ самъ г. Савинковъ 12-го сент. 1917 г. и заявилъ въ полномъ соотвѣтствіи съ истиной. Наконецъ, въ четвертыхъ, я вытребовалъ войска съ фронта во исполненіе единогласнаго пожеланія Временнаго Правительства на время военнаго положенія, но, однако, не только для «успѣшной борьбы съ большевизмомъ».«Само собой разумѣется, писалъ г.Савинковъ въ томъ же заявленіи, — этотъ конный корпусъ, поступивъ въ распоряженіе Временнаго Правительства, долженъ былъ бы его защищать отъ всякихъ посягательствъ, съ чьей бы стороны эти посягательства ни шли». А въ это время «посягательства» со стороны правыхъ и въ частности со стороны Ставки были болѣе чѣмъ возможны. Поэтому то я и поставилъ *особыя условія* посылки коннаго корпуса въ Петербургъ. Эти условія ген. Корниловъ обѣщалъ исполнить и *не исполнилъ, участвуя въ заговорѣ*. Къ этому эпизоду я скоро перейду.

V.

Сейчасъ же возвращаюсь къ моей «незаконной телеграммѣ». Оказывается, она была «незаконной» не только «по ея содержанію», но и «по формѣ — это была телеграмма частная» (стр. 403). И авторъ перечисляетъ всѣ формальныя погрѣшности этой несчастной телеграммы. Въ суматохѣ той ночи, можетъ быть, и забыли дѣйствительно проставить на ней номеръ, или я передъ своей фамиліей не поставилъ «Министръ-Предсѣдатель». Можетъ быть! Но это вѣдь не имѣло ни малѣйшаго значенія. Депеша пришла въ Ставку обычнымъ порядкомъ правительственныхъ телеграммъ и ни въ комъ не могло возникнуть сомнѣній, — какъ это и было на самомъ дѣлѣ — что эта телеграмма не моя. И меньше всего 27-го авг. въ этомъ сомнѣвался г. Савинковъ, что и доказать весьма не трудно. А именно, самъ авторъ говоритъ,что бесѣдуя 27-го авг. по прямому проводу съ ген. Корниловымъ онъ «пытался его убѣдить въ необхо-

зимости во имя интересовъ Родины подчиниться Временному Правительству» (стр. 404). Въ чемъ же убѣждалъ Савинковъ ген. Корнилова? —Въ необходимости исполнить требованіе Врем. Правительства, — изложенное въ моей «незаконной» телеграммѣ: — сдать должность и выѣхать изъ арміи!

VI.

«Не смотря на то, что на всѣ мои убѣжденія, продолжаетъ Савинковъ, генералъ отвѣчалъ отказомъ, самый текстъ моихъ съ нимъ переговоровъ съ очевидностью говорилъ о томъ, что были еще возможности сговориться съ ген. Корниловымъ и такимъ образомъ ликвидировать весь инцидентъ» (стр. 404). И окрыленный такими надеждами, Савинковъ отправляется съ прямого провода въ домѣ Военнаго Министра въ Зимній Дворецъ. Увы, встрѣтившій его тамъ Некрасовъ огорашиваетъ его сообщеніемъ что имъ (Некрасовымъ) «сдѣланы уже всѣ распораженія» (и это вопреки обѣщанію подождать конца переговоровъ Савинкова съ Корниловымъ!) для обнародонія сообщенія о покушеніи или согласно оффиціальному тексту объ измѣнѣ Корнилова. Непоправимое совершилось и вся Россія вдругъ узнала о томъ, что генералъ Корниловъ — «мятежникъ»! Но почему же свершилось «непоправимое»? А потому, что считая себя послѣ пріѣзда Львова съ его комбинаціями, обманутымъ Керенскимъ, Корниловъ «очевидно не могъ не признать телеграмму Керенскаго тяжкимъ для себя безчестіемъ. Глубоко оскорбленный, болѣющій за армію, убѣжденный, что обманутъ Керенскимъ, онъ поднялъ, наконецъ, опираясь на заговорщиковъ, знамя возстанія» (стр. 405). Мы уже знаемъ, что въ дѣйствительности ген. Корниловъ не могъ считать и не считалъ себя «обманутымъ» мной. Но, можетъ быть, онъ все таки призналъ мою телеграмму «тяжкимъ оскорбленіемъ» потому, что въ ней самъ онъ назывался «мятежникомъ», а его выступленіе — «измѣной»? Нѣтъ, не могъ! И тутъ г. Савинковъ снова говоритъ неправду. Прежде чѣмъ Корниловъ поднялъ «знамя возстанія», онъ получилъ только двѣ мои телеграммы. Одну о своемъ смѣщеніи — къ утру 27-го авг.; другую—въ ночь на 28 авг. съ оффиціальнымъ текстомъ моего обращенія къ населенію. Объ этихъ двухъ телеграммахъ и говоритъ авторъ. Ни въ одной изъ нихъ нѣтъ ни слова «измѣна», ни слова «мятежникъ»; нѣтъ и никакихъ, вообще, оскорбительныхъ выраженій. Уже послѣ того, какъ ген. Корниловъ открыто возсталъ, представители правительства заговорили болѣе рѣзкимъ языкомъ. Утромъ 29-го авг. въ Петербургѣ появилось обращеніе къ гражданамъ, начинавшееся слѣдующими словами: «Въ грозный для отечества часъ, когда про-

тивникъ прорвалъ нашъ фронтъ и пала Рига, ген. Корниловъ поднялъ *мятежъ* противъ Врем. Правительства и революціи и всталъ въ ряды ихъ враговъ». Кѣмъ же было подписано это воззваніе?— Подъ нимъ стояла подпись СПб. Генералъ-Губернатора . . . Б. Савинкова! *).

VII.

Вообще, могъ ли авторъ статьи добросовѣстно заблуждаться, утверждая, что онъ «не сомнѣвался въ томъ, что генералъ Корниловъ не участвовалъ въ заговорѣ» (стр. 402) и что только послѣ моей телеграммы генералъ бросился въ объятія заговорщиковъ (стр. 405). Послѣ какой же моей телеграммы это событіе случилось? Послѣ первой или послѣ второй? Объ этомъ авторъ опредѣленно не говоритъ. Возьмемъ болѣе раннюю телеграмму, полученную въ Ставкѣ къ утру 27-го авг. Спрашивается, имѣлъ ли ген. Корниловъ что либо общее съ заговорщиками до полученія этой телеграммы? Авторъ статьи говоритъ: — «Нѣтъ, не имѣлъ» — и говоритъ сознательную неправду.

Вотъ въ чемъ дѣло. 22-го авг. г. Савинковъ поѣхалъ въ Ставку, между прочимъ, для того, чтобы по моему порученію потребовать отъ ген. Корнилова откомандированія въ распоряженіе Правительства кавалерійскаго корпуса, но лишь подъ условіемъ чтобы, во-первыхъ, этимъ корпусомъ не командовалъ ген. Крымовъ (участникъ по моимъ свѣдѣніямъ заговора) и чтобы, во вто-

---

*) Считаю не лишнимъ напомнить здѣсь весь эпизодъ назначенія г. Савинкова на должность СПБ. Генералъ - Губернатора. Этотъ эпизодъ я разсказалъ въ «исторической справкѣ», напечатанной 26 сент 1920 г. въ газетѣ «В. Р.» Вотъ она. —

— Въ № 4 «Воли Россіи» опубликованы характерные приказы г. Савинкова, «друга» ген. Корнилова.

Въ этихъ приказахъ, дѣйствительно, въ первый разъ возставшій генералъ былъ названъ «измѣнникомъ».

Исторія назначенія г. Савинкова на должность временнаго петербургскаго генералъ-губернатора для организаціи защиты столицы отъ войскъ мятежнаго генерала можетъ до нѣкоторой степени разъяснить, почему именно г. Савинковъ первый рѣшился такъ рѣзко охарактеризовать дѣятельность Корнилова.

Дѣло въ томъ, что въ первую же ночь возстанія Ставки, въ совѣтскихъ, солдатскихъ и рабочихъ кругахъ Петербурга стала упорно распространяться молва о прикосновенности г. Савинкова къ движенію ген. Корнилова. Эти слухи особенно усилились послѣ того, какъ населенію стало извѣстно о томъ, что войска, вызванныя съ фронта Временнымъ Правительствомъ, приближаются къ столицѣ съ цѣлями, явно враждебными революціи и Временному Правительству.

Такъ какъ распоряженія Временнаго Правительства о вызовѣ войскъ въ Петербургъ шли черезъ Савинкова, какъ ближайшаго по-

рыхъ, въ составъ этого кавалерійскаго отряда не входила дикая дивизія. *)

24-го авг. Корниловъ окончательно «обѣщаетъ» Савинкову исполнить оба эти условія и... въ тотъ же день особымъ приказомъ подчиняетъ дикую дивизію ген. Крымову. А въ это время Правительство по представленію Корнилова назначаетъ ген. Крымова командующимъ II-й арміей на Юго-Западномъ фронтѣ. Но ген. Крымовъ пребываетъ въ Ставкѣ и разрабатываетъ *совмѣстно съ ген. Корниловымъ* планъ военной оккупаціи Петербурга. 25-го авг. Савинковъ возвращается изъ Ставки и докладываетъ мнѣ, что войска въ распоряженіе Врем. Правительства будутъ высланы согласно условію. И... въ этотъ же день по приказу ген. Корнилова дикая дивизія выступаетъ какъ авангардъ отряда ген. Крымова въ направленіи къ Петербургу. А ко мнѣ посылается Львовъ съ ультиматумомъ! А ген. Крымовъ въ этотъ же день назначается безъ вѣдома Врем. Правительства самимъ ген. Корниловымъ командующимъ еще не существующей Петербургской арміей. 26-го утромъ, т. е. не только до моей первой телеграммы, но и *до моего разговора съ Львовымъ,* ген. Крымовъ выѣзжаетъ въ догонку за дикой дивизіей съ особыми инструкціями ген. Корнилова и отнюдь не въ распоряженіе Врем. Праительства, а противъ него.

Итакъ, давая 24-го авг. обѣщаніе Савинкову исполнить условія Министра-Предсѣдателя, ген. Корниловъ обманулъ его какъ представителя Военнаго Министра. Савинковъ не только не объясняетъ этого, но, напротивъ, очень глухо говоритъ, что 28-го

мощника военнаго министра, то естественно подозрительность демократическихъ круговъ къ дѣятельности Савинкова дѣлалась все болѣе острой и опасной.

Долженъ сказать, что само Временное Правительство не сомнѣвалось тогда въ политической честности г. Савинкова. Поэтому я вовсе не удивился, когда поздно ночью на 28-ое августа, ко мнѣ въ кабинетъ вошелъ очень взволнованный управляющій военнымъ министерствомъ.

— Господинъ министръ, — обратился ко мнѣ, вытягиваясь во фронъ Савинковъ, — прошу васъ немедленно арестовать меня, какъ соучастника ген. Корнилова. Если же вы довѣряете мнѣ, то прошу предоставить мнѣ возможность дѣломъ доказать народу, что я ничего общаго съ возставшими не имѣю.

Въ отвѣтъ на это заявленіе я тутъ же назначилъ г. Савинкова временнымъ генералъ - губернаторомъ Петербурга, предоставивъ ему широкія полномочія для защиты Петербурга отъ войскъ ген. Корнилова.

Принимая должность генералъ-губернатора въ этой атмосферѣ общаго недовѣрія и подозрительности, г. Савинковъ въ первомъ же приказѣ поторопился возможно рѣзче отгородить себя отъ ставки.

*) Со свойственной автору правдивостью, разсказывая о своей бесѣдѣ съ ген. Корниловымъ, по поводу вызова въ Петербургъ войскъ, Савинковъ говоритъ, что «условія» были поставлены Корнилову по его собственному почину.

авг. въ С.-Петербургѣ узнали, что «кавалерійскимъ корпусомъ командуетъ — и это во преки прямому обѣщанію генерала Корнилова — Крымовъ и что въ головѣ этого корпуса идетъ дикая дивизія» (стр. 405). Настоящая правда ловко спрятана между строками и неосвѣдомленный читатель легко можетъ подумать, что «опереться на заговорщиковъ», т. е. на Крымова и его друзей, ген. Корниловъ рѣшился только послѣ полученія моей телеграммы утромъ 27-го авг.! А между тѣмъ нѣтъ никакихъ сомнѣній въ томъ, что Ставка, именно, во главѣ съ ген. Корниловымъ приступила къ окончательному осуществленію плана заговора никакъ *не позже 20-го августа,* ибо къ этому времени были уже разработаны почти всѣ детали военной операціи противъ С.-Петербургскаго Правительства.

Исторія похода ген. Крымова, какъ молнія, освѣщаетъ всю картину подготовки и выполненія Корниловскаго заговора. Здѣсь я не буду приводить другихъ доказательствъ той двойной игры, которую вела Ставка съ Вр. Пр-омъ. Я приведу только свидѣтельство человѣка слишкомъ близко стоявшаго къ заговорщикамъ. 12-го сент. 1917 г. въ письмѣ къ одному изъ виднѣйшихъ политическихъ дѣятелей Россіи ген. Алексѣевъ писалъ: «Я не знаю адреса г. г.Вышнеградскаго, Путилова и другихъ. Семьи заключенныхъ (по дѣлу Корнилова. А. К.) офицеровъ начинаютъ голодать... Я настойчиво прошу ихъ придти на помощь. Не бросятъ же они на произволъ судьбы и голоданія семьи тѣхъ, съ кѣмъ они были *связаны* общностью идей и *подготовки*... Тогда (т. е. если просьба не будетъ немедленно исполнена. Примѣч. А. К.) ген. Корловъ вынужденъ будетъ широко развить передъ судомъ *всю подготовку, всѣ переговоры съ лицами и кругами, ихъ участіе,* чтобы показать русскому народу, съ кѣмъ онъ шелъ и какія истинныя цѣли онъ преслѣдовалъ»...

Савинковъ считалъ заговоръ, а также и вооруженное выступленіе (стр. 405), «политической ошибкой, даже преступленіемъ». Въ этомъ онъ правъ. Заговоръ и возстаніе Корнилова открыли двери большевикамъ! Г-нъ Савинковъ прозѣвалъ только участіе въ этомъ заговорѣ самого Корнилова. А теперь старается, по причинамъ мнѣ неизвѣстнымъ, все свалить съ больной головы на здоровую, т. е. отвѣтственнымъ за всѣ гибельныя для Россіи послѣдствія тяжкаго преступленія хочетъ сдѣлать не его главнаго соучастника, а главу Временнаго Правительства, отъ имени котораго и по собственному вызову самъ г. Савинковъ въ дни возстанія боролся съ заговорщиками...

„Mercure de France" 15. V. 19 г.

Отъѣздъ Николая II-го въ Тобольскъ.

I.

Много легендъ создавалось и до сихъ поръ создается объ отношеніи Временнаго Правительства къ покойному бывшему императору и его семьѣ. Въ свое время большевики натравливали на насъ, членовъ Временнаго Правительства, наиболѣе темныя солдатскія и матросскія массы, изображая мягкое, человѣческое отношеніе Правительства къ павшему императору, какъ «предательство революціи», «попустительство злѣйшимъ врагамъ народа» и т. п. — Смертная казнь Николая II и отправка его семьи изъ Александровскаго дворца въ Петропавловскую крѣпость или въ Кронштадтъ — вотъ яростныя, иногда изступленныя требованія сотенъ всяческихъ делегацій, депутацій и резолюцій, являвшихся и предъявлявшихся Временному Правительству и въ частности мнѣ, какъ вѣдавшему и отвѣчавшему за охрану и безопасность царской семьи.

До самаго октябрьскаго переворота Временное Правительство справлялось съ принятой на себя обязанностью, ни на іоту не уступая никакимъ человѣко-ненавистническимъ и демагогическимъ требованіямъ слѣва, ибо, именно, *въ отсутствіи всякаго намека на мученичество царя* заключалось *лучшее средство обезопасить республиканскую Россію отъ возрожденія монархической легенды*. Достаточно прочесть соотвѣтствующія мѣста изъ опубликованнаго дневника Николая II, чтобы видѣть насколько корректна была вся линія поведенія Временнаго Правительства къ самодержцу, превратившемуся въ обыкновеннаго, слабаго, покинутаго вчерашними друзьями и нуждавшагося въ защитѣ человѣка.

Однако, историческая дѣйствительность и даже мнѣніе самого «монарха», какъ это всегда бываетъ, не имѣетъ никакого значенія для г.г. монархистовъ. Еще съ большей настойчивостью, чѣмъ большевики, они стремятся теперь цинично использовать трагическую гибель царской семьи для демагогической и откровенно-клеветнической травли... большевиковъ?! Нѣтъ, не большевиковъ, а Правительства февральской революціи.

Съ тонкимъ расчетомъ подготовляя свое возвращеніе въ Россію, г.г. монархисты всячески стремятся всю отвѣтственность за кровавую вакханалію «сильной власти» Ленинныхъ и Троцкихъ взвалить на наши плечи.

Конечно, въ числѣ прочихъ смертныхъ грѣховъ вся отвѣтственность за отвратительное убійство царской семьи цѣликомъ падаетъ на Временное Правительство, «сознательно не желавшее защищать и спасти бывшихъ вѣнценосцевъ». Такъ утверждаетъ творимая монархистами легенда!

Эту легенду, съ посильными дополнительными художественными измышленіями, воспроизвелъ недавно достаточно извѣстный пе-

тербургскій адвокатъ г. Карабчевскій въ своей только что появившейся книжечкѣ — «Что глаза мои видѣли».

Эту книжку, въ которой, къ сожалѣнію, слишкомъ часто говорится о томъ, чего ***не видѣлъ и не могъ*** видѣть авторъ, г. Набоковъ справедливо назвалъ „Senilia" Ибо только старческимъ одряхлѣніемъ можно объяснить, какимъ образомъ нѣкогда талантливый и умный человѣкъ рѣшился опубликовать веесь этотъ букетъ беззубаго брюзжанія, салонныхъ сплетенъ и просто инсинуацій! Такъ вотъ, если какой-либо будущій историкъ захочетъ писать о нашемъ времени по свидѣтельскимъ показаніямъ г. Карабчевскаго, то ему, между прочимъ, придется утверждать, что «въ гибели Николая II и его семьи больше всего виновато Временное Правительство кн. Львова и т. д., въ первую голову виноватъ Керенскій». Всѣ мы, по компетентному заявленію Карабчевскаго, виноваты потому, что из-за демагогической боязни толпы не хотѣли спасти бывшаго царя и его семью, не хотѣли отправить ихъ заграницу, ***хотя и имѣли къ этому полную возможность.***

Конечно, хранилище всяческой истины — «Общее Дѣло» не могло упустить случая лишній разъ «разоблачить» меня и поторопилось въ № 402 въ статьѣ, спеціально мнѣ посвященной, среди прочихъ обычныхъ гнусностей, разъяснить по Карабчевскому мою «вину» въ убійствѣ царя.

«Онъ, сдѣлавшись случайно кумиромъ, долженъ былъ и могъ спасти Николая II и другихъ членовъ династіи—и не ***посмѣлъ*** сдѣлать этого . . .»

Вотъ на этомъ «не посмѣлъ», на этомъ уклоненіи Вр. Правительства отъ обязанности охранить жизнь быв. царской семьи я и остановлюсь.

Опровергать старческія бредни о томъ, какъ 2 марта — въ первое мое оффиціальное, какъ министра юстиціи, свиданіе съ Совѣтомъ присяжныхъ повѣренныхъ во главѣ съ Карабчевскимъ, — я проявилъ желаніе «повѣсить» царя, дѣлая даже «символическій жестъ» у своей шеи, и отказался отъ своего намѣренія лишь «сконфуженный» великимъ идеалистомъ и противникомъ смертной казни Карабчевскимъ — опровергать всю эту чепуху я не буду. Пусть защитникъ Брешко-Брешковской, Сазонова и ихъ самоотверженныхъ товарищей въ революціонной борьбѣ, со спокойной совѣстью, на склонѣ своихъ лѣтъ, утѣшается мыслью, что лишь его могучее краснорѣчіе превратило мои кровожадныя мечты въ твердое рѣшеніе добиться немедленной отмѣны въ Россіи смертной казни!

Гораздо существеннѣе другое измышленіе почтеннаго автора, касающееся уже не отдѣльнаго лица, а Временнаго Правительства въ его цѣломъ.

Правда-ли, что мы могли и не захотѣли спасти жизнь царской семьи своевременной отправкой ея заграницу вообще, и въ

Англію, въ частности? — Этотъ вопросъ интересовалъ очень многихъ; обсуждался въ иностранной печати, и я считаю своевременнымъ теперь объяснить, почему въ концѣ лѣта 1917 года Николай II и его семья оказались не въ Англіи, а въ Тобольскѣ.

Вопреки всѣмъ сплетнямъ и инсинуаціямъ, Временное Правительство не только *смѣло*, но и рѣшило еще въ самомъ началѣ марта отправить царскую семью заграницу. Я самъ 7 марта (20) въ засѣданіи московскаго совѣта, отвѣчая на яростные крики — «смерть царю, казните царя» — сказалъ: «этого никогда не будетъ, пока мы у власти. Временное Правительство взяло на себя отвѣтственность за личную безопасность царя и его семьи. Это обязательство мы выполнимъ до конца. Царь съ семьей будетъ отправленъ заграницу, въ Англію. Я самъ довезу его до Мурманска». — Это мое заявленіе вызвало въ нѣкоторыхъ совѣтскихъ кругахъ обѣихъ столицъ взрывъ возмущенія. Не успѣлъ еще я вернуться въ Петроградъ, какъ глубокой ночью вооруженная, съ броневикомъ, какъ потомъ, оказалось, самозванная совѣтская делегація ворвалась въ Царско-сельскій дворецъ и требовала предъявленія ей царя, съ явной цѣлью его увоза. Сдѣлать это ей не удалось.

Но Вр. Правительство послѣ этого изъяло охрану царя изъ вѣдѣнія военнаго министерства и Ком. войсками ген. Корнилова и возложило эту тягчайшую обязанность на меня — министра юстиціи.

Впредь случаевъ, подобныхъ описанному, не повторялось. Однако, признавая пребываніе б. царской семьи у самой Столицы и, вообще, въ Россіи необезпеченнымъ отъ всякихъ случайностей при всякихъ возможныхъ политическихъ потрясеніяхъ и перемѣнахъ, Временное Правительство озабочено было подготовкой выѣзда обитателей Александровскаго дворца заграницу и вело соотвѣтствующіе дипломатическіе переговоры съ лондонскимъ кабинетомъ.

Однако, уже лѣтомъ, когда оставленіе царской семьи въ Царскомъ Селѣ сдѣлалось совершенно невозможнымъ, мы, *Временное Правительство, получили категорическое оффиціальное заявленіе о томъ, что до окончанія войны въѣздъ бывш. монарха и его семьи въ предѣлы Британской имперіи невозможенъ.*

Утверждаю, что еслибы не было этого отказа, то Вр. Правительство не только «посмѣло», но и вывезло бы благополучно Николая II и его семью за предѣлы Россіи, такъ же, какъ мы вывезли его въ самое тогда въ Россіи *безопасное мѣсто* — въ Тобольскъ. Несомнѣнно, что еслибы корниловскій мятежъ или октябрьскій переворотъ застали бы царя въ Царскомъ, то онъ бы погибъ, не менѣе ужасно, но почти на годъ раньше.

28, VIII. 21.

II.

Моя историческая справка объ обстоятельствахъ, принудившихъ Временное Правительство отправить Николая II и его семью не заграницу, какъ то было рѣшено, а въ одинъ изъ отдаленныхъ городовъ Россіи, вызвала очень много толковъ въ русской и иностранной печати.

Какъ и слѣдовало ожидать, въ большинствѣ случаевъ авторы появившихся статей стараются или опровергнуть, или по крайней мѣрѣ, смягчить силу моего «разоблаченія.» Пока русскіе и иностранные реакціонеры въ теченіе трехъ лѣтъ, пользуясь трагической гибелью царской семьи, беззастѣнчиво лгали и клеветали на Временное Правительство и отдѣльныхъ его членовъ, никому и въ голову не приходило изъ лицъ болѣе или менѣе освѣдомленныхъ напомнить общественному мнѣнію о событіяхъ такъ, какъ они дѣйствительно происходили. Но стоило только мнѣ, въ самой краткой и корректной формѣ, напомнить о дѣйствительной причинѣ, помѣшавшей Временному Правительству приступить къ осуществленію его рѣшенія объ отправкѣ бывшаго царя заграницу, какъ лица наиболѣе заинтересованные въ сокрытіи истины вышли изъ равновѣсія.

«Daily Telegraph», офиціозъ англійскаго правительства, выступилъ сейчасъ же съ весьма раздраженнымъ разъясненіемъ пытающимся доказать, что мое «внезапное (?) очень серьезное обвиненіе противъ Правительства Великобританіи» совершенно не обосновано. По мнѣнію англійскаго оффиціоза «не проблематическій британскій отказъ, но малодушіе Керенскаго и его коллегъ въ ихъ сношеніяхъ съ большевиками является истинной причиной екатеринбургскихъ убійствъ.»

Оставляю безъ всякаго возраженія разсужденіе «Daily Telegraph» о моемъ и моихъ коллегъ «сношеніяхъ съ большевиками». Споръ на этой почвѣ насъ слишкомъ далеко бы завелъ, т. к. пришлось бы весьма детально разсмотрѣть щекотливый вопросъ о томъ — «малодушіе» ли Вр. Пр. или двойная игра съ нимъ нѣкоторыхъ отвѣтственныхъ представителей союзныхъ правительствъ привели къ октябрьскому торжеству большевиковъ.

Сейчасъ мнѣ важно только установить одно. Англійскій оффиціозъ вполнѣ подтверждаетъ мое заявленіе: «Мы, Вр. Пр., получили категорическое оффиціальное заявленіе о томъ, что до окончанія войны переѣздъ б. монарха и его семьи въ предѣлы Британской имперіи невозможенъ».

Правда англійская газета старается нынѣ смягчить рѣшительность отказа. Она говоритъ о «желаніи отсрочить выѣздъ плѣнниковъ», ввиду, яко-бы, того, что «въ 1917 г. германскія подводныя лодки (у Мурманска) представляли большую опасность». За-

тѣмъ газета высказываетъ сомнѣніе, «согласился-ли бы Николай II покинуть Россію». И наконецъ утверждаетъ, что «нѣтъ никакихъ доказательствъ, что Керенскій, въ случаѣ благопріятнаго отвѣта, оказался бы въ состояніи вывезти своихъ плѣнниковъ заграницу».

Что-бы случилось, если бы Правительство его Величества Короля Англійскаго согласилось на предложеніе республиканскаго революціоннаго Правительства и предоставило бы право убѣжища ех-Его Величеству б. Императору Всероссійскому — это другой вопросъ! Для исторіи важно только знать, что такого благопріятнаго отвѣта мы, Временное Правительство, не получили. Текстъ оффиціознаго англійскаго сообщенія не оставляетъ въ этомъ ни малѣйшаго сомнѣнія.

Кстати, не могу не напомнить здѣсь, что даже ближайшіе родственники царской семьи не раздѣляли чрезмѣрныхъ опасеній англійскаго правительства за безопасность морского путешествія Николая II. Въ архивахъ англійскаго дворца, вѣроятно, и сейчасъ еще можно найти письма нѣкоторыхъ бывшихъ великихъ князей, просившихъ и настаивавшихъ на скорѣйшемъ благопріятномъ рѣшеніи вопроса о выѣздѣ изъ Россіи Николая II и его семьи.

Повторяю, — окончательный отказъ англійскаго правительства послѣдовалъ, насколько помню, въ первой половинѣ іюня стараго стиля. Такимъ бразомъ напечатанная въ «Nachrichtenblatt über Ostfragen» мартовская «нота» англійскаго посла Бьюкенена министру иностранныхъ дѣлъ Милюкову о томъ, что «король и правительство Его Величества будутъ счастливы предоставить ех Императору Россіи убѣжище Англіи,» — эта нота ни въ какомъ противорѣчіи съ моимъ сообщеніемъ объ отказѣ не стоитъ. Самъ Милюковъ (Послѣднія Новости №428) признаетъ, что еще въ бытность его министромъ иностранныхъ дѣлъ, отношеніе Бьюкенена къ выѣзду Николая II въ Англію измѣнилось. А къ іюню англійское предложеніе о предоставленіи убѣжища превратилось въ полную свою противоположность.

Г. Милюковъ, со свойственнымъ ему всегда слишкомъ индивидуалистическимъ подходомъ ко всѣмъ событіямъ, участникомъ которыхъ въ числѣ прочихъ и онъ бывалъ, всячески старается отгородить себя отъ остальныхъ членовъ Временнаго Правительства въ исторіи переговоровъ объ отъѣздѣ Николая II. Онъ осторожно намекаетъ, что на измѣненіе отношенія Бьюкенена къ выѣзду б. императора въ Англію могли повліять какія то другіе члены Временнаго Правительства, находившіеся подъ «давленіемъ» совѣта рабочихъ депутатовъ. Впрочемъ, г. Милюковъ допускаетъ, что настроенія совѣта, враждебныя выѣзду изъ Россіи Николая II, могли достигнуть до англійскаго посла и повліять на него черезъ «другіе источники информаціи.»

Я не знаю, повліялъ-ли, вообще, совѣтъ рабочихъ депутатовъ на Бьюкенена и, если повліялъ, то какимъ путемъ. Но я категорически утверждаю, что въ вопросѣ о выѣздѣ Николая II изъ Россіи все Временное Правительство было совершенно солидарно. А переговоры, начатые согласно указаніямъ правительства министромъ иностранныхъ дѣлъ Милюковымъ, продолжались, м. б. съ еще большей настойчивостью, его замѣстителемъ М. И. Терещенко.

Впрочемъ, все это уже мелочи. Главное и безспорное: утвержденіе, что Временное Правительство имѣло полную возможность, но не захотѣло, вывезти Николая II и его семью заграницу, нынѣ категорически отвергнуто.

Казалось тутъ и слѣдовало бы поставить точку.

Однако, ненавистникамъ Временнаго Правительства не до «передышекъ». Они тутъ же, налету, мѣняютъ направленіе атаки и новымъ шумомъ стараются прикрыть свое пораженіе.

Вчера еще кричали на всѣхъ перекресткахъ — «Вр. Правительство умышленно уклонялось отъ всѣхъ попытокъ иностранцевъ спасти жизнь б. царской семьи»! Вчера еще измышленный «отказъ» воспользоваться предложеніемъ Англіи, вызывалъ бурные взрывы патріотическаго негодованія.

Сегодня всѣ эти вымыслы оказались вздоромъ! Ну и что же? — Да ничего! Какъ будто ничего не случилось. Оказывается, это совсѣмъ и не важно, уклонилось или не уклонилось Вр. Пр. отъ содѣйствія иностранцевъ. Пусть даже не правительство уклонилось, а иностранцы отказали.

Это совсѣмъ неважно! Важно, страшно важно, совсѣмъ другое: если бы и хотѣло, то вывезти царя заграницу Вр. Пр. все равно бы не могло — совѣты не позволили бы. И тутъ начинаются ссылки на современные большевистскіе офиціозы. Начинаются разсужденія о томъ, что «самъ А. Ф. Керенскій, въ 1917 г. помнится, именно такъ и думалъ,» т. е. думалъ, что «не такъ то просто было бы для Вр. Пр. вывезти Николая II въ Англію» (см. Руль №250).

Я никогда и не утверждалъ, что это было «такъ просто». Напротивъ, это было бы очень трудно и даже невозможно ранѣе середины лѣта, когда выѣздъ Николая II изъ Царскаго Села сталъ вполнѣ возможнымъ. Что и было доказано на дѣлѣ. Я имѣю основаніе утверждать, что технически проѣздъ Николая II до границы осуществился бы не съ большими трудностями, чѣмъ до Тобольска. . .

Однако, это уже область предположеній, куда я не послѣдую за непримиримыми ненавистниками Вр. Пр. Пусть они правы, — пусть мы не въ состояніи были бы отправить б. царскую семью заграницу. Для исторіи это предположеніе не имѣетъ никакой цѣ-

ми. Для исторіи существуетъ только одинъ фактъ: лѣтомъ 1917 года б. Императоръ и его семья остались въ предѣлахъ Россіи по обстоятельствамъ отъ воли Вр. Пр. не зависѣвшимъ.

11. IX. 21.

Отчисленіе ген. Верховскаго.

Въ № 310, отъ 22мая 1921 г., газеты «Общее Дѣло» помѣщена статья г. Бурцева подъ заглавіемъ «Господа Черемисовы и Керенскіе».

Въ этой статьѣ идетъ рѣчь о высылкѣ генераломъ Черемисовымъ съ фронта корреспондента «Общаго Дѣла», за его «разоблаченія» большевиствующей дѣятельности генерала Черемисова, выразившейся, яко бы, въ выдачѣ имъ субсидіи большевистской газетѣ «Нашъ Путь».

По своему обычаю лгать и клеветать на меня при всякомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ, г. Бурцевъ и на этотъ разъ утверждаетъ, что именно за разоблаченіе дѣятельности генерала Черемисова его газета «была закрыта Керенскимъ».

Вотъ за какую агитацію въ «О. Д,» г. Черемисовъ выслалъ моего корреспондента съ фронта, а Керенскій потомъ закрылъ «О. Д.» — утверждаетъ Бурцевъ, приводя рядъ выдержекъ изъ протокола очной ставки между Черемисовымъ и корреспондентомъ «О. Д.» и изъ статей «О. Д.» по этому поводу.

«Я не разъ печатно говорилъ», продолжаетъ Бурцевъ, «что закрытіе «О. Д.» со стороны Керенскаго было преступленіемъ. Надо припомнить обстановку, при которой происходило закрытіе «О. Д.», чтобы понять, почему я употребляю въ данномъ случаѣ слово преступленіе».

Признаюсь, я впервые прочелъ объ исторіи закрытія «О. Д.» въ изложеніи г. Бурцева и считаю нужнымъ напомнить дѣйствительную обстановку, при которой 21 октября 1917 года, по моему приказу, было закрыто «Общее Дѣло.»

Конечно, никакого отношенія это закрытіе къ разоблаченіямъ «Общимъ Дѣломъ» дѣятельности Черемисова не имѣло.

Дѣло было такъ: 20-го октября въ засѣданіи комиссіи по оборонѣ Совѣта Россійской Республики (Предпарламента) военный министръ генералъ Верховскій неожиданно, безъ вѣдома и предупрежденія Временнаго Правительства, выступилъ съ весьма категорическимъ заявленіемъ о необходимости немедленно заключить миръ даже въ случаѣ несогласія на это союзниковъ.

Всѣ, кто помнитъ дѣйствительную обстановку, въ которой находилась тогда Россія и въ частности Петербургъ, легко предста-

вить себѣ, какія послѣдствія вызвало бы широкое оглашеніе этого личнаго преступнаго выступленія Военнаго Министра, цѣликомъ совпадавшаго съ той агитаціей, которую вели тогда въ арміи большевики и нѣмецкіе агенты.

Министръ иностранныхъ дѣлъ М. И. Терещенко прямо изъ Комиссіи по Оборонѣ явился поздно ночью въ засѣданіе Временнаго Правительства, гдѣ и было рѣшено: 1) Генерала Верховскаго уволить въ отпускъ съ освобожденіемъ впредь до назначенія ему замѣстителя отъ всѣхъ служебныхъ обязанностей и съ предложеніемъ немедленно покинуть столицу; 2) обратиться ко всѣмъ редакціямъ газетъ съ настойчивой просьбой (права запрещать печатаніе тѣхъ или иныхъ извѣстій Временное Правительство не имѣло) не помѣщать никакихъ сообщеній, замѣтокъ и разъясненій по поводу выступленія генерала Верховскаго.

Единственной газетой, не уважившей просьбы Правительства и не исполнившей своего патріотическаго долга, оказалась газета г-на Бурцева «Общее Дѣло», за что и была по моему распоряженію немедленно закрыта.

Такова дѣйствительная обстановка, при которой состоялось закрытіе «Общаго Дѣла». Въ этомъ состояло мое «преступленіе», въ которомъ я не раскаиваюсь. А г-ну Бурцеву рекомендую ограничить свои «разоблаченія» лишь инсинуаціями, ибо каждый разъ, когда онъ устанавливаетъ какой-либо фактъ, — онъ всегда лжетъ, что мнѣ и приходилось уже устанавливать въ печати.

„В. Р." 28. V. 21.

Гатчина.

I.

Послѣдній актъ борьбы Революціоннаго Временнаго Правительства съ большевиками *справа* и *слѣва* продолжался съ 24-го октября по 1-ое ноября 1917 г. Да, я въ особенности настаиваю на томъ, что мы боролись сразу на два фронта. И никто никогда не будетъ въ состояніи опровергнуть ту несомнѣнную связь, которая существовала между большевистскимъ возстаніемъ и усиліями реакціи свергнуть Временное Правительство и повернуть государственный корабль вспять къ берегу соціальной реакціи.

Послѣ безуспѣшной для заговорщиковъ и столь несчастной для Государства попытки свергнуть Временное Правительство вооруженной рукой ген. Корнилова, общественныя группы, поддерживавшія «диктатора» и связанныя съ нимъ, постановили: не ока-

зывать правительству въ случаѣ столкновенія его съ большевиками никакой помощи. Ихъ стратегическій планъ состоялъ въ томъ, чтобы сначала не препятствовать успѣху вооруженнаго возстанія большевиковъ, а затѣмъ послѣ паденія ненавистнаго Временнаго Правительства быстро подавить большевистскій «бунтъ». Такимъ образомъ, должны были быть достигнуты, наконецъ, цѣли, поставленныя Корниловскому возстанію.

Военные и штатскіе стратеги, авторы этого замѣчательнаго плана, были твердо убѣждены въ томъ, что большевистскій тріумфъ не представитъ изъ себя никакой серьезной опасности и что въ 3—4 недѣли «здоровые элементы» русскаго народа справятся съ бунтующей массой и установятъ въ Россіи «сильную власть». Увы, выполнивъ блестяще первую, такъ сказать, пассивную часть своего плана — «свергнувъ» руками большевиковъ Временное Правительство, наши «патріоты» оказались совершенно неспособными къ осуществленію его второй активной, дѣйственной части; — оказались неспособными побѣдить большевиковъ не только въ три мѣсяца, но и въ три года!..

Около 20-го октября начали большевики осуществлять въ С-Петербургѣ свой планъ вооруженнаго возстанія для сверженія Временнаго Правительства во имя «мира, хлѣба и скорѣйшаго созыва Учредительнаго Собранія». Эта подготовка шла довольно успѣшно, въ частности, и потому, что остальныя соціалистическія партіи и совѣтскія группировки, относясь ко всѣмъ свѣдѣніямъ о готовящихся событіяхъ, какъ къ «контръ-революціоннымъ измышленіямъ», даже не пытались своевременно мобилизовать свои силы, способныя въ нужный моментъ оказать сопротивленіе большевистскимъ затѣямъ, такъ сказать, внутри самой «революціонной демократіи». Со своей стороны правительство готовилось къ подавленію мятежа, но, не разсчитывая на окончательно деморализованный Корниловской авантюрой С.-Пб. гарнизонъ, изыскивало другія средства воздѣйствія. По моему приказу съ фронта должны были въ срочномъ порядкѣ выслать въ С.-Пб. войска и первые эшелоны съ Сѣвернаго фронта должны были появиться въ столицѣ 24-го октября.

Въ то же время полк. Полковниковъ, командующій войсками С.-П. военнаго округа, получилъ приказъ разработать подробный планъ подавленія мятежа. Ему же было предложено своевременно взять на учетъ, сорганизовать всѣ вѣрныя долгу части того же гарнизона. Полк. Полковниковъ каждое утро лично представлялъ мнѣ рапортъ; при чемъ постоянно докладывалъ, что во ввѣренныхъ ему войскахъ частей, которыми можетъ располагать Правительство, «вполнѣ достаточно» для того, чтобы справиться съ готовящимся возстаніемъ. Къ великому сожалѣнію, мы, члены Правительства, слишкомъ поздно узнали, что, какъ самъ Полковниковъ, такъ и часть его штаба вели въ эти роковые дни *двойную игру* и

примыкали какъ разъ къ той части офицерства, въ планы котораго входило свержение Временнаго Правительства руками г. г. большевиковъ.

24-го октября было уже совершенно очевидно, что возстание неизбѣжно, что оно уже началось. Около 11 час. утра я явился въ засѣданіе Совѣта Республики и попросилъ Н. Д. Авксентьева, Предсѣдателя Совѣта, предоставить мнѣ, какъ Предсѣдателю Временнаго Правительства, немедленно слово для срочнаго сообщенія, которое я долженъ сдѣлать Совѣту Республики. Получивъ слово я заявилъ, что въ моемъ распоряженіи находятся безспорныя доказательства организаціи Ленинымъ и его сотрудниками возстанія противъ Революціоннаго Правительства. Я заявилъ, что всѣ возможныя мѣры для подавленія возстанія приняты и принимаются Вр. Пр. что оно будетъ до конца бороться съ измѣнниками Родины и Революціи; что оно прибѣгнеть безъ всякихъ колебаній къ военной силѣ, но что для успѣшности борьбы Правительству необходимо немедленное содѣйствіе всѣхъ партій и группъ, представленныхъ въ Совѣтѣ Республики; нужна помощь всего народа. Я потребовалъ отъ Совѣта Республики всей мѣры довѣрія и содѣйствія. Для того, чтобы возстановить себѣ атмосферу того времени, представить себѣ настроеніе собравшихся, достаточно вспомнить, что во время моей рѣчи члены Совѣта Республики не разъ стоя, съ особымъ подъемомъ свидѣтельствовали о своей полной солидарности съ Временнымъ Правительствомъ въ его борьбѣ съ врагами народа. Въ минуты этого всеобщаго національнаго взрыва только нѣкоторые вожди партій и группировокъ, тѣсно связанныхъ съ двумя крайними флангами русской общественности, не могли преодолѣть въ себѣ жгучей ненависти къ правительству Мартовской Революціи: они продолжали сидѣть, когда все собраніе поднималось, какъ одинъ человѣкъ. Эти «непримиримые» были — с.-д. интернаціоналистъ Мартовъ, к. д. Милюковъ и два-три корниловскихъ казака.

Увѣренный въ томъ, что представители націи до конца сознали всю исключительную тяжесть и отвѣтственность положенія, я, не ожидая голосованія Совѣта, вернулся въ Штабъ къ прерванной срочной работѣ, увѣренный, что не пройдетъ и 1½ час., какъ я получу сообщеніе о всѣхъ рѣшеніяхъ и дѣловыхъ начинаніяхъ Совѣта Республики въ помощь правительству.

Ничего подобнаго не случилось. Совѣтъ, раздираемый внутренними распрями и непримиримыми разнорѣчіями мнѣній, до поздней ночи не могъ вынести никакого рѣшенія. Вожди всѣхъ анти-большевистскихъ и демократическихъ партій вмѣсто того, чтобы спѣшно организовывать силы своихъ партій для трудной борьбы съ измѣнниками, весь этотъ день и весь вечеръ потеряли на безконечные и безполезные ссоры и споры.

А тѣмъ временемъ, уже господствуя въ Смольномъ и готовясь къ послѣднему удару, большевики повсюду кричали, что всѣ утвержденія о «какомъ то» большевистскомъ возстаніи являются измышленіями «контръ-революціонеровъ» и «врага народа» Керенскаго. Къ сожалѣнію, хорошо зная психологію своихъ совѣтскихъ противниковъ, большевики этимъ пріемомъ превосходно достигали своихъ цѣлей.

Никогда я не забуду слѣдующей, по истинѣ, исторической сцены. Полночь на 25 октября. Въ моемъ кабинетѣ въ перерывѣ засѣданія Вр. Правительства, происходитъ между мной и делегаціей отъ соціалистическихъ группъ Совѣта Республики достаточно бурное объясненіе по поводу принятой, наконецъ, лѣвымъ большинствомъ Совѣта резолюціи по поводу возстанія, которую я требовалъ утромъ. Резолюція эта, уже никому тогда ненужная, безконечно длинная, запутанная, обыкновеннымъ смертнымъ мало понятная, въ существѣ своемъ вмѣсто довѣрія и поддержки правительству, если прямо и не отказывала ему въ этомъ, то во всякомъ случаѣ совершенно недвусмысленно отдѣляла лѣвое большинство Совѣта Республики отъ правительства и его борьбы. Возмущенный, я заявилъ, что послѣ такой резолюціи правительство завтра же утромъ подаетъ въ отставку, что авторы этой резолюціи и голосовавшіе за нее должны взять на себя всю отвѣтственность за событія, хотя повидимому они о нихъ имѣютъ очень мало представленія. На эту мою взволнованную филиппику спокойно и разсудительно отвѣтилъ Данъ, тогда не только лидеръ меньшевиковъ, но и и. д. Предсѣдателя В. Ц. И. К. Конечно, я не могу сейчасъ воспроизвести историческое заявленіе Дана въ его собственныхъ выраженіяхъ, но за точность смысла передаваемаго ручаюсь. Прежде всего Данъ заявилъ мнѣ, что они освѣдомлены гораздо лучше меня и что я преувеличиваю событія подъ вліяніемъ сообщеній моего «реакціоннаго штаба». Затѣмъ онъ сообщилъ, что непріятная «для самолюбія правительства» резолюція большинства Совѣта Республики чрезвычайно полезна и существенна для «перелома настроенія въ массахъ»; что эффектъ ея «уже сказывается» и что теперь вліяніе большевистской пропаганды будетъ «быстро падать». Съ другой стороны, по его словамъ сами большевики въ переговорахъ съ лидерами совѣтскаго большинства изъявили готовость «подчиниться волѣ большинства совѣтовъ», что они готовы «завтра же» предпринять всѣ мѣры, чтобы потушить возстаніе, «вспыхнувшее помимо ихъ желанія, безъ ихъ санкціи». Въ заключеніе Данъ, упомянувъ, что большевики «завтра же» (все завтра!) распустятъ свой военный штабъ, заявилъ мнѣ, что всѣ принятыя мною мѣры къ подавленію возстанія только «раздражаютъ массы» и что, вообще, я своимъ «вмѣшательствомъ» лишь «мѣшаю представителямъ большинства совѣтовъ успѣшно вести переговоры съ большевиками о ликвидаціи возстанія»... Для полно-

ты картины нужно добавить, что какъ разъ въ то время, какъ Данъ дѣлалъ мнѣ это замѣчательное сооббщеніе, вооруженные отряды «красной гвардіи» занимали одно за другимъ правительственныя зданія. А почти сейчасъ же по отъѣздѣ изъ Зимняго Дворца Дана и его товарищей на Милліонной улицѣ по пути домой съ засѣданія Вр. Правительства былъ арестованъ министръ исповѣданій Карташевъ и отвезенъ тогда-же въ Смольный, куда Данъ вернулся продолжать мирныя бесѣды съ большевиками.

Нужно признать, большевики дѣйствовали тогда съ большой энергіей и не меньшимъ искусствомъ.

Въ то время, когда возстаніе было въ полномъ разгарѣ и «красныя войска» дѣйствовали по всему городу, нѣкоторые большевистскіе лидеры, къ тому предназначенные, не безъ успѣха старались заставить представителей «революціонной демократіи» смотрѣть, но не видѣть; слушать, но не слышать. Всю ночь на пролетъ провели эти искусники въ безконечныхъ спорахъ надъ различными формулами, которыя, якобы, должны были стать фундаментомъ примиренія и ликвидаціи возстанія. Этимъ методомъ «переговоровъ» большевики выиграли въ свою пользу огромное количество времени. А боевыя силы с.-р. и меньшевиковъ не были во время мобилизованы. Что, впрочемъ, и требовалось доказать!

Не успѣлъ я кончить разговоръ съ Даномъ и его товарищами, какъ ко мнѣ явилась делегація отъ стоявшихъ въ СПб. казачьихъ полковъ, насколько помню, изъ двухъ-трехъ офицеровъ и столькихъ же простыхъ казаковъ. Прежде всего эта делегація сообщила, что казаки желаютъ знать, какими силами я располагаю для подавленія мятежа. А затѣмъ она заявила, то казачьи полки только въ томъ случаѣ будутъ защищать правительство, если лично отъ меня получатъ завѣреніе въ томъ, что на этотъ разъ казачья кровь не прольется даромъ, какъ это было въ іюлѣ, когда, будто, мною не были приняты противъ бунтовщиковъ достаточно энергичныя мѣры. Наконецъ, делегаты особенно настаивали на томъ, что казаки пойдутъ драться только по особому личному моему приказу.

Въ отвѣтъ на все это я прежде всего указалъ казакамъ, что подобнаго рода заявленія въ ихъ устахъ, какъ военнослужащихъ, недопустимы; въ особенности сейчасъ, когда государству грозитъ опасность и когда каждый изъ насъ долженъ до конца безъ всякихъ разсужденій исполнить свой долгъ! Затѣмъ я добавилъ: «вы отлично знаете, что во время перваго возстанія большевиковъ съ 3-го по 6 іюля я былъ на Западномъ фронтѣ, гдѣ начиналось тогда наступленіе; вы знаете, что бросивъ фронтъ, я 6-го іюля пріѣхалъ въ СПб., и сейчасъ же приказалъ арестовать всѣхъ большевистскихъ вождей; вы знаете, также, что тутъ-же я уволилъ отъ должности Командующаго войсками генерала По-

ловцева, именно, за его нерѣшительность во время этого возстанія». Въ результатѣ этого разговора казаки категорически заявили мнѣ, что всѣ ихъ полки, расположенные въ СПб., исполнятъ свой долгъ. А я тутъ же подписалъ особый приказъ казакамъ — немедленно поступить въ распоряженіе Штаба округа и безпрекословно исполнить всѣ его приказанія. Въ этотъ моментъ въ первомъ часу ночи на 25-ое октября у меня не было ни малѣйшихъ сомнѣній въ томъ, что эти три донскихъ казачьихъ полка не нарушатъ своей присяги, и я немедленно послалъ одного изъ моихъ адъютантовъ въ штабъ сообщить, что онъ можетъ вполнѣ разсчитывать на казаковъ.

Какъ утромъ въ Совѣтѣ Республики, я еще разъ жестоко ошибся. Я не зналъ, что пока я разговаривалъ съ делегатами отъ полковъ, Совѣтъ казачьихъ войскъ, засѣдавшій всю эту ночь, рѣшительно высказался *за невмѣшательство* казаковъ въ борьбу Временнаго Правительства съ возставшими большевиками.

Послѣ моихъ бесѣдъ съ Даномъ и съ казаками я вернулся въ засѣданіе Вр. Правительства. Всякому легко себѣ представить ту напряженную нервную атмосферу, которая царила въ этомъ ночномъ засѣданіи, въ особенности послѣ извѣстія о захватѣ красной гвардіей центральнаго телеграфа, почтамта и нѣкоторыхъ другихъ правительственныхъ зданій. Однако, ни у кого изъ насъ не возникало даже мысли о возможности какихъ-либо переговоровъ или соглашеній съ засѣвшими въ Смольномъ предателями. Въ этомъ отношеніи среди членовъ Вр. Правительства господствовало полное единодушіе. За то нѣкоторые изъ такъ наз. правыхъ членовъ правительства весьма сурово критиковали «нерѣшительность» и «пассивность» высшихъ военныхъ властей, совершенно не считаясь съ тѣмъ, что намъ приходилось дѣйствовать, все время находясь между молотомъ правыхъ и наковальней лѣвыхъ большевиковъ. Впрочемъ эти строгіе критики не проявляли ни малѣйшаго стремленія принять активное участіе въ организаціи борьбы съ разгоравшимся возстаніемъ или, хотя бы, болѣе энергично поддержать меня. Насколько помню засѣданіе Вр. Правительства окончилось въ началѣ второго часа ночи и всѣ министры отправились по домамъ. Я остался одинъ съ А. И. Коноваловымъ, моимъ замѣстителемъ и министромъ торговли и промышленности. Мы были съ нимъ неразлучны всю ночь. Да М. Терещенко оставался еще нѣкоторое время послѣ ухода остальныхъ министровъ въ Зимнемъ Дворцѣ.

Между тѣмъ, въ городѣ возстаніе разросталось съ невѣроятной быстротой. Вооруженные отряды большевиковъ все тѣснѣе и тѣснѣе окружали зданія Зимн. Дворца и Штаба военнаго округа. Солдаты лейбъ-гвардіи Павловскаго полка устроили у своихъ казармъ въ концѣ Милліонной улицы у Марсова поля настоящую

западню, арестуя всѣхъ «подозрительныхъ», шедшихъ по направленію отъ Дворца. Такъ, былъ захваченъ «въ плѣнъ» Карташевъ, о которомъ я уже говорилъ, и Управляющій дѣлами Временнаго Правительства А. Гальпернъ. Дворецъ охранялся лишь юнкерами и небольшимъ отрядомъ блиндированныхъ автомобилей.

Сейчасъ же послѣ окончанія засѣданія правительства, ко мнѣ явился Командующій войсками вмѣстѣ со своимъ Начальникомъ штаба. Они предложили мнѣ организовать силами всѣхъ оставшихся вѣрными Вр. Правительству войскъ, въ томъ числѣ и казаковъ, экспедицію для захвата Смольнаго Института—штабъ квартиры большевиковъ. Очевидно, этотъ планъ получилъ сейчасъ-же мое утвержденіе и я настаивалъ на его немедленномъ осуществленіи. Во время этого разговора я все съ большимъ вниманіемъ наблюдалъ за страннымъ и двусмысленнымъ поведеніемъ полк. Полковникова, все съ большей тщательностью слѣдя за кричащимъ противорѣчіемъ между его весьма оптимистичными и успокоительными сообщеніями и печальной извѣстной уже мнѣ дѣйствительностью. Вѣдь стало болѣе чѣмъ очевидно, что всѣ его рапорты послѣднихъ 10—12 дней о настроеніяхъ въ войскахъ, о степени готовности его собственнаго штаба къ рѣшительной борьбѣ съ большевиками — всѣ они были совершенно ни на чемъ не основаны.

Во время моего совѣщанія съ командующимъ войсками явился Роговскій, Правительственный комиссаръ по Градоначальству, съ чрезвычайно тревожными новостями, ни въ чемъ не совпадавшими съ только что мной выслушанными свѣдѣніями полк. Полковникова. Между прочимъ отъ Роговскаго мы узнали, что значительное количество судовъ Балтійскаго флота въ боевомъ порядкѣ вошло въ Неву; что нѣкоторые изъ этихъ судовъ поднялись до Николаевскаго моста; что этотъ мостъ въ свою очередь занятъ отрядами возставшихъ, которые уже продвигаются дальше къ Дворцовому мосту. Роговскій обратилъ наше особое вниманіе на то обстоятельство, что большевики осуществляютъ весь свой планъ «въ полномъ порядкѣ», не встрѣчая нигдѣ никакого сопротивленія со стороны правительственныхъ войскъ. Мнѣ же въ отдѣльности Роговскій передалъ неоднократно сдѣланное имъ наблюденіе: Штабъ СПб. военнаго округа съ совершеннымъ безразличіемъ, не проявляя никакой дѣятельности, слѣдитъ за происходящими событіями.

Изъ сопоставленія рапорта полк. Полковникова съ докладомъ Роговскаго выводы получались кричащіе. Времени болѣе нельзя было терять ни минуты. Нужно было все бросать и бѣжать въ Штабъ!

Вмѣстѣ съ А. И. Коноваловымъ въ сопровожденіи адъютантовъ отправились мы въ Штабъ, проходя по безконечнымъ, по-

чти не освѣщеннымъ корридорамъ и нижнимъ заламъ дворца, гдѣ ложились уже спать бывшіе въ обычномъ караулѣ юнкера. Здание Штаба было переполнено офицерами всѣхъ возрастовъ и ранговъ, делегатами различныхъ войсковыхъ частей. Среди этой военной толпы повсюду шныряли какіе-то никому неизвѣстные штатскіе. Вбѣжавъ на третій этажъ прямо въ кабинетъ Командующаго войсками, я предложилъ полк. Полковникову сдѣлать сейчасъ-же подробный докладъ о положеніи дѣлъ. Докладъ окончательно убѣдилъ насъ — Коновалова и меня — въ невозможности больше полагаться на полк. Полковникова и на большинство офицеровъ его штаба. Необходимо было въ срочномъ порядкѣ, хотя бы въ послѣдній часъ, собрать вокругъ себя всѣхъ оставшихся вѣрными долгу. Нужно было сейчасъ-же брать въ свои руки командованіе, но только уже не для наступательныхъ дѣйствій противъ возставшихъ, а для защиты самого Правительства до прихода свѣжихъ войскъ съ фронта и до новой организаціи правительственныхъ силъ въ самой Столицѣ!

Въ самомъ штабѣ округа было нѣсколько высшихъ офицеровъ, на которыхъ я могъ положиться съ закрытыми глазами. Но этого было очевидно слишкомъ мало. Я распорядился вызвать по телефону тѣхъ, чье присутствіе мнѣ казалось особенно нужнымъ, и просить ихъ явиться въ Штабъ безъ замедленія. Затѣмъ я рѣшилъ привлечь партійныя военныя организаціи; въ особенности достаточно многочисленныя организаціи П. С. Р.

Мучительно тянулись долгіе часы этой ночи. Отовсюду мы ждали подкрѣпленія, которыя, однако, упорно не появлялись. Съ казачьими полками шли безпрерывныя переговоры по телефону. Подъ разными предлогами казаки упорно отсиживались въ своихъ казармахъ, все время сообщая, что вотъ они черезъ 15—20 минутъ «все выяснятъ» и «начнутъ сѣдлать лошадей». Съ другой стороны партійныя боевыя силы не только не появились въ Штабѣ, но и въ городѣ-то не проявляли никакой дѣятельности. Этотъ загадочный съ перваго взгляда фактъ объяснялся крайне просто. Партійные центры, увлеченные безконечными переговорами со Смольнымъ, гораздо болѣе разсчитывая на авторитетъ «резолюціи», чѣмъ на силу штыковъ, не удосужились во время сдѣлать соотвѣтствующія распоряженія. Вообще нужно признать, что въ то время какъ большевики — слѣва дѣйствовали съ напряженной энергіей, а большевики — справа всячески содѣйствовали ихъ скорѣйшему тріумфу, въ политическихъ кругахъ искренне преданныхъ Революціи и связанныхъ въ своей судьбѣ съ судьбой Вр. Правительства господствовала какая-то непонятная увѣренность, что «все образуется», что нѣтъ никакихъ основаній особенно тревожиться и прибѣгать къ героическимъ мѣрамъ спасенія . . .

Между тѣмъ ночные часы шли. И чѣмъ ближе было утро, тѣмъ невыносимѣе и напряженнѣе становилась атмосфера въ Штабѣ. Одинъ изъ преданныхъ и честныхъ офицеровъ, вызванный мною на работу, отдавъ себѣ отчетъ въ томъ, что происходитъ въ Штабѣ, и, въ особенности, присмотрѣвшись къ дѣйствіямъ полк. Полковникова, пришелъ ко мнѣ и съ волненіемъ заявилъ, что все происходящее онъ не можетъ назвать иначе, какъ *измѣной*. Дѣйствительно, офицерство, собравшись въ значительномъ количествѣ въ Штабѣ, вело себя по отношенію къ правительству, а въ особенности, конечно, ко мнѣ все болѣе и болѣе вызывающе. Какъ впослѣдствіи я узналъ между ними по почину самого полк. Полковникова шла агитація за необходимость моего ареста. Сначала объ этомъ шептались, а къ утру стали говорить громко, почти не стѣсняясь присутствія «посторонних». Безумная идея владѣла тогда многими умами: безъ Керенскаго можно будетъ легче и скорѣе справиться съ большевиками; можно будетъ безъ затрудненій создать, наконецъ, эту, такъ наз., сильную власть. И не подлежитъ никакому сомнѣнію, что всю эту ночь полк. Полковниковъ и нѣкоторые другіе офицеры Штаба округа находились въ постоянныхъ сношеніяхъ съ противуправительственными правыми организаціями, усиленно тогда дѣйствовавшими въ городѣ; какъ напримѣръ, съ Совѣтомъ союза казачьихъ войскъ, съ союзомъ георгіевскихъ кавалеровъ, съ СПб. отдѣломъ союза офицеровъ и прочими подобнаго же рода военными и гражданскими учрежденіями.

Конечно, эта удушливая атмосфера не могла не воздѣйствовать на настроенія всѣхъ тѣхъ защитниковъ существующей власти, которые были въ общеніи со Штабомъ. Уже съ вечера юнкера, настроеніе которыхъ сначала было превосходно, стали терять бодрость духа; позднѣе начала волноваться команда блиндированныхъ автомобилей; каждая лишняя минута напраснаго ожиданія подкрѣпленій все болѣе понижала «боеспособность» и у тѣхъ, и у другихъ.

Въ седьмомъ часу утра, переговоривъ еще разъ по прямому проводу со ставкой Главкосѣва о всяческомъ ускореніи высылки въ СПб. вѣрныхъ войскъ, такъ и не дождавшись казаковъ, которые все еще «сѣдлали лошадей», мы съ Коноваловымъ, разбитые впечатлѣніями этой ночи, и переутомленные отправились назадъ въ Зимній, хоть немного вздремнуть. Помню, какъ по дорогѣ насъ не разъ окружали группы взволнованныхъ юнкеровъ; помню, какъ ихъ приходилось успокаивать и разъяснять всѣ страшныя для государства послѣдствія успѣха большевиковъ.

Поднявшись наверхъ въ свои комнаты, я думалъ сейчасъ же собрать всю мою переписку, хранившіеся у меня документы и отправить все это на храненіе въ вѣрное мѣсто, но тутъ же я понялъ, какое тягостное впечатлѣніе произведетъ эта операція на

всѣхъ, находящихся во дворцѣ, и отказался отъ своего намѣренія. Такимъ образомъ, внѣ бумаги, хранившіяся у меня лично, въ нѣкоторой своей части представлявшія значительный интересъ, въ слѣдующую ночь частью попали въ руки большевиковъ, частью просто исчезли.

Разставшись съ Коноваловымъ, давъ нѣсколько неотложныхъ распоряженій на «всякій случай», я остался одинъ и бросился, не раздѣваясь, на стоявшую въ моемъ кабинетѣ отоманку... Заснуть я не могъ: лежалъ съ закрытыми глазами въ какой-то полудремѣ, полуобморокѣ. Не прошло и часа, какъ изъ этого состоянія вывелъ меня фельдъегерь, вошедшій въ комнату съ экстреннымъ сообщеніемъ. — Большевики захватили центральную телефонную станцію и всѣ наши (дворцовыя) телефонныя сообщенія съ городомъ прерваны; дворцовый мостъ (подъ окнами моихъ комнатъ) занятъ пикетами матросовъ-большевиковъ; дворцовая площадь совершенно безлюдна и пуста, о казакахъ ни слуху, ни духу, какъ и слѣдовало, впрочемъ, ожидать.

Не прошло 10-и минутъ, какъ мы оба — Коноваловъ и я, — со всѣми моими адъютантами мчались назадъ въ штабъ округа. Здѣсь за два часа нашего отсутствія ничего не измѣнилось. Впрочемъ, нѣтъ, измѣнилось: у блиндированныхъ автомобилей «исчезли» нѣкоторыя части и они стали столь-же полезны для обороны, какъ и водовозныя бочки. Подходы ко дворцу и къ штабу совершенно никѣмъ и ничѣмъ не охранялись. Никакихъ свѣдѣній о высланныхъ съ Сѣвернаго фронта эшелонахъ, хотя они должны были быть уже въ Гатчинѣ, не поступало. Начиналась паника. Переполненное съ вечера зданіе штаба быстро пустѣло. Не успѣлъ я войти въ штабъ, какъ ко мнѣ явилась делегація отъ охранявшихъ дворецъ юнкеровъ. Оказалось, имъ большевики прислали форменный ультиматумъ съ требованіемъ покинуть дворецъ подъ угрозой безпощадныхъ репрессій. Делегаты просили указаній, заявляя при этомъ, что большинство ихъ товарищей готово исполнить свой долгъ до конца, если только есть какая-нибудь надежда на подходъ какихъ-либо подкрѣпленій... Въ этихъ условіяхъ было очевидно, что только дѣйствительное появленіе черезъ самое короткое время подкрѣпленій съ фронта могло еще спасти положеніе!

Но какъ ихъ получить?! Оставалось одно: ѣхать не теряя ни минуты на встрѣчу эшелонамъ, застрявшимъ гдѣ-то у Гатчины, и протолкнуть ихъ въ С.-Петербургъ не смотря ни на какія препятствія. Посовѣтовавшись съ министрами Коноваловымъ и Кишкинымъ (къ этому времени подоспѣвшимъ); переговоривъ съ нѣкоторыми оставшимися вѣрными присягѣ офицерами штаба, я рѣшилъ прорваться черезъ всѣ большевистскія заставы и лично встрѣтить подходившія, какъ мы думали, къ самому СПб. войска.

Прежде всего для этого нужно было среди бѣлаго дня проѣхать черезъ весь городъ, не возбуждая подозрѣнія разбросан-

ныхъ повсюду отрядовъ большевистскихъ войскъ и карауловъ красной гвардіи. Это было самое трудное... Послѣ нѣкотораго размышленія рѣшили играть va banque; чтобы усыпить всякую настороженность, будемъ дѣйствовать съ *открытымъ забраломъ*.

Я приказалъ подать мой превосходный открытый дорожный автомобиль. Солдать-шофферъ былъ у меня отмѣнно мужественный и вѣрный человѣкъ. Одинъ изъ адъютантовъ объяснилъ ему задачу. Онъ, ни секунды не колеблясь, ее принялъ. Какъ на зло у машины не оказалось достаточнаго для долгаго пути количества бензина и ни одной запасной шины. Предпочитаемъ—лучше остаться безъ бензина и шинъ, чѣмъ долгими сборами обращать на себя вниманіе. Беру съ собой въ дорогу кромѣ двухъ адъютантовъ еще кап. Кузьмина, пом. Команд. войсками, и его штабъ-офицера. Какимъ образомъ я не знаю, но вѣсть о моемъ отъѣздѣ дошла до союзныхъ посольствъ. Въ моментъ самого выѣзда ко мнѣ являются представители англійскаго и, насколько помню, американскаго посольствъ съ заявленіемъ, что представители союзныхъ державъ желали бы, чтобы со мной въ дорогу пошелъ автомобиль подъ американскимъ флагомъ. Хотя было болѣе чѣмъ очевидно, что американскій флагъ, въ случаѣ неудачи прорыва, не могъ бы спасти меня и моихъ спутниковъ, и даже, наоборотъ, во время проѣзда по городу могъ усилить къ намъ ненужное совсѣмъ вниманіе, я все-таки съ благодарностью принялъ это предложеніе, какъ доказательство вниманія союзниковъ къ русскому Правительству и солидарности съ нимъ.

Пожавъ послѣдній разъ руку Кишкину, взявшему на себя на время моего отсутствія руководительство обороной Столицы, я съ самымъ беззаботнымъ видомъ сошелъ вмѣстѣ со своими спутниками во дворъ штаба. Сѣли въ автомобиль. Тутъ оказалась кстати и американская машина: одному изъ офицеровъ не хватило у меня мѣста и онъ поѣхалъ отдѣльно, но съ условіемъ держаться отъ насъ въ городѣ со своимъ американскимъ флагомъ на «почтительномъ разстояніи». Наконецъ, мы пустились въ наше интересное путешествіе. Вся привычная внѣшность моихъ ежедневныхъ выѣздовъ была соблюдена до мелочей. Я сѣлъ, какъ всегда, на свое мѣсто—на правой сторонѣ задняго сидѣнія, въ своемъ полувоенномъ костюмѣ, къ которому такъ привыкли и населеніе, и войска. Автомобиль пошелъ своимъ обычнымъ городскимъ ходомъ. Въ самомъ началѣ Морской, у телефонной станціи, мы проѣхали мимо перваго большевистскаго караула. Потомъ у Асторіи, у Маріинскаго Дворца, — повсюду стояли патрули и отряды красныхъ. Нечего и говорить, что вся улица—и прохожіе, и солдаты—сейчасъ-же узнали меня. Военные вытягивались, какъ-будто и правда ничего не случилось. Я отдавалъ честь, какъ всегда, немного небрежно и слегка улыбаясь. Навѣрное, секунду спустя послѣ моего проѣзда ни одинъ изъ нихъ не могъ себѣ объ-

яснить, какъ это случилось, что онъ не только пропустилъ этого «контръ-революціонера, врага народа», но и отдалъ ему честь.

Благополучно «прослѣдовавъ» черезъ центральныя части города, мы, въѣзжая въ рабочіе кварталы и приближаясь къ Московской Заставѣ, стали развивать скорость и, наконецъ, помчались съ головокружительной быстротой. Помню, какъ на самомъ выѣздѣ изъ города, стоявшіе въ охраненіи красногвардейцы, завидя нашъ автомобиль, стали съ разныхъ сторонъ сбѣгаться къ шоссе, но мы уже промчались мимо, а они не только попытки остановить не сдѣлали; они и распознать то насъ не успѣли.

Въ Гатчинѣ мы въѣхали прямо подъ ворота Дворца къ подъѣзду коменданта. Продрогли во время этой бѣшеной гонки до мозга костей. Узнавъ, къ нашему величайшему удивленію, о томъ, что никакихъ эшелоновъ съ фронта въ Гатчинѣ нѣтъ и никто тутъ объ нихъ ничего не слышалъ, рѣшаемъ сейчасъ же ѣхать дальше къ Лугѣ, а если понадобиться, то и до Пскова. Пускаться въ такой далекій путь по осенней дорогѣ безъ запасныхъ шинъ и бензина было немыслимо, поэтому рѣшаемъ на полчаса войти въ квартиру коменданта, обогрѣться и выпить по стакану чаю, пока наши машины сходятъ за всѣмъ нужнымъ въ гаражъ мѣстной автомобильной команды. Однако съ перваго шага въ квартирѣ коменданта мнѣ его поведеніе показалось крайне страннымъ. Онъ старался говорить какъ можно громче. Держался больше у открытыхъ дверей въ сосѣднюю комнату, откуда насъ весьма внимательно разсматривали какіе-то солдаты. Какъ-будто повинуясь какому-то внутреннему голосу, я вдругъ приказалъ задержать мой автомобиль и предложилъ моимъ спутникамъ безъ всякаго чая, немедленно отправляться въ путь. Только автомобиль подъ американскимъ флагомъ съ однимъ изъ офицеровъ отправился въ гаражъ за всѣмъ необходимымъ.

Мы уѣхали во время. Черезъ пять минутъ послѣ нашего отъѣзда во дворъ Дворца влетѣлъ разукрашенный красными флагами автомобиль: это члены мѣстнаго военно-революціоннаго комитета примчались меня арестовывать. Оказывается, въ СПб., въ штабѣ нашлись предатели, которые успѣли извѣстить Смольный о моемъ выѣздѣ въ Гатчину. Изъ Смольнаго послѣдовало сюда распоряженіе о немедленномъ моемъ задержаніи. Однако нашъ автомобиль успѣлъ таки благополучно вырваться изъ города. Зато вторая наша машина попала въ серьезную передѣлку. Болѣе часа колесила она по улицамъ Гатчины. Ей удалось благополучно, хотя подъ выстрѣлами проскочить двѣ засады, но у третьей—одна пуля пробила шину, другая—ранила шоффера въ руку. Мой же офицеръ, бросивъ машину вмѣстѣ съ американскимъ флагомъ, долженъ былъ на своихъ—на двоихъ бѣгомъ спасаться въ лѣсъ. Впрочемъ объ этой исторіи мы узнали лишь на другой день, вернувшись въ Гатчину съ фронта.

Тогда-же, выѣзжая изъ Гатчины, мы ни о чемъ не думали; только считали минуты и вздрагивали отъ каждаго толчка, трепеща за шины, которыя намъ нечѣмъ было замѣнить. Не стоитъ описывать нашу безумную погоню за неуловимыми эшелонами съ фронта, которыхъ мы такъ нигдѣ и не нашли, вплоть до самаго Пскова. Въѣзжая въ этотъ городъ, насколько помню, въ девятомъ часу вечера, мы ничего не знали о томъ, что здѣсь происходитъ, извѣстны ли уже СПб. событія, и если извѣстны, то какъ они здѣсь отразились. Поэтому рѣшили дѣйствовать съ величайшей осмотрительностью и поѣхали не прямо въ ставку Главнокомандующаго Сѣвернымъ фронтомъ генерала Черемисова, а на частную квартиру, къ его Генералъ-Квартирмейстеру Барановскому, бывшему начальнику моего военнаго кабинета. Тутъ я узналъ, что всѣ свѣдѣнія изъ СПб. самыя мрачныя, что въ самомъ Псковѣ уже дѣйствуетъ большевистскій военно-революціонный комитетъ; что въ рукахъ у этого комитета подписанная прап. Крыленко и матросомъ Дыбенко телеграмма о моемъ арестѣ въ случаѣ появленія въ Псковѣ. Сверхъ всего этого я узналъ и еще худшее, а именно: что самъ Черемисовъ дѣлаетъ всяческіе авансы революціонному комитету и что онъ не приметъ никакихъ мѣръ къ посылкѣ войскъ къ СПб., такъ какъ считаетъ подобную экспедицію безцѣльной и вредной.

Вскорѣ по моему вызову явился самъ Главнокомандующій. Произошло весьма тяжелое объясненіе. Генералъ не скрывалъ, что въ его намѣренія вовсе не входитъ въ чемъ-нибудь связывать свое будущее съ судьбой «обреченнаго» Правительства. Кромѣ того, онъ пытался доказать, что въ его распоряженіи нѣтъ никакихъ войскъ, которыя онъ бы могъ выслать съ фронта и заявилъ, что не можетъ ручаться за мою личную безопасность въ Псковѣ. Тутъ же Черемисовъ сообщилъ, что онъ уже отмѣнилъ свой приказъ ранѣе, данный въ соотвѣтствіи съ моимъ требованіемъ изъ СПб., о посылкѣ войскъ, въ томъ числѣ и 3-го коннаго корпуса.— Вы видѣли ген. Краснова, онъ раздѣляетъ ваше мнѣніе? спросилъ я. — Ген. Красновъ съ минуты на минуту пріѣдетъ ко мнѣ изъ Острова. — Въ такомъ случаѣ, генералъ, немедленно направьте его ко мнѣ. — Слушаюсь.

Генералъ ушелъ, сказавъ, что идетъ прямо въ засѣданіе военно-революціоннаго комитета, тамъ окончательно выяснитъ настроеніе мѣстныхъ войскъ и вернется ко мнѣ доложить. Отвратительное впечатлѣніе осталось у меня отъ свиданія съ этимъ умнымъ, способнымъ, очень честолюбивымъ, но совершенно забывшемъ о своемъ долгѣ человѣкѣ. Значительно позже я узналъ, что по выходѣ отъ меня, генералъ не только пошелъ въ засѣданіе военно-революціоннаго комитета. Онъ пытался еще по прямому проводу уговорить Командующаго Западнымъ фронтомъ ген. Балуева не оказывать помощи Правительству.

Отсутствіе Черемисова тянулось безконечно. А между тѣмъ каждая минута была дорога, ибо всякое опозданіе могло вызвать въ СПб. событіе непоправимое. Былъ одиннадцатый часъ ночи. Развѣ мы въ Псковѣ могли знать тогда, что въ это самое время Зимній Дворецъ, гдѣ засѣдало Врем. Правительство, выдерживалъ бомбардировку и послѣднія атаки большевиковъ?! Только въ первомъ часу ночи явился, наконецъ, генералъ Черемисовъ, чтобы заявить, что никакой помощи онъ правительству оказать не можетъ. А если, продолжалъ генералъ, я остаюсь при убѣжденіи о необходимости сопротивленія, то мнѣ нужно немедленно ѣхать въ Могилевъ, такъ какъ здѣсь въ Псковѣ мой арестъ неизбѣженъ. Говоря о Могилевѣ, генералъ Черемисовъ, однако, не доложилъ мнѣ, что Начальникъ Штаба Верх. Главнокомандующаго генералъ Духонинъ дважды добивался непосредственнаго разговора со мной и что дважды онъ ему въ этомъ отказалъ, не спрашивая меня. — «А Красновъ?» — спросилъ я. — «Онъ былъ и уже уѣхалъ назадъ въ Островъ». — «Но позвольте, генералъ, я же просилъ Васъ прислать Краснова ко мнѣ»!.. Насколько помню на это восклицаніе отвѣта не послѣдовало. Во всякомъ случаѣ я его не помню. Да, и не все-ли мнѣ было равно, что отвѣтилъ генералъ! Его преступное уклоненіе отъ исполненія своего долга было очевидно и я торопился отъ него отдѣлаться. Вѣдь у меня не было никакихъ колебаній. Я долженъ вернуться въ СПб., хотя бы съ однимъ полкомъ. Обсудивъ вмѣстѣ съ генераломъ Барановскимъ и моими молодыми спутниками создавшееся положеніе я рѣшилъ немедленно ѣхать въ Штабъ-квартиру 3-го коннаго казачьяго корпуса въ Островъ, а, если тамъ ничего не выйдетъ, продолжать путь въ свою ставку въ Могилевъ. Въ ожиданіи автомобиля я прилегъ отдохнуть. Въ ночной тишинѣ, казалось, слышенъ былъ стремительный бѣгъ секундъ и сознаніе, что каждый потерянный мигъ толкалъ все въ пропасть, было прямо невыносимо! Никогда еще я такъ не ненавидѣлъ этотъ безсмысленный бѣгъ времени все впередъ, все впередъ... Вдругъ звонокъ у парадной двери! Красновъ со своимъ Начальникомъ Штаба. Желаетъ сейчасъ же меня видѣть. Однимъ прыжкомъ я оказался въ залѣ, гдѣ меня дожидались оба офицера. Оказывается, получивъ отъ генерала Черемисова моимъ именемъ приказъ, отмѣнявшій начатое движеніе на СПб., генералъ Красновъ въ подлинности этого приказа усомнился и вмѣсто отъѣзда въ Островъ сталъ тутъ-же ночью разыскивать меня. — «А я, генералъ, только что долженъ былъ ѣхать къ Вамъ въ Островъ, разсчитывая на Вашъ корпусъ и предполагая, несмотря ни на какія препятствія, идти на СПб.»

Было рѣшено, что мы сейчасъ же вмѣстѣ выѣзжаемъ въ Островъ съ тѣмъ, чтобы въ то-же утро съ наличными силами двинуться къ столицѣ... Здѣсь, чтобы легче понять всѣ послѣдующія роковыя событія, нужно на минуту остановиться и вспомнить про-

шлое 3-го коннаго корпуса, съ которымъ судьбѣ угодно было связать мою послѣднюю попытку спасти государство отъ большевистскаго разгрома. 3-ій конный корпусъ былъ тотъ самый знаменитый корпусъ, который во главѣ съ«дикой дивизіей» подъ командой генерала Крымова былъ брошенъ ген. Корниловымъ 25-го августа противъ Временнаго Правительства. Послѣ «неудачи» деморализованныя части этого корпуса были разбросаны по всему Сѣверному фронту. Вотъ почему вмѣсто «корпуса» я нашелъ въ Островѣ лишь нѣсколько полковъ. Съ другой стороны самое участіе въ корниловскомъ походѣ сильно понизило «духъ» корпуса, разрушило въ значительной степени военную дисциплину и поселило глубокое недовѣріе къ офицерству въ строевомъ казачествѣ. Офицеры же въ свою очередь никакъ не могли примириться съ крахомъ корниловскаго начинанія и ненавидѣли всѣхъ его противниковъ, въ особенности, конечно, меня... Самъ генералъ Красновъ держалъ себя въ сношеніяхъ со мной съ большой, но корректной сдержанностью. Онъ былъ, вообще, все время очень, какъ говорится, себѣ на умѣ. Однако, у меня сразу создалось впечатлѣніе, что лично онъ готовъ все сдѣлать для подавленія большевистскаго мятежа. Не даромъ же сама судьба, чтобы дать мнѣ возможность продолжать борьбу, толкнула ко мнѣ Краснова!

Поздней ночью мы выѣхали въ Островъ. На разсвѣтѣ были тамъ. Данный по корпусу приказъ объ отмѣнѣ похода въ свою очередь былъ отмѣненъ. Походъ на СПб. — объявленъ. Мы не знали тогда, что Правительство, на помощь къ которому мы спѣшили, уже во власти большевиковъ, а сами министры въ Петропавловской крѣпости. Но мы воочію наблюдали съ какой стремительной быстротой петербургскія событія отзывались на фронтѣ, разрушая всюду дисциплину и едва налаженный послѣ Корнилова порядокъ. Не успѣли мы въѣхать въ Островъ, какъ стали уже кругомъ поговаривать о томъ, что мѣстный гарнизонъ рѣшилъ прибѣгнуть къ силѣ, дабы не выпустить казаковъ изъ города. Дѣйствительно, присутствуя утромъ по просьбѣ ген. Краснова на собраніи гарнизонныхъ и казачьихъ делегатовъ, я самъ могъ убѣдиться, что каждый лишній часъ промедленія въ городѣ дѣлалъ самое выступленіе корпуса изъ Острова все болѣе гадательнымъ. Постепенно вокругъ самого зданія Штаба 3-го корпуса скапливалась, все разростаясь, солдатская толпа, возбужденная и частью вооруженная.

Наконецъ, около 10 час. утра съ вокзала сообщили, что воинскіе поѣзда готовы къ нагрузкѣ. Наши автомобили пошли къ станціи конвоируемые казаками, напутствуемые ревомъ и угрозами разнузданной солдатчины. На вокзалѣ новыя серьезнѣйшія затрудненія: Псковъ подъ разными предлогами, чтобы сразу парализовать все наше начинаніе, не давалъ пути нашимъ поѣздамъ. Только мое личное присутствіе среди войскъ устранило, въ концѣ

концовъ, всѣ тайныя и явныя препятствія... Съ большимъ опозданіемъ поѣзда, груженные эшелонами 3-го коннаго корпуса, двинулись въ путь. Вся «боевая мощь» корпуса сводилась къ 500—600 казаковъ и къ нѣсколькимъ пушкамъ. Съ этими «силами» мы рѣшились однако, во что бы то ни стало пробить себѣ дорогу къ СПб., не ожидая никакихъ подкрѣпленій и нигдѣ не останавливаясь. Теперь я думаю, что это была ошибка непоправимая. Если бы въ то утро, 26-го октября, я бы уже зналъ о захватѣ большевиками Вр. Правительства, я ,навѣрное, остановился бы на этомъ слишкомъ рискованномъ планѣ. Основной его недостатокъ заключался въ томъ, что, пробивая себѣ съ казаками путь черезъ всѣ препятствія, разрушая всѣ козни, я оставлялъ за собой всѣ опасные пункты въ рукахъ враждебныхъ Правительству силъ и терялъ всякую связь съ тыломъ, откуда нужно было подтягивать покрѣпленія. Только къ вечеру этого дня въ поѣздѣ подъ Лугой, я получилъ первое извѣстіе о захватѣ Зимняго Дворца. Спеціальный курьеръ привезъ мнѣ эту новость изъ Пскова отъ ген. Барановскаго, который въ въ свою очередь получилъ сообщеніе по прямому проводу съ телеграфной станціи Зимняго Дворца отъ одного изъ офицеровъ моего военнаго кабинета. Казалось бы, извѣстіе о катастрофѣ пришло ко мнѣ изъ безукоризненнаго источника. Но, какъ это въ жизни часто случается, самое достовѣрное показалось намъ невѣроятнымъ, а самъ гонецъ изъ Пскова подозрительнымъ.

Вѣдь у насъ въ поѣздѣ сидѣлъ офицеръ, покинувшій Петербургъ утромъ 26-го октября. По его словамъ въ это время Правительство еще оборонялось во Дворцѣ, а въ городѣ сила сопротивленія противъ большевиковъ увеличивалась. Сопоставляя это показаніе «очевидца» съ содержаніемъ привезенной изъ Пскова телеграммы, невольно напрашивалась мысль, что трагическое извѣстіе было сфабриковано большевистскимъ агентомъ для того, чтобы вызвать смятеніе и деморализацію въ рядахъ правительственныхъ силъ. И какъ бы не было трудно, почти безнадежно положеніе СПб. еще утромъ 25-го, въ часъ нашего отъѣзда, намъ все-таки представлялось невѣроятнымъ, чтобы г.г. большевики къ 2-мъ часамъ утра на 26-ое могли уже сдѣлаться хозяевами Дворца и Штаба.

27-го на разсвѣтѣ нашъ отрядъ приблизился къ Гатчинѣ, которая къ этому времени была уже оффиціально во власти большевиковъ, во власти мѣстнаго военно-революціоннаго Комитета и Совѣта. Городъ былъ переполненъ различными большевистскими войсками: мѣстной пѣхотой, артиллеріей, матросами изъ Кронштадта, блиндированными автомобилями изъ Петербурга и т. д. Несмотря на подавляющее численное превосходство «врага», было рѣшено городъ занять немедленно. Войска были выгружены и военныя операціи начались. Эти операціи быстро и блестяще закончились. Почти безъ выстрѣла и, насколько помню, безъ всякихъ

жертвъ Гатчина была занята правительственными «войсками». «Революціонныя» же войска удирали во всѣ стороны или сдавались со всѣми своими ружьями, пулеметами, ручными гранатами и т. д. При поспѣшномъ отступленіи даже одинъ блиндированный автомобиль оказался просто брошеннымъ своей командой... Около 4-хъ часовъ дня я снова вмѣстѣ со всѣми спутниками входилъ въ квартиру коменданта, которую менѣе двухъ сутокъ тому назадъ такъ во время и такъ счастливо покинулъ.

Подготовляя дальнѣйшія военныя операціи, я, конечно, не взялъ на себя военно-техническаго руководства и назначилъ ген. Краснова Командующимъ всѣми вооруженными силами СПб. района. Въ этой области, полагалъ я, на мнѣ будетъ лежать обязанность всемѣрно поддерживать генерала Краснова, особенно въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ его личнаго авторитета будетъ недостаточно. Первымъ непримѣннымъ условіемъ дальнѣйшаго успѣха нашего отряда было срочное появленіе съ фронта подкрѣпленій, въ частности, пѣхоты. Съ первой минуты появленія въ Гатчинѣ я сталъ посылать во всѣ стороны телеграмму за телеграммой съ требованіемъ высылки войскъ. Отовсюду отвѣчали, что войска уже высланы или высылаются. По нашимъ разсчетамъ, основаннымъ на оффиціальныхъ данныхъ, первый эшелонъ пѣхоты во всякомъ случаѣ долженъ былъ быть въ Гатчинѣ къ вечеру 27-го. Особенно настоятельная потребность въ пѣхотѣ была у насъ не только потому, что было весьма затруднительно развивать операціи съ одной только кавалеріей и артиллеріей. Строевые казаки 3-го корпуса, вспоминая горькій опытъ Корниловскаго похода, настойчиво добивались, чтобы рядомъ съ ними сражались не только чужіе «русскіе» офицеры, но и солдаты. Дѣло въ томъ, что наше появленіе въ Гатчинѣ привлекло сюда весьма значительное количество офицеровъ. Это придавало нашему лагерю довольно своеобразный видъ и весьма настораживало казачью массу; настораживало тѣмъ болѣе, что имъ приходилось слышать въ этой офицерской толпѣ разговоры и выраженія, дѣйствительно, достаточно «старо-режимные». Я думаю, что именно это выявлявшееся нервное и недовѣрчивое къ офицерству настроеніе линейныхъ казаковъ и заставило Краснова съ его Штабомъ вести себя съ побѣжденными съ гораздо большей снисходительностью, чѣмъ, по правдѣ сказать, это слѣдовало. Впрочемъ ,ген. Красновъ и въ Гатчинѣ, и позже въ Царскомъ Селѣ предпочиталъ, какъ правилю, прибѣгать не къ силѣ оружія, а къ переговорамъ, рѣчамъ и увѣщаніямъ. Кромѣ того не принималось никакихъ мѣръ къ очищенію занятыхъ городовъ отъ большевистскихъ элементовъ. Пользуясь этимъ большевистскіе агенты всюду проникали, всюду путали, мѣшали, саботировали; постоянно распускали паническіе слухи, наконецъ, проникали въ казачьи ряды, гдѣ вели ловкую пропаганду противъ офицерства, выставляя и меня «реакціонеромъ»,

«вторымъ Корниловымъ» и т. д. За все это положеніе вещей, конечно, отвѣтственен я самъ, но у меня было правило: не вмѣшиваться въ распоряженія лицъ, которымъ я поручалъ исполненіе той или иной задачи...

Какъ ни были ничтожны наши силы, мы рѣшили въ ожиданіи подкрѣпленій съ фронта не останавливать нашего марша на СПб. Прежде всего, мы были убѣждены, что первые эшелоны, какъ я уже говорилъ, будутъ въ Гатчинѣ вечеромъ 27-го или, въ крайнемъ случаѣ, на разсвѣтѣ 28-го октября. А затѣмъ нужно было использовать до конца то деморализующее впечатлѣніе, которое произвело на возставшихъ мое быстрое возвращеніе съ войсками съ фронта и захватъ Гатчины. Вѣдь никто еще не зналъ дѣйствительное количество штыковъ и орудій, бывшихъ въ нашемъ распоряженіи.

Весь Петербургъ дружественный и враждебный — былъ убѣжденъ, что количество «войскъ Керенскаго» исчисляется тысячами! Наконецъ тактика «быстроты и натиска» диктовалась повелительно общимъ состояніемъ страны и, въ особенности, фронта. Главнымъ козыремъ большевистской игры былъ миръ, миръ немедленный! Захвативъ въ ночь на 26-ое зданіе главнаго телеграфа въ СПб. и самую въ Россіи могущественную Царскосельскую радіостанцію, г.г. большевики стали немедленно разсылать по всему фронту свои воззванія о мирѣ, провоцируя утомленныхъ солдатъ, толкая ихъ на стихійную демобилизацію и бѣгство домой, на братаніе и постыдныя «замиренія» по—ротно и по—взводно. Необходимо было попытаться разорвать всѣ связи между петербургскими большевиками и фронтомъ, остановить потокъ отравленной пропаганды, растекавшійся повсюду по проводамъ и пріемникамъ правительственнаго телеграфа и радіо. Черезъ 8—10 дней было бы уже поздно: фронтъ былъ бы сорванъ, и страну затопила бы стихія сорвавшейся съ фронта солдатчины. Выхода не было. Надо было безумно рисковать, но дѣйствовать!

Кстати, я долженъ сказать, что установившаяся легенда о томъ, что Вр. Правительство — Правительство Февральской Великой Революціи — исчезло съ лица земли среди всеобщаго равнодушія, не вполнѣ соотвѣтствуетъ истинѣ. Въ дѣйствительности дни нашего похода на СПб. были днями. когда гражданская война вспыхнула и разгорѣлась по всей странѣ и на фронтѣ. Героическое возстаніе юнкеровъ 29-го въ СПб., уличные бои въ Москвѣ, Саратовѣ, Харьковѣ и т. д., сраженія между вѣрными Революціи и возставшими войсковыми частями на фронтѣ — все это достаточно свидѣтельствуетъ, что мы были не совсѣмъ одиноки въ нашей послѣдней борьбѣ за честь, достоинство и самое существованіе нашей Родины.

Упадокъ духа и малодушіе, овладѣвшіе верхами революціонныхъ круговъ; полное всеобщее почти непониманіе всего роковаго

смысла развивающихся событій; отсутствіе у однихъ сознанія неразрывной связи судьбы самой Февральской Революціи съ судьбой въ ея нѣдрахъ рожденной власти; тайныя опасенія у другихъ, какъ бы слишкомъ скорый провалъ большевиковъ не послужилъ къ торжеству «реакціи»; надежда у третьихъ руками большевиковъ покончить съ ненавистной демократіей; наконецъ, цѣлый вихрь личныхъ интригъ и вождѣленій — всѣ эти процессы разложенія на верхахъ революціонной общественности свели на нѣтъ всѣ тогдашнія попытки предотвратить крахъ, который, впрочемъ, былъ, быть можетъ, неизбѣженъ.

II.

Итакъ, обосновавшись съ утра 27-го въ Гатчинѣ, мы, подсчитавъ всѣ наши наличныя силы и возможныя подкрѣпленія, рѣшили на разсвѣтѣ на 28-ое начать движеніе на Царское Село съ разсчетомъ захватить его къ полудню этого же дня. Самъ ген. Красновъ былъ полонъ увѣренности и бодрости, считалъ, что подкрѣпленія ему понадобятся главнымъ образомъ лишь послѣ овладѣнія Царскимъ Селомъ для петербургской операціи въ тѣсномъ смыслѣ этого слова. Настроеніе казаковъ въ этотъ день 27-го было тоже еще вполнѣ удовлетворительное. Къ разсвѣту 28-го казаки стали выступать изъ Гатчины и скоро ихъ полки въ походномъ порядкѣ вытянулись вдоль Царскосельскаго шоссе. Въ это же утро пришло первое подкрѣпленіе: превосходный блиндированный поѣздъ, обильно снабженный пулеметами и скорострѣльными легкими пушками. Но уже въ это утро насъ стала сильно безпокоить и волновать та медлительность, съ которой продвигались къ намъ съ фронтовъ эшелоны. Эта медлительность становилась прямо странной и загадочной. Позднѣе мы получили объясненіе этой загадочности: съ одной стороны насъ «саботировали» нѣкоторые штабы, напримѣръ, тотъ же Черемисовъ; съ другой — большевики желѣзнодорожники и телеграфисты примѣняли къ воинскимъ поѣздамъ, шедшимъ въ направленіи на Гатчину, итальянскую забастовку. Часа через три послѣ выступленія отряда, я выѣхалъ къ нему въ догонку. Я нашелъ казаковъ совсѣмъ не тамъ, гдѣ разсчитывалъ. Къ сожалѣнію отрядъ продвигался совсѣмъ не съ той быстротой, съ какой предполагалось, и скоро выяснилось окончательно, что казаки ни въ какомъ случаѣ къ полудню въ Царское Село не поспѣютъ...

Слѣдуя разъ навсегда принятому правилу не вмѣшиваться въ чисто военныя операціи, я остановился приблизительно на полдорогѣ между Гатчиной и Царскимъ Селомъ у зданія Метеорологической Обсерваторіи, съ вышки которой въ бинокль все «поле военныхъ дѣйствій» было какъ на ладони. Здѣсь, а можетъ быть нѣсколько раньше въ пути, я узналъ, что большевики, будто бы, успѣ-

ли организовать подъ Царскимъ Селомъ кое-какое сопротивленіе и что ген. Красновъ только послѣ нѣкотораго артиллерійскаго обстрѣла атакуетъ городъ.

Дѣйствительно, спустя нѣсколько времени по пріѣздѣ нашемъ на Обсерваторію, мы услышали короткую канонаду. Затѣмъ все стихло. Время шло быстро. Тишина нигдѣ не нарушалась. Отъ генерала Краснова никакихъ извѣстій не поступало. Наконецъ, мнѣ надоѣло ждать и ничего не дѣлать: я самъ поѣхалъ къ мѣсту сосредоточенія правительственныхъ войскъ. Ген. Красновъ доложилъ, что задержка объясняется лучшей, чѣмъ онъ думалъ, организаціей обороны Царскаго Села, а также слишкомъ ничтожной численностью нашего отряда. Впродолженіи этого разговора ген. Красновъ какъ то по новому держалъ себя со мной. Въ концѣ разговора онъ какъ-то съ запинкой вдругъ попросилъ меня не оставаться на полѣ сраженія, не особенно раздѣльно объясняя мнѣ, что мое присутствіе не то мѣшаетъ операціямъ, не то волнуетъ офицеровъ — что-то въ этомъ родѣ. Все это мнѣ показалось очень страннымъ, не совсѣмъ понятнымъ, пока... пока я не замѣтилъ въ его окруженіи нѣсколько слишкомъ хорошо извѣстныхъ мнѣ фигуръ изъ Совѣта Союза казачьихъ войскъ. Оказалось, Совѣтъ прислалъ ген. Краснову особую делегацію. Тогда новый тонъ и новая манера генерала мнѣ стали слишкомъ понятны. Слишкомъ свѣжо еще было въ памяти поведеніе казачьихъ полковъ въ СПб. въ ночь на 26-е, ихъ подозрительный нейтралитетъ — результатъ агитаціи этого самаго Совѣта! Появленіе политикановъ и интригановъ изъ Союза казачьихъ войскъ въ моемъ отрядѣ почувствовалось и не предвѣщало ничего хорошаго. Мое вниманіе еще больше насторожилось, когда въ Обсерваторіи, куда я вернулся послѣ бесѣды съ ген. Красновымъ, меня нагналъ Савинковъ.

Савинковъ — въ моемъ отрядѣ, какъ делегатъ Совѣта Союза казачьихъ войскъ?! Это явленіе и тогда, и потомъ долгое время спустя оставалось для меня совершенной загадкой, какими путями и средствами Савинковъ,—по его собственному домогательству назначенный мной Начальникомъ обороны СПб. противъ войскъ Корнилова, — Савинковъ первый въ своемъ воззваніи назвавшій возставшаго генерала измѣнникомъ, — какимъ образомъ этотъ господинъ заручился довѣріемъ Совѣта казачьихъ войскъ, — организаціи, до конца преданной Корнилову. Вѣдь всѣ эти Дутовы, Анисимовы и пр. казаки-политиканы были злѣйшими врагами всего Вр. Правительства и, въ особенности, моими».

Въ ту минуту появленіе въ маленькой комнаткѣ обсерваторіи, гдѣ я сидѣлъ, этого своеобразнаго «казака» сразу, съ быстротой молніи освѣтило мнѣ все новое положеніе въ отрядѣ. Сразу я не столько понялъ, сколько почувствовалъ, что появленіе этой «делегаціи» не пройдетъ даромъ для успѣха моего предпріятія. Я уже

не помню теперь всѣхъ деталей этого короткаго свиданія съ Савинковымъ. Помню только, что этотъ «казакъ» старался говорить съ особо загадочнымъ и трагическимъ видомъ; что онъ съ особо предостерегающимъ тономъ вопрошалъ меня, намѣренъ ли я предоставить ему какое-либо оффиціальное при себѣ положеніе. Я уклонился отъ всякаго съ нимъ по существу разговора. Мы разстались . . .

А время шло. Солнце уже склонялось къ западу. Я успѣлъ еще разъ по разнымъ срочнымъ дѣламъ съѣздить въ Гатчину, но о «рѣшительномъ «натискѣ» на Царское Село такъ и не было ничего слышно. Тогда я снова поѣхалъ въ отрядъ, на этотъ разъ съ твердымъ рѣшеніемъ вмѣшаться въ самыя военныя дѣйствія. Я уже болѣе не сомнѣвался, что внезапный параличъ, охватившій всѣ части 3-го коннаго корпуса, происхожденія не военно-техническаго, а чисто политическаго. Я нашелъ отрядъ Краснова уже въ самомъ предмѣстіи города, но не замѣтилъ ни малѣйшаго намека на военныя дѣйствія. Напротивъ «между «осаждавшими» и «осажденными» шли какіе то безконечные переговоры о добровольномъ подчиненіи, о сдачѣ оружія и т. д. Выяснивъ на мѣстѣ положеніе, послалъ генералу Краснову одно или два (не помню) письменныхъ требованія немедля начать военныя дѣйствія противъ Царскаго Села, открывъ артиллерійскій огонь. Генералъ отвѣчалъ, что недостаточное количество войскъ, а также колеблющееся и крайне возбужденное настроеніе казаковъ, заставляетъ его избѣгать всякихъ рѣшительныхъ мѣръ. Было очевидно, что Красновъ не торопился. До сихъ поръ я остаюсь при глубочайшемъ убѣжденіи, что при доброй волѣ командованія, при отсутствіи интригъ, мы заняли бы Царское Село еще утромъ на 12 часовъ раньше, чѣмъ это случилось. А это въ свою очередь дало бы намъ возможность начать слѣдующую операцію на 24 часа раньше, т. е. до разгрома возстанія юнкеровъ. Какъ будетъ видно дальше, это сознательное промедленіе подъ Царскимъ Селомъ было послѣднимъ роковымъ ударомъ для всего нашего похода.

Уже совсѣмъ вечеромъ ген. Красновъ, такъ и не начиная бомбардировки, доложилъ мнѣ, что намѣренъ нѣсколько оттянуть войска назадъ, отложить занятіе Царскаго Села на завтра. Это было уже слишкомъ. Я ни при какихъ условіяхъ не могъ дать на это свое согласіе. Во первыхъ, я не видѣлъ никакихъ препятствій къ немедленному овладѣнію Царскимъ Селомъ; во вторыхъ, я считалъ недопустимымъ чѣмъ нибудь въ нашихъ дѣйствіяхъ создать впечатлѣніе нашей слабости и неувѣренности. Какъ разъ въ это время пріѣхавшій изъ СПб. комиссаръ Сѣвернаго фронта Станкевичъ сильно помогъ мнѣ въ моемъ разногласіи съ ген. Красновымъ. Станкевичъ, сообщая о положеніи въ столицѣ и, въ частности, о состояніи тамъ готовыхъ насъ поддержать боевыхъ силъ, всячески настаивалъ на ускореніи нашего продвиженія къ Петербургу. Въ концѣ концовъ,

было рѣшено немедленно занять Царское Село. Около полуночи, какъ и слѣдовало ожидать, безъ всякихъ затрудненій, что называется «безъ выстрѣла» нашъ отрядъ вступилъ въ городъ. Съ такимъ же успѣхомъ это можно было сдѣлать ровно на 12 часовъ раньше.

Поѣхалъ я на ночевку въ Гатчину съ самыми мрачными мыслями. Опытъ этого дня не оставлялъ больше сомнѣній, что высшее командованіе отрядомъ уже во власти всяческихъ интригъ, что мысль о благѣ Государства померкла въ умахъ многихъ! Скорѣйшее окруженіе ядра казачьихъ войскъ армейской пѣхотой, артиллеріей и проч. — вотъ, казалось мнѣ, единственный выходъ изъ тупика. Я надѣялся твердо въ Гатчинѣ найти свѣжія войска, которыя я могъ бы сейчасъ же направить въ Царское. Въ Гатчинѣ я нашелъ только... телеграммы. Между тѣмъ за день нашего отсутствія настроеніе здѣсь въ низахъ сильно ухудшилось; особенно подъ вліяніемъ обнаружившагося на правомъ флангѣ (въ направленіи на Ораніенбаумъ и Красное Село) и развивающагося давленія большевистскихъ силъ; дѣйствовали здѣсь, главнымъ образомъ, матросскіе отряды.

Неопредѣленность положенія, отсутствіе точныхъ свѣдѣній, масса нелѣпыхъ слуховъ создавали въ городѣ особенно къ ночи, крайнюю нервозность, готовую въ любую минуту превратиться въ панику. Какъ разъ въ эту ночь на 29-ое и въ утро слѣдующаго дня въ СПб. разыгралось трагическое кровавое недоразумѣніе. Въ то время въ СПб. гарнизонѣ, какъ въ полкахъ, такъ и въ спеціальныхъ войскахъ, было еще достаточно организованныхъ анти-большевистскихъ элементовъ, готовыхъ при первомъ удобномъ случаѣ съ оружіемъ въ рукахъ выступить противъ большевиковъ. Если къ этому добавить военныя училища, которыя почти всѣ тогда готовились къ возстанію, да три казачьихъ полка, то въ СПб. оказался бы весьма серьезный анти-большевистскій «кулакъ», который въ нужное время могъ бы нанести рѣшительный ударъ въ тылъ большевистскимъ войскамъ, занимавшимъ у Пулкова позиціи фронтомъ къ моему отряду. Сверхъ того въ это время всѣ партійныя боевыя организаціи, въ особенности П. С.-Р., были тоже мобилизованы... Однако, по случайнымъ еще недостаточно выясненнымъ обстоятельствамъ, а такъ же и по злой волѣ предателей провокаторовъ, всѣ готовыя къ бою анти-большевистскія силы были пущены въ дѣйствіе раньше, чѣмъ мы могли ихъ поддержать, или, по крайней мѣрѣ, воспользоваться возстаніемъ въ С. Пб. для атаки на большевистскія войска у Пулкова.

Конечно, если бы мы были хоть во время освѣдомлены о событіяхъ въ столицѣ, мы немедленно бросились бы на помощь, какъ бы врасплохъ не застало насъ извѣстіе о возстаніи. Весь ужасъ положенія заключался въ томъ, что не только спровоцированное возстаніе вспыхнуло преждевременно, но о немъ мы въ Царскомъ Се-

лѣ весь день ничего не знали. Только около 4-хъ час. дня, когда все было уже кончено, меня вызвали по телефону изъ Михайловскаго Замка и сообщили о разгромѣ и о томъ, что оставшіеся въ живыхъ повстанцы умоляютъ о помощи... Но что я могъ теперь сдѣлать? Какъ могъ СПб. возстать безъ всякой связи съ нами?! — Этотъ вопросъ приводилъ меня въ отчаяніе и бѣшенство!

Поздно вечеромъ въ Гатчину пріѣхали изъ СПб. нѣкоторые изъ моихъ политическихъ друзей и привезли съ собой страшный отвѣтъ на этотъ мучившій меня вопросъ. Оказывается, по плану заговорщиковъ, возстаніе должно было вспыхнуть въ нужный моментъ въ полномъ содѣйствіи съ ходомъ военныхъ дѣйствій моего отряда. Въ засѣданіи военнаго совѣта, происходившаго вечеромъ 28-го октября, никакой резолюціи о немедленномъ возстаніи принято не было. Это произошло позже, когда засѣданіе кончилось и большая часть участниковъ его разошлась. Въ этотъ моментъ въ помѣщеніе засѣданія Совѣта явилось нѣсколько военныхъ съ крайне тревожнымъ, но едва ли вѣрнымъ, извѣстіемъ. — Большевики, узнавъ о готовящихся событіяхъ, рѣшили съ утра 29 приступить къ разоруженію всѣхъ военныхъ училищъ; больше поэтому медлить нельзя, завтра не нужно рисковать... И дѣйствительно, утромъ началась канонада, происхожденіе и смыслъ которой сначала оставались непонятными большинству гражданскихъ и военныхъ руководителей анти-большевистскаго движенія въ СПб. Провокація вполнѣ достигла своей цѣли. Анти-большевистскія боевыя силы были во время и на голову разбиты въ столицѣ. Я съ отрядомъ не могъ больше ни на что разсчитывать въ СПб. Зато большевистскія войска, стоявшія противъ насъ сильно ободрились.

Не могу не подчеркнуть поведеніе во время этого несчастнаго возстанія 29-го тѣхъ казачьихъ полковъ, которые, давъ лично мнѣ торжественное обѣщаніе исполнить свой долгъ, такъ всю ночь на 26-ое октября и «сѣдлали своихъ коней». Эти полки остались вѣрны себѣ. Несмотря на предварительные переговоры, несмотря на всѣ ужасы, творившіеся на улицахъ СПб., когда юнкера и штатскіе разстрѣливались и топились сотнями, несмотря на все это казаки остались «нейтральными». Старикъ Чайковскій, кажется съ Авксентьевымъ, ѣздили въ казармы умолять казаковъ о помощи. Все было тщетно. По разсказамъ участниковъ возстанія, полк. Полковниковъ и ему подобные тоже остались вѣрны своей тактикѣ: руками большевиковъ разбить Вр. Правительство и ненавистную демократію, а затѣмъ создать сильную національную диктаторскую власть.

Но вернемся къ Царскому Селу: Весь день 29-го прошелъ здѣсь въ подготовкѣ къ бою, который долженъ былъ начаться на разсвѣтѣ 30-го въ понедѣльникъ. Фронтъ большевиковъ проходилъ по высотамъ Пулкова. На правомъ флангѣ у нихъ было Красное Село; оттуда они могли предпринять обходное движеніе на

Гатчину. По донесеніямъ развѣдчиковъ противъ насъ было сосредоточено не менѣе 12 — 15 тысячъ войскъ всякаго рода оружій. Пулковскія высоты были заняты кронштадскими матросами, какъ оказалось, прекрасно вышколенными германскими инструкторами. Мы располагали нѣсколькими сотнями (600—700) казаковъ, превосходной, но малочисленной артиллеріей, однимъ блиндированнымъ поѣздомъ съ полкомъ пѣхоты, подоспѣвшимъ изъ Луги. Не много! Правда, мы имѣли еще цѣлыя груды телеграммъ, извѣщавшія насъ о приближеніи эшелоновъ. Около 50 воинскихъ поѣздовъ, преодолѣвая всякія препятствія, пробивались къ Гатчинѣ съ разныхъ фронтовъ. Но ждать и медлить было уже невозможно. Большевистское командованіе лихорадочно накапливало силы и вотъ, вотъ могло перейти въ наступленіе... Раннимъ утромъ 30-го октября началось сраженіе подъ Пулковымъ. Въ общемъ, оно развивалось для насъ благополучно. Большая часть большевистскихъ войскъ (СПб. гарнизона) бросала свои позиціи какъ только начинался обстрѣлъ нашей артиллеріи и при малѣйшемъ натискѣ казаковъ. Но правый флангъ большевиковъ держался крѣпко. Здѣсь дрались кронштадскіе матросы съ ихъ германскими инструкторами. Въ рапортѣ, поданномъ мнѣ вечеромъ этого дня генераломъ Красновымъ, прямо говорилось, что матросы сражались по всѣмъ правиламъ нѣмецкой тактики и что среди нихъ были взяты въ плѣнъ люди, не говорившіе ни слова по русски или говорившіе съ нѣмецкимъ акцентомъ. Бой подъ Пулковымъ закончился къ вечеру для насъ успѣшно, но этотъ успѣхъ нельзя было ни использовать (преслѣдованіемъ), ни закрѣпить благодаря ничтожности нашихъ силъ. Генералъ Красновъ «въ полномъ порядкѣ» отошелъ къ Гатчинѣ. Около 8-ми часовъ вечера Красновъ со штабомъ и въ сопровожденіи своихъ утомленныхъ и возбужденныхъ полковъ въѣзжалъ уже въ ворота Гатчинскаго Дворца.

Вѣроятно, съ точки зрѣнія военной этотъ маневръ былъ вполнѣ объяснимъ и резоненъ. Но въ напряженной, колеблющейся политической обстановкѣ того времени этотъ отходъ вызвалъ полное разложеніе въ рядахъ правительственнаго отряда. Это было началомъ конца!

Прежде чѣмъ описывать эти послѣдніе 36 часовъ нашей агоніи, вернусь къ настроеніямъ въ отрядѣ, пока онъ былъ въ Царскомъ Селѣ. Тогда понятнѣе будетъ психологія послѣднихъ гатчинскихъ событій. Къ несчастью, всѣ отрицательныя стороны нашего гатчинскаго быта здѣсь въ Царскомъ Селѣ развернулись пышнымъ цвѣтомъ. Съ одной стороны горсть нашихъ казаковъ прямо растаяла въ мѣстной гарнизонной массѣ. Никакихъ мѣръ охраны, изоляціи, хотя бы внѣшняго порядка принято не было. Всюду — въ аллеяхъ парка, на улицахъ, у воротъ казармъ — шли митинги, собирались кучки, шныряли агитаторы, «обрабатывавшіе»

нашихъ «станичниковъ». Какъ и раньше «гвоздемъ» пропаганды было сравненіе моего похода съ Корниловымъ. — «Опять, товарищи, васъ, какъ при царѣ и при Корниловѣ хотятъ заставить избивать крестьянъ и рабочихъ, чтобы вернуть всю власть помѣщикамъ, буржуямъ и генераламъ». Строевые казаки долго не оставались равнодушными къ этой демагогіи и смотрѣли въ сторону своего начальства все сумрачнѣе. А въ это время само начальство — отъ самыхъ верховъ Штаба до послѣдняго хорунжаго, всѣ почти безъ исключенія — забывъ о своихъ прямыхъ обязанностяхъ, все опредѣленнѣе отдавались политиканству. Пріѣзжіе и мѣстные «непримиримые корниловцы» стали совсѣмъ открыто «работать» среди офицерства, сѣя смуту, разжигая ненависть къ Вр. Правительству, требуя расправы со мной. Самъ Красновъ сталъ все рѣшительнѣе сбрасывать маску своей «лойяльности». Такъ, когда въ отвѣтъ на протянутую (по моему обычаю здороваться со всѣми одинаково) руку молоденькій «адъютантъ», сопровождавшій Савинкова, отвѣтилъ мнѣ, что не можетъ здороваться съ «предателемъ Корнилова», то ген. Красновъ покрылъ «геройскій поступокъ» этого юнца, давъ ему возможность немедленно скрыться изъ подъ ареста. Однимъ словомъ, въ атмосферѣ интриги уже ясно чувствовались признаки измѣны... Мое присутствіе въ отрядѣ почиталось въ Штабѣ вреднымъ для «успѣха боя» и т. д. Мѣшать успѣху я отнюдь не желалъ; отказаться отъ борьбы съ большевиками тоже не могъ, не имѣлъ права.Бездѣйствовать въ Гатчинѣ тоже было не особенно привлекательно, а главное безполезно. Такъ думалъ я, подводя итоги своего пребыванія въ Царскомъ Селѣ ночью на 30-е октября, и рѣшилъ: немедленно выѣхать навстрѣчу приближавшимся эшелонамъ. Я надѣялся личнымъ присутствіемъ также протолкнуть ихъ къ Царскому Селу, какъ я протолкнулъ мимо Пскова казачій корпусъ, и доставить Краснову пѣхоту еще не слишкомъ поздно. Насколько помню, рано утромъ 30-го октября я послалъ записку о своемъ отъѣздѣ въ Царское ген. Краснову. Велико было мое удивленіе, когда немного погодя, ко мнѣ явилась делегація Совѣта казачьихъ войскъ, въ томъ числѣ и г. Савинковъ! Явившіеся заявили мнѣ отъ имени всего отряда, что мой отъѣздъ сейчасъ крайне нежелателенъ; что онъ можетъ плохо отозваться на психологіи линейныхъ казаковъ и, слѣдовательно, отразиться на исходѣ боя; что, наконецъ, казаки пришли сюда со мною и судьба наша теперь должна быть одинаковая. Въ отвѣтъ я объяснилъ г. г. делегатамъ цѣль моей поѣздки и особенно подчеркнулъ, что считалъ поѣздку возможной только потому, что вчерашнее поведеніе Краснова и его штаба создали во мнѣ убѣжденіе, что я здѣсь совсѣмъ лишній. Если же это не такъ, заявилъ я; если мой отъѣздъ можетъ отозваться на успѣхѣ борьбы, то я, конечно, остаюсь, но за то надѣюсь, что и казаки со своей стороны, до конца останутся вмѣстѣ съ Вр. Правительствомъ. — Свиданіе кончилось. Я

остался въ Гатчинѣ, а вечеромъ, какъ я уже писалъ, вернулся сюда весь отрядъ.

Въ самой Гатчинѣ, еще задолго до появленія казаковъ, свѣдѣнія объ «отступленіи войскъ Керенскаго» распространились съ быстротой молніи, вызвавъ панику у однихъ, удвоивъ энергію и дерзость другихъ. Вечеромъ передъ возвращеніемъ Краснова ко мнѣ изъ СПб. явилась депутація отъ такъ наз. Викжеля (Всероссійскій Исполнительный Комитетъ Союза Желѣзнодорожныхъ служащихъ) съ наглымъ ультиматумомъ: вступить съ большевиками въ мирные переговоры подъ угрозой ж.-дор. забастовки. Былъ поставленъ срокъ для отвѣта въ нѣсколько часовъ, какой точно не помню. Произошла бурная сцена. Особенно возмутительно было участіе въ этой компаніи умѣреннѣйшаго и аккуратнѣйшаго петербургскаго адвоката Виктора де-Плансона. Это предательство Викжеля дѣлало наше положеніе прямо трагическимъ, ибо ж.д. забастовка, ничѣмъ не отражаясь на состояніи вооруженныхъ силъ большевиковъ (уже сосредоточившихся въ СПб. съ резервомъ на Балтику), отрѣзала бы насъ отъ всѣхъ фронтовъ и отъ всѣхъ идущихъ подкрѣпленій.

Какъ бы тамъ ни было, но времени больше терять было нельзя. Надо было спѣшно организовывать охрану Гатчины на случай возможнаго теперь внезапнаго удара со стороны Краснаго Села и Ораніенбаума. Сдѣлать это, однако, было почти невозможно, несмотря на сосредоточіе въ городѣ огромнаго количества офицеровъ: всѣ они предпочитали проводить время во Дворцѣ, въ помѣщеніяхъ Штаба, обсуждая положеніе, споря, а главное, все и всѣхъ критикуя. Мѣстный комендантъ совсѣмъ растерялся и каждый кругомъ дѣлалъ, что и какъ хотѣлъ. Когда ген. Красновъ пришелъ ко мнѣ, я въ разговорѣ сообщилъ ему объ ультиматумѣ Викжеля; предупредилъ, что эта исторія еще будетъ имѣть продолженіе и спросилъ его мнѣніе. По словамъ генерала выходило, что при настоящихъ условіяхъ для выигрыша времени лучше, пожалуй, начать переговоры о перемиріи; это нѣсколько успокоитъ казаковъ, все съ большей настороженностью посматривающихъ на свое начальство и дастъ возможность дождаться подкрѣпленій.

Эти подкрѣпленія, эта пѣхота, сдѣлались для казаковъ просто какой-то притчей во языцѣхъ. Напрасно имъ показывали груды телеграммъ о продвиженіи эшелоновъ; напрасно доказывали, что это продвиженіе, дѣйствительно, происходитъ и что ждать остается уже недолго. Напрасно. Казаки все внимательнѣе прислушивались къ рѣчамъ агитаторовъ, все меньше довѣряли нашимъ словамъ и бумагамъ, все болѣе и болѣе проявляли ожесточенія и недовѣрія къ офицерству.

Въ этотъ же вечеръ 30-го октября, воспользовавшись новымъ пріѣздомъ ко мнѣ моихъ друзей изъ СПб., я «на всякій случай»

передалъ имъ письмо на имя Н. Д. Авксентьева, которымъ я вручалъ Предсѣдателю Совѣта Республики права и обязанности Министра-Предсѣдателя и предлагалъ немедленно пополнить составъ Вр. Правительства.

Я считалъ необходимымъ написать это письмо, чтобы сохранить безспорной формальную преемственность Верховной Власти, полученной Вр. Правительствомъ непосредственно изъ рукъ послѣдняго законнаго представителя павшей Династіи. Не успѣлъ я покончить съ этимъ дѣломъ, какъ мнѣ пришли сообщить, что собраніе офицеровъ, находящихся въ Гатчинѣ, желаетъ настоятельно, чтобы бывшій управляющій военнымъ министерствомъ Савинковъ былъ назначенъ начальникомъ обороны города; что они ему довѣряютъ и сейчасъ же приступятъ къ организаціи защиты. Савинковъ былъ мной назначенъ, что вызвало конечно «взрывъ негодованія» противъ меня слѣва и было въ эту же ночь использовано большевиками, какъ новое доказательство моей «контръреволюціонности».

Только поздно ночью я, наконецъ, остался одинъ въ компаніи съ моими двумя юными адъютантами, вѣрными мнѣ до конца. Теперь можно было подумать о своей собственной судьбѣ, которая не представлялась намъ особенно загадочной. Одинъ изъ моихъ адъютантовъ недавно сталъ отцомъ семейства. Послѣ большихъ трудовъ, мнѣ удалось убѣдить его покинуть меня при первомъ удобномъ случаѣ, который скоро и представился. Зато другой — девятнадцатилѣтній юнецъ, не разстававшійся со мной съ перваго дня Революціи не поддался никакимъ увѣщаніямъ; съ нимъ мы заключили братскій союзъ итти вмѣстѣ навстрѣчу всѣмъ случайностямъ. Въ это время мы уже чувствовали, что идемъ быстро къ неизбѣжному...

Утромъ 31-го октября я созвалъ военный совѣтъ. Присутствовали: ген. Красновъ, его Начальникъ штаба пол. Поповъ, Помощникъ командующаго войсками СПб. Воен. Округа капитанъ Кузьминъ, Начальникъ Обороны Гатчины Савинковъ, Комиссаръ Сѣвернаго фронта Станкевичъ и кто-то еще изъ корпуснаго Штаба. Открывъ засѣданіе я далъ краткій политическій обзоръ событій, насколько, конечно, они были мнѣ извѣстны; затѣмъ предложилъ Начальнику Штаба освѣтить военное положеніе и сообщить о передвиженіяхъ войскъ. Послѣ этого я поставилъ Совѣту вопросъ: слѣдуетъ ли принять предложеніе о переговорахъ о перемиріи или категорически отвергнуть и продолжать борьбу? Мнѣнія были поданы по старшинству, начиная съ младшаго. Только два мнѣнія — Савинкова и мое — были поданы за безусловный отказъ отъ переговоровъ. Всѣ военные безъ исключенія были единодушны: для выигрыша времени нужно сейчасъ же начать переговоры; иначе нельзя ручаться за спокойствіе казаковъ. Итакъ мнѣніе большинства было ясно и очевидно! Какъ ни было мнѣ это

отвратительно и трудно—другого выхода не было—нужно было выиграть время переговорами. Кромѣ того невозможно было допустить, чтобы Красновъ и его штабъ могли сказать казакамъ: мы были за миръ, но Керенскій приказалъ драться. Я утвердилъ мнѣніе большинства и Военный Совѣтъ приступилъ къ обсужденію самой техники переговоровъ. Было рѣшено, что Станкевичъ объѣздомъ поѣдетъ въ СПб., чтобы тамъ передать «Комитету Спасенія Родины и Революціи» мои условія перемирія. Къ сожалѣнію, я не могу вспомнить текстъ этого документа, копіи котораго у меня не могло сохраниться; во всякомъ случаѣ эти условія не были пріемлемы для большевиковъ, которые послѣ нашего отхода изъ Царскаго Села, вѣроятно, мало сомнѣвались въ своей побѣдѣ... Два изъ моихъ условій я не забылъ: во первыхъ, большевики должны были немедленно сложить оружіе и подчиниться обновленному всенародному Вр. Правительству; во вторыхъ, составъ и программа этого правительства должны были быть установлены по соглашенію существующаго Временнаго Правительства съ представителями всѣхъ политическихъ партій и «Комитетомъ Спасенія Родины и Революціи».

Около четырехъ часовъ дня комиссаръ Станкевичъ выѣхалъ въ СПб. А ген. Красновъ къ этому же времени сорганизовалъ делегацію для командированія ея въ Красное Село съ цѣлію заключенія немедленнаго перемирія на фронтѣ впредь до выясненія результатовъ миссіи Станкевича. Парламентеры уѣхали въ Штабъ-квартиру большевистскихъ войскъ лишь вечеромъ. Это были исключительно казаки, такъ какъ помощникъ командующаго войсками СПб. военнаго округа капитанъ Кузьминъ, несмотря на настоянія генерала Краснова, категорически отказался войти въ составъ мирной делегаціи.

Еще раньше въ серединѣ дня вскорѣ послѣ окончанія военнаго совѣта ко мнѣ явился Савинковъ съ бумагой въ рукахъ. Я думалъ его приходъ связанъ съ какимъ нибудь срочнымъ вопросомъ по оборонѣ Гатчины. Я ошибся. Въ бумагѣ значилось, что предъявитель сего Борисъ Савинковъ командируется Министромъ-Предсѣдателемъ и Верховнымъ Главнокомандующимъ Керенскимъ въ его Ставку для ускоренія высылки подкрѣпленій къ Гатчинѣ. — Подпишите эту бумагу, Александръ Федоровичъ, я хочу ѣхать. — Хотите ѣхать. Поѣзжайте, отвѣтилъ я, отдавая подписанную мной бумагу, хотя поѣздка его въ Ставку была совершенно безсмысленна, хотя здѣсь онъ бросалъ огромной отвѣтственности порученіе, которое онъ только что принялъ и ничего еще не сдѣлалъ. Смыслъ его отъѣзда былъ ясенъ намъ обоимъ и какія либо объясненія по этому поводу излишни. Мудрая предусмотрительность Савинкова лишь подчеркивала атмосферу, которой я былъ окруженъ! Только чудо, только героическое самоотверженіе немногихъ защитниковъ Гатчины могло теперь спасти положеніе.

Но даже неминуемая грозная опасность не объединяла, не возбуждала энергіи и иниціативы; напротивъ, она какъ то окончательно разлагала, отравляла все кругомъ. На первый планъ въ сознаніи огромнаго большинства выступилъ вопросъ о личномъ самосохраненіи. Казаки все съ большимъ ожесточеніемъ посматривали на своихъ начальниковъ, видя въ нихъ виновниковъ своей гибели, офицеры, чувствуя себя все болѣе неудобно подъ враждебными взглядами большевистской солдатни и своихъ собственныхъ станичниковъ—офицеры все чаще задумывались надъ вопросомъ, какой цѣной они въ случаѣ паденія Гатчины могли бы купить у большевиковъ свою жизнь! Казаки, такъ и не видя обѣщанной пѣхоты съ фронта, искренно считали себя обманутыми. Офицеры не считали болѣе нужнымъ скрывать свою ненависть ко мнѣ, чувствуя, что я уже не смогу защитить ихъ отъ ярости толпы.

Такъ началась ночь на первое ноября. Никакихъ свѣдѣній отъ парламентеровъ «съ фронта»! Никакихъ извѣстій изъ СПб. Въ полутемныхъ и мрачныхъ безконечныхъ коридорахъ стараго Павловскаго Дворца толпятся настороженные, озлобленные люди. Въ отравленномъ страхомъ воздухѣ носятся самые невѣроятные чудовищные слухи. Начинаются повсюду шопоты: если казаки выдадутъ добровольно Керенскаго, они свободно вернутся къ себѣ домой, на тихій Донъ... Соблазнъ слишкомъ великъ: мысль о предательствѣ овладѣваетъ умами и незамѣтно превращается въ дѣйствительность... Долгая осенняя ночь никогда не кончится. Минуты кажутся часами. А крысы бѣгутъ съ тонущаго корабля. Въ моихъ комнатахъ, вчера еще переполненныхъ, ни души. Тишина и покой смерти царствуютъ вокругъ. Мы одни. Насъ очень немного, неразлучныхъ эти мѣсяцы, связанныхъ общимъ жребіемъ. Ничто не мѣшаетъ намъ теперь въ тишинѣ и покоѣ подумать о грядущемъ... Уже было свѣтло, когда уничтоживъ всѣ бумаги и письма, которыя нельзя было оставить «въ чужихъ рукахъ», я прилегъ на постель и задремалъ съ единственной мыслью: прійдутъ ли утромъ эшелоны.

Около 10-ти часовъ утра меня внезапно будятъ. Совершенно неожиданое извѣстіе: казаки — парламентеры вернулись съ матросской делегаціей во главѣ съ Дыбенко! Основное условіе матросовъ — безусловная выдача Керенскаго въ распоряженіе большевистскихъ властей; казаки готовы принять это условіе!

Сообщеніе было достаточно неожиданное! До послѣдней минуты, несмотря на всѣ подозрительные симптомы и мрачныя предчувствія мы не допускали такой низости! Но фактъ былъ на лицо!

Оставалось одно: вывести на свѣжую воду самого Краснова и его штабъ. Оставалось выяснить, замѣшаны ли они сами въ предательствѣ. Посылаю тотчасъ же за генераломъ. Приходитъ корректный, слишкомъ спокойный. Я спрашиваю извѣстно ли ему,

что происходитъ сейчасъ внизу? Прошу объяснить, какъ онъ могъ допустить присутствіе матросовъ въ самомъ дворцѣ? Какъ онъ могъ даже не предупредить, не освѣдомить меня объ этомъ? Красновъ съ чрезмѣрной длительностью сталъ разъяснить, что это совѣщаніе съ матросами никакой особой важности не имѣетъ, что онъ пристально слѣдитъ черезъ вѣрныхъ людей за всѣмъ, тамъ происходящимъ, что онъ считаетъ даже эти переговоры событіемъ чрезвычайно для насъ благопріятнымъ. — «Пусть ихъ тамъ говорятъ, разсуждалъ онъ; день пройдетъ въ разговорахъ, спорахъ, и къ вечеру положеніе разъяснится; придетъ пѣхота и мы перемѣнимъ тонъ». А что касается моей выдачи, то ничего подобнаго онъ никогда не приметъ. Я могу быть совершенно спокойнымъ. Но ему кажется, что, можетъ быть, было бы полезно, если бы я самъ лично, конечно съ хорошимъ экскортомъ—онъ его дастъ—поѣхалъ бы въ С.-Пб. непосредственно договориться съ партіями и даже со Смольнымъ! Да, это предпріятіе очень рискованное, но не слѣдуетъ ли на него рѣшиться во имя спасенія Государства... Такъ разсуждалъ въ моемъ присутствіи ген. Красновъ. Это было мое послѣднее свиданіе съ генераломъ. Нервность, смѣнившая наружное спокойствіе первыхъ минутъ; бѣгающіе глаза, странная улыбка — все это не оставляло никакихъ сомнѣній. Торгъ о цѣнѣ моей головы, происходящій внизу, не былъ вовсе такъ безобиденъ, какъ мнѣ старались его изобразить!

Генералъ ушелъ. Я разсказалъ всю правду тѣмъ, кто еще оставался со мной. Какъ быть?! Всѣ мои отношенія съ 3-мъ коннымъ корпусомъ порваны самими казаками. Было бы просто безразсудно считать себя связаннымъ съ тѣми, кто уже измѣнилъ. Но выхода не было. Никакихъ мѣръ личной охраны я не принималъ. Никакихъ подготовительныхъ дѣйствій на случай выѣзда изъ Гатчины не дѣлалось. Для вооруженной борьбы насъ было слишкомъ мало—менѣе десятка! Уйти изъ дворца невозможно—построенное Павломъ I въ видѣ замкнутаго прямоугольника, зданіе имѣло только *одинъ выходъ,* уже занятый смѣшаннымъ карауломъ изъ казаковъ и матросовъ. Пока мы разсуждали, какъ выйти изъ этого тупика, какъ выскочить изъ этой ловушки, явился одинъ изъ высшихъ служащихъ дворца съ предложеніемъ помощи. По своимъ служебнымъ обязанностямъ онъ знаетъ тайный никому неизвѣстный подземный ходъ, который выходитъ въ паркъ за стѣнами этого дворца-крѣпости. Но чтобы пройти къ этому тайнику нужно ждать сумерокъ. Что же!? Если до этого времени ничего не случится,, мы уйдемъ изъ западни этимъ таинственнымъ путемъ. Ну, а если... Я прошу моихъ спутниковъ не терять времени и спасаться по одиночкѣ сейчасъ же, кто какъ можетъ.

Что же касается меня лично и моего юнаго адъютанта, который и въ этотъ часъ рѣшительно отказался покинуть меня, то

свою судьбу мы разрѣшили очень просто. Мы остаемся здѣсь въ этихъ комнатахъ, но живыми предателямъ не сладимся. Вотъ и все! Пока ворвавшаяся банда матросовъ съ казаками будетъ искать насъ въ первыхъ комнатахъ, мы успѣемъ покончить свои счеты съ жизнью, запершись въ самыя дальнія. Тогда, утромъ 1-го ноября 1917 г., это рѣшеніе казалось такимъ простымъ, логичнымъ и неизбѣжнымъ... Время шло. Мы ждали. Внизу торговались. Вдругъ въ третьемъ часу дня вбѣгаетъ тотъ самый солдатъ, который утромъ принесъ намъ вѣсть о Дыбенко. На немъ лица не было. Торгъ состоялся, объявилъ онъ. Казаки купили свою свободу и право съ оружіемъ въ рукахъ вернуться домой всего только за одну человѣческую голову! Для исполненія принятаго рѣшенія, т. е. для моего ареста и выдачи большевикамъ, вчерашніе враги по дружески выбрали смѣшанную комиссію. Каждую секунду матросы и казаки могли ворваться...

Какова была роль въ этомъ дѣлѣ самого Краснова? Въ Архивѣ Ставки Верховнаго Главнокомандующаго долженъ храниться краткій и краснорѣчивый отвѣтъ на этотъ вопросъ. 1-го ноября генералъ Духонинъ получилъ отъ Краснова телеграмму: приказъ арестовать главковерха; онъ успѣлъ скрыться. *) Тѣ, кто видѣли тогда ген. Духонина, разсказываютъ, что онъ, получивъ эту телеграмму, былъ увѣренъ въ томъ, что приказъ объ арестѣ былъ вызванъ моимъ намѣреніемъ сговориться съ большевиками... Соглашеніе казаковъ съ матросами, казалось, рѣшало вопросъ окончательно и дѣлало мое положеніе безвыходнымъ. Но... случилось по истинѣ чудо!

Я не считаю еще себя вправѣ подробно разсказать мой уходъ изъ Гатчинскаго дворца. Большевики еще у власти — люди еще живы... Я ушелъ изъ Дворца за 10 минутъ до того, какъ предатели ворвались въ мои комнаты. Я ушелъ, не зная, еще за минуту, что пойду. Прошелъ нелѣпо переодѣтый подъ носомъ и у враговъ и у предателей. Я еще шелъ по улицамъ Гатчины, когда

---

*) Не могу не привести здѣсь небольшой выдержки изъ воспоминаній ген. Краснова, напечатанныхъ въ I т. Арх. русск. революціи (стр. 173—74).

«... Я прошелъ къ Керенскому. Я засталъ его смертельно блѣднымъ въ дальней комнатѣ его квартиры. Я разсказалъ ему, что настало время, когда ему надо уйти. Дворъ былъ полонъ матросами и казаками, но дворецъ имѣлъ и другіе (?! А. К.) выходы. Я указалъ на то, что часовые стоятъ только у параднаго хода. Какъ ни велика вина Ваша передъ Россіей — сказалъ я, но я не считаю себя вправѣ судить Васъ. За полчаса времени я Вамъ ручаюсь. Выйдя отъ К., я черезъ надежныхъ казаковъ устроилъ такъ, что караулъ долго не могли собрать. Когда онъ явился и пошелъ осматривать помѣщеніе, К-го не было. Онъ бѣжалъ. Казаки кинулись ко мнѣ» и т. д.

Все это сплошной вздоръ и вымыселъ. Не говоря уже о телеграммѣ въ Ставку, «другіе выходы», которыхъ нѣтъ и никогда не было, съ головой выдаютъ автора этой легенды.

началось преслѣдованіе. Шелъ вмѣстѣ съ тѣми, кто меня спасъ, но кого я никогда раньше не зналъ и видѣлъ въ первый разъ въ жизни. Въ эти минуты они проявили выдержку, смѣлость и самоотверженность незабываемую! Мои спутники, оставшіеся во дворцѣ, всѣ спаслись. Одни просто въ суматохѣ, другіе потайнымъ ходомъ, — всѣ ушли благополучно изъ слишкомъ гостепріимнаго дворца... Когда на автомобилѣ я мчался по шоссе къ Лугѣ, оттуда къ Гатчинѣ подходили поѣзда съ долгожданной нами *пѣхотой*...

Такъ блестяще была выполнена первая часть хитро задуманнаго стратегическаго плана «буржуазной» реакціи. Руками большевиковъ Временное Правительство свергнуто и ненавистный человѣкъ больше не у власти. Оставалось осуществить вторую главную часть — въ три недѣли справиться съ большевиками и установить въ Россіи здоровую, національную, а главное, сильную власть... эти три недѣли тянутся что-то слишкомъ долго!

„Revua Hebdomadére" № 5, 6, 20 г.

Февраль и Октябрь.

Какъ-то въ газетѣ «Воля Россіи», однимъ изъ редакторовъ которой я состоялъ, «въ порядкѣ дискуссіи» т. е. для свободнаго обсужденія, появился рядъ статей сначала т. Моисеева — «Объ экономической политикѣ демократической Россіи», а потомъ В. Чернова — «Проэктъ экономической программы» съ соотвѣтствующими объясненіями. Работы обоихъ авторовъ ставили передъ читателемъ рядъ самыхъ сложныхъ и спорныхъ вопросовъ, связанныхъ съ разрѣшеніемъ основной для всего будущаго Россіи и труднѣйшей задачи экономическаго возрожденія страны послѣ паденія большевиковъ. По поводу этихъ очерковъ В. Рудневъ помѣстилъ въ № 5 Современныхъ Записокъ особую статью, гдѣ, подробно останавливаясь на доводахъ обоихъ названныхъ авторовъ, изложилъ рядъ своихъ сужденій на ту же тему, сужденій, не всегда совпадающихъ, а иногда и совсѣмъ расходящихся съ мнѣніями, какъ т. Моисеева, такъ и В. Чернова.

Тогда въ № 12—13 Центральнаго органа П. С. Р. «Революціонной Россіи» появляется статья редактора этого журнала В. М. Чернова — «Стихія Революціи и политическіе трезвенники». Возражая В. Рудневу авторъ выходитъ далеко за предѣлы первоначальнаго спора, переходя отъ экономики къ политикѣ и дѣлая нѣкоторыя весьма интересныя историческія замѣчанія. Тройная, если можно такъ выразиться, оффиціальность этой статьи — во пер-

выхъ помѣщенной въ оффиціальномъ органѣ партіи, во вторыхъ написанной его редакторомъ и въ третьихъ написанной не только редакторомъ, но лицомъ въ то же время состоящимъ однимъ изъ представителей Ц. К. П. С. Р. за границей — придаетъ ей особую значимость и значительность. Всѣ сужденія, историческія справки и политическіе выводы этой статьи, должны быть повидимому восприняты читателемъ не какъ весьма интересныя, но частныя сужденія автора, а какъ оффиціозныя мнѣнія цѣлой партіи. Такъ по крайней мѣрѣ думаетъ самъ авторъ, который въ заключеніе своей острой полемики съ группой «Современныхъ Записокъ» прямо пишетъ слѣдующее. «Мы — варвары другъ для друга. Мы давно уже подозрѣвали это. Группа «Современныхъ Записокъ», взявъ на себя иниціативу открытія полемическаго огня по нашимъ позиціямъ, справедливость этихъ подозрѣній подтвердила. Напрасно только полагаетъ т. Рудневъ, что раздѣляющая насъ пропасть показываетъ лишь, «насколько широки расхожденія отдѣльныхъ эсэровъ внутри партіи». Онъ не замедлитъ убѣдиться, что партія наша гораздо менѣе пестра и винегретна, и при всѣхъ частныхъ нюансахъ гораздо болѣе идейно сплочена и едина, чѣмъ ему кажется. У партіи есть, у партіи давно выработался единый общій языкъ, съ которымъ онъ и его группа никакъ не могутъ освоиться. И то, что ему кажется общимъ правиломъ — «широкимъ расхожденіемъ между отдѣльными эсэрами»—на дѣлѣ является исключеніемъ опаснымъ по своей широтѣ, расхожденіемъ группы Руднева и др. со всѣмъ основнымъ ядромъ дѣйствующей въ Россіи Партіи Соціалистовъ Революціонеровъ. Къ чему это расхожденіе приведетъ — покажетъ будущее». Я извиняюсь за слишкомъ длинную выдержку, но въ ней характерно и показательно каждое слово. Несомнѣнно, по крайней мѣрѣ для самого автора, критика его «проэкта», хотя бы и опубликованнаго для свободнаго обсужденія, является ни чѣмъ инымъ, какъ опаснымъ почином «принятія на себя иниціативы открытія полемическаго огня по нашимъ позиціямъ», т. е. по позиціямъ всей П. С. Р.! Несомнѣнно также что «эти позиціи» В. Черновъ считаетъ неприступными, а въ критикѣ своихъ мнѣній видитъ не расхожденіе двухъ формально равноцѣнныхъ сужденій, а «опасное исключеніе», о всѣхъ не весьма пріятныхъ послѣдствіяхъ котораго онъ довольно не двусмысленно намекаетъ.

Такъ, благодаря неосторожности Руднева, осмѣлившагося критиковать какъ обыкновенную статью неприкосновенный «проэктъ», вся «группа» его ближайшихъ единомышленниковъ, (т. е. всѣ члены редакціи «Современныхъ Записокъ»), попала въ весьма щекотливое и даже опасное положеніе. Но въ своей легкомысленной неосторожности Рудневъ повиненъ не одинъ. Повинна въ ней и редакція газеты «Воля Россіи», которая, помѣщая «проэктъ экономической программы», не предпослала ему редакціонной оговорки — «критиковать воспрещается». Какъ бывшій редакторъ «Во-

ли Россіи», я чувствую себя соучастникомъ преступленія В. Руднева, чувствую себя какъ бы невольнымъ его подстрекателемъ и хочу поэтому солидаризироваться съ нимъ въ грядущей отвѣтственности. Вотъ почему по поводу статьи «Революціонной Россіи» — «Стихія революціи и политическіе трезвенники» — мнѣ бы хотѣлось кое что сказать, именно, на страницахъ «Современныхъ Записокъ», хотя къ редакціонной группѣ «Современныхъ Записокъ» не принадлежу и до сихъ поръ сотрудникомъ этого журнала не числился.

Я бы могъ, конечно, сдѣлать попытку послать свои замѣчанія по поводу статьи, меня интересующей, въ тотъ самый органъ, гдѣ она была напечатана — въ «Революціонную Россію». Но, по правдѣ сказать, журналъ, гдѣ за ласковой игривостью полемики оффиціальнаго автора чувствуется карающая десница всемогущаго начальства, меня не привлекаетъ.

Будемъ лучше говорить не на «общемъ» съ начальствомъ, а на своемъ собственномъ языкѣ, не задумываясь надъ послѣдствіями такой дерзости. Впрочемъ пусть будутъ послѣдствія! Иначе мы оглянуться не успѣемъ, какъ во всѣхъ еще свободныхъ отъ большевистскаго воздѣйствія уголкахъ русской общественности воцарится самый отвратительный изъ всѣхъ когда либо существовавшихъ и существующихъ видовъ террора — терроръ надъ свободной мыслью человѣческой!

Возрожденный большевиками старый Аракчеевскій кличъ власти — ограниченнымъ разумомъ подданнымъ мыслить воспрещается — сталъ и такъ уже все глубже проникать во всю толщу русской общественности, сталъ превращаться въ «бытовое явленіе» нашего политическаго обихода... Въ условіяхъ совѣтскаго или эмигрантскаго быта, одинаково до крайности затрудняющихъ всякое общеніе, русскіе люди — одни лишенные непосредственныхъ впечатлѣній родной страны, другіе отрѣзанные отъ всего зарубежнаго міра; русскіе люди, какъ будто боясь потонуть въ хаосѣ со всѣхъ сторонъ настигающаго ихъ великаго Неизвѣстнаго, съ особой настойчивостью цѣпляются за все давно знакомое, обиходное въ данномъ кругу, а чаще даже въ данномъ кружкѣ «своихъ людей». Въ этихъ болѣзненныхъ условіяхъ большевистскій цензурный терроръ производитъ на общественную психику особенно разрушительное воздѣйствіе. Въ отвѣтъ на всѣ жуткія въ своей изступленной жестокости и безсмыслицѣ мѣры современныхъ Магнитскихъ въ распыленномъ, застращенномъ и физическомъ терроромъ, и безстыдной демагогіей обществѣ наростаетъ другое зло—боязнь новой мысли, новаго слова. Какъ до-революціонное «сектантство» русской интеллигенціи усиливалось и слабѣло вмѣстѣ съ ростомъ или паденіемъ строгостей старой царской цензуры, такъ нынѣ это сектантство готово превратиться въ изувѣрное самоистребленіе вмѣ-

стѣ съ тѣмъ, какъ николаевская цензура, лишь кастрировавшая мысль, превратилась у большевиковъ въ систематическое уничтоженіе всякой мысли.

Мыслить воспрещается въ коммунистическомъ государствѣ. Право на свободное независимое слово объявляется «буржуазнымъ предразсудкомъ». А каждая мысль высказанная, не на жаргонѣ большевистской казенной прессы, сейчасъ же демагогически извращается и снабженная всѣми атрибутами «контр-революціонности» швыряется въ массу для вящаго торжества «коммунистической государственности» и для посрамленія эсэровской, меньшевистской и прочей «бѣлогвардейщины».

Вотъ эта то террористическая, сказалъ бы я, демагогія въ особенности и настораживаетъ невольныхъ контр-революціонеровъ. Загнанные въ подполье, лишенные прессы и свободнаго слова, безсильные бороться съ большевистской демагогіей тѣмъ же оружіемъ, т. е. открытой пропагандой, они невольно ищутъ спасенія въ особой отточенности, въ особой «стойкой выдержанности» своихъ позицій. Количество большевистской лжи они хотятъ побѣдить безукоризненностью своей правды, безукоризненной бѣлизной своихъ одеждъ! Создается особая психологія чрезмѣрной настороженности ко всякому высказыванію, ко всякому выявленію во внѣ своихъ настроеній, ко всякому громко сказанному слову. Какъ бы не во время и неловко высказанная мысль не сдѣлалась орудіемъ для новой травли, для новаго науськиванія темной массы на тѣхъ, кто во имя спасенія этой же массы ведетъ неравную борьбу съ захватчиками государственной власти. Такъ понемногу растетъ въ антибольшевистской революціонной средѣ взаимная отчужденность между вчера еще близкими «своими». Такъ зарождается особая подозрительность, потомъ враждебность къ инакомыслящимъ въ своей же средѣ; къ инакомыслящимъ, нарушающимъ своими «личными выступленіями» эту столь необходимую «выдержанность позицій». Безсильные противъ террористической демагогіи Ленинскихъ литературныхъ чрезвычаекъ хранители стихіи революціи сами невольно начинаютъ пугать, почти терроризировать, тѣхъ изъ своей среды, въ комъ они видятъ вольныхъ или невольныхъ, но опасныхъ потрясателей партійныхъ основъ . . . И раздается, наконецъ, грозное предостереженіе — мы варвары другъ для друга!

Варвары другъ для друга! — Это очень, очень серьезно, почти безнадежно. Тутъ уже не только отсутствіе «общаго языка». Другъ друга могутъ не понимать, другъ съ другомъ могутъ не сговориться и люди одного культурнаго уровня, одной общественной среды. Они, просто, такъ разно смотрятъ на все вокругъ происходящее, такъ различно все оцѣниваютъ, такъ по разному предвидятъ открывающіяся возможности, что уже больше не спорятъ, а расходятся по разнымъ дорогамъ, «инымъ путемъ, но все къ тому же стремясь»

Ну, а съ «варварами» по разнымъ дорогамъ безобидно не разойдешься! Съ ними обязательно повстрѣчаешься на своихъ путяхъ и перепутьяхъ. Варвары несутъ съ собой угрозу нашимъ культурнымъ цѣнностямъ. Они стремятся разрушить наши храмы и вмѣсто нихъ воздвигнуть свои капища. Варваровъ не убѣждаютъ, съ ними не спорятъ. Имъ грозятъ, пока еще не поздно; отъ нихъ защищаются, если они успютъ захватить насъ врасплохъ; отбивъ нападеніе, побѣдивъ, ихъ гонятъ прочь... Да, варвары другъ для друга — это дѣйствительно очень больно и очень серьезно!

За какіе же грѣхи и пригрѣшенія группа «Современныхъ Записокъ» стала сборищемъ варваровъ для оффиціальнаго журнала той партіи, къ которой все же члены этой злосчастной группы принадлежатъ? Неужели только за то, что одинъ изъ нихъ осмѣлился открыть «полемическій огонь по нашимъ позиціямъ», какъ бы ни были неприступны онѣ сами, какъ бы ни были неприкосновенны стратеги ихъ обороняющіе?!

Конечно нѣтъ!.. «Полемическій огонь» явился лишь послѣдней каплей, переполнившей чашу терпѣнія. Такъ и сказано: «мы давно уже подозрѣвали это,(т. е. что мы варвары). Полемическая инициатива группы лишь «справедливость этихъ подозрѣній подтвердила.» Дѣйствительно, при внимательномъ чтеніи всей интересующей насъ статьи, нетрудно не только убѣдиться въ томъ, что «группа Руднева» давно уже была взята на подозрѣніе, но и легко можно установить, что давность этимъ подозрѣніямъ по нынѣшнимъ временамъ весьма почтенная: въ концѣ концовъ, она восходитъ къ 1917 году.

Оказывается, это еще тогда въ эпоху февральской революціи, «группа лицъ, отъ имени которыхъ можетъ говорить т. Рудневъ, не разъ занимала связанное съ отвѣтственностью положеніе на политической аренѣ». Оказывается, что тогда уже эта группа проявила недопустимую медлительность (кунктаторство), чрезмѣрную «политическую трезвенность, то бишь государственность». Оказывается, это они — «о мудрые кунктаторы» — подтолкнули «вышедшую изъ терпѣнія» стихію «во всѣ тяжкіе октябрьской революціи».

Итакъ, на группу «Современныхъ Записокъ», какъ на библейскаго козла отпущенія, возлагаются грѣхи всего народа, т. е. всѣхъ насъ, кто дѣйствовалъ въ дни Великой Революціи, кто связанъ съ Февралемъ, отъ него не отрекается и за него несетъ всю мѣру исторической отвѣтственности. Къ этимъ, съ Февралемъ связаннымъ, отношусь и я, можетъ быть, даже въ большей степени, чѣмъ нѣкоторые изъ группы «Современныхъ Записокъ» и, во всякомъ случаѣ, несу за событія Февральской революціи большую, чѣмъ они всѣ отвѣтственность. Я не хочу и не могу подражать большинству политическихъ дѣятелей той незабываемой эпохи. Я не хочу и не могу оставаться въ сторонѣ, когда другихъ призываютъ къ отвѣту за то,

въ чемъ я съ ними солидаренъ и чего, по моему мнѣнію было, къ сожалѣнію, проявлено слишкомъ мало въ 1917 году!

Да, я говорю объ этой самой «то бишь государственности». Говорю о трагической борьбѣ этой революціонной государственности съ реакціонной большевистской охлократіей. Объ этой борьбѣ, которая въ 1917 году закончилась видимымъ торжествомъ красной реакціи, но которая далеко еще не завершилась.

·Не завершилась! А поэтому необходимо съ крайней осторожностью судить о всѣхъ уже заключенныхъ стадіяхъ этой борьбы, ибо поспѣшно высказанныя сужденія о прошломъ могутъ подтолкнуть на неправильный путь въ настоящемъ, могутъ подсказать ошибочные планы на будущее. Во всякомъ случаѣ въ этомъ вопросѣ, совершенно исключительной важности—о факторахъ и о лицахъ содѣйствовавшихъ или препятствовавщихъ краху Февральской революціи — въ этомъ вопросѣ не можетъ быть сейчасъ никакой догмы, никакой общеобязательной, хотя бы въ предѣлахъ одной партіи, точки зрѣнія.

Можетъ быть, лучше было бы во имя неотложныхъ потребностей и задачъ сегодняшняго дня этого колючаго вопроса вовсе не подымать! Но разъ онъ уже поставленъ и даже не столько поставленъ, сколько уже предрѣшенъ и опредѣленная точка зрѣнія предложена къ руководству въ оффиціальномъ органѣ партіи — то ка ковы бы ни были послѣдствія расхожденія «съ единымъ общимъ языкомъ», молчать нельзя!

Нужно говорить «напрямикъ, безъ изгиба», какъ хочетъ того и сама «Революціонная Россія» . . . Ибо только изъ открытаго и честнаго столкновенія независимыхъ сужденій родится та единственная правда, которая поможетъ намъ всѣмъ выбраться изъ болотныхъ топей безвременья на широкую столбовую дорогу новыхъ дерзаній и новаго творчества.

Итакъ, въ чемъ по мнѣнію «Революціонной Россіи» смертный грѣхъ «группы лицъ, отъ имени которой можетъ говорить т. Рудневъ, не разъ занимавшій связанное съ отвѣтственностью на политической аренѣ положеніе». Прежде всего — «въ теченіе всего періода отъ марта до октября 1917 г. она выступала сторонницей коалиціи «во что бы то ни стало». Когда отпочкованіе отъ партіи лѣвыхъ эсэровъ—(какое мягкое выраженіе для тройныхъ предателей —Родины, революціи и партіи)—временно нарушила партійное равновѣсіе . . . эта группа — уже послѣ Корниловской авантюры и демократическаго совѣщанія —заставила партію еще разъ пойти на капитуляцію передъ требовніями К. Д. и «пріять» всѣ тѣ перетасовки во Временномъ Правительствѣ и его программѣ» . . .

Тутъ все, по истинѣ, творимая легенда! Во первыхъ, нужно устранить всякое недоразумѣніе съ «этой группой». Никакой такой группы, отъ имени которой, какъ цѣлаго, имѣлъ бы право говорить Рудневъ или какой-либо другой членъ редакціи «Современ-

ныхъ Записокъ» и которая непрерывно существовала бы отъ временъ мартовской революціи до нынѣшнихъ дней — такой группы въ природѣ никогда не было. Въ нынѣшней, такъ называемой, на партійномъ условномъ языкѣ, правой группѣ «Современныхъ Записокъ» сошлись и сидятъ рядомъ не всегда такъ близко другъ къ другу сидѣвшіе въ 1917 г. Достаточно напомнить, что здѣсь рядомъ съ Вишняковъ, секретаремъ и постояннымъ сотрудникомъ «Дѣла Народа», сидитъ Гуковскій, примыкавшій къ группѣ «Воли Народа», почти никогда и ни въ чемъ не сходившейся съ партійнымъ центромъ. Остальные же члены редакціи «Современныхъ Записокъ», хотя, правда, и принадлежали въ общемъ и цѣломъ къ одному и тому же уклону партійнаго центра, но все таки никогда не дѣйствовали въ 1917 году какъ данная, донынѣ сохранившая свое индивидуальное существованіе, группа. Можно было бы, пожалуй, назвать коекакіе имена членовъ П. С. Р., нынѣ сидящихъ въ Бутыркахъ и причисляемыхъ несомнѣнно къ современному «основному ядру» партіи, но которые въ 1917 году, можетъ быть, въ большей степени, чѣмъ нѣкоторые члены «группы т. Руднева», повинны въ томъ, въ чемъ обвиняется «эта группа».

Однимъ словомъ, чтобы найти отвѣтчиковъ за «ошибки» 1917 года, ошибки, если не всей партіи, то, во всякомъ случаѣ, законнаго ея большинства, и заднимъ числомъ придать этому большинству 1917 года образъ и подобіе партійнаго «сплоченнаго ядра» образца 1921 года, центральному органу партіи пришлось создать фикцію. Если же эту фикцію устранить, то окажется, какъ это и было на самомъ дѣлѣ, что въ 1917 году со времени вступленія представителей совѣта во Временное Правительство (конецъ апрѣля стараго стиля) и до Корниловскаго заговора совершенно законное и значительное большинство П. С. Р. одобряло участіе своихъ членовъ въ правительственной коалиціи и не потому, что «во что бы то ни стало» жаждало коалиціи, а просто потому, что, совершенно правильно оцѣнивая положеніе страны, не считало возможнымъ возложить всю отвѣтственность за управленіе государствомъ и за веденіе войны исключительно на одни лишь совѣтскіе и соціалистическіе элементы.

Я отлично помню, какъ на іюньскомъ I-мъ Всероссійскомъ Съѣздѣ Совѣтовъ на мой прямой вопросъ — готовы ли присутствующіе въ этомъ собраніи представители революціонной демократіи взять на себя всю власть и всю отвѣтственность? — залъ отвѣтилъ гробовымъ молчаніемъ. Только кто-то изъ большевиковъ, сидѣвшій рядомъ съ Ленинымъ, при молчаливомъ одобреніи послѣдняго явственно сказалъ—мы возьмемъ.И я помню, какъ слышавшіе эту фразу отнеслись къ ней, какъ къ неособенно остроумной шуткѣ со стороны «безотвѣтственной оппозиціи».

Но я помню еще другое и гораздо болѣе важное! Помню то, что совершенно опровергаетъ утвержденіе «Революціонной Россіи», что «именно эта группа заставила партію еще разъ пойти на капи-

туляцію передъ требованіями К. Д.», т. е. еще разъ заставила послать своихъ представителей въ коалиціонный, на этотъ разъ послѣдній составъ Временнаго Правительства. Это послѣднее измѣненіе въ составѣ Временнаго Правительства происходило во время Демократическаго Совѣщанія послѣ подавленія Корниловскаго возстанія. Здѣсь не время и не мѣсто говорить по существу объ этой несчастной затѣѣ. Достаточно лишь напомнить, что неизбѣжнымъ слѣдствіемъ этого возстанія генераловъ противъ Верховной Власти было разложніе арміи, возвращеніе фронта къ анархіи апрѣльскихъ дней и полное исчезновеніе довѣрія къ правительственной власти въ широкихъ народныхъ массахъ. Прикосновенность почти всего высшаго командного состава и виднѣйшихъ представителей буржуазіи къ корниловскому заговору дѣлало положеніе еще болѣе безвыходнымъ.

Отдавъ себѣ во всемъ этомъ отчетъ и убѣдившись къ тому на Демократическомъ Совѣщаніи въ весьма неопредѣленномъ и неустойчивомъ состояніи вождей совѣтскаго большинства, я пріѣхалъ въ засѣданіе Бюро этого Совѣщанія, происходившее съ участіемъ отвѣтственныхъ представителей всѣхъ соотвѣтствующихъ группъ и партій до большевиковъ включительно, и сдѣлалъ здѣсь, послѣ изложенія внутренняго, международнаго и военнаго положенія страны, приблизительно слѣдующее заявленіе. «Если окажутся лица, которыя возьмутъ на себя образованіе однороднаго правительства, я ручаюсь, что со стороны Временнаго Правительства никакихъ препятствій не послѣдуетъ. Предупредите меня о рѣшеніи своевременно и власть будетъ передана новому составу правительства безъ всякихъ потрясеній во имя спасенія страны отъ новыхъ внутреннихъ столкновеній, которыхъ она больше не выдержитъ». Послѣ этого заявленія я тотчасъ уѣхалъ. Въ тотъ же день мнѣ сообщили, что въ составѣ присутствовавшихъ въ засѣданіи Бюро не оказалось ни партій, ни группъ, ни лицъ, которыя согласились бы взять на себя отвѣтственность за сформированіе однороднаго правительства.

Вся исторія участія соціалистическихъ партій въ правительствѣ Февральской Революціи вкратцѣ можетъ быть изложена такъ: сначала (до сентября) соціалисты не хотѣли или не считали себя вправѣ одни безъ буржуазныхъ элементовъ взять на себя всю формальную отвѣтственность за судьбы государства; потомъ многіе изъ нихъ захотѣли, но это оказалось невозможнымъ, ибо отрываясь отъ радикальной буржуазіи совѣтскія и соціалистическія группы и партіи не могли разсчитывать на коалицію съ контр-революціей слѣва — съ большевиками. Объ этомъ отказѣ большевиковъ еще въ сентябрѣ участвовать вмѣстѣ съ соціалистами въ «единомъ революціонномъ фронтѣ», въ «однородномъ соціалистическомъ правительствѣ», объ этомъ капитальномъ фактѣ, оказавшемъ рѣшающее вліяніе на всѣхъ колебавшихся участниковъ Демократическаго Совѣщанія, «Революціонная Россія» и забываетъ сказать, возлагая всю отвѣт-

стренность за послѣднюю, якобы, капитуляцію эсзровъ на фиктивную несуществовавшую тогда «группу товарища Руднева».

Оторвавшись отъ тѣхъ слоевъ буржуазіи и не-совѣтской демократіи, которые такъ или иначе шли съ революціей и ея правительствомъ, имѣя внѣ своего единаго фронта возродившихся послѣ Корнилова большевиковъ—какую силу представляли бы въ странѣ эсзровскіе и меньшевистскіе элементы. Весьма малую! Въ чемъ они и убѣждались впослѣдствіи. И что тогда—въ сентябрѣ—они, если не сознавали, то во всякомъ случаѣ уже чувствовали. Хорошо чувствовали, что подталкивая ихъ къ разрыву съ традиціей революціонной власти—съ ея всенародностью—большевики стремились только къ ослабленію, къ распыленію революціонныхъ организованныхъ силъ такъ же, какъ къ этому стремились, съ другой стороны, всѣ военные и невоенные заговорщики, добиваясь еще съ іюля мѣсяца выхода кадетъ изъ Временнаго Правительства. Задача большевистскихъ стратеговъ была слишкомъ ясна облегчить себѣ захватъ власти, на которой они уже рѣшились, распыляя революціонныя силы, пользуясь однороднымъ соціалистическимъ правительствомъ, какъ трамплиномъ.

Ошибка сентябрьской тактики вождей совѣтской демократіи, а въ томъ числѣ и членовъ П. С. Р., заключалась по моему не въ воображаемой капитуляціи передъ кадетами, ибо таковой не могло быть уже по одному только тому, что представители либеральной буржуазіи по своимъ тактическимъ соображеніямъ вовсе не стремились препятствовать сформированію однороднаго соціалистическаго правительства. Повторяю, ошибка была не въ капитуляціи. Ошибка, если можно такъ назвать, неизбѣжность, заключалась въ томъ, что поддавшись подъ вліяніемъ Корниловскаго заговора, новому припадку навязчивой идеи о грядущей контръреволюціи справа, вожди совѣтской демократіи, заключивъ въ сентябрѣ фактическое перемиріе съ большевиками, открыли свой тылъ своимъ опаснѣйшимъ и злѣйшимъ врагамъ. Сбылось еще майское наше съ Церетелли предсказаніе: «контръ революція въ Россію придетъ черезъ лѣвыя двери»!

Да, въ заключніе Демократическаго Совѣщанія большинство П. С. Р. голосовало за сохраненіе своей связи съ Правительствомъ Революціи, за дальнѣйшее участіе въ управленіе государствомъ. Но что же иное могло оно сдѣлать въ той обстановкѣ — умыть руки?! Отойти въ сторону и безучастно наблюдать за дальнѣйшимъ развитіемъ трагедіи! Нѣтъ, партіи такого пилатова выхода не дано! Она всегда дѣйствуетъ, всегда говоритъ!

Такимъ образомъ самыя бѣглыя воспоминанія объ участіи П. С. Р. въ правительственной коалиціи 1917 года съ несомнѣнностью показываютъ, что эту политику партія вела не по капризу, не по злой волѣ отдѣльныхъ лицъ или группъ, а потому что

въ ту эпоху такъ складывались взаимоотношенія революціонныхъ и реакціонныхъ силъ, что отвѣтственное большинство партіи иначе, какъ поступало, поступить не могло. Болѣе того, — углубленный анализъ обстоятельствъ, заставившихъ П. С. Р., какъ и меньшевиковъ остаться послѣ Корниловскаго возстанія въ составѣ Временнаго Правительства непримѣнно привелъ бы насъ къ весьма и сейчасъ злободневнымъ размышленіямъ, — не таится ли источникъ многихъ пережитыхъ нами великихъ испытаній и несчастій въ чрезмѣрной нашей терпимости ко всему, что носитъ лѣвое обличіе? Было бы величайшимъ для России несчастіемъ, если бы опять, какъ въ 1917 году, мы во-время не опознаемъ подъ личиной революціонной лѣвизны самое обычное реакціонное нутро!..

Но возвращаюсь къ темѣ. Сурово осудить въ лицѣ изобрѣтенной ad hoc группы коалиціонную политику всей П. С. Р. въ 1917 году, возложивъ на эту же группу отвѣтственность опять таки за общее грѣхопаденіе — интервенцію (къ сожалѣнію я не могу на этомъ эпизодѣ останаливаться), «Революціонная Россія» выдвигаетъ противъ злосчастной группы еще одно и, по моему, самое тяжкое обвиненіе. — «О мудрые кунктаторы? Не такъ ли кунктаторствовали вы въ Россіи отъ февраля по октябрѣ 1917 года, не такъ ли топтались вы и вокругъ реорганизаціи арміи и вокругъ мирной политики и вокругъ земельнаго вопроса, безнадежно «зацѣпившись за пень» коалиціи съ кадетами, пока не налетѣла на васъ не «отцѣпила» и не «набила потылицу» вышедшая изъ терпѣнія стихія, ударившаяся — не безъ вашей вины — во всѣ тяжкія октябрьской революціи».

Это уже настоящій, правда весьма краткій, но и весьма содержательный обвинительный актъ всей государственной политикѣ февральской революціи. Даже больше — это, конечно, невольное, но оправданіе — да, да оправданіе — «революціи октябрьской». Что было съ марта до октября? Вмѣсто революціоннаго дерзанія — безнадежное топтаніе на поводу у кадетъ, т. е. на жаргонѣ совѣтской Россіи у самой подлинной реакціи. Ну, а если это вѣрно, если это нынѣ вынужденъ признать оффиціальный органъ тогда одной изъ правительственныхъ партій, то совершенно естественно было возмущеніе подлинной революціонной стихіи и тогда октябрьскій контръ-революціонный переворотъ превращается въ подлинную народную революцію!

На секунду допустимъ, что обвиненіе въ топтаніи на мѣстѣ, — въ кунтаторствѣ — справедливо. Допустимъ, но кто-же такіе эти кунктаторы? Кто эти «вы», къ которымъ съ такой горечью обращается авторъ только что приведенной цитаты? Несомнѣнно, что пятеро членовъ редакціи «Современныхъ Записокъ», застопорить всю правительственную машину не могли, если бы даже хотѣли. Очевидно, что здѣсь имѣется въ виду кто то другой, или

точнѣе сказать, еще кто то другой, но кто же? Топтались вездѣ и въ арміи, и въ аграрномъ вопросѣ и въ вопросѣ о войнѣ и мирѣ. Можно сказать все государство топталось на мѣстѣ, зацѣпившись за кадетскій пень. Саботировать революцію, выражаясь на модномъ нынѣ языкѣ, въ такомъ грандіозномъ масштабѣ не подъ силу было, конечно, не только отдѣльнымъ группамъ, но даже и отдѣльнымъ партіямъ, въ особенности при коалиціи. Такой саботажъ подъ силу былъ только правительству. У него въ партіяхъ могли быть сообщники, подстрекали, укрыватели, но самую процедуру топтанія могла исполнить со всѣмъ соотвѣтствующимъ ритуаломъ только Власть. «Вы—о, мудрые кунктаторы» — это Временное Правительство. Другого адресата быть не можетъ!

Правительство несетъ отвѣтственность за свое топтаніе и тѣ лица, кто въ него входилъ, если необходимо искать личной отвѣтственности. Кто же въ этомъ смыслѣ «отвѣтствененъ» изъ членовъ группы «Современныхъ Записокъ». Просматривая ихъ списокъ, вижу одного только Н. Д. Авксентьева. Да и тотъ былъ министромъ Вн. Дѣлъ всего менѣе двухъ мѣсяцевъ. Но зато самъ то обвинитель В. М. Черновъ былъ членомъ Временнаго Правительства цѣлыхъ четыре мѣсяца, т. е. половину всего времени его существованія. И я смѣю свидѣтельствовать, что за все время своего пребыванія въ Правительствѣ Министръ земледѣлія ни разу по всѣмъ общимъ и принципіальнымъ вопросамъ не оставался при особомъ мнѣніи, ни разу не расходился съ его большинствомъ. А слѣдовательно за преступное топтаніе Временнаго Правительства на мѣстѣ В. М. Черновъ несетъ въ рядахъ П. С. Р. наибольшую послѣ меня, пробывшаго въ составѣ Временнаго Правительства всѣ восемь мѣсяцевъ, отвѣтственность.

Итакъ, «вы» — это мы. Въ особенности мы—ибо у одного была въ рукахъ армія — у другого земля. И оба требовали отъ фронта «активныхъ дѣйствій во имя мира», т. е. наступленія.

Но остановимся подробнѣе на трехъ смертныхъ грѣхахъ нашего топтанія — арміи, землѣ, мирѣ.

«Не такъ ли топтались вы (мы?) вокругъ реорганизаціи арміи».—Т. е. въ какомъ смыслѣ нужно понимать эту реорганизацію арміи? Если въ смыслѣ ея «революціоннаго раскрѣпощенія», то развѣ редакторамъ «Революціонной Россіи» неизвѣстно то, что призналъ въ своей книгѣ даже генералъ Деникинъ? Развѣ имъ неизвѣстно, что русская армія была безъ остатка «раскрѣпощена» т. е. дезорганизована еще въ управленіе Гучкова при благожелательномъ содѣйствіи генерала Поливанова и прочихъ «старорежимниковъ»? ХК

Конечно, не такую, съ позволенія сказать, реорганизацію имѣютъ въ виду, обвиняя насъ въ медлительности. Дѣло идетъ, очевидно, о той медлительности, которую намъ дѣйствительно, приходилось проявлять въ сизифовой работѣ укрѣпленія дисци-

плины въ арміи и возстановленія въ ней нормальныхъ отношеній между начальниками и подчиненными. Я помню, съ какой энергіей высказывались всѣ члены Временнаго Правительства, а въ томъ числѣ и Министръ Земледѣлія, противъ «революціонныхъ эксцессовъ» въ арміи! Я помню съ какой горечью въ душѣ, но единогласно голосовало все Временное Правительство законъ о возстановленіи смертной казни на фронтѣ послѣ прорыва у Тарнополя! Я все это помню и поэтому вполнѣ понимаю, что медлительность военнаго министерства въ работѣ его по освобожденію арміи отъ гучковскаго раскрѣпощенія до сихъ поръ вызываетъ у В. Чернова, какъ вообще у всѣхъ русскихъ патріотовъ законное раздраженіе и огорченіе.

Въ этой медленности возстановленія дисциплины въ арміи военное министерство повинно, но для смягченія нашей отвѣтственности, не вспомнитъ ли строгій обвинитель, какія препоны приходилось преодолѣвать намъ при этой реорганизаціи. Не вспомнитъ ли онъ, съ какой нечеловѣческой энергіей и самоотверженіемъ приходилось комиссарамъ Воен. Министра (почти исключительно эсерамъ и меньшевикамъ) на фронтѣ и въ тылу вырывать армію изъ подъ гипноза большевистской и германской демагогіи? Не вспомнитъ ли онъ, что даже въ своей собственной средѣ мы иногда были безсильны противъ отраженія этой демагогіи?

«Не такъ ли топтались вы (мы?) вокругъ земельнаго вопроса» — ставится «политическимъ трезвенникамъ, то бишь государственникамъ» второе обвиненіе. Вотъ здѣсь мое положеніе, нужно сознаться, довольно щекотливое: приходится защищать земельную политику Министерства Земледѣлія отъ упрековъ, высказанныхъ по его адресу самымъ долгосрочнымъ изъ всѣхъ Министровъ Земледѣлія эпохи февральской революціи... Не касаясь пока конкретной дѣятельности отдѣльныхъ, смѣнявшихъ другъ друга Министровъ Земледѣлія и ихъ роли въ ускореніи или замедленіи подготовки величайшей земельной реформы, поставленной въ очередь дня Временнымъ Правительствомъ въ самые первые дни революціи, — не касаясь пока всего этого, я лучше приведу здѣсь одинъ мой разговоръ съ Е. К. Брешко-Брешковской, какъ разъ объ этой самой земельной политикѣ Временнаго Правительства. Разговоръ этотъ происходилъ еще весной 1918 года въ Москвѣ. Бабушка была очень мной недовольна; недовольна тѣмъ, что я самъ не «давилъ» на ускореніе работъ по земельной реформѣ, что «подчинялся» партіямъ въ выборѣ руководителей этого сложнѣйшаго дѣла, почему въ эти руководители иногда попадали люди недостаточно подготовленные къ административной практической работѣ. «Вотъ взялъ бы во-время — говорила она — знающихъ, дѣльныхъ людей, хоть бы того же X. Онъ бы за шесть то мѣсяцевъ много надѣлалъ. Съ такими людьми успѣлъ бы вовремя землю подѣлить. Все бы крестьянство успокоилось бы и за

Правительство горой стояло. Смѣлѣе надо было дѣйствовать».... — «Ну, помилуйте, бабушка, отвѣчалъ я, какое значеніе имѣли всѣ эти крупныя промашки и всяческія техническія недочеты — неумѣніе составить дѣловой законопроэктъ, незнаніе мѣстныхъ условій и т. д.? Все это вѣдь были частности. Грандіозная земельная реформа, небывалая еще въ исторіи человѣчества и подлежавшая осуществленію на всемъ безграничномъ просторѣ Россійскаго государства не могла быть осуществлена, не только въ шесть мѣсяцевъ, но и въ шесть лѣтъ. Всякая поспѣшность, всякое нервничаніе подъ давленіемъ разожженныхъ демагогіей аппетитовъ привели бы лишь къ такому земельному хаосу, въ которомъ потомъ десятки лѣтъ нельзя было-бы разобраться».

Большевики краснорѣчиво подтвердили своей земельной политикой достаточную обоснованность моихъ опасеній. Какъ ихъ «перемирія по ротно» превратились въ безконечную цѣпь внѣшнихъ и гражданскихъ войнъ, такъ и ихъ «стихійная соціализація» земли превратилась въ подлинную земельную анархію, изъ которой все увѣреннѣе выглядываетъ теперь крѣпкій Столыпинскій мужичекъ-кулачекъ. Я не спорю, много было ненужныхъ промедленій въ текущей дѣятельности Временнаго Правительства при осуществленіи земельной реформы, но «топтанія» все таки не было, ибо коренной земельный переворотъ былъ предрѣшенъ Временнымъ Правительствомъ, и къ осуществленію его мы приближались неуклонно.

«Не такъ ли топтались вы (мы?) и вокругъ мирной политики» — предъявляется намъ слѣдующій вопросъ. Да, топтались въ томъ смыслѣ, что на сепаратный миръ не шли! А вотъ большевики пошли — что же изъ этого вышелъ миръ? Въ чемъ же собственно выразилось наше топтаніе? Ну, допустимъ, что Временное Правительство дѣйствительно топталось потому, что было безнадежно въ рукахъ «западныхъ капиталистовъ, имперіалистовъ и пр. пр.». А совѣты? Развѣ отъ знаменитаго воззванія «Къ народамъ всего міра» отъ 14-го марта они не пришли къ маю черезъ испытаніе Стохода къ сознанію, что только въ усиленіи боеспособности страны, что только въ активныхъ дѣйствіяхъ на фронтѣ ключъ къ скорѣйшему достиженію всеобщаго мира? Развѣ изъ встрѣчъ съ пріѣзжавшими тогда въ Петербургъ иностранными соціалистами лидеры русской демократіи не убѣдились въ томъ, что не въ «буржуазныхъ правительствахъ» только найдутъ они упорныхъ противниковъ своей слишкомъ стремительной, слишкомъ отвлеченной, слишкомъ идеалистической для практичнаго запада мирной политики? Вѣдь тогда, въ эпоху 1916-1917 годовъ не только безсовѣстный перевертень Кашенъ, вернувшись изъ Италіи, гдѣ добивался отъ соціалистовъ участія въ войнѣ, требовалъ у Бріана съ трибуны парламента отрицательнаго отвѣта на знаменитое воззваніе «о мирѣ безъ побѣдителей» Виль-

сона, а затѣмъ поѣхалъ въ Россію выплакивать на нашихъ жилетахъ продолженіе войны до «побѣдоноснаго конца». Нѣтъ, тогда (да и потомъ до самого конца) самые непримиримые и честные соціалисты — пацифисты твердо стояли на позиціи Національной обороны. — «Во время войны никто еще не подымалъ голоса противъ національной обороны, — пишетъ безупречный лѣвый, членъ Вѣнскаго Объединенія Прессманъ. — Всѣ представители меньшинства были въ этомъ согласны. Подтвержденіе ихъ вѣрности принципу національной обороны вы найдете во всѣхъ ихъ статьяхъ, рѣчахъ и резолюціяхъ конгрессовъ. Даже тѣ, кого звали тогда кіентальцами, не расходились въ этомъ вопросѣ съ остальными. Всѣ — отъ Бризона, который въ Циммервальдѣ боролся съ точкой зрѣнія большевиковъ, до Рафэнъ-Дюженя, который публично заявилъ, что онъ подалъ бы свой голосъ, если бы только этого голоса не хватало для проведенія въ палатѣ военныхъ кредитовъ. То же самое я установилъ соотвѣтствующими фактами по отношенію къ Суварину и, конечно, всѣ согласятся со мной, что это еще легче было бы сдѣлать по отношенію къ Фроссару, нынѣшнему генеральному секретарю французской коммунистической партіи» *). Къ этому списку я бы отъ себя могъ добавить Жана Лонге, котораго наблюдалъ на сентябрьской междусоюзнической соціалистической конференціи 1918 года, когда онъ обращался къ знаменитому своей «реакціонностью» Гомперсу съ словами далеко несоотвѣтствовавшими бѣлоснѣжности его «интернаціоналистическихъ» одеждъ, въ которыя онъ облекся послѣ перемирія.

Такъ было тогда, во время войны, во Франціи. Такъ было въ Англіи, Германіи, Италіи, не говоря уже о растерзанной Бельгіи. Надо смотрѣть правдѣ прямо въ глаза. Тѣхъ, кого въ Россіи принимали тогда за выразителей истинныхъ мнѣній международнаго революціонаго пролетаріата, въ дѣйствительности представляли мнѣнія ничтожнѣйшихъ меньшинствъ среди меньшинства соціалистической оппозиціи Запада. Война въ Европѣ была не войной правительствъ, а борьбой народовъ, борьбой не на животъ, а на смерть. Тамъ пролетарскія массы чувствовали, а ихъ вожди сознавали, что «международная солидарность рабочихъ въ защитѣ ихъ общихъ интересовъ противъ капитализма, какъ пишетъ тотъ-же Прессманъ, не исключаетъ, однако, чувства солидарности между людьми одной и той же націи, когда ихъ общіе интересы и права подвергаются опасности извнѣ» **).

Во всей Европѣ среди великихъ государствъ не было страны, право на оборону которой не было бы болѣе оправдано, чѣмъ Россіи, ибо, какъ еще въ 1915 г. доказалъ будущій сотрудникъ большевиковъ Н. Н. Сухановъ, наша родина не имѣла никакихъ агрес-

*) Le Populaire № 275 — 1922 г.
**) Le Populaire № 277 — 1922 г.

сивныхъ капиталистическихъ цѣлей въ этой міровой войнѣ. Мы не могли бросить оружія не предавая Родины, не измѣняя революціи!

И несмотря на Тарнопольскій прорывъ, несмотря на іюльское большевистское возстаніе, несмотря на Корниловскій мятежъ, на весь развалъ тыла, февральская революція побѣдила бы своихъ противниковъ въ вопросѣ о мирѣ, а слѣдовательно побѣдила бы во всемъ остальномъ! Австрія не выдержала — она должна была во что бы то ни стало выйти изъ боя. За ней послѣдовала бы Болгарія, гдѣ наши агенты вели соотвѣтствующую работу. Къ октябрю Австрія рѣшила вступить съ нами въ переговоры о мирѣ. Мы были у якоря спасенія... Но рѣшеніе Вѣны стало извѣстно Берлину. И пока австрійское предложеніе шло къ Временному Правительству, во имя «мира» въ спѣшномъ порядкѣ вспыхнула такъ наз. октябрьская революція. Началось возстаніе, сорвавшее «мирную политику» мартовской революціи наканунѣ ея торжества. Началось возстаніе, бросившее растерзанную Россію въ хаосъ кровавыхъ смутъ и внѣшнихъ войнъ. Началось возстаніе, продлившее міровую бойню еще на долгіе мѣсяцы... «Октябрьской революціей» щедро расплатились большевики за свои тридцать серебренниковъ!..

Да, армія, земля, миръ, — это были, поистинѣ, три нечеловѣческія задачи, которыя должна была разрѣшить Февральская Революція, но она должна была ихъ разрѣшать, обороняя страну отъ жесточайшихъ ударовъ закованнаго въ броню всей современной техники врага и защищая едва родившуюся свободу отъ безумнаго натиска внутренней анархіи, шкурничества и измѣнъ.

Да, эта тройная задача — возстановленіе въ три дня распавшагося государственнаго аппарата, революціоннаго преобразованія всего политическаго и соціальнаго уклада страны и борьба за внѣшнюю независимость Родины — эта задача оказалась свыше силъ едва освободившагося и переутомленнаго трехлѣтней войной народа. Но развѣ эту жуткую трагедію цѣлой націи можно объяснить, можно понять, слагая всю отвѣтственность на жалкую кучку какихъ то кунктаторовъ и сводя все къ какому-то анекдоту о чудакахъ «зацѣпившихся за пень» столь ненавистной нынѣ коалиціи.

Повторяю, безконечно много было всевозможныхъ ошибокъ, промашекъ въ дѣятельности всѣхъ тѣхъ, кого судьба толкнула тогда въ самую гущу революціи. Этихъ ошибокъ и не могло не быть. Онѣ всегда бываютъ въ началѣ всякой революціи, въ началѣ всякаго новаго періода государственной жизни, ибо новымъ людямъ въ неожиданныхъ условіяхъ приходится, создавая свое новое, расплачиваться за столѣтія чужихъ грѣховъ и прегрѣшеній, платить за чужія протори и убытки.

Но вѣдь нужно же, наконецъ, на разстояніи пятилѣтія, отдѣляющаго насъ отъ величайшаго мига русской исторіи, нужно же, наконецъ, изъ за деревьевъ всѣхъ этихъ переходящихъ мелочей увидѣть самый то лѣсъ — самую суть исторической драмы, закончившейся временной побѣдой демагогической реакціи надъ революціей — единственной, ибо никакой новой революціи въ октябрѣ не было. Нужно же, наконецъ, понять, что не въ медлительности «политическихъ трезвенниковъ», т. е. революціонныхъ государственниковъ, нужно искать причину того, что «вышедшая изъ терпѣнія стихія» ударилась «во всѣ тяжкія октябрьской революціи». Я утверждаю, что Февральская Революція не только не медлила въ своемъ стремленіи удовлетворить революціонное нетерпѣніе массъ, но что она въ этомъ своемъ стремленіи подошла къ самому краю пропасти. Въ той исторической обстановкѣ, въ условіяхъ военнаго времени больше дать государство, хотя бы сто разъ революціонное, народнымъ массамъ не могло. Мы были на предѣлѣ, за чертой котораго былъ уже хаосъ, закружившій въ огненной пляскѣ Россію послѣ октября. Ту стихію, которая кинулась во всѣ тяжкія большевистской реакціи, не могли удовлетворить никакія другія уступки кромѣ тѣхъ щедрыхъ даровъ, которыми влекли ихъ за собой Ленинскіе демагоги-агитаторы: похабный миръ, безстыдный грабежъ и безграничный произволъ надъ жизнью и смертью всякаго, кого угодно будетъ темной толпѣ назвать «буржуемъ».

Неужели же теперь, когда сама трезвѣющая стихія все больше и больше сознаетъ, какъ безстыдно обманули ее, надругались надъ ней большевики, разбудивъ въ ней звѣря; неужели и теперь, когда въ самыхъ темныхъ низахъ все чаще вспоминаютъ о 1917 годѣ и къ февралю возвращаются разумъ и совѣсть народная, неужели теперь мы сами начнемъ повторять эти, навсегда ушедшіе въ небытіе, ударные лозунги изъ большевистскихъ листовокъ лѣта 1917 года: — а почему землю не дѣлятъ; почему мира не заключаютъ, зачѣмъ вмѣсто свободы «декларацію солдатскаго безправія» объявляютъ и т. п.

Еще разъ, трагедія 1917 года была не въ государственности революціи, а въ томъ, что въ ураганѣ военнаго лихолѣтія въ одинъ мутный потокъ смѣшались двѣ стихіи — стихія революціи, которой мы служили, и стихія разложенія и шкурничества, на которой играли большевики вмѣстѣ съ германскими агентами. Величайшее несчастіе заключалось въ томъ, что издавна привыкнувъ съ перваго взгляда опознавать обычную реакцію въ «мундирѣ», генерала на «бѣломъ конѣ», многіе вожди революціи и сама ихъ армія не смогли во-время распознать самого своего опаснаго, упорнаго и безжалостнаго врага — контръ революцію, перерядившуюся въ рабочую блузу, въ солдатскую шинель, въ матросскую куртку.

Привыкли ненавидѣть представителей «стараго міра», но не сумѣли со всей страстью революціонеровъ во-время возненавидѣть гнуснѣйшихъ разрушителей государства, безсовѣстныхъ поработителей трудящихся! Привыкнувъ долгія десятилѣтія видѣть государство олицетворенномъ въ царскомъ жандармѣ, стыдились подъ напоромъ анархической демагогіи своей революціонной государственности, стыдились поддерживать авторитетъ своей Власти, пока не оказались въ государственныхъ тюрьмахъ подъ высокой рукой воскресшихъ жандармовъ-чрезвычайщиковъ.

И вотъ теперь, когда съ совершенной ясностью вскрылся весь дьявольскій обманъ большевистской «революціонности» и ленинской «коммунистической» государственности; когда вмѣсто дымящихся головешекъ октябрьской реакціи, нужно снова зажигать яркіе ослѣпительные маяки — свободы и права, труда и соціальной справедливости, жертвенной любви къ Родинѣ и государственности; — когда пришло время звать народъ къ этимъ маякамъ февраля — теперь эти маяки хотятъ загасить въ братоубійственной распрѣ, возлагая на измышленныхъ кунктаторовъ всѣ «ошибки» цѣлой эпохи и оправдывая невольно ихъ медленностью большевистскій «скачекъ въ неизвѣстное». Опять берутъ слово — государственность — въ ироническія ковычки, забывая, что уже и такъ горькую чашу невыносимыхъ страданій и испытаній выпила Россія за эти проклятыя ковычки.

Зачѣмъ же все это дѣлается? Зачѣмъ понадобилось искать козловъ отпущенія за собственныя прегрѣшенія, за ошибки всей революціи? Оказывается, это нужно потому, что старые грѣхи 1917 года мѣшаютъ сейчасъ «созданію единаго революціоннаго фронта. Не надо забывать, говоритъ «Революціонная Россія», что тяжелой гирей на центровыхъ элементахъ соціализма доселѣ висятъ ихъ ошибки въ прошломъ, ихъ кунктаторство, ихъ топтаніе на одномъ мѣстѣ вынуждено связью съ правымъ крыломъ, — связью, которой трудно было избѣжать въ виду бѣшенаго натиска совершенно безумныхъ элементовъ слѣва. Эти ошибки еще нужно загладить».

Прежде всего, о какихъ «центровыхъ элементахъ соціализма» идетъ здѣсь рѣчь? Очевидно, только о русскихъ, ибо небезизвѣстно, что «центровые элементы» Запада медленно, но вѣрно отходятъ отъ своихъ недавнихъ большевистскихъ увлеченій, стремятся сбросить съ себя «тяжелую гирю» именно этихъ «ошибокъ» и все смѣлѣе выходятъ къ линіи англійской Labour Party.

Передъ кѣмъ же русскіе «центровые элементы соціализма» должны загладить свои ошибки въ прошломъ? Передъ всей страной за недостаточную энергію въ отстаиваніи въ прошломъ новой государственности отъ натиска «варваровъ» слѣва? Нѣтъ, ибо тогда не было бы обвиненія въ трезвенности, въ кунктаторствѣ. Передъ крестьянствомъ, которое лютой ненавистью ненавидитъ все

и вся, что напоминаетъ коммуниста? Нѣтъ, ибо, во первыхъ, всѣ эти ошибки центровыхъ элементовъ для него темная вода «во облацѣхъ небесныхъ», а во вторыхъ «по отношенію къ распыленной, разсѣянной, атомистически безсвязной деревенской Руси» руководящую роль будетъ «по прежнему играть городъ». А въ городѣ, конечно, пролетаріатъ — «самый сплоченный, самый отзывчивый элементъ населенія».

Задача и заключается въ томъ, чтобы, загладивъ ошибки, очистившись отъ всѣхъ этихъ «правыхъ элементовъ», отъ всѣхъ «политическихъ трезвенниковъ, то бишь государственниковъ» — «вести самую упорную идейную борьбу съ большевиками за сердца и умы»... всѣхъ рабочихъ, скажете вы?! Нѣтъ. Сама пролетарская масса «дезорганизована», но за то въ ней есть небольшой процентъ упрямыхъ энтузіастовъ. «Эти энтузіасты» — самые энергичные волевые, дѣйственные элементы, задающіе тонъ всѣмъ остальнымъ. «Эти энтузіасты» не дрогнули... они неизмѣнно становятся въ первыхъ рядахъ красныхъ бойцовъ за существующій режимъ». И пока это такъ, «сплошь и рядомъ не будетъ подниматься рука на этотъ режимъ у многихъ такихъ элементовъ массы, которые всѣмъ своимъ существомъ и всей логикой положенія влекутся на борьбу противъ него».

Вотъ этихъ-то «красныхъ бойцовъ» необходимо во чтобы то ни стало увлечь прочь отъ большевиковъ въ станъ очистившихся отъ всякія скверны «центровыхъ элементовъ соціализма». Для нихъ нужно зажечь «новые маяки, яркіе и ослѣпительные, а не дымящіяся головешки» старыхъ нашихъ лозунговъ. Но какіе новые маяки ослѣпительнѣе большевистскихъ призывовъ осени 1917 года можно изобрѣсти? Что можно еще обѣщать «несбыточнѣе», «огненнѣе», революціоннѣе? — ничего. По истинѣ, такая цѣль — овладѣть умами этихъ вѣрныхъ Ленину «красныхъ бойцовъ» — безсмысленныя мечтанія.

Есть двѣ категоріи этихъ бойцовъ. Одни — безкорыстные идейные коммунисты, настоящіе фанатики пролетарской диктатуры въ ея нынѣшнемъ видѣ, вѣрящіе въ новое соціалистическое Царствіе Божіе, уже осуществленное Ленинымъ на землѣ. Эти — погибнутъ на боевыхъ постахъ, сгорятъ на кострахъ, но «отъ писанія» не откажутся. Въ этихъ обреченныхъ послѣдняя ставка московскихъ диктаторовъ, съ которыми они и погибнутъ, если, конечно, во время не предадутъ. Никакіе чужіе маяки, хотя бы яркіе, какъ звѣзды небесныя, такихъ «бойцовъ» никуда не увлекутъ.

Есть еще другіе — просто властолюбивые, честолюбивые, первобытные классовики, Марковы-Валяй на изнанку. Имъ плевать на всѣ соціализмы вмѣстѣ взятые, но имъ нравится быть «господами жизни». Имъ нравится, когда «за пролетарское про-

исхожденіе» ихъ выпускаютъ на волю за то, за что «бывшихъ буржуевъ» и простыхъ крестьянъ разстрѣливаютъ. Это они комиссарствуютъ въ красной арміи и гонятъ во славу пролетарской диктатуры на убой мобилизованную «святую скотинку», согнанную съ разныхъ концовъ «распыленной деревенской Руси». Это они вмѣстѣ съ фанатиками коммунистами неистовствуютъ въ чрезвычайкахъ, но только тѣ безкорыстно, а эти и себя не забываютъ. Это они такъ же, какъ въ четвертой Государственной Думѣ Замысловскіе и Марковы, гогочутъ при разсказахъ о пыткахъ и истязаніяхъ въ ленинскихъ застѣнкахъ. Этихъ тоже никакими новыми маяками не проймешь! Эти первобытные классовики, такое же зло, такая же проказа для государства, для націи, какъ и отошедшіе въ вѣчность доблестные представители «объединеннаго дворянства».

Строить новые маяки для красныхъ бойцовъ — фанатиковъ безсмысленно, для валяй-Марковыхъ отъ пролетеріата — постыдно. А если, какъ утверждаетъ «Революціонная Россія», существованіе преданныхъ большевистской диктатурѣ рабочихъ «держитъ въ сферѣ притяженія коммунизма многихъ идейныхъ людей изъ интеллигенціи, въ частности изъ молодежи, которая не можетъ жить безъ потрясающихъ утопій» . . . — то этимъ идейнымъ интеллигентамъ и молодымъ утопистамъ нужно, наконецъ, разъяснить, что слѣдуетъ служить идеямъ, а не создавать себѣ идоловъ, хотя бы они и назывались «рабочими и работницами»; что нужно быть не съ тѣми рабочими, которые разстрѣливаютъ и сажаютъ въ тюрьмы, а съ тѣми, которые этимъ операціямъ подвергаются. Пора этихъ юношей, гоняющихся за «потрясающими утопіями» вернуть къ не менѣе потрясающей дѣйствительности захлебывающейся въ крови, гибнущей среди голода и нищеты, брошенной подъ пяту хищника иностранца, страны которая и для этихъ юношей все таки . . . Родина.

Неужели спасеніе и освобожденіе Россіи невозможно, пока не превратятся въ эсеровъ или меньшевиковъ послѣдніе «красные бойцы» Ленина, пока не выйдутъ вмѣстѣ съ ними изъ «сферы притяженія коммунизма» послѣдніе бородатые и безбородые утописты? Неужели для уловленія этихъ послѣднихъ могиканъ обреченнаго режима, нужно передъ кѣмъ-то заглаживать свои ошибки, приносить въ жертву свое единство?! Неужели для нихъ нужно отшвырнуть отъ себя свое прошлое, всю традицію Великой Революціи, какъ дымящіяся головешки и возжечь новые маяки изъ перепѣвовъ большевистской демагогіи!

Нѣтъ, пусть назовутъ меня варваромъ и трижды предадутъ отлученію, я останусь у старыхъ маяковъ, къ которымъ еще вернется Россія!

„Современныя Записки" 9кн, 1922 г.

Значительныя строки.

(Сергѣй Булгаковъ — На пиру Боговъ. Собраніе діалоговъ. Стр. 118. Росс.-болгарское книг. 1921 года).

Маленькая книжечка — исключительная по своему содержанію! Издана только теперь, но написана еще въ апрѣлѣ—маѣ 1918 г. въ Москвѣ.

Однако, за исключеніемъ нѣкоторыхъ злободневныхъ длиннотъ (о церковномъ соборѣ) и анахронизмовъ (все связанное съ движеніемъ «побѣдоносной Германіи вглубь Россіи») книжечка полна непереходящаго интереса, остраго, глубокаго и волнующаго. Взявъ ее въ руки, нельзя оторваться отъ этихъ маленькихъ страничекъ, нельзя не перелистать ихъ вновь и вновь.

Пятеро избранныхъ представителей старой культурной, если хотите «цензовой» Россіи, ведутъ между собой бесѣду о современной Россіи. Въ разговорѣ участвуетъ «бѣженецъ», безвѣстный русскій человѣкъ, «взыскующій града», незамѣтно дающій направленіе бесѣдѣ, заключающій ее, превращающій русскій вопросъ въ міровую мистическую проблему.

Разговоръ идетъ о войнѣ, о гибели Россіи, о ея грядущемъ возрожденіи, о революціи, о русскомъ національномъ сознаніи, объ интеллигенціи и соціализмѣ, о вѣрѣ народной и церкви православной. Всего пять разговоровъ — діалоговъ, начинающихся глубокимъ отчаяніемъ разгрома и переходящихъ въ заключеніи въ волнующее предчувствіе воскресенія России — «Христосъ Воскресе»!

Кромѣ «бѣженца» въ діалогахъ участвуютъ слѣдующія лица:— «Общественный дѣятель», если не кадетъ, то во всякомъ случаѣ кадетствующій либералъ, въ свое время «освобожденецъ»; потомъ участникъ прогрессивнаго блока, всегда дѣлавшій оппозицію, а затѣмъ и революцію, «пріявшій войну до побѣдоноснаго конца» до креста на св. Софіи, а нынѣ раскаявшійся и проклявшій народъ —«скотъ» за его «хамство» и «предательство» въ революціи. «Боевой генералъ»—олицетвореніе старой служилой Россіи; грезящій о возстановленіе монархіи; изступленно проклинающій и ненавидящій всякую революцію и въ особенности «революцію кадетскую», т. е. европейскій либерализмъ; открыто предпочитающій изъ всѣхъ золъ худшее — большевистскую, истинно русскую «сарынь на кичку»; слѣпо вѣрящій, что возродится Россія, когда вернется народъ къ «вѣрѣ, царю и отечеству».

«Дипломатъ» — совершенно европеизированный русскій; представитель трезваго умѣреннаго и аккуратнаго радикализма, отрицающій всякую «самобытность» русскую, всякое славянофильство, иронизирующій надъ всечеловѣчностью и мистической религіозностью русской души, но дающій самый проникновенный

анализъ россійскаго краха, съ безпощадной правдивостью ставящій всѣ точки надъ і; онъ безстрастно вскрываетъ всѣ источники россійскаго развала, подчеркивая всю отвѣтственность въ этой катастрофѣ командующихъ классовъ.

«Извѣстный писатель» — славянофилъ; одинъ изъ тѣхъ, кто прошелъ весь путь отъ матеріализма до идеализма, отъ научнаго соціализма до религіозной общественности; кто разорвалъ съ демократіей, но не потерялъ вѣру (нынѣ «мистическую») въ народъ и чувство кровнаго родства своего съ русской интеллигенціей. Наконецъ, «свѣтскій богословъ», — клерикалъ, какъ онъ самъ себя называетъ; новый для Россіи типъ общественнаго дѣятеля, вѣрящаго, что только въ освобожденной отъ цезарепапизма православной церкви источникъ спасенія русскаго народа и возрожденія Россіи.

Недостатокъ мѣста не позволяетъ намъ остановиться на содержаніи діалоговъ такъ подробно, какъ они того заслуживаютъ. Мы можемъ сдѣлать здѣсь только нѣсколько болѣе или менѣе случайныхъ выписокъ, дабы возбудить стремленіе въ каждомъ самому прочесть всю небольшую книжку Булгакова. Намъ кажется, что теперь, — когда самые культурные русскіе люди, измученные и истерзанные, стали слишкомъ сильно ненавидѣть, но слишкомъ мало и упрощенно мыслить; стали смотрѣть на великія событія русской революціи слишкомъ по обывательски, — имъ всѣмъ слѣдуетъ вспомнить, что мы «посѣтили міръ въ его минуты роковыя», что насъ «призвали всеблагіе, какъ собесѣдниковъ, на пиръ». Не даромъ авторъ эти стихи Тютчева дѣлаетъ введеніемъ къ діалогамъ! Мы — «на пиру боговъ» — объ этомъ не нужно забывать: «намъ, удостоеннымъ этого избранія, должны завидовать поколѣнія, жившія въ болѣе спокойной эпохѣ». (Стр. 115—116.)

Глубокимъ проникновеніемъ въ самую таинственную глубину развертывающихся въ Россіи событій авторъ подводитъ насъ, можетъ быть, какъ никто еще до сихъ поръ въ литературѣ, къ уразумнѣнію *всечеловѣческаго міpового смысла нашей революціи*. Прочтя діалоги, каждый, если не пойметъ, то, во всякомъ случаѣ, почувствуетъ, что 2-го марта 1917 г., не только Россія, но и весь культурный міръ, переступили за какую то историческую грань, вошли въ новую эпоху своего существованія; каждый почувствуетъ весь смыслъ словъ «дипломата»: — и день марта 1917 г. навсегда для меня останется свѣтлой датой» (стр. 29). А «генералъ», не только среди своихъ собесѣдниковъ, но и въ душахъ нашихъ останется совершенно одинокимъ со своимъ изступленнымъ поруганіемъ «этого проклятаго Богомъ дня».

Вообще, весьма характерно, что въ своей жаждѣ реставраціи самодержавія «генералъ» встрѣчаетъ единодушный отпоръ со стороны всѣхъ своихъ собесѣдниковъ. Самъ «бѣженецъ», (ближе всего отражающій мысли и настроеніе автора), присоединяется къ

словамъ «дипломата» — «дѣло монархіи безнадежно проиграно въ исторіи и надо имѣть мужество это признать и сдѣлать соотвѣтствующіе отсюда выводы. Русская революція наглядно показала, что монархическихъ чувствъ и въ русскомъ народѣ уже нѣтъ» (стр. 40.)

Правда, стоитъ прочесть второй діалогъ — «о революціи», — чтобы разъ навсегда отказаться отъ столь распространенныхъ нынѣ плоскихъ шаблонныхъ сужденій о ней и, не слѣдуя до конца за авторомъ въ его мистическихъ исканіяхъ сверхразумнаго смысла свершившагося — «чернаго чуда паденія мірового царства», — подойди къ революціи со всей пытливостью свободнаго и ищущаго человѣческаго ума!

Еще глубже идетъ анализъ автора въ оцѣнкѣ войны. Мы видимъ, какъ эта «освободительная» война «закономѣрно загнила и стала ужасающимъ источникомъ деморализаціи и озвѣренія». Дѣйствительно, «дѣтскими грезами» кажется намъ вся эта «маниловщина» о Царьградѣ, о «крестѣ на Айа-Софіи». И самъ «общественный дѣятель» признается, что теперь и онъ самъ удивляется «настроенію 1914 года — прямо какой то психозъ овладѣлъ» (стр. 10).

Развѣ не должно было бы быть ясно съ самаго начала войны, *чего* будетъ стоить она Россіи? — «Не могъ же я», говоритъ дипломатъ, «въ самомъ дѣлѣ допустить, чтобы дурно-управляемый, экономически отсталый народъ могъ выдержать съ честью испытаніе при столкновеніи съ наиболѣе мощнымъ изъ культурныхъ народовъ». «Дипломатъ» устанавливаетъ органическую причинную связь между «загнившей» войной и большевизмомъ. Здѣсь острый анализъ скептика-европейца сливается съ религіознымъ отрицаніемъ войны «бѣженца». — «Большевизмъ есть прямое наслѣдіе продолженіе войны, ея гніеніе, перешедше во внутрь. Это то и есть наилучшее обличеніе войны, всей ея преступности: мечтали о царьградской эпохѣ, а получили гражданскую войну и соціальную тиранію, отъ разбоя внѣшняго перешли къ разбою внутреннему. И есть жестокая жизненная правда въ томъ, что всѣ мы, герои тыла, изъ прекраснаго далека апплодировавшіе войнѣ, должны ее испытать на собственоной шкурѣ, платить чистоганомъ за свои почетныя кресла зрителей на спектаклѣ міровой исторіи. ...Чего таить: «въ звѣриномъ образѣ большевика противъ культа всеобщей солдатчины поднимаетъ мятежъ все таки человѣкъ» (стр. 25). Такъ говоритъ «дипломатъ», а «бѣженецъ»» вноситъ существенную поправку: не большевикъ, который самъ — воплощенная солдатчина, а «русская душа не вынесла надолго ига милитаризма и слава Богу! Нашъ народъ не любитъ войны, это фактъ» (26 стр.)

Нашъ народъ! «Это разбоничья орда убійцъ, предателей и грабителей, сверху до низу въ крови и грязи, во всякомъ хамствѣ

и скотствѣ», изступленно вопіетъ раскаявшійся либералъ «общественный дѣятель» (стр. 6).

«Наша вѣра умерла и поругана, — продолжаетъ онъ (стр. 48). Нѣтъ болѣе русскаго народа. Видѣла ли исторія такое оподленіе цѣлаго народа?! Пусть злодѣи и убійцы получатъ должное возмездіе. Ненавижу я ихъ всѣми силами души и плюю имъ въ наглую, мерзкую соціалистическую харю»!

А сколько бродитъ теперь по лицу земли такихъ раскаявшихся и возненавидѣвшихъ свой народъ русскихъ гражданъ — подлинныхъ эмигрантовъ! Ибо эмигрантъ тѣмъ и отличается «отъ бѣженца», что «теряетъ чувство родины, чувство земли» (стр. 115). Эмигрантъ это — «отщепенецъ». А что можетъ быть большимъ отщепенствомъ, чѣмъ оплеваніе своего собственнаго народа?! Всѣмъ этимъ бывшимъ людямъ вмѣстѣ съ «общественнымъ дѣятелемъ», всѣмъ этимъ маловѣрамъ жестокій, но справедливый отпоръ даетъ «дипломатъ»:—«Сначала въ ноги бухаютъ, потомъ же сѣкутъ, какъ дикари своего божка. Недавно еще мечтательно поклонялись народу-богоносцу, а когда народъ пересталъ бояться барина, да тряхнулъ во-всю, вспомнилъ свои пугачевскія были... тутъ началось разочарованіе. Конечно, народъ нашъ теменъ и дикъ, это всѣмъ извѣстно... Воспитаніе свое онъ проходилъ въ виттевскихъ университетахъ — казенкахъ этихъ подлыхъ. да въ курныхъ избахъ или фабричныхъ клоповникахъ. Чего же Вы хотите? И въ предъявляемомъ Вами историческомъ счетѣ я вижу, прежде всего, несправедливость. Онъ долженъ быть обращенъ къ культурному классу, не исполнившему своей «просвѣтительной миссіи» (стр. 49)...

Послѣ барской хулы на душу народную нельзя безъ волненія читать вдохновенную исповѣдь «писателя»-идеалиста: «Но вѣрую, какъ и прежде, что черезъ русскій народъ придетъ спасеніе міру... Вѣрую въ святую, богоносную русскую землю, хотя и поруганную, и оскверненную братской кровью, но хранящую святыни русскія. Чѣмъ ночь темнѣй, тѣмъ звѣзды ярче! Вы не спорите, вѣдь, о томъ, сколько великодушія. самоотверженія и доблести явила Русь во время войны. Но являетъ она ихъ также и теперь, при этомъ царствѣ тьмы... Пессимизмъ теперешній есть порожденіе растерянности и малодушія, есть измѣна» (стр. 57).

А «бѣженецъ» тоже чувствуетъ извѣчную красоту души народной и въ современномъ ея потемнѣніи онъ чуетъ «какой то мистическій заговоръ противъ Россіи, словно за русскую душу борются рати духовныя»...

Развѣ не ближе намъ въ тысячу разъ это — по ироническому выраженію «дипломата-скептика» — «мистическое заговариваніе зубовъ», чѣмъ духовная вылощенность оторваннаго отъ народныхъ стихій либерализма?

А вотъ и поистинѣ мудрыя слова «бѣженца» по поводу нуднаго хныканья «общественнаго дѣятеля» о томъ, что — всѣ инородцы имѣютъ національное самосознаніе. Они самоопредѣляются... а у насъ вѣдь нѣтъ ничего: ни родины, ни патріотизма, ни чувства самосохраненія даже»...» (стр. 52). —«Простите, отвѣчаетъ «бѣженецъ», но я въ этомъ отсутствіи самого вкуса къ провинціализму, въ неумѣніи и нежеланіи устраиваться своимъ маленькимъ міркомъ, какою нибудь тамъ самостійностью, вижу, всетаки, печать величія нашего народа и его духовнаго превосходства. Единственный въ мірѣ народъ вселенскаго сознанія, чуждый національзма».

Но если въ одиночествѣ остается либералъ со своей хулой на народъ, то наоборотъ суровый приговоръ единогласно всѣми собесѣдниками выносится интеллигенціи русской и соціализму. «Во всей буржуазно-капиталистической цивилизаціи самая буржуазная вершина — это соціалистическое вѣроисповѣданіе господъ соціалъ-буржуевъ, открыто провозглашающихъ единственнымъ началомъ жизни — брюхо. Соціализмъ есть глубочайшее духовное паденіе и убожество, это — ядъ буржуазнаго строя, вошедшій во внутрь, отравившій душу. Классовые интересы, жадность и злоба, какъ единственный рычагъ человѣческихъ отношеній — да это хуже каннибализма». (67 стр.). Такъ говоритъ «генералъ». И, собственно говоря, — если не считать слабыхъ попытокъ «дипломата» и «общественнаго дѣятеля» защищать подлинный культурный европейскій соціализмъ отъ его россійскаго варварскаго перевода, — то всѣ собесѣдники видятъ въ соціализмѣ наиболѣе полное выявленіе *матеріализма* и именно поэтому его ненавидятъ. «Свѣтскій богословъ» резюмируетъ это мнѣніе. — «Я такого низкаго мнѣнія о духовной сущности соціализма, что даже отрицаю за нимъ способность имѣть кризисы. Соціальныя революціи, вообще, буржуазны по природѣ... А такъ какъ мѣщанство, вообще, бездарно и безплодно, то такова же и соціальная революція». (82 стр.) Конечно, именно, въ большевизмѣ съ его грубымъ матеріалистическимъ примитивизмомъ они всѣ видятъ вершину соціалистическихъ достиженій. «Ему выпала на долю печальная роль обличенія соціализма, какъ ни мало походитъ всероссійское хамство на соціализмъ» (стр. 69).

Явное, кричащее противорѣчіе! Если «ни мало не походитъ», то какъ же можетъ обличать то, съ чѣмъ не имѣетъ ничего общаго?! Тутъ Ахиллесова пята разсужденій Булгакова о соціализмѣ. Ибо не позволила совѣсть автора, бывшаго марксиста, уподобиться библейскому Хаму и посмѣяться надъ наготой отца своего! Большевимъ—историческій эпизодъ. Соціализмъ—великое религіозное ученіе о совершенномъ матеріальномъ и духовномъ освобожденіи человѣка! Инквизиція и Распутинство — не христіан-

ство, а соблазнительное для маловѣрныхъ историческое, временное искаженіе вѣчныхъ истинъ Христа. «Дьявольское искушеніе», — сказалъ бы самъ мистикъ. Такъ и большевизмъ, а, можетъ быть, и вообще марксизмъ, слишкомъ связавшій себя съ матеріалистическими теченіями въ философіи. Но авторъ знаетъ, что еть *другой* соціализмъ, приходящій къ практической программѣ всесторонняго раскрѣпощенія человѣка *другимъ путемъ,* не возводя въ альфу и омегу существованія человѣка его — брюхо.

Отожествленіе большевизма съ соціализмомъ заводятъ автора въ тупикъ. Ибо онъ не даетъ отвѣта, почему же «отравленная соціализмомъ русская интеллигенція «жила и живетъ вѣрой» (стр. 76) и вся проникнута «жертвенностью, этой неумирающей красотой ея духовнаго образа»?! (стр. 79).

Да, интеллигенція, дѣйствительно, переживаетъ «жесточайшій кризисъ». Но выходъ изъ этого кризиса не только въ томъ, чтобы «безбожная, соціалистическая» ея часть произвела переоцѣнку всѣхъ своихъ цѣнностей, но и въ томъ, чтобы культурные противники ея *заново продумали и просмотрѣли все свое отношеніе къ соціализму*. Только тогда будетъ возможенъ тотъ новый *синтезъ* русской, а, слѣдовательно, и всечеловѣческой культуры, къ которому зоветъ «бѣженецъ». Чуетъ онъ, что «къ великой Красотѣ и свѣту Преображенія стремится стенающая тварь»! (стр. 85).

«Бѣженецъ» всѣмъ своимъ существомъ ощущаетъ глубокую связь россійскаго краха, русскаго духовнаго кризиса съ всеобщей, міровой катастрофой, изъ которой выйдетъ міръ обновленнымъ и воскрешеннымъ какой-то новой истиной, которая придетъ изъ Россіи... «Здѣсь сверкнетъ бѣлый лучъ мірового Преображенія» (стр. 112), сверкнетъ въ «русской церкви», которая, выйдя изъ своей національной уединенности и возстановивъ вселенную связь церквей западно-католической и восточной-православной, совершитъ это чудо.

Мы не можемъ послѣдовать за авторомъ въ его православныхъ мечтаніяхъ тѣмъ болѣе, что эти мечтанія завели автора на дѣлѣ лишь въ крымскій тупикъ Врангелевскаго мракобѣсія.

Но мы понимаемъ эту жажду грядущаго Преображенія! Ибо не можетъ же погибнуть въ этой крови и сквернѣ Родина наша! Какъ оно придетъ и откуда — мы не знаемъ... Но мы вмѣстѣ съ авторомъ повторяемъ: *Россія спасена,* ибо неизсякаемы источники Духа, Воли и Разума народа русскаго!

„В. Р." № 176 6 марта 21.